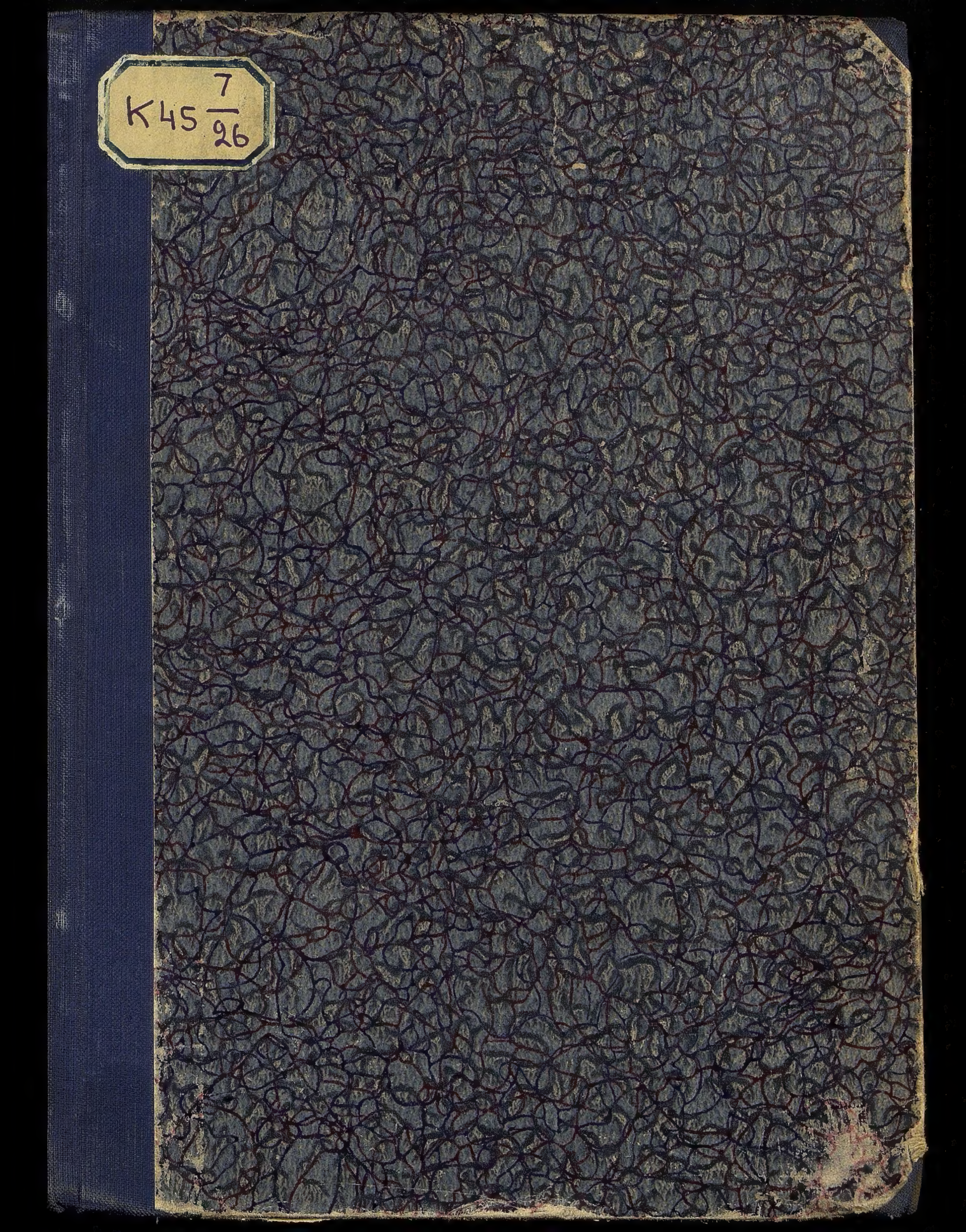

K 45 7/26

ЖЕНЩИНА

КАКЪ ЗАЛОГЪ

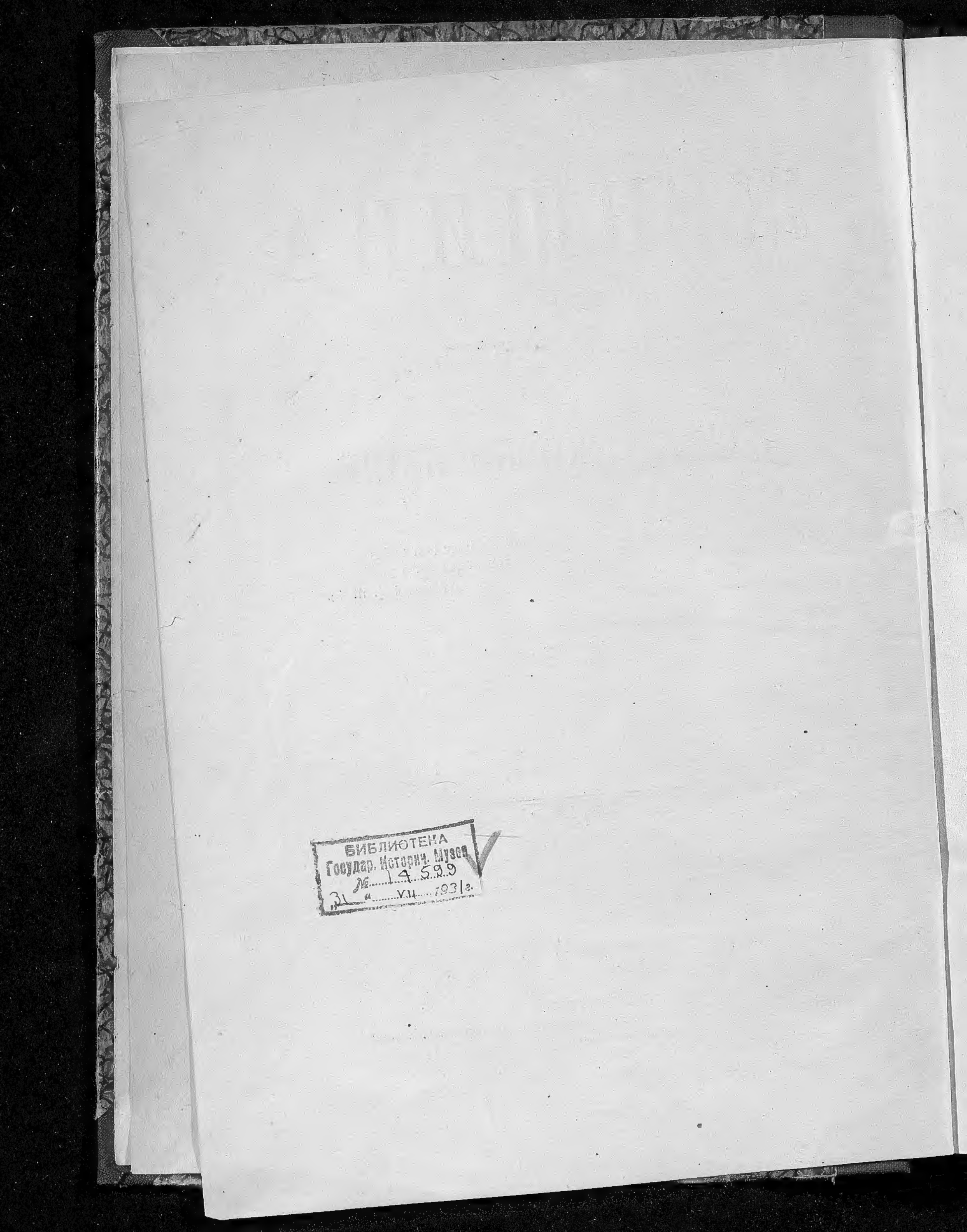
ПРОЧНОЙ ЖИЗНИ НАЦІИ.

Null est liber tam malus
Ut non aliqua parte prosit.
(Plinius d. j. III. 5).

К. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“,
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, № 39.
1896.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 14599
„31" VII 1931 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Qui proficit in litteris et deficit in moralis, plus deficit, quam proficit.

(Аристотель).

Въ данномъ трудѣ я затрогиваю вопросъ, который изъ вопроса о будущности націи, изъ вопроса государственнаго превращенъ въ модную тему для фельетоновъ и салонныхъ разговоровъ и, искаженный разными парадоксами до неузнаваемости, считается яко бы избитымъ и устарѣвшимъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности онъ все еще остается неразрѣшеннымъ вопросомъ, къ которому, незамѣтно для самихъ себя, пришли всѣ государства Европы и отъ удачнаго рѣшенія котораго главнымъ образомъ зависитъ прочность дальнѣйшаго существованія націй и государствъ.

Искаженіе и превращеніе его въ вопросъ моды настолько отдалилъ его отъ дѣйствительнаго значенія для государства, что, для установленія его на надлежащую почву, мы принуждены прослѣдить не только въ исторіи среднихъ вѣковъ и древняго міра, но, насколько это возможно, и въ жизни народовъ, переживающихъ еще доисторическую эпоху, какимъ образомъ первоначально сложилась семья, и какъ развилась въ настоящую форму патріархальной семьи. Только тогда мы въ состояніи будемъ опредѣлить дѣйствительное значеніе женщины какъ гражданки и матери.

Исторія и важнѣйшіе моменты ея, касающіеся нашего вопроса, лучше всего выясняютъ значеніе, которое имѣетъ прочно установленное равновѣсіе умственнаго развитія половъ на прочность существованія націи, указывая намъ, какъ съ нарушеніемъ этого равновѣсія подрывалась и прочная основа націи. Поэтому необходимо прослѣдить здѣсь въ сжа-

томъ видѣ исторію развитія женщины въ сравненіи съ развитіемъ мужчины и послѣдствія отъ нарушенія равновѣсія этихъ отношеній не только въ древнемъ Римѣ и Греціи, но также и во Франціи и Германіи, служившихъ намъ примѣромъ умственнаго образованія.

Говоря здѣсь о Ликургѣ и его законодательствѣ, мы подразумѣваемъ не одно лишь имя историческаго лица, а личности, въ которой преданіе олицетворило цѣлый періодъ общественнаго развитія. То же самое и съ именемъ Гомера, съ которымъ соединено древнѣйшее поэтическое творчество грековъ, героическій эпосъ. Законы, приписываемые Ликургу, либо существовали уже въ зародышѣ до него, либо развились впослѣдствіи и притомъ въ теченіе долгаго времени. Точно также же и преданіе о Ромулѣ, какъ объ основателѣ Рима, сложилось уже впослѣдствіи, когда мѣстныя названія и религіозныя представленія подали къ тому поводъ и миѳическое имя его сдѣлалось собирательнымъ для извѣстнаго періода, въ которомъ сложившееся до этого времени обычное право римлянъ приняло болѣе опредѣленныя формы законодательства.

Вопроса о способности женщины къ интеллигентному умственному труду я здѣсь и не затрогиваю, считая его вполнѣ рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ самой жизнью и никакими яко бы научными истинами не опровергнутымъ. Не останавливаюсь также и на, такъ называемой, «психологіи женщины», столь излюбленной темѣ модныхъ писателей, потому что и сама психологія есть лишь выводъ психической жизни послѣднихъ поколѣній, слѣдовательно наука періодическая, могущая дать намъ лишь плодъ послѣдняго болѣзненнаго періода и служить вспомогательной наукой для врача и въ особенности для педагога, но никакъ не установленной основой для правильнаго разрѣшенія вопроса о воспитаніи женщины. Не слѣдуетъ поэтому приписывать природнымъ свойствамъ ея тѣ психическія особенности, которыя развиты въ ней неестественными путями наслѣдственно.

Въ томъ положеніи, въ которомъ находилась женщина прежде, при вполнѣ изолированномъ образѣ ея жизни, сила внѣшней впечатлительности овладѣвала ею всецѣло, наполняя производимыми эффектами и всю работу или дѣеспособность ея разсудка. Но по мѣрѣ измѣненія соціальныхъ условій и большаго соприкосновенія женщины съ внѣшнимъ міромъ сила ея мышленія эмпирически развивалась, вслѣдствіе чего и сила впечатлительной воспріимчивости те-

перъ уже не въ состоянии наполнить всю дѣятельность ея мышленія. Послѣднее эмпирически развилось на столько, что, воспринявъ эффектъ внѣшняго впечатлѣнія, даетъ еще излишекъ дѣеспособности, который идетъ въ помощь либо интеллектуальной и нравственной силѣ женщины, либо ея животнымъ инстинктамъ. Первое является при правильномъ развитіи разсудочной силы женщины, второе—въ случаѣ предоставленія этой силы самой себѣ.

Вотъ почему въ настоящее время ставить въ примѣръ то, что было пригодно и цѣлесообразно въ воспитаніи дѣвушки лѣтъ 20 тому назадъ на томъ лишь основаніи, что это было построено на строгихъ выводахъ психологіи, весьма неосновательно: главную задачу умственнаго развитія женщины составляетъ полное использованіе и той доли умственной работы, которая эмпирически образовалась въ видѣ прироста въ сравненіи съ предшествовавшимъ поколѣніемъ въ силу соприкосновенія съ внѣшней жизнью, прогрессирующей въ своемъ развитіи. Задача педагогики и устанавливаемой ею системы умственнаго развитія женщины и должна быть всецѣло обращена на то, чтобы образовавшійся приростъ дѣеспособности женскаго разсудка использовать на интеллектуальное (душевное и умственное) ея развитіе до послѣдней частицы въ этомъ направленіи; въ противномъ случаѣ, какъ уже было сказано, этотъ приростъ легко можетъ уклониться въ сторону животныхъ инстинктовъ и послужить въ ущербъ развитію духовныхъ силъ націи.

Исторія прошлаго и нынѣ переживаемаго нами времени доказываетъ, что единственной прочной основой націй и государствъ является школа, дающая законченное образованіе мужчинѣ и женщинѣ; первому—согласно требованію мірового хозяйства и его личныхъ природныхъ способностей, второй—то же самое, но съ прибавленіемъ всего необходимаго для сознательнаго вступленія ея въ дѣйствительную жизнь. Подъ прогрессирующимъ давленіемъ международной экономической жизни и развившихся вслѣдствіе этого политическихъ интересовъ и обостренныхъ взаимныхъ отношеній между народами, все мужское развитіе сложилось къ наибольшему использованію его реальной, продуктивной способности и выработкѣ именно путемъ образованія конкурентоспособной силы въ міровой борьбѣ за существованіе и платежной силы для государства. Съ этой цѣлью исчерпаны почти всѣ мѣры въ педагогикѣ, придавая постановкѣ школъ все болѣе реальный характеръ. Въ этомъ направленіи муж-

ское образованіе скоро достигнетъ крайняго своего предѣла, перейдя который—значило бы дѣйствовать въ ущербъ производительнымъ силамъ націи, такъ какъ лишь незначительное число болѣе сильныхъ натуръ въ состояніи будетъ выдержать сверхъестественное напряженіе образовательной системы. Увеличеніе производительности отдѣльныхъ субъектовъ далеко не окупитъ той потери въ производительныхъ силахъ націи, которая явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ массы преждевременно надломленныхъ натуръ.

Та нація, которая своею производительною силою считаетъ только одного мужчину, а средствомъ увеличенія интеллектуальной производительности только одно мужское образованіе, съ достиженіемъ крайняго предѣла въ реальномъ развитіи мужчины въ то же время дойдетъ и до крайняго предѣла своей платежной способности. Такимъ образомъ, не будучи въ состояніи удовлетворять дальнѣйшимъ расходамъ, нужнымъ для охраненія ея цѣлости, нація и въ мировой борьбѣ за существованіе окажется первой по своей несостоятельности и будетъ осуждена сперва на потерю своей политической самостоятельности, а потомъ и на вымираніе, уступивъ свое мѣсто болѣе сильной соперницѣ. Наоборотъ, нація, сумѣвшая первая прочно поставить правильное и законченное образованіе женщины, крайнимъ предѣломъ реальнаго образованія мужчины далеко еще не обусловитъ крайняго предѣла использованія его интеллектуальныхъ производительныхъ силъ, такъ какъ вліяніе женщины на эти послѣднія будетъ не парализующее, какъ это въ сущности бываетъ при неправильной постановкѣ женскаго развитія, а, напротивъ, оживляющее. Женщина, получившая соотвѣтственное законченное образованіе, въ союзѣ со школьной подготовкой мужчины и жизненной его опытностью, сдѣлается сильнымъ импульсомъ наибольшаго использованія производительныхъ силъ его, а слѣдовательно и всей націи, и отодвинетъ крайній предѣлъ платежной способности націи на тысячелѣтія, обезпечивъ этимъ и прочное ея существованіе и первенство ея передъ другими, борющимися съ нею за существованіе.

К. В.

Исторія развитія патріархальной семьи и ея формы.

Gefährlich ist's den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn;
Jedoch das schrecklichste der schrecken
Das ist der Mench in seinem Wahn.
Schiller (Das Lied v. d. Glocke).

Богатый матеріалъ, добытый изслѣдованіями дикихъ и полудикихъ неисторическихъ племенъ и народовъ Африки, Австраліи, Индіи и Америки, показываетъ намъ, что и донынѣ существуютъ еще народы, переживающіе тѣ первоначальныя градаціи культурнаго развитія, по которымъ и нашимъ отдаленнымъ предкамъ пришлось пройти, прежде чѣмъ достичь настоящей степени цивилизаціи. Обстоятельство это даетъ намъ возможность прослѣдить ходъ развитія патріархальной семьи до того характера, который она приняла ко времени перехода ея въ періодъ историческій.

Было бы грубымъ заблужденіемъ предполагать, что какая либо раса или нація, дошедшая теперь до высшихъ ступеней культурнаго развитія, начала свое существованіе сразу въ видѣ «семьи». «Семья», въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ въ настоящее время, съ ея значеніемъ въ государственномъ строѣ, является результатомъ уже болѣе развитой, культурной жизни.

Первобытный образъ жизни. Изъ цѣлаго ряда картинъ, которыя даетъ намъ антропологія племенъ и расъ центральной Африки, Америки и Австраліи [1]), находящихся еще въ младенческомъ періодѣ человѣче-

[1]) *Karl Emil Jung.* Der Welteil Australien. Zeipz. 1882.—*D-r Paul Topinard.* Revue d'anthropologie, 1872, p. 313 и его же Etude sur les races indigènes de l'Australie. Paris, 1872.—*Aug. Oldfield.* On the aborigines of Australia въ Transactions of the Ethnological Society of London. III.

скаго развитія, мы видимъ, что между индивидуумами разныхъ половъ нѣтъ того сожительства, которое могло бы дать хоть первую основу для образованія «семьи». Эти дикія племена ведутъ такой образъ жизни, при которомъ женщины съ малолѣтними дѣтьми живутъ отдѣльными группами, самостоятельно заботясь о своемъ пропитаніи и враждебно относясь къ мужчинамъ, живущимъ, въ свою очередь, также отдѣльными группами. Однако враждебность женщинъ къ мужчинамъ одного и того же племени, возникающую вслѣдствіе борьбы между двумя полами изъ-за удовлетворенія животной чувственности мужчинъ, не должно смѣшивать съ основной враждебностью разныхъ племенъ между собою, при проявленіи которой оба пола одного племени тѣсно соединяются для общей защиты въ одну оборонительную или наступательную силу.

У племенъ, стоящихъ на такой низкой ступени культурной жизни, женщина по своей наружности почти ничѣмъ не отличается отъ мужчины [1]), а потому и не можетъ производить какое-либо впечатлѣніе на его чувственность; если къ этому прибавить, что у человѣка въ такомъ первобытномъ состояніи сила мышленія и духовная сторона его внутренней жизни еще вовсе не развита, то становится понятнымъ, что чувственныя ихъ сношенія ничѣмъ не отличаются отъ подобныхъ сношеній въ животномъ царствѣ. Сношенія эти, какъ и у животныхъ, совпадаютъ съ двумя періодами: весной и осенью [2]), при чемъ каждый разъ происходитъ та же борьба, какъ и у животныхъ, гдѣ самка противится самцу, насколько это въ ея силахъ [3]). Послѣ каждаго такого періода мужчина отдѣляется отъ женщины безъ всякаго дальнѣйшаго отношенія къ ней и къ приплоду. Эти чувственныя сношенія, какъ видно, допускаются только между полами одного племени, но при этомъ никакихъ субъективныхъ отношеній другъ къ другу не замѣчается, такъ что при каждомъ послѣдующемъ періодѣ сношеній сходящіеся индивидуумы не всегда бываютъ одни и тѣ

---

[1]) *Welfred Powell*. Unter den Kannibalen von Neubritanien. Drei Wanderjahre durch ein wildes Land. Leipzig 1884, s. 123.—*Desiré Charnay*. Les anciennes villes du Nouveau Monde. Paris, 1885, p. 399.

[2]) По статистическимъ даннымъ настоящаго времени то же явленіе замѣчается и у цивилизованныхъ народовъ, а именно: наибольшая цифра рождаемости соотвѣтствуетъ періодамъ наибольшаго зачатія плода—весной и осенью. Можно предположить, что практикуемый и у насъ въ народѣ обычай устраивать свадьбы весной и осенью отчасти ведетъ свое начало отъ той эпохи, и уже впослѣдствіи перешелъ въ простой обычай подъ вліяніемъ силъ природы въ связи съ экономическими условіями.

[3]) *Mantegazza*. Fisiologia del piacere, p. 39.

же. Въ данномъ случаѣ субъективный элементъ указываетъ уже на первые зачатки культурной жизни, какъ это наблюдается у нѣкоторыхъ племенъ [1]).

Ольдфильдъ, знатокъ обычаевъ племенъ западной Австраліи, свидѣтельствуетъ, что образъ жизни и чувственныя сношенія племени ватшанди нисколько не возвысились надъ тѣмъ первобытнымъ состояніемъ человѣчества, въ которомъ оно ничѣмъ не отличалось отъ жизни животныхъ [2]). То же самое подтверждаютъ Вайцъ [3]) и Дарвинъ относительно другихъ племенъ Австраліи [4]); богатый матеріалъ, знакомящій насъ съ подобнымъ же состояніемъ дикихъ племенъ въ Нейзюдвалисѣ, даютъ серіозныя изслѣдованія M'Combie [5]).

Болѣе прочную субъективность при чувственныхъ сношеніяхъ и первые признаки обязанностей мы находимъ лишь въ позднѣйшее время, когда и между дикими племенами начинаютъ проявляться зачатки общественнаго строя. Въ этой стадіи развитія находится въ настоящее время одно изъ самыхъ многочисленныхъ племенъ центральной Бразиліи, насчитывающее до 10,000 человѣкъ—это каіары. У нихъ мы встрѣчаемъ уже вполнѣ субъективныя отношенія и какъ бы первый шагъ къ сожительству. Тамъ женщина, сходясь съ любимымъ мужчиною своего племени, свободна слѣдовать своимъ влеченіямъ и мѣнять своего возлюбленнаго, если ихъ сношенія остаются безъ послѣдствій, тѣмъ же правомъ пользуется и мужчина; но разъ женщина забеременила, то во все время беременности и кормленія ребенка грудью она остается у отца ребенка подъ его защитой и опекой, что, однако, нисколько не обязываетъ его удерживаться отъ чувственныхъ сношеній съ другими женщинами. Съ прекращеніемъ кормленія ребенка грудью, отецъ его освобождается отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ ребенку и его матери, которая ведетъ далѣе уже

---

[1]) *Mantegazza*. Antropologisch-Kulturhistorische Studien, s. 235.—*M. Kulischer*. Die geschlechtliche Zuchtwahl bei den Menschen in der Urzeit, въ Zeitschrift f. Ethnologie. Berlin. 1876, s. 142.

[2]) *Augustus Oldfield*. On the aborigines of Australia въ Transactions of the Ethnological Society of London. III, p. 215—298.

[3]) *Waitz*. Antropologie d. Naturvölker Bd. VI, s. 774.—„Propter intra conversorum positionem pedum plusculumque retrocendentis vaginae causa aborigines a tergo coitum perficiunt".

[4]) Verhandl d. Berlin. Gesellschaft f. Antropologie, 1880, s. 87—88.—„In Australiae septentrionalis partibus Port Darwin circumjectis, exempli gratia, aborigines copulam peragunt sidentes".

[5]) *Thomas M'Combie*. Arabin; or adventures of a colonist in New South Wales, with an essay on the aboriginals of Australia. London, 1845, p. 254.

совершенно самостоятельную жизнь, при чемъ вся забота о ребенкѣ ложится на его мать. Послѣдующія ея сношенія съ другимъ мужчиной, кромѣ тѣхъ же обязанностей по отношенію къ ней и прижитому съ ней ребенку, налагаютъ на него обязанность содержать еще и ребенка своего предшественника [1]).

Первое проявленіе материнской любви. Въ ту первобытную эпоху, когда люди не знали ни о существованіи какихъ либо орудій, ни о жилищѣ, когда вся пища ихъ состояла изъ корней и плодовъ растеній, мы видимъ, что ребенокъ не удерживалъ матери отъ заботъ о пропитаніи: онъ сопровождалъ ее всюду, сначала привязанный къ спинѣ, а потомъ бѣгая за нею. Такимъ образомъ женщина, которая одна несла всѣ послѣдствія чувственныхъ сношеній, образовала первую группу кровнаго родства человѣчества: мать и дѣти. Что послѣдствія эти и у дикихъ обходятся женщинѣ не такъ дешево, какъ это можно подумать, доказываютъ намъ наблюденія серіозныхъ изслѣдователей, свидѣтельствующія, что и въ этомъ первобытномъ состояніи человѣчества женщина прибѣгаетъ къ разнымъ мѣрамъ, чтобы избавиться отъ появленія дѣтей. Такъ, по словамъ Гумбольдта, женщины дикихъ племенъ Гвіаны употребляютъ съ этой цѣлью разныя ядовитыя травы, что въ значительной степени содѣйствуетъ вымиранію племени [2]).

Но и эта первая группа родства (мать и дѣти) очень кратковременна у дикихъ племенъ, въ особенности если ребенокъ — мальчикъ; послѣдній, становясь способнымъ самостоятельно добывать себѣ пропитаніе — а это происходитъ у нихъ уже въ раннемъ возрастѣ — отдѣляется отъ группы женщинъ, слѣдовательно и отъ матери, и переходитъ къ мужчинамъ, прерывая всякія дальнѣйшія отношенія къ матери, насколько это допускаетъ его животный инстинктъ. Дочь остается съ матерью, т. е. въ группѣ женщинъ, до поздняго возраста и даже, если группа женщинъ не увеличится настолько, что потребуется ея раздѣленіе — до глубокой старости. Понятно, что это совмѣстное житье матери съ дочерью въ одной группѣ отчасти должно вызывать нѣкоторое чувство близости, чувство родства.

У женщины дикихъ племенъ съ рожденіемъ ребенка не видно еще и слѣдовъ проявленія материнской любви; даже въ случаѣ угрожающей ему опасности ребенокъ не пользуется той защитой, какая иногда, съ

---

1) Globus. Bd. XXV, s. 298.

2) *Alexander v. Humboldt*, Reisen in die Aequinoktial—Gegenden des neuen Kontinents v. Hermann Hauff. Stuttgart, 1860, Bd. III, s. 154—156.

такой самоотверженностью, проявляется у нѣкоторыхъ животныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Это наблюдалось очень многими изслѣдователями. Такъ, напримѣръ, *Powell* видѣлъ, какъ послѣ одной стычки новобританка съ ребенкомъ и мѣшкомъ съ «табу» на плечахъ, спасаясь отъ преслѣдованія непріятелей, сбросила для облегченія себя ребенка, удержавъ мѣшокъ [1]). По словамъ *Parkinson*'а у мирано-индѣйцевъ, при Япури въ Бразиліи, мать отдаетъ своего ребенка за нѣсколько аршинъ ситца или за ожерелье изъ стеклянныхъ бусъ [2]). Такимъ образомъ, внутреннее отношеніе матери къ ребенку ничѣмъ не отличается отъ отношенія къ нему отца, который, не задумываясь, обмѣниваетъ его на два—три топора [3]).

Безразличныя отношенія отца къ дѣтямъ и наоборотъ остались еще не только у дикихъ, но и у полудикихъ народовъ; такъ, у индійскихъ наировъ и въ настоящее время ни отецъ сына, ни сынъ отца не знаютъ. Но отношенія матери къ ребенку, въ силу его безпомощности и потребности въ посторонней защитѣ, становились все тѣснѣе и, мало-по-малу, развивали даже въ дикомъ человѣкѣ то болѣе глубокое чувство, которое мы называемъ «духовнымъ»: это былъ первый зародышъ материнской любви. У всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшей ступени культурнаго развитія, кормленіе грудью продолжается очень долго, грудной младенецъ достигаетъ трехъ и даже четырехъ-лѣтняго возраста [4]). Это долгое кормленіе ребенка грудью (обусловливаемое у народовъ, не дошедшихъ еще до скотоводства, отсутствіемъ подходящей для ребенка пищи), невольно заставляетъ мать все болѣе всматриваться въ духовную жизнь ребенка; она начинаетъ вникать въ его полную безпомощность, понимать его плачъ, когда онъ голоденъ, его радость, когда она его приложитъ къ груди; здѣсь она, женщина, впервые получаетъ благодарность, выражаемую ребенкомъ безсознательно тѣмъ чмоканьемъ, которое онъ, какъ и всякій щенокъ, издаетъ отъ вкусового удовольствія, питаясь молокомъ матери. Этотъ первый зародышъ материнской любви съ годами, по мѣрѣ накопленія проявленій безпомощности ребенка, угро-

---

1) *Powell*. Unter den Kannibalen von Neubritanien, s. 123.

2) *R. Parkinson*. Im Bismark - Archipel. Erlebnisse u. Beobachtungen auf d. Insel Neupommern. Leipzig, 1887, s. 105.

3) Globus. Bd. XIII, s. 230.

4) *Lubbock*. Die Entstehung der Civilisation u. d. Urzustand d. Menschengeschlechts, s. 65.—*Lippert*. Geschichte der Familie, s. 21.

жающихъ ему опасностей, развивается въ ту опредѣленную силу материнской любви, которая у культурныхъ народовъ доходитъ до сознательнаго самоотверженія и самопожертвованія.

Что материнская любовь первоначально развивается и усиливается по мѣрѣ затрачиваемыхъ на ребенка заботъ и лишеній, лучше всего доказываютъ намъ полудикія племена Австраліи, у которыхъ признаки материнской любви начинаютъ проявляться лишь къ концу перваго года и достигаютъ полной силы, выражаясь внѣшней лаской, только на второмъ или на третьемъ году жизни ребенка [1]). У полудикихъ племенъ количество материнской любви, удѣляемой сыну и дочери, — далеко не одинаково, что зависитъ отъ всего склада жизни. Живя съ матерью въ группѣ женщинъ, дѣти поневолѣ становятся свидѣтелями тѣхъ сценъ грубаго насилія, которыя разыгрываются передъ ними при чувственныхъ сношеніяхъ весной и осенью, и инстинктивно жмутся къ матери, ища у нея защиты. Но, по мѣрѣ подростанія, въ мальчикѣ эти примѣры звѣрства начинаютъ развивать необузданность, заботы матери скоро становятся для него обузой, ласка — излишней, и уже восьми лѣтъ онъ переходитъ къ мужчинамъ. Между тѣмъ дѣвочка до зрѣлаго возраста остается при матери, видя въ ней защиту и опору въ жизни, и, такимъ образомъ, ихъ взаимныя отношенія постепенно развиваются въ болѣе глубокое и прочное чувство, что особенно замѣтно у племенъ менѣе дикихъ.

Женщина создаетъ первую основу семьи, эпоху материнскаго права, или матріархата. По мѣрѣ культурнаго развитія племенъ характеръ способа ихъ пропитанія все болѣе измѣнялся; съ введеніемъ разнаго рода орудій мужчина уже не довольствовался одними плодами и кореньями, онъ сталъ искать себѣ добычу на охотѣ, тогда какъ женщина долго оставалась еще на растительной пищѣ. Между тѣмъ, шкуры убитыхъ на охотѣ звѣрей и удавшіяся попытки приручать пойманныхъ живыми молочныхъ животныхъ дали женщинѣ возможность устроить для дѣтей нѣчто въ родѣ гнѣзда, въ которомъ сохранялся и небольшой запасъ пропитанія. По мѣрѣ того, какъ женщина стала все болѣе пользоваться результатами скотоводства, а также воздѣлываніемъ зерновыхъ злаковъ на окружающихъ земляхъ, бывшихъ въ то время общимъ достояніемъ, запасъ этотъ все увеличивался; если прибавить, что въ этомъ гнѣздѣ поддерживался

---

[1]) *Richard Oberländer.* Australien. Geschichte der Entdeckung u. Kolonisation. 2 Aufl. Leipzig, 1880, s. 307—308.

постоянный огонь, необходимый для приготовленія пищи, то станетъ понятнымъ, что мужчина, заглядывавшій сюда лишь изрѣдка, послѣ охоты, въ сырую, холодную погоду, оцѣнилъ удобства уютнаго и теплаго пріюта на шкурѣ у очага: онъ, естественно, сталъ учащать свои посѣщенія и наконецъ совсѣмъ поселился въ жилищѣ женщины, матери его дѣтей, перейдя и самъ къ скотоводству или хлѣбопашеству, занимаясь притомъ охотой лишь изрѣдка или вовсе бросивъ ее. Такимъ образомъ и этотъ звѣрь былъ прирученъ къ дому, чѣмъ и была положена основа человѣческой семьѣ.

Еще раньше, говоря о дикихъ и полудикихъ племенахъ, мы видѣли, что отецъ не касался дѣтей, которыя выростали исключительно на рукахъ матери, а потому и принадлежали единственно ей. Это право матери и теперь, при основаніи семьи, со вступленіемъ отца въ домъ, нисколько не измѣнилось, такъ какъ очагъ и скопившееся при немъ имущество, а также и дѣти были собственностью *матери*, земля же считалась общей, принадлежащей всѣмъ, обитающимъ на ней безъ раздѣла [1]). Такимъ образомъ первое право собственности принадлежало женщинѣ — матери, создавшей ее. Это право простиралось надъ всѣмъ домомъ и домочадцами и переходило отъ матери къ дѣтямъ наслѣдственно, такъ что послѣ смерти ея имуществомъ владѣли дѣти, а не мужъ — отецъ; главнымъ защитникомъ ея и опекуномъ дѣтей былъ не мужъ, отецъ дѣтей, а братъ (сынъ ея матери), дядя дѣтей со стороны матери.

Такую эпоху материнскаго права, или матріархата, пережили въ свое время почти всѣ историческіе народы, да и теперь еще оно встрѣчается во всей своей силѣ и въ разныхъ градаціяхъ у нѣкоторыхъ племенъ. Такъ, напримѣръ, берберы и туареки переживаютъ въ настоящее время эпоху материнскаго права въ полной силѣ: если мужъ — рабъ, а жена — благородная, дѣти считаются благородными, и наоборотъ, отъ отца благороднаго и матери рабыни — дѣти рабы. То же господство материнскаго права мы видимъ у нѣкоторыхъ племенъ въ Лоанго въ Конго, въ Ангола и на побережьи Гвинеи [2]).

Пока сложившаяся такимъ образомъ «семья», съ материнскимъ правомъ въ основѣ, не была подточена внутренними семейными раздорами

---

[1]) *Post*. Die Anfänge des Staats- u. Rechtslebens. Oldenburg, 1878, s. 278.

[2]) *Henri Duveyrier*. Les Touaregs du Nord. Paris, 1864, v. I, p. 337, 393 et 397.—*Ladislaus Magyar*. Reisen in Südafrika in den Jahren 1849—1857. Pest u. Leipz. 1859, Bd. I, s. 284.

или внѣшними политическими и соціальными условіями, до тѣхъ поръ не только имущественная наслѣдственность, но и наслѣдіе престола шли по женской линіи. Такъ, у бареевъ и баценовъ, живущихъ на югѣ отъ Египта въ восточной Африкѣ, и въ настоящее время наслѣдственность идетъ слѣдующимъ образомъ [1]):

Наслѣдникомъ	1-й	линіи	считаютъ	брата отъ одной матери.
»	2-й	»	»	старшаго сына старшей сестры.
»	3-й	»	»	второго сына старшей сестры.
»	4-й	»	»	сына младшей сестры.
»	5-й	»	»	сестру умершей или умершаго.
»	6-й	»	»	ребенка сестры.

Конкубинатъ. Что касается организаціи супружескихъ отношеній въ такой семьѣ, то въ первоначальномъ ея видѣ они существовали въ формѣ моногаміи. Вошедшій въ домъ мужъ и отецъ дѣтей былъ ихъ защитникомъ и работалъ вмѣстѣ съ женой, образуя правильную семью, могущую считаться нормальнымъ типомъ матріархальной семьи. Послѣдняя, однако, начала скоро вырождаться, что и повело къ быстрому переходу отъ матріархальной семьи къ патріархальной. Уже въ ту эпоху материнскаго права разныя племена вели между собою войны, въ которыхъ побѣдителямъ доставалось не только разная цѣнная утварь, но и люди, мужчины и женщины, которыхъ обращали въ рабовъ и рабынь, обязанныхъ работать на полѣ и въ домѣ на семью. Рабыни эти сдѣлались наложницами мужа матріархальной семьи, и, такимъ образомъ, получился конкубинатъ. Жена, хозяйка дома, не теряла при этомъ своихъ хозяйскихъ правъ, энергично поддерживаемыхъ ея братомъ, являвшимся въ случаѣ надобности ея защитникомъ. Дѣти рабынь считались дѣтьми матери, хозяйки дома, составляли ея неотъемлемую собственность и наравнѣ съ собственными ея дѣтьми наслѣдовали имущество [2]); но это была уже первая форма перерожденія матріархальной семьи, несмотря на то, что за матерью удерживались еще не только всѣ ея права, но и власть въ семьѣ.

Поліандрія. Болѣе опасное для эпохи материнскаго права перерожденіе семьи явилось тамъ, гдѣ въ женщинѣ заговорили необузданные животные инстинкты, заставившіе ее не довольствоваться однимъ мужемъ, что повело къ развитію поліандріи (многомужества). Поліандрія отно-

---

1) *Werner Munziger*. Ostafrikanische Studien. Schaffhausen, 1864, s. 555.
2) *H. v. Rosenberg*. Der malaysche Archipel. Leipz. 1878, s. 453.

сится уже къ концу эпохи матріархата и распространилась главнымъ образомъ по востоку, гдѣ впослѣдствіи, съ появленіемъ патріархата, она быстро была замѣнена полигаміей (многоженствомъ). Но изъ словъ Цезаря видно, что она проявлялась кое-гдѣ и на западѣ; такъ, напримѣръ, онъ нашелъ ее въ свое время въ древней Британіи, гдѣ ему приходилось встрѣчать женъ, имѣвшихъ по 10—12 мужей [1]). По указаніямъ Риттера и теперь еще отъ Гиндуку до Юноака, а также на югъ до Цейлона вездѣ распространена поліандрія, существующая тоже у многихъ американскихъ и африканскихъ народовъ, между которыми африканское племя гаговъ особенно выдается суровостью и безчеловѣчностью своихъ женщинъ [2]). Поліандрія сильно подорвала прочность матріархата тѣмъ, что семья потеряла въ женщинѣ мать, и слишкомъ быстро матріархальная поліандрія превратилась въ патріархальную, какой мы ее и встрѣчаемъ въ настоящее время у гуанховъ на Канарскихъ островахъ, гдѣ прежде женщина имѣла нѣсколькихъ мужей, а теперь нѣсколько мужчинъ владѣютъ одной женой и уступаютъ ее другъ другу какъ вещь на извѣстный, заранѣе условленный срокъ, при чемъ обладающій женой становится на это время патріархомъ семьи, а другіе мужья—работниками [3]).

Эпоха материнскаго права уступаетъ эпохѣ отцовскаго права. Съ усложненіемъ экономической жизни, между народами все чаще стали возникать столкновенія, и борьба за существованіе дѣлалась болѣе тяжелой: приходилось не только зарабатывать, но и защищать заработанное, слѣдовательно значеніе болѣе грубой оберегательной силы мужчины возросло, производительная же сила женщины понизилась, эта перемѣна совершилась тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше мужчина самъ по себѣ сталъ представлять главную производительную силу. Такъ, у племенъ, гдѣ производительность (земледѣліе и скотоводство) оставалось преимущественно въ рукахъ женщинъ, а мужчины занимались малодоходной охотой, войнами и попойками, авторитетъ матери, а вмѣстѣ съ нимъ и эпоха материнскаго права въ его чистомъ видѣ удержались болѣе долгое время. Такъ было у этрусковъ и ликійцевъ, про которыхъ Геродотъ говоритъ, что еще въ его время, если спросить ликійца о его родствѣ, то онъ перечислитъ

---

[1]) *Caesar* de bello gall. lib. V, cap. 14. „Uxores habent deni duodenique inter se communes et maxime fratres cum fratribus parentesque cum liberis; sed si qui sunt ex his nati, eorum habentur liberi, quo primum virgo quoque deducta est".

[2]) *Meiner*. Geschicht d. Weiblichen Geschlechts.

[3]) *Humboldts*. Reise in die Aequinoctialgegenden. Bd. I, s. 56.

всѣхъ родственниковъ матери и бабушки, не упомянувъ объ отцѣ; ту же эпоху материнскаго права въ полной его силѣ нашелъ Тацитъ у германцевъ [1]), но опять-таки только тамъ, гдѣ землепашество и скотоводство велось хозяйками дома, а не мужьями.

По мѣрѣ того, какъ мужчина становился производительной единицей въ семьѣ, а его физическая сила получала все большее значеніе, какъ сила оберегательная, авторитетъ его въ семьѣ возрасталъ, а значеніе жены, матери падало и должно было уступить вліянію отца. Такимъ образомъ и совершился переходъ отъ матріархата къ патріархату. Но и тамъ, гдѣ въ настоящее время абсолютно господствуетъ эпоха отцовскаго права, переходъ этотъ произошелъ не сразу, женщина сильно боролась за свое преобладаніе, и былъ періодъ, когда матріархатъ и патріархатъ одновременно царили и въ семьѣ и въ государствѣ. Въ такомъ состояніи и теперь еще находятся нѣкоторыя племена въ Индіи, во главѣ которыхъ стоитъ мужчина, при чемъ, однако, наряду съ нимъ женщина считается «матерью народа» [2]).

Еще въ эпоху матріархата, въ чистомъ его видѣ, войны между племенами, какъ сказано выше, доставляли побѣдителямъ между прочей добычей и плѣнныхъ женщинъ, которыя работали въ домѣ въ качествѣ рабынь и дали первый толчокъ къ конкубинату. Уже въ то время многія племена, избѣгавшія родственнаго кровосмѣшенія, принуждены были брать себѣ женъ изъ своихъ невольницъ или искать ихъ въ другихъ «*кланахъ*» или *таборахъ*, почти всегда враждебныхъ данному племени, что въ большинствѣ случаевъ происходило не мирнымъ образомъ, а насильственно, путемъ похищенія и, конечно, вызывало крупныя столкновенія. Этотъ способъ добыванія женъ и понынѣ сохранился у нѣкоторыхъ народовъ и не въ видѣ обрядности, а во всей своей дѣйствительности. Такъ, онъ существуетъ еще въ Австраліи у малаіевъ, въ Гиндостанѣ, въ центральной Азіи, въ Бразиліи, въ Чили и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ [4]). У тангутовъ, въ китайской провинціи Канзу, также встрѣчается еще похищеніе женщинъ со всѣми кровавыми его послѣдствіями [3]). Въ Австраліи

---

[1]) *Tacitus*. Germ. cap. XX.—*Herodot*. lib. I, 88.

[2]) *E. Holub*. Kulturskizze des Marutse-Mambundareiches въ Mitteil. der K. K. geographischen Gesellschaft in Wien, s. 40.

[3]) *Lubboc*. Origin of civilisation, p. 97.—*Waitz*. Bd. VI, s. 633 и 773.

[4]) *J. Kohler*. Studien über Frauengemeinschaft, Frauenraub u. Frauenkauf. Въ Zeitschrift f. vergleichende Rechtswissenschaft. Bd. V. Stuttg. 1884, s. 341.

оно является по большей части и теперь главной причиной войнъ [1]). Въ былое время насильственное похищеніе женъ практиковалось, должно быть, и у южныхъ славянъ, гдѣ уже впослѣдствіи обратилось въ предсвадебную обрядность, влекущую за собой лишь побои; но все таки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Босніи, столкновенія эти настолько значительны, что считаются особеннымъ удальствомъ [2]). Въ послѣднемъ случаѣ, когда похищеніе невѣсты является одной лишь обрядностью, оно совершается не иначе, какъ по обоюдному согласію жениха и невѣсты, хотя часто и противъ воли родителей невѣсты [3]).

Конкубинатъ, при господствѣ матріархата, не могъ имѣть тѣхъ отрицательныхъ послѣдствій для жены и матери, которыя вызвали браки сыновей или родственниковъ ея съ невольницами или женщинами, похищенными у враждебнаго племени: въ первомъ случаѣ жена оставалась главой дома и пользовалась уваженіемъ всѣхъ членовъ семьи. Иначе отразилось на господствѣ материнскаго права возраставшее число браковъ съ невольницами и похищенными женщинами. При грубости тѣхъ нравовъ мужчина, взявшій въ жены себѣ женщину, отбитую имъ какъ добыча, и смотрѣлъ на нее какъ на добычу, какъ на принадлежащую ему вещь. При строгомъ соблюденіи матріархата такое отношеніе мужа къ женѣ еще смягчалось тѣмъ, что, родясь въ матріархальной семьѣ, онъ инстинктивно сохранялъ то уваженіе къ хозяйкѣ дома, какое видѣлъ съ малолѣтства по отношенію къ своей матери. Понятно, что эти благопріятныя для похищенной женщины условія были тѣмъ прочнѣе, чѣмъ строже и чище соблюдался матріархатъ въ семьѣ матери. Но тѣмъ не менѣе сознаніе, что жена—добыча, собственность, которой можно свободно располагать, все болѣе развивало въ мужчинѣ деспотическое отношеніе къ женѣ, переходившее и на мать, если послѣдняя вступалась за права жены своего сына, защищая тѣмъ самымъ и свои матріархальныя права.

Купля и продажа женъ. Вначалѣ похищенія женщинъ всегда влекли за собой кровопролитіе. Но уже преданіе о похищеніи сабинокъ указываетъ на полюбовную сдѣлку между римлянами и сабинами, состоявшуюся, по словамъ преданія, благодаря тому, что «жены римлянъ бросились

---

[1]) *Darwin.* Abstammung des Menschen. Bd. II, s. 302.

[2]) *Friedrich S. Krauss*: Sitte u. Brauch der Südslaven. Wien, 1885, s. 245 и 269.

[3]) Этотъ обычай распространенъ и въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ въ Россіи.

«между сражающихся». Быть можетъ въ данномъ случаѣ это было и такъ, но не слѣдуетъ забывать, что преданіе это дошло до насъ со временъ доисторическихъ, между тѣмъ какъ болѣе серіозныя научныя изслѣдованія *J. Kohler*'а по этому вопросу указываютъ намъ, что кровавое мщеніе за похищенныхъ встрѣчалось съ теченіемъ времени все рѣже совсѣмъ по другимъ причинамъ, а именно: съ паденіемъ материнскаго права и переходомъ къ патріархату и обиженная сторона стала смотрѣть на женщину какъ на принадлежность, изъ-за которой не стоило проливать кровь, а разъ нанесенные обиду и ущербъ похищеніемъ жены или дочери, какъ рабочей силы, начала довольствоваться соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ въ видѣ скота или какой либо другой цѣнности. Такимъ образомъ развилась фактическая купля и продажа женщинъ. Сначала похитители, во избѣжаніе кровавыхъ столкновеній, откупались, а впослѣдствіи и самое похищеніе, сопряженное съ опасностью для жизни, оказалось излишнимъ, такъ какъ проще было купить женщину у отца или брата на основаніи простой сдѣлки, какъ любую вещь или скотину. До сихъ поръ, при всемъ желаніи нѣкоторыхъ изслѣдователей примитивнаго періода жизни народовъ, найти хоть одинъ фактъ продажи женщины матерью или старшей сестрой, такихъ случаевъ не обнаружено; продавали только отцы или братья, слѣдовательно купля и продажа женщинъ появилась лишь со вступленіемъ въ силу отцовскаго права, съ эпохой патріархата.

Съ того времени, когда жена сдѣлалась въ понятіяхъ мужа чѣмъ-то покупнымъ, разрушилось и семейное начало, основа котораго была положена женщиной въ періодъ патріархата: все сводилось лишь къ стоимости женщины. Прелюбодѣяніе не считалось болѣе тѣмъ преступленіемъ, какимъ было до купли и продажи. Мужъ, имѣвшій по закону право убить жену и ея соблазнителя, накрывъ ихъ на мѣстѣ преступленія [1]), не прибѣгалъ къ этому способу отмщенія: онъ не находилъ въ этомъ нравственнаго, кровнаго оскорбленія для себя, а смотрѣлъ на себя, какъ на ограбленнаго матеріально: у него временно воспользовались его имуществомъ — женой безъ его на то разрѣшенія, въ силу чего онъ считалъ болѣе цѣлесообразнымъ требовать съ обидчика денежнаго вознагражденія, а въ случаѣ несостоятельности — временного невольничества на срокъ, соотвѣтствующій назначенной денежной суммѣ [2]). Сумма, назначаемая за вину

---

1) *Post*. Anfänge des Staats- u. Rechtslebens. s. 201.
2) *Post*. Geschlechtsgenossenschaft. s. 85.

прелюбодѣянія, всегда соотвѣтствовала цѣнѣ на женщину; такъ, напр., нигдѣ у народовъ западной Африки не налагается такого большого штрафа на виновника въ прелюбодѣяніи, какъ у дualловъ, и мы видимъ, что, дѣйствительно, цѣна на женщину у нихъ самая высокая [1]).

Съ укорененіемъ взгляда на женщину, какъ на вещь, какъ на живье, составляющее неотъемлемую собственность мужа, установилось, конечно, и соотвѣтственное обращеніе съ ней, какъ съ цѣннымъ инвентаремъ. Только при такихъ условіяхъ и понятенъ разсказъ *Marco Polo* о нравахъ Тибета, этого главнаго гнѣзда поліандріи. Тамъ—говоритъ онъ—хозяинъ дома считаетъ особымъ знакомъ гостепріимства предоставить гостю всѣхъ женъ и женскихъ членовъ семьи, для чего онъ самъ, на все время пребыванія гостя, совершенно выселяется изъ дома; жены вывѣшиваютъ надъ дверьми знакъ, и хозяинъ не можетъ возвратиться домой, пока знакъ этотъ не будетъ снятъ, что означаетъ выѣздъ гостя [2]). Нашъ соотечественникъ, извѣстный академикъ А. Ф. Миддендорфъ разсказываетъ о подобномъ же обычаѣ у самоѣдовъ, предлагающихъ гостю жену и дочь [3]). То же самое встрѣчается у жителей Гунзаса въ западномъ Гималаѣ [4]), у алеутовъ [5]), у эксимосовъ [6]), на Мадакаскарѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки [7]) и у другихъ племенъ. Очевидно, что при подобныхъ отношеніяхъ взглядъ на женщину, какъ на равноправное существо, долженъ былъ утратиться, уступивъ мѣсто одной грубой чувственности мужчины; послѣдній не признавалъ въ женщинѣ души и понятія о чести, а слѣдовательно и не считалъ ея достойной своего довѣрія; это заставило его тамъ, гдѣ животные инстинкты его были доведены полигаміей до полной разнузданности, держать женщину, изъ предосторожности, подъ запоромъ устроивъ «*гаремъ*» («*el Harim*», что означаетъ—воспрещенное).

Зарожденіе отцовской любви. Изъ взгляда на женщину, какъ на живое имущество, естественно вытекало отношеніе мужчины и къ дѣтямъ, которыя составляли его неотъемлемую собственность; онъ пользовался неограниченной властью надъ ними, отъ него зависѣла ихъ жизнь и смерть [8]).

---

[1]) *Zöller*. Forschungsreisen in der deutschen Kolonie Kamerun. Bd. II, s. 59.
[2]) *M. G. Gauthier*. Le livre de Marco Polo. Paris 1865, v. II, p. 384.
[3]) *A. v. Middendorff*. Sibirische Reise. St.-Petersburg, 1875, Bd. IV, s. 1407.
[4]) *K. E. v. Ujfalvy*. Aus dem westlichen Himalaya. Erlebnisse und Forschungen. Leipz. 1884, s. 294.
[5]) *Waitz*. Anthropologie der Naturvölker. Bd. III, s. 314.
[6]) *Hall*. Narrative of the second arctic Expedition. Waschington. 1879, p. 102
[7]) *Bérenger-Feraud*. Les peuplades de la Sénégambie, p. 98.
[8]) *Post*. Anfänge des Staats u. Rechtslebens. s. 52—53.

Назвать эту эпоху эпохой отцовскаго права, или патріархата, было бы ложно: это было то переходное время, въ которое у женщины отняты были ея материнскія права и женское достоинство и замѣнены деспотической властью грубой силы, руководимой эгоистическими, корыстными стремленіями: мужчина смотрѣлъ на жену свою лишь какъ на капиталъ, на дѣтей—какъ на процентъ съ капитала. Подросшіе сыновья являлись даровой рабочей силой, дочери, достигшія возраста замужества — цѣннымъ продажнымъ товаромъ, находящимъ себѣ вѣрный сбытъ. Этимъ взглядомъ руководствовались и при оцѣнкѣ женщины: обѣщала она по наружному виду дать хорошій приплодъ — она цѣнилась дороже, въ противномъ случаѣ цѣна падала. Жены, оказавшіяся впослѣдствіи безплодными, возвращались продавцу—отцу, брату или первому мужу,—а заплаченная за нихъ сумма отнималась. Подобная торговля сохранилась и до сихъ поръ, напримѣръ, въ Абиссиніи [1]). У многихъ племенъ центральной Африки, гдѣ существуетъ купля женъ, женщина, родившая пять здоровыхъ дѣтей, считается свободной и можетъ вернуться обратно въ родительскій домъ [2]); безплодная же подвергается всеобщему презрѣнію. Послѣднее обстоятельство заставляетъ тамъ дѣвушку, едва достигшую извѣстнаго возраста, отдаться первому встрѣчному въ надеждѣ на послѣдствія; съ рожденіемъ ребенка она не только не считается опозоренной, но, напротивъ, возвышается въ цѣнѣ какъ самка, завѣдомо способная къ производству [3]).

При такихъ условіяхъ отецъ, видя въ дѣтяхъ свою личную выгоду, поневолѣ сталъ заботиться о благополучномъ ихъ выращиваніи, о чемъ онъ прежде, въ эпоху матріархата, и не думалъ. Вначалѣ забота эта обусловливалась исключительно матеріальнымъ расчетомъ, но съ теченіемъ времени она естественно повлекла за собой сперва привязанность, а потомъ и болѣе глубокое чувство — отцовскую любовь, съ появленія которой только и можно считать начало эпохи отцовскаго права, или эпохи патріархата.

Различныя условія домашняго строя, замѣнившаго господство материнскаго права, оказывали и различное вліяніе на развитіе и установленіе патріархата. Тамъ, гдѣ распространилось многожество, животные ин-

---

1) *Lippert.* Kulturgeschichte. Bd. II, s. 106.

2) *Nachtigal.* Sahara und Sudan. Bd. II, s. 685.

3) *Ed. Combes et M. Tamisier.* Voyage en Abyssinie 1835—1837. Paris, 1838, vol. II, p. 17.

стинкты и матеріальные расчеты мужчины могли удовлетворяться безъ всякаго стѣсненія его личности: деспотъ-мужъ всегда былъ обезпеченъ извѣстнымъ количествомъ приплода, а потому и не заботился о тщательномъ его выращиваніи; такъ же мало интересовался онъ и состояніемъ матери, принуждая ее часто къ непосильной работѣ и зная, что если заболѣетъ одна, — есть другія. Вотъ почему и въ настоящее время даже у болѣе цивилизованныхъ народовъ съ полигаміей (какъ, напр., въ Турціи) мы видимъ деспотическій строй въ домашнемъ быту съ деспотомъ во главѣ, но не патріархатъ; это извѣстный *«домострой»*, а не *«семья»*, представляющая тотъ фундаментъ, на которомъ только и можетъ быть основана прочная жизнь и благосостояніе народа и государства. Тамъ же, гдѣ культурныя условія выработали въ домашнемъ строѣ одноженство, и потеря ребенка являлась ощутительнымъ матеріальнымъ убыткомъ, мужчина изъ личной выгоды принужденъ былъ заботить о дѣтяхъ и внимательнѣе относиться къ ихъ матери. Эта, сначала чисто корыстная, заботливость мало-по-малу превращалась въ субъективную привязанность, основанную на болѣе глубокомъ чувствѣ.

Основа патріархальной семьи. Въ эпоху матріархата, матери подъ вліяніемъ сильнаго фанатизма часто приносили своего первенца въ жертву богамъ [1]). До пробужденія въ женщинѣ «материнской любви» жертва эта совершалась въ видѣ обрядности и не составляла никакой потери для матери, какъ это сдѣлалось впослѣдствіи; тѣмъ не менѣе этотъ обычай сохранился даже въ началѣ переходной къ патріархату эпохи. Но такъ какъ ребенокъ представлялъ для отца самую цѣнную собственность, то скоро этотъ видъ жертвоприношенія былъ замѣненъ другимъ, менѣе убыточнымъ: мужчина предложилъ богамъ сначала кровь за кровь, а впослѣдствіи и болѣе легкія жертвы. У народовъ, занимавшихся скотоводствомъ, отецъ съ рожденіемъ каждаго ребенка жертвовалъ лучшую скотину изъ стада; у не занимавшихся скотоводствомъ онъ давалъ обѣтъ не охотиться извѣстный срокъ, постился, а иногда выпускалъ собственную кровь настолько, что лишался силъ и вынужденъ былъ лежать нѣкоторое время [2]). (Послѣдній родъ жертвы у народовъ, находящихся въ этомъ періодѣ развитія, превратился постепенно въ легкое кровопусканіе и отлеживаніе

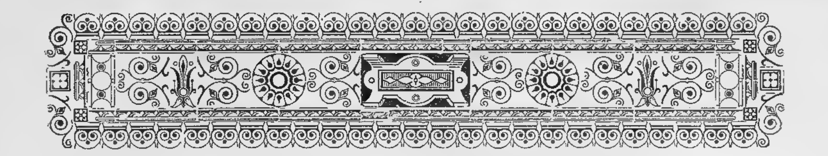
[1]) *Lippert.* Kulturgeschichte. Bd. II, s. 259.

[2]) *Edw. B. Tylor.* Researches into the early history of mankind and the development of civilisation. London 1865, p. 288.—*Peschel* Völkerkunde, s 26.—*Ploss.* Das Kind. Bd. I, s. 125—138.

извѣстнаго срока въ гамакѣ съ отказомъ отъ охоты, что дало поводъ нѣкоторымъ путешественникамъ придти къ ложному выводу, будто у этихъ племенъ мужъ отлеживаетъ за родильницу).

Жертвоприношенія собственной кровью или лучшимъ изъ стада животнымъ значительно содѣйствовали развитію болѣе субъективнаго, человѣчнаго отношенія отца къ дѣтямъ и тѣмъ самымъ — большему сближенію его съ женщиной, матерью его дѣтей, сохранившей еще со временъ матріархата материнское чувство. Отца и мать соединила общая любовь къ дѣтямъ, и, такимъ образомъ, постепенно создалась первая прочная форма «патріархальной семьи», съ значительнымъ вліяніемъ материнскаго права, не выходящаго изъ предѣловъ семьи.

Классическій міръ.

Греція.

„Мы беремъ себѣ женъ, чтобы рождать хорошихъ дѣтей, наложницъ, чтобы за нами хорошо ухаживали, и гетеръ— чтобы наслаждаться любовью“.

(Демосѳенъ).

Значеніе колоніи. Первыя сѣмена образованной жизни занесены были въ Грецію съ Востока, почему и мѣстомъ древнѣйшихъ государствъ, а слѣдовательно и древнѣйшей цивилизаціи, были восточные ея берега, какъ ближайшія къ Азіи. Здѣсь еще въ отдаленной древности возникли города—Микены и Тарентъ въ Арголидѣ, Аѳины въ Аттикѣ, Орхоменъ и Ѳивы въ Бэотіи, Іолкъ въ Ѳессаліи. Все это были центры пеласго-эллинской образованности, получившіе свое начало или, по крайней мѣрѣ, главный импульсъ къ развитію отъ прибывшихъ изъ-за моря колонистовъ. Такими колонистами-цивилизаторами преданіе называетъ Пелопса изъ Лидіи, сообщившаго свое имя полуострову, на которомъ онъ основался, Египтянъ—Даная, поселившагося въ Арголидѣ, Кекропса—въ Аттикѣ, и финикійца Кадма. Въ лицѣ этихъ заморскихъ пришельцевъ сага, быть можетъ, олицетворяла цѣлый процессъ колонизаціи европейской Греціи сперва финикіянами, принесшими съ собой плоды старой восточной культуры, а потомъ малоазіатскими греками, заставшими пеласговъ уже далеко не дикарями.

Миѳическое, полумиѳическое и историческое время Греціи. Въ теченіе обширнаго миѳическаго и полумиѳическаго періода греческой исторіи (1500—850) эллины достигли значительнаго культурнаго развитія, такъ что уже къ концу этого времени сложился эллинизмъ, т. е. тѣ главныя

черты, которыя впослѣдствіи стали характерны для греческой цивилизаціи. Населеніе Греціи состояло изъ двухъ главныхъ народностей: *дорійцевъ* (ихъ центры—Аргосъ, Спарта и Критъ) и *іонійцевъ* (Аттика, островъ Делосъ, Милетъ и Эфесъ). *Эолійцы* были смѣсью разныхъ древнѣйшихъ народовъ и не играли важной роли въ исторіи. Разница между этими народностями выражалась и въ нарѣчіяхъ (діалектахъ) греческаго языка: тяжелый эолійскій діалектъ былъ памятникомъ глубокой древности; близкій къ нему дорическій отличался грубостью и окаменѣлостью, іоническій же славился своей гибкостью, мягкостью, богатствомъ формъ и звуковъ. Несмотря на разницу бытовыхъ условій и враждебность дорійцевъ и іонійцевъ, эллины составляли единый національный типъ, выработавшійся уже къ концу VIII вѣка до Р. X., съ котораго начинаются для Греціи времена историческія, хотя и здѣсь переходъ къ полной достовѣрности извѣстій совершается не сразу.

Дробный греческій міръ, связанный довольно слабыми узами племенного и духовнаго единства, представлялъ въ то время два ясно обозначившихся направленія въ государственной и частной жизни—*дорійское* и *іонійское*—обусловленныхъ различіемъ и даже противоположностью племенного характера обѣихъ народностей. *Доряне* являются представителями аристократическаго начала въ государственной жизни и связаннаго съ нимъ консерватизма; область ихъ господства,—суша, ихъ главная сила—гоплиты, тяжело-вооруженная пѣхота. У *іонянъ* господствующія формы правленія демократическія, открывающія полный просторъ вліянію личныхъ талантовъ и ведущія къ частымъ общественнымъ перемѣнамъ. Настоящая стихія іонійцевъ—море, а боевая сила ихъ—флотъ. Различіе это проходитъ затѣмъ и во всѣхъ другихъ сферахъ: въ діалектахъ языка, въ пластическихъ искусствахъ, въ поэзіи и философіи. Главнымъ центромъ дорійскаго элемента была Спарта, іонійскаго—Аѳины. Такимъ образомъ на этихъ двухъ государствахъ, служившихъ какъ бы олицетвореніемъ судьбы цѣлой Греціи, и долженъ сосредоточиться весь интересъ исторіи семьи и народа.

Духъ воспитанія Спарты. Вся общественная и частная жизнь Спарты проникнута духомъ *суровой отвлеченной добродѣтели* и полнаго подчиненія личности интересамъ государства. Это начало мы видимъ во всѣхъ государственныхъ ея учрежденіяхъ, основанныхъ на убивающемъ свободное проявленіе индивидуальности равенствѣ; то же самое относится и къ браку, который здѣсь есть не что иное, какъ государственный инсти-

тутъ. Всѣ моменты воспитанія обоихъ половъ, какъ въ подготовленіи къ браку, такъ и въ семейной жизни, сводятся къ безусловному, безграничному подчиненію личности государству.

Малолѣтніе. Уже надъ новорожденнымъ государство, въ лицѣ старѣйшинъ той или другой филы, рѣшало вопросъ, обѣщаетъ ли дитя сдѣлаться здоровымъ гражданиномъ, а потому стоитъ ли его воспитывать, и въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія его безжалостно бросали въ Тайгетъ. До семи лѣтъ ребенокъ оставался при матери; но въ семьѣ его не нѣжили, не баловали, а постепенно подготовляли къ тому суровому воспитанію, которое ему предстояло. Съ семилѣтняго возраста мальчикъ приписывался особымъ чиновникомъ, называвшимся педономомъ, къ группѣ дѣтей его возраста; здѣсь старшій въ группѣ, болѣе взрослый товарищъ и въ то же время учитель, руководилъ дѣтьми въ занятіяхъ гимнастикой. Нѣсколько такихъ группъ составляли большую группу, которую спартанцы называли стадомъ и которая состояла подъ надзоромъ особаго руководителя.

Послѣ гимнастики слѣдовало обученіе музыкѣ на четырехструнной киѳарѣ, на сколько это было необходимо для аккомпанированія при пѣсняхъ, хоровыхъ пляскахъ и пэанахъ. Во время праздниковъ составлялись хоры изъ мальчиковъ, мужей и старцевъ и пѣлись антистрофическія пѣсни [1]).

Взрослые. На 18-мъ году, когда въ Аѳинахъ молодые люди становились полноправными гражданами, спартанская молодежь не выходила еще изъ-подъ непосредственнаго надзора государства и оставалась подъ его руководствомъ до 30 лѣтъ. Отъ 18-го до 20-го года юноши служили для тайныхъ наблюдательныхъ экскурсій по странѣ (за періойками и гелотами); 20 лѣтъ они, въ качествѣ новобранцевъ, поступали въ случаѣ войны въ войска; въ мирное же время оставались дома и сообща занимались гимнастикой въ двухъ группахъ по возрасту. Это продолжалось до 30-го года, когда каждый спартанецъ, если только имѣлъ возможность, обязанъ былъ завести себѣ собственное хозяйство.

Воспитаніе дѣвушки. О воспитаніи дѣвушекъ въ Спартѣ Ксенофонтъ говоритъ [2]): «Ликургъ учредилъ гимнастику, состязанія въ бѣгѣ и силѣ въ одинаковой мѣрѣ для мужчинъ и женщинъ». Отсюда видно, что дѣвушки

---

[1]) Plut. Luc. 21.
[2]) Resp. Luc. I. 4.

*

въ этомъ отношеніи были сравнены съ мальчиками, хотя о занятіяхъ дѣвушекъ мы знаемъ очень мало опредѣленнаго. Вообще законодатель Спарты имѣлъ въ виду, чтобы не только храбростью мужчинъ, но и свѣжестью и силой женщинъ приготовить здоровое молодое поколѣніе, въ которомъ такъ нуждалась небольшая числомъ воинственная спартанская община. По этому поводу Ксенофонтъ (тамъ же) говоритъ: «Ликургъ главнымъ образомъ старался закалить тѣло дѣвушекъ для того, чтобы плодъ, зарождающійся въ крѣпкомъ тѣлѣ, хорошо удался, и чтобы она сама пріобрѣла силу, необходимую для легкаго и безопаснаго перенесенія родовъ».

Положеніе женщины. Совмѣстныя упражненія нагихъ дѣвушекъ и мальчиковъ главнымъ образомъ имѣли цѣлью зародить въ юношѣ влеченіе къ браку, которое здѣсь возбуждалось чисто греческимъ образомъ—тѣлесной и пластической красотой дѣвушки. Избранную здѣсь невѣсту юноша долженъ былъ похитить. Но и послѣ женитьбы спартанецъ все свое время обязанъ былъ проводить съ другими мужчинами, а съ собственной женой видѣлся лишь тайно. Исходя изъ того положенія, что дѣти принадлежатъ не отцу (о матери нигдѣ нѣтъ и рѣчи), а государству, Ликургъ желалъ, чтобы будущіе граждане рождались только отъ лучшихъ мужчинъ, а не отъ вскаго безъ различія.

Такимъ образомъ государство установило обязательный бракъ, опредѣлило мѣсто, время и подходящій возрастъ обоихъ половъ; неповинующіеся же подвергались наказанію, что, однако, случалось крайне рѣдко, такъ какъ всѣ подчинялись этимъ законамъ безусловно и не размышляя. Этотъ институтъ брака сохранился долгое время въ томъ видѣ, какъ учредилъ его Ликургъ—этотъ мудрый законодатель, но не отецъ

Мы видимъ, слѣдовательно, что въ женщинѣ здѣсь не признается духовная сторона: она пользуется уваженіемъ и значеніемъ только какъ родительница государственнаго гражданина, а не какъ мать; поэтому участіе ея и въ общественныхъ упражненіяхъ въ гимнастикѣ и музыкѣ, и въ общественныхъ дѣлахъ продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока она дѣвушка и подготовляется къ своему назначенію; съ выходомъ замужъ она находитъ свое назначеніе—въ домѣ и устраняется отъ всякаго участія въ общественной жизни, будучи обязана заниматься лишь домашними работами.

Упадокъ Спарты. Строгія отношенія между полами и семейная жизнь спартанцевъ, воспитанныхъ на чувственныхъ инстинктахъ и удерживаемыхъ лишь строгостью законовъ, могли сохраняться только до перваго

вреднаго вліянія извнѣ. Это вліяніе явилось съ востока. Въ началѣ Персидской войны (около 482 года до Р. Х.) мы встрѣчаемъ еще у спартанцевъ строгія отношенія къ женщинѣ; но достаточно было имъ коснуться восточнаго разврата и вернуться съ войны съ богатой добычей и значительнымъ числомъ невольницъ, чтобы сразу, въ самое короткое время, пошатнуть внутреннюю нравственную основу брачной жизни (семейной жизни у спартанцевъ не было и раньше). Уже Ксенофонтъ (слѣдоват. при переходѣ изъ V въ IV ст. до Р. Х.) говоритъ [1]: «Если бы, однако, кто нибудь спросилъ меня, думаю ли я, что законы Ликурга и и теперь еще не потрясены, то, клянусь Зевесомъ, я бы не осмѣлился этого утверждать». Брачная жизнь, какъ ее установилъ Ликургъ, существенно измѣняется; на мѣсто добровольнаго подчиненія законамъ государства наступаетъ необузданный произволъ личности; женская добродѣтель становится въ Спартѣ еще болѣе рѣдкой, чѣмъ гражданская; неизвѣстное въ прежнія времена нарушеніе брака вырождается въ полную общность женъ. Такимъ образомъ, Спарта въ частной и общественной жизни сразу и значительно быстрѣе Аѳинъ приблизилась къ своему разложенію.

Положеніе женщины у іонянъ въ доисторическое время Греціи. Въ переходное къ историческому періоду время Греціи мы видимъ, что бракъ у нихъ признается святымъ, и если сохранились еще остатки существовавшей когда-то полигаміи, то они встрѣчаются все же крайне рѣдко и представляютъ переходное явленіе. *Женщина занимаетъ свободное и почетное положеніе.* Хотя жизнь ея по большей части протекаетъ въ кругу семьи и въ заботахъ по хозяйству, но это уединеніе не имѣетъ ничего общаго съ замкнутостью женщинъ Востока; напротивъ, въ героическій вѣкъ роль женщины несравненно значительнѣе и виднѣе, нежели въ позднѣйшія историческія времена [2].

О взаимной любви и объ отношеніяхъ супруговъ того времени говорятъ слова, которыя Гомеръ влагаетъ въ уста Ахиллеса, что «каждый разумный мужъ любитъ и бережетъ свою жену». Еще трогательнѣе выражается возвышенное понятіе объ отношеніи къ женѣ въ прощаніи Гектора съ Андромахой:

„Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,

---

[1]) *Xenophon.* Oeconomikos, VII, 18.
[2]) *М. Н. Петровъ и А. Н. Деревицкій.* Исторія древняго міра, стр. 107.

Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое! Какъ тебя Аргивянинъ, мѣдью покрытый,
Слезы лiющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу".

Въ древнее время главнымъ занятiемъ жены было тканье, пряжа и вообще изготовленiе одежды для семьи. За такими работами рисуется намъ царская дочь, жена троянскаго царевича, Андромаха, въ обращенныхъ къ ней словахъ Гектора. Подобнымъ же образомъ и прекрасная невѣстка ея Елена «въ кругѣ сидѣла домашнихъ женъ рукодѣльницъ и славныя имъ назначала работы», занимаясь вмѣстѣ съ ними пряжей [1]).

Воспитанiе съ VII ст. до Р. Х. Вступая въ историческiй перiодъ Грецiи мы видимъ уже болѣе полную картину воспитанiя iонянъ, которое достигло въ Аѳинахъ крайняго предѣла своего развитiя во врмена Солона (слѣд. въ VI ст. до Р. Х.). Солонъ является единственнымъ законодателемъ-педагогомъ въ исторiи Грецiи; своей педагогикой и семейными законами онъ далъ iонянамъ возможность развить ихъ умственныя и нравственныя силы, выразившiяся съ такой мощью въ V ст. до Р. Х. [2]).

Въ то время (VII и VI ст. до Р. Х.) новорожденное дитя тотчасъ купали и повивали пеленками; на пятый день приносили очистительную жертву богамъ, и бабка или другiя женщины обносили его вокругъ домашняго очага и натирали очистительными снадобьями; торжество обнесенiя заканчивалось въ тотъ день общимъ пиромъ всѣхъ присутствовавшихъ. На десятый (или седьмой) день послѣ рожденiя праздновалось нареченiе имени младенцу съ установленными для этого жертвоприношенiями *Аполлону*, *Артемидѣ*, *нимфамъ*, рѣчнымъ богамъ—хранителямъ юношества. Отецъ давалъ имя въ честь ближайшихъ родственниковъ или друзей, въ память какихъ-нибудь важныхъ событiй жизни или же въ честь боговъ и героевъ. День опять кончался пиромъ, устроеннымъ для родственниковъ и знакомыхъ, при чемъ гости (уже въ позднѣйшiя времена) одаряли новорожденнаго игрушками, а роженицу расписными вазами. Если ребенокъ былъ мальчикъ, то двери украшались масличнымъ вѣнкомъ, если дѣвочка, то шерстянымъ; первый былъ символомъ гражданской храбрости, второй — женскаго трудолюбiя. Кормленiе младенца

---

[1]) *Hom. Il.* IX. 342, VI. 450—455, VI. 490—493, XXII. 440, III. 125—126, V. 734.—*Велишскiй.* Бытъ Грековъ и Римлянъ, стр. 286—291.

[2]) *П. Леонтьевъ.* „Историческая Грецiя" статья въ Пропилеи, III. (составл. по Гроту).—*О. Гордiевичъ.* „Солонъ и его стихотворенiя" въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстiяхъ. 1877 г. №№ 1—3.

возлагалось на мать или кормилицу; послѣднее, однако, вошло въ обычай лишь въ позднѣйшія времена, особенно въ іонійскихъ государствахъ.

Образованіе мужчины. До 6 лѣтъ мальчики воспитывались дома. Съ этого возраста (впослѣдствіи Платонъ и Аристотель настаивали, чтобы этотъ срокъ былъ отдаленъ до 10 лѣтъ [1]), для мальчиковъ начиналось общее воспитаніе внѣ дома—въ школѣ и въ палестрѣ, куда и откуда онъ ходилъ въ сопровожденіи дядьки, выбираемаго изъ рабовъ; послѣдній обязанъ былъ кромѣ того учить мальчика благоприличію—какъ держать себя дома и внѣ его, и оставался при немъ до зрѣлаго возраста [2]).

Школы въ Греціи были частныя; надзоръ государства за ними (за исключеніемъ гимнастики) ограничивался нравственной стороной [3]). Предметы обученія были слѣдующіе: 1) чтеніе, письмо и отчасти счетъ; 2) музыка; 3) гимнастика.

Познакомившись съ грамотой, мальчики около 13-го года начинали проходить *музыкальный курсъ* въ школѣ киѳариста, гдѣ учились играть на лирѣ и подъ акомпанементъ ея пѣть торжественныя и строгія пѣсни дорійскаго стиля, сочиненныя знаменитыми мелическими поэтами [4]). Музыкальное образованіе имѣло цѣлью не только практическое примѣненіе — участіе въ музыкальныхъ состязаніяхъ, въ религіозныхъ народныхъ торжествахъ, въ драматическихъ и хорическихъ играхъ (какъ это было у дорянъ и эолянъ) или пѣніе при домашнихъ забавахъ, но главнымъ образомъ, нравственное педагогическое вліяніе, чтобы, по словамъ Платона [5]): «пріучивъ всю душу къ риѳмѣ и гармоніи, исполнить ее кротости, созвучія и согласія, а черезъ то доставить ей пользу въ словѣ и дѣлѣ, потому что вся жизнь человѣческая требуетъ риѳмы и гармоніи». Однако такое значеніе придавалось музыкѣ начиная съ Солона только до конца Пелопонесской войны, слѣдовательно съ перехода отъ VII къ VI ст. до 431 г. до Р. Х [6]).

Одновременно съ нравственнымъ образованіемъ, а часто также и послѣ него шли усердныя занятія гимнастикой. Въ этомъ отношеніи греки руководились тѣмъ, что, съ одной стороны, правильное душевное развитіе

[1]) *Legg*. p. 794.
[2]) *Luc. Symp*. 29.
[3]) Aesch. въ „Timarch" § 8—12.—Dio Chrys. XX. 9.
[4]) *B. Westphal*. Geschichte der alten u. mittelalterlichen Musik. Bresl., 1865.—*Flach*. Geschichte der Griechisch. Lyrik. Tübing. 1884.
[5]) *Protag*. p. 326 a.
[6]) *Plut. Solon*. 20.

достигается только въ здоровомъ тѣлѣ, а съ другой — тѣло, какъ вторая равноправная часть человѣка, должно достигать всестороннѣйшаго и свободнѣйшаго развитія. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и во всѣхъ сторонахъ греческой жизни, мы видимъ проявленіе идеала тѣлеснаго и душевнаго совершенства.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такое полное образованіе получали только дѣти зажиточныхъ гражданъ; бѣдные принуждены были уже съ ранняго возраста браться за какое-нибудь практическое занятіе и ограничивались лишь самыми необходимыми познаніями [1]); но очень малое число свободныхъ аттиковъ оставалось совсѣмъ безъ образованія, такъ какъ аѳинскіе законы требовали, чтобы каждый отецъ-гражданинъ отдавалъ своихъ дѣтей учиться музыкѣ, чтенію, письму и гимнастикѣ [2]); кромѣ того, законъ не обязывалъ дѣтей, которымъ родители не дали надлежащаго образованія, кормить послѣднихъ въ старости [3]).

Образованіе аѳинскихъ дѣвушекъ. Образованіе аѳинскихъ дѣвушекъ ограничивалось обыкновенно умѣньемъ читать и писать, и то, вѣроятно, въ томъ случаѣ, если у нихъ были грамотныя матери. Въ благородныхъ же семействахъ дѣвушки получали и высшее образованіе, т. е. учились музыкѣ, пѣнію и танцамъ, но лишь настолько, насколько это было нужно для религіозныхъ обрядовъ во время извѣстныхъ празднествъ. Все остальное воспитаніе дѣвушки не выходило изъ предѣловъ тѣснаго домашняго круга и заключалось въ общеніи съ матерью, служанками, родственниками и подругами. Строгія понятія аѳинянъ о приличіи и цѣломудріи не позволяли дѣвушкѣ посѣщать школу внѣ дома; мало того, впослѣдствіи, уже въ IV ст. до Р. Х., приличіе требовало даже, чтобы дѣвушка какъ можно меньше слышала, какъ можно меньше видѣла и еще меньше желала знать [4]).

Равновѣсіе самостоятельнаго развитія интеллектуальныхъ силъ. Географическое положеніе іонійцевъ, занимавшихъ побережье Греціи, вызвало развитіе большого торговаго флота, значительно содѣйствовавшаго расширенію ихъ умственнаго кругозора. Морякъ-іоніецъ, объѣзжая чужія страны, завязывалъ сношенія, вызывавшія, въ свою очередь, обмѣнъ дѣлового знакомства и торговыхъ сношеній; къ нему пріѣзжали

---

[1]) *Plut. Solon* 22.
[2]) *Plato, Crito* p. 50, d.
[3]) *Plut. Solon.* 1. 1.
[4]) *Xen. Oeconom.* VII. 4.—*Велишскій* стр. 291—304.

заморскіе купцы — персы, египтяне, финикіяне и друг., которые своими разсказами знакомили его съ жизнью чужихъ странъ. Бесѣды эти велись или у пристани, или въ домѣ гостепріимнаго іонянина, въ кругу его семьи, такъ что слушали и просвѣщались не одни мужчины, но и жены ихъ, нерѣдко даже сопутствовавшія своимъ мужьямъ въ морѣ, какъ это встрѣчается и теперь у моряковъ прибрежнаго населенія.

Такое совмѣстное развитіе мужчинъ и женщинъ съ низшаго до высшихъ классовъ, начиная съ простого моряка и кончая богатымъ купцомъ, выработало ту независимость и въ то же время тѣсную семейную связь и строгую нравственность обоихъ половъ, которую мы видимъ у іонянъ въ самомъ началѣ историческихъ временъ Греціи. Благодаря этому одинаковому развитію, одинаковой ширинѣ кругозора установилось то равновѣсіе интеллектуальныхъ силъ мужа и жены, которое только и можетъ создать семью, въ строгомъ и святомъ смыслѣ слова, и которое, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, дало іонійцамъ гражданъ, составляющихъ, по справедливости, гордость Греціи до IV ст. до Р. Х., выдающихся женщинъ, какъ Саффо, Аспазія и другія.

Саффо. Саффо была чистая и кроткая дѣвушка; она преслѣдовала сатирами порочныхъ лесбосокъ; хорошихъ же собирала въ своемъ домѣ, который былъ поэтической и музыкальной школой эолійцевъ. У Саффо было немало ученицъ и соперницъ по искусству. Какъ хорошо она пѣла, видно изъ того, что Солонъ, услыхавъ одинъ изъ ея романсовъ, воскликнулъ: «не умру спокойно, пока не выучу этой пьесы».

Узаконенія Солона. Насколько при Солонѣ (слѣд. VII — VI ст.) женщина еще пользовалась самостоятельностью, мы можемъ заключить изъ того, что она свободно посѣщала театръ, эту высшую школу того времени. Факты выдачи дочери замужъ за выкупъ встрѣчались во времена Солона только какъ рѣдкія исключенія и то лишь въ томъ случаѣ, если женихъ былъ изъ богатой, а невѣста изъ бѣдной семьи, такъ какъ обычай этотъ и тогда уже считался унизительнымъ. Солонъ, возстановившій въ своемъ законодательствѣ полную равноправность женщины въ бракоразводныхъ дѣлахъ, закономъ воспретилъ отцамъ, братьямъ или опекунамъ брать выкупъ за выдаваемыхъ замужъ дочерей, сестеръ или опекаемыхъ, установивъ обязательное приданое и запретивъ насильственную выдачу замужъ [1]). Узаконенія Солона дозволяли отцамъ и

[1]) *Plut. Solon.* 23.

братьямъ получать выкупъ и выдавать противъ воли замужъ только въ томъ случаѣ, если дѣвушка пользовалась дурной репутацiей [1]).

Кромѣ того, Солонъ установилъ закономъ извѣстную систему маiоратства, дозволяя разводъ бѣдному, но происходящему изъ знатной семьи мужчинѣ при женитьбѣ его на родственницѣ, принадлежащей той же линiи, если она была единственной наслѣдницей имени и фамильнаго состоянiя, съ условiемъ, однако, полнаго обезпеченiя разведенной жены. Этимъ закономъ Солонъ дѣйствительно въ значительной степени удержалъ тогда интеллигентный классъ отъ вырожденiя и разоренiя, и мѣра эта имѣла больше экономическiй характеръ, касаясь притомъ лишь извѣстнаго класса. Имъ же установлено, что женщина можетъ ночью показываться на улицѣ не иначе какъ въ экипажѣ и съ факелами, и отмѣненъ обычай, обязывавшiй вдову нанимать за деньги плакальщицъ, шедшихъ на похоронахъ за гробомъ ея мужа и оглашавшихъ воздухъ громкими рыданiями.

Солонъ, этотъ мудрый законодатель, сдѣлавшiй такъ много для возстановленiя равноправности женщинъ, обошелъ ихъ въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ образованiе, и этимъ самъ далъ первый толчокъ къ разложенiю семьи, а слѣдовательно и государства. Пока разница въ образованiи обоихъ половъ была незначительна, она сравнивалась большей впечатлительностью женщины; но когда образованiе мужчины, особенно благодаря Солону, стало гораздо шире и полнѣе, а женское осталось на прежнемъ уровнѣ, къ тому же жизнь женщины вслѣдствiе жизненныхъ усложненiй, войнъ и проч. тѣснѣе ограничилась домашнимъ кругомъ, тогда неравенство интеллектуальныхъ силъ сдѣлалось настолько замѣтно, что ослабило духовную, умственную общность въ бракѣ, и достаточно было легкаго влiянiя извнѣ, чтобы женщина утратила въ семьѣ то почетное положенiе матери-гражданки, при которомъ только и могла она воспитать честныхъ гражданъ и патрiотовъ.

Персидскiя войны. (482—469 до Р. Х.). Пока жизнь шла своимъ чередомъ, не подвергаясь пагубнымъ внѣшнимъ влiянiямъ, воспитательное влiянiе матери-iонянки было настолько сильно, что оно, въ связи со школьнымъ образованiемъ, выработало цѣлый рядъ замѣчательныхъ по уму и честности государственныхъ мужей. Это лучше всего подтверждаютъ персидскiя войны и вѣкъ Перикла. Если принять во вниманiе

---

[1]) *Plut. Solon.* 20.

неравенство боровшихся въ этой войнѣ силъ, то невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ объяснить изумительный успѣхъ грековъ, неожиданный для нихъ самихъ? Первая причина его лежала, безъ сомнѣнія, въ превосходствѣ греческаго военнаго искусства, какъ видно на примѣрѣ Мараѳонской битвы, въ лучшемъ ихъ вооруженіи, болѣе строгой дисциплинѣ, но главнымъ образомъ — въ патріотическомъ одушевленіи, въ томъ кровномъ интересѣ — защитить домашній очагъ, женъ и дѣтей, какой вносили греки въ борьбу съ непріятелемъ. По окончаніи войны съ Ксерксомъ политическое первенство въ Греціи и военная гегемонія въ дальнѣйшихъ войнахъ съ персами мало-по-малу перешли отъ Спарты къ Аѳинамъ. Этому способствовали многія обстоятельства: блестящая роль Аѳинъ во время персидскихъ войнъ, великія ихъ заслуги въ общемъ дѣлѣ эллинской независимости и свободы и необыкновенный нравственный авторитетъ и таланты выдающихся аѳинскихъ гражданъ — *Мильтіада*, *Ѳемистокла*, *Аристида* и *Кимона* [1]).

Перикловъ вѣкъ. Вслѣдъ за персидскими войнами наступаетъ кратковременная, но блестящая эпоха общественнаго, умственнаго, художественнаго и экономическаго процвѣтанія Аѳинъ, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Периклова вѣка — эпоха высшаго развитія эллинской жизни и образованія. Разносторонняя дѣятельность Перикла, нераздѣльно управлявшаго Аѳинскимъ государствомъ съ 445 г. до начала Пелопонесской войны, представляетъ апогей интеллектуальнаго развитія Греціи, а самъ Периклъ—свѣтлый и благороднѣйшій типъ эллина лучшихъ временъ греческой исторіи. Домъ Перикла сталъ школой человѣчества. Здѣсь по вечерамъ собиралось все, что было талантливаго и просвѣщеннаго въ Элладѣ: учитель Перикла — философъ *Анаксагоръ*, даровитая и прекрасная *Аспазія* Милетская, великій философъ *Сократъ*, тогдашній Шекспиръ—*Софоклъ*, историкъ *Геродотъ*, отецъ медицины—*Гиппократъ*, первый въ древности комикъ—*Аристофанъ*, великіе мастера — художники: *Фидій*, *Полигностъ* и другія свѣтила наукъ и искусствъ.

Аспазія и гетеры. Близкое соприкосновеніе съ развращенными восточными нравами въ эпоху персидскихъ войнъ оказало на жизнь грековъ значительное отрицательное вліяніе, выразившее, главнымъ образомъ, въ развитіи у нихъ гетеризма. Но въ Греціи, гдѣ эстетическій

---

[1]) *М. Н. Петровъ*. I стр. 146, и другіе историки.

вкусъ и умственное развитіе достигло уже своего апогея, мужчина не могъ довольствоваться, какъ это было на Востокѣ, однимъ лишь чувственнымъ наслажденіемъ: онъ требовалъ отъ женщины удовлетворенія и духовныхъ своихъ потребностей, а потому здѣсь создался тотъ типъ высоко образованной, умственно и эстетически развитой гетеры, который мы встрѣчаемъ уже въ концѣ V ст. до Р. Х.

Съ начала V ст. въ Іоніи образовалось просвѣщенное общество, съ великимъ философомъ *Анаксагоромъ* во главѣ, которое увлекалось науками и искусствами и любило свободно критически разсуждать обо всемъ на площадяхъ и въ собраніяхъ. Женщины въ этомъ кружкѣ не уступали мужчинамъ по образованію и блистали тамъ умомъ и остроуміемъ. Особенно выдавалась среди нихъ своими познаніями и блестящимъ остроуміемъ прекрасная *Аспазія* Милетская [1]), которая развила въ Периклѣ его высокое эстетическое умосозерцаніе и которую Платонъ заставляетъ Сократа признать его учительницей краснорѣчія [2]). Изъ этого контингента высоко образованныхъ женщинъ, съ Аспазіей во главѣ, и выработался тотъ типъ греческой гетеры, который поработилъ себѣ умы Греціи, а впослѣдствіи и Рима.

Все увеличивавшаяся со временъ Солона разница въ образованіи женщинъ и мужчинъ дошла въ V столѣтіи до того, что супруги вели уже совершенно различную жизнь; ничто кромѣ юридическаго брака ихъ не связывало. А такъ какъ связь эта была слишкомъ недостаточна для сохраненія прочности семьи, то понятно, что строгость брачныхъ отношеній древняго времени, основанная на взаимномъ довѣріи и солидарности интересовъ, уступила мѣсто общей безнаказанной невѣрности и страсти къ свободнымъ отношеніямъ и необузданному сладострастію.

Разложеніе семьи. Такое положеніе вызвало новыя законодательства, поставившія женщину въ бо́льшую еще зависимость отъ деспотической власти мужчинъ, и даже нѣкоторые законы Солона, изданные съ цѣлью улучшенія ея положенія, получили діаметрально противоположное примѣненіе, въ особенности законъ о дочеряхъ съ маіоратнымъ наслѣдствомъ и друг. Съ этимъ униженіемъ женщины Греція потеряла мать-гражданку, что рѣзко отразилось на послѣдующихъ поколѣніяхъ, а также и на жизни всего государства. Уже скорѣ вслѣдъ персидскихъ

---

[1]) *А. Трачевскій.* Древняя исторія, стр. 153—154 и др. исторіи.
[2]) *De legg.* VI. 22 —*De republ.* V. 5.

войнъ женщины ограничиваются своими гинэкеями, гдѣ онѣ живутъ замкнутыми и обособленными отъ мужчинъ и выходятъ замужъ по волѣ отца, дѣда или другихъ ближайшихъ родственниковъ съ незначительнымъ только приданымъ. Воспитанная рабынями, не обладающими самыми незначительными познаніями, жена не могла представлять для мужа интеллектуальный интересъ, а потому естественно, что онъ сталъ смотрѣть на нее лишь какъ на родительницу его дѣтей. Такъ, Сократъ спрашиваетъ своего друга: «Съ кѣмъ ты разговариваешь меньше, чѣмъ съ своей женой?» Духъ прекраснаго у грековъ побуждаетъ аѳинянъ выбирать жену только по ея тѣлеснымъ, пластичнымъ качествамъ, чтобы она рождала красивыхъ дѣтей. «Изъ числа женщинъ мы обращаемъ вниманіе только на тѣхъ, отъ которыхъ мы надѣемся получать прекрасныхъ дѣтей, и на такихъ именно мы женимся», говоритъ Сократъ сыну Лампроклу.

Исхомахъ какъ исключеніе того времени. Какъ на исключительную рѣдкость въ то время, какъ на остатокъ прежнихъ семейныхъ отношеній, Ксенофонтъ указываетъ на своего молодого соотечественника *Исхомаха*, передавая о немъ слѣдующій разсказъ [1]). «Молодой почтенный аѳинянинъ Исхомахъ женился на дѣвушкѣ изъ зажиточнаго дома, которой едва минуло 15 лѣтъ. Она хорошо была знакома и съ кухней и съ женскими работами, но притомъ была проста и неопытна. Поэтому Исхомахъ рѣшился образовать молодую жену такъ, чтобы она могла быть достойной хозяйкой дома. Для достиженія успѣха въ задуманномъ дѣлѣ, онъ вмѣстѣ съ нею принесъ жертву богамъ и потомъ началъ объяснять ей, что ихъ общая обязанность—всѣми силами беречь и увеличивать то имущество, которое составляетъ ихъ общее достояніе.

«Какимъ же образомъ я могла бы помогать тебѣ въ этомъ? Вѣдь все въ твоихъ рукахъ. Мое дѣло, говорила мнѣ мать, быть вѣрной тебѣ и благоразумной».

«Но вѣдь тоже самое и мнѣ говорилъ мой отецъ», сказалъ Исхомахъ, «но я думаю, что обязанность умнаго мужа и умной жены — какъ можно лучше распоряжаться тѣмъ имуществомъ, которое есть у нихъ, и потомъ честно стараться о пріобрѣтеніи другого».

«Итакъ, что по твоему мнѣнію должна я дѣлать, чтобы увеличить его»?

---

[1]) *Xenoph. Oeconom.* VII.—X.—*Велишскій*, стр. 289.

«Стараться какъ можно лучше дѣлать то, къ чему боги дали тебѣ способность, и что предписываетъ законъ».

На вопросъ ея, что же именно требуется отъ нея, Исхомахъ объясняетъ, что задача ея такая же, какъ у матки въ ульѣ, т. е. не только ухаживать за дѣтьми, но и распредѣлять работу между рабочими и наблюдать за ними для того, чтобы сохранять и благоразумно употреблять въ домѣ то, что добываетъ мужъ; ибо заслуга жены въ этомъ случаѣ никакъ не меньше заслуги мужа. Далѣе, по словамъ Исхомаха, пріятнымъ занятіемъ жены должно быть обученіе рабынь тканью и домашнимъ работамъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ вдвое болѣе полезными для себя; притомъ она должна награждать прилежныхъ и наказывать лѣнивыхъ. Послѣ того Исхомахъ, желая испытать ее, прибавилъ, что едва ли будетъ ей пріятно ухаживать въ случаѣ болѣзни за тѣмъ или за другимъ изъ прислуги. Но когда молодая жена съ рѣшительностью утверждала, что ей не можетъ быть непріятно все то, что располагаетъ къ ней прислугу, Исхомахъ, видимо, восхищенный такимъ отвѣтомъ, нарисовалъ ей картину ихъ будущаго счастья.

Наконецъ онъ не преминулъ напомнить и о томъ, чтобы она, оставивъ существующій обычай, не бѣлилась, не румянилась и не носила башмаковъ съ высокими каблуками, такъ какъ ему наиболѣе нравится природная красота и натуральный ростъ жены.

Процвѣтаніе гетеризма. Въ дѣйствительности же за подобными немногими исключеніями мужчины не могли довольствоваться лишенными ума однообразными разговорами съ женами и сходились съ гетерами, привыкшими къ средѣ мужчинъ съ ранняго дѣтства, хорошо знакомыми со свѣтскими знаніями и настолько образованными, что талантливѣйшіе мужи и выдающіеся государственные люди развивали свой умъ въ ихъ обществѣ. Такимъ образомъ число гетеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе ихъ быстро возросло; скоро въ Аѳинахъ не было почти ни одного мужчины, который не жилъ бы съ гетерой. Во времена Перикла имъ воздвигаютъ памятники; онѣ накопляютъ неимовѣрныя богатства, забираются въ аудиторію наукъ; ихъ пріемы и приключенія записываются; въ нихъ почитаютъ служительницъ божества и уже *Демосфенъ* открыто заявляетъ передъ собраніемъ: «Мы беремъ себѣ женъ, чтобы рождать хорошихъ дѣтей, наложницъ—чтобы за нами хорошо ухаживали, и гетеръ — чтобы наслаждаться любовью».

Съ появленіемъ софистовъ наступила въ Аѳинахъ рѣзкая, какъ по-

литическая, такъ и нравственная перемѣна; либеральное и легкомысленное направленіе отразилось и на образованіи. Прежде всего это сказалось на подростающей молодежи, которая, получивъ старинное аѳинское образованіе, пошла слушать уроки софистовъ, пагубно вліявшихъ своимъ скептицизмомъ на знатную интеллигентную молодежь.

Алкивіадъ. Результаты быстраго разложенія семьи подъ вліяніемъ гетеризма не заставили себя долго ждать и уже характерно выразились на послѣдующемъ поколѣніи, которое настолько измельчало, что ровно черезъ 50 лѣтъ по окончаніи персидскихъ войнъ, уже въ 415 г. до Р. Х., роль Перикла могла играть такая личность, какъ племянникъ его—Алкивіадъ, считавшійся тогда однимъ изъ лучшихъ гражданъ. Вотъ что говорятъ о немъ историки: «Подобно своему выдающемуся дядѣ молодой человѣкъ этотъ соединялъ въ себѣ всѣ преимущества — красоту, богатство, знатность, природные таланты и отличное образованіе, но далеко уступалъ ему возвышенностью чувствъ и безкорыстіемъ побужденій. По легкости своей морали, неоглядному эгоизму и личному славолюбію Алкивіадъ представлялъ образчикъ уже вырождающагося эллинскаго типа» [1]).

IV столѣтіе до Р. Х. и паденіе Греціи. Новые философы были учениками Сократа и даже придерживались его разговорной формы: ихъ называли *сократиками*. Но, за исключеніемъ одного *Платона*, они искажали ученіе Сократа, развивая до крайности одну изъ сторонъ его ученія. Такъ, напр., основатель *киренейской* философской школы — богатый, безпечный и изящный гражданинъ веселой Кирены—*Аристиппъ* утверждалъ, что умъ и знанія нужны только для умѣнья жить, которое состоитъ въ искусствѣ умѣренно наслаждаться всѣмъ, ни о чемъ не заботясь, кромѣ себя самого.

Какъ догорающая свѣча вспыхиваетъ на мгновеніе, прежде чѣмъ окончательно погаснуть, такъ и одновременное появленіе въ Греціи двухъ честныхъ патріотовъ ѳивянъ — *Эпаминонда* и *Пелопида* было послѣднимъ отблескомъ прежней Греціи. Ѳивы, по смерти этихъ двухъ патріотовъ, впали въ прежнее ничтожество и апатію. Политически больная Спарта страдала полнымъ упадкомъ нравовъ, давно уже превратившимъ ликурговы учрежденія въ одну мертвую букву. Огромныя богатства, стекавшіяся сюда отъ военной добычи, *грабежей* и *подкуповъ ея государствен-*

---

[1]) *М. Н. Петровъ.* I. стр. 153 и проч. историки.

ныхъ людей и полководцевъ нарушили древнюю простоту жизни и равенство гражданъ, непомѣрно возвысивъ нѣкоторыя фамиліи и значеніе эфоровъ въ ущербъ царской власти. Такое же вырожденіе общественной и частной жизни наступило и въ Аѳинахъ.

Угрожающее положеніе македонянъ (около 340 года до Р. Х.), которыхъ греки считали все же варварами, возбудило наконецъ серіозныя опасенія патріотовъ. Во главѣ ихъ явился величайшій ораторъ древности—*Демосѳенъ*, разоблачавшій въ своихъ превосходныхъ рѣчахъ — «*Филиппикахъ*»—замыслы Филиппа противъ независимости Греціи. Но при господствовавшемъ тогда страшномъ упадкѣ нравовъ македонскому золоту легко удалось доставить дѣлу Филиппа нѣсколько другихъ, вліятельныхъ въ Аѳинахъ, лицъ, каковы, между прочимъ, были ораторы *Демадъ* и знаменитый соперникъ Демосѳена *Эсхилъ* [1]). Въ такомъ состояніи засталъ Грецію македонскій завоеватель и взялъ ее, какъ легкую добычу.

Итакъ съ потерей матери-гражданки и упадкомъ семейныхъ основъ Греція утратила народную независимость и общественную свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ истощился и творческій геній Эллады.

Римъ.

Государство какъ рыба всегда
начинаетъ портиться съ головы.

Государственное и семейное устройство. Древнѣйшее государственное устройство Рима, приписываемое преданіемъ Ромулу, представляло слѣдующія главныя черты.

Первообразомъ этого устройства была семья. Семья, по латинскимъ понятіямъ, составляла нераздѣльное цѣлое, представителемъ и главой котораго былъ отецъ, имѣвшій надъ членами семьи неограниченную власть, даже право продажи и казни. Однако за порогомъ дома дѣти считались уже равными отцу, и въ отношеніи къ государству имѣли одинаковыя съ нимъ права и обязанности. Такія главы семействъ назывались *patres*, т. е. законными отцами, и *patricii*, т. е. отцовскими дѣтьми. Полноправными гражданами Рима считались только коренные, родовые

---

[1]) *М. Н. Петровъ* и др. историки.

его обитатели. Но въ немъ, какъ во всякомъ торговомъ, промышленномъ городѣ, жило много разнаго пришлаго люда — купцовъ, иностранцевъ и заѣзжихъ гостей — не имѣвшаго, конечно, никакихъ правъ гражданства; для того, чтобы пользоваться личной безопасностью и владѣть имуществомъ, они должны были становиться подъ защиту какого нибудь римскаго дома, который представлялъ и отстаивалъ ихъ интересы передъ государствомъ. Такіе подзащитные люди назывались *кліентами*, а покровители ихъ—*патронами*, т. е. чтимыми какъ отцы. Члены размножившейся семьи, со смѣной поколѣній, утрачивали память объ общихъ предкахъ, и тогда развѣтвившееся семейство превращалось въ *родъ* (gens); въ каждомъ родѣ считалось обыкновенно 10 семействъ одного происхожденія. 10 родовъ составляли въ свою очередь «попечительство» или *курію*, а 10 курій — «часть» или *трибу*. Наконецъ изъ 3 трибъ, — рамновъ, тиціевъ и луцеровъ — слагалось государство. Конечно, дѣйствительный составъ населенія далеко не соотвѣтствовалъ такому идеальному дѣленію, но рубрики и числа эти тѣмъ не менѣе признавались нормальными и положены были въ основаніе всего древнѣйшаго общественнаго устройства Рима.

Унаслѣдовавъ отъ Альбы первенство въ латинскомъ союзѣ, Римъ не ограничился уже однимъ почетнымъ предсѣдательствомъ, такъ что гегемонія его въ этомъ союзѣ всѣ болѣе и болѣе переходила въ господство, а формальное равенство латинскихъ городовъ — въ фактическое подчиненіе. Такой перемѣнѣ отношеній въ латинскомъ союзѣ много способствовала централизаціонная политика, съ самаго начала принятая Римомъ относительно завоеванныхъ пріобрѣтеній. Покоренные города и общины латинскія вводились въ составъ римскаго государства, все болѣе и болѣе увеличивая его силу; населеніе же ихъ какъ оставшееся на старыхъ мѣстахъ, такъ и переселенное въ Римъ, за исключеніемъ немногихъ семей, не получало никакихъ гражданскихъ правъ и образовало многочисленный классъ *плебеевъ*. Плебсомъ, т. е. толпой, массой, назывались въ Римѣ эти люди для обозначенія ихъ безправности, политической безличности, такъ какъ въ юридическомъ отношеніи они стояли наравнѣ съ кліентами съ тою только разницей, что послѣдніе находились обыкновенно подъ защитой какого нибудь частнаго гражданина, плебеи же большею частью становились подъ покровительство царя, какъ своего верховнаго патрона, являясь, такимъ образомъ, какъ бы государствен-

ными клiентами. Впослѣдствiи различiе это исчезаетъ, и римскiе клiенты окончательно сливаются съ плебеями.

Во главѣ государства стоялъ царь, облеченный въ отношенiи гражданъ такою же неограниченною властью, какою пользовался въ семьѣ отецъ. Единственное ограниченiе царскаго полновластiя состояло въ томъ, что онъ могъ только исполнить законъ, но не измѣнить его, а также въ томъ, что онъ былъ *выборный* монархъ. Каждый римскiй гражданинъ обязанъ былъ безусловно повиноваться ему, но въ нравственномъ отношенiи считалъ себя равнымъ, такъ какъ и самъ имѣлъ право быть избраннымъ въ цари. Въ этомъ заключается существенное различiе между царской властью въ Римѣ и на Востокѣ, гдѣ авторитетъ царя считался божественнымъ.

Аналогiя римскаго государства съ семьей простирается и далѣе. Какъ отецъ въ серiозныхъ случаяхъ нравственно обязанъ былъ спрашивать совѣта у всѣхъ мужскихъ членовъ своего дома, но юридически могъ этого и не дѣлать — такъ и царь, рѣшая важныя вопросы, обязывался обычаемъ спросить мнѣнiе старѣйшинъ или представителей родовъ, — коллегiя которыхъ называлась *сенатомъ*, — но могъ и не принять ихъ мнѣнiя. Такимъ образомъ влiянiе сената было скорѣе нравственное, нежели политическое и нисколько не ограничивало царскаго самодержавiя.

Неограниченная власть отца. У древнихъ писателей мы находимъ довольно много указанiй на то, что часто въ патрiархальныхъ семьяхъ отцы семействъ (pater familias) имѣли особое судебное кресло, въ которомъ они, въ присутствiи семейнаго совѣта, творили судъ надъ членами семьи, приговаривая ихъ иногда къ смерти или изгнанiю изъ отечества. Такъ, Валерiй Максимусъ чрезвычайно подробно передаетъ сцену суда, въ которой Кассiй Висцелинъ осуждаетъ своего сына на смертную казнь, затѣмъ онъ описываетъ, какъ строгiй патрицiй Сцаурусъ приговариваетъ сына къ самоубiйству [1]). Къ такой же смерти (чрезъ самоубiйство) присудили своихъ сыновей Фабiй Эбурнусъ и Аулусъ Фульвiй [2]); а Титъ Аррiй той же патрiархальной властью изгналъ своего сына изъ отечества [3]).

Строгiй бракъ у патрицiевъ. Между патрицiями существовалъ

[1]) *Valer. Maxim.* lib. 5, n. 1, 2, 4.—Qui severi adv. liberos.
[2]) Sallust. de Bell. Catil. c. 39.
[3]) *Senec. de Clem.* lib. 1. c. 15.

только *строгій* бракъ. Въ такомъ бракѣ жена совершенно стушевывается въ семействѣ мужа; если послѣдній—глава семьи (pater familias), она подчиняется ему, если же онъ не самостоятеленъ (filius familias),—тому, кому онъ подчиненъ. Въ этомъ бракѣ съ женщиной обращаются какъ съ принадлежностью: всѣмъ имуществомъ владѣетъ исключительно мужчина; она не можетъ ничего пріобрѣтать для себя, не можетъ ни свидѣтельствовать, ни получать отъ мужа подарки, она подчинена приговору мужа, который, въ присутствіи родственниковъ, осуждаетъ ее и налагаетъ всякаго рода наказанія, даже смертную казнь. Такой бракъ, по словамъ Діонисія и Плутарха, вносилъ во всю семейную жизнь вмѣсто любви и довѣрія—строгость и деспотизмъ.

Но уже при Ромулѣ семейное положеніе жены начало смягчаться. Такъ, сабиняне, при заключеніи съ римлянами мира, выговорили, чтобы жены римлянъ были освобождены отъ всякихъ работъ на своихъ мужей за исключеніемъ тканья и пряденья, считавшихся тогда почетнымъ занятіемъ; на основаніи того же договора римляне лишились права продавать своихъ женъ, причемъ виновный въ этомъ отвѣчалъ своей жизнью, что и было узаконено Ромуломъ [1]). Кромѣ того, законъ Ромула («jus divortendi ne esto») отнимаетъ у мужа право развода, допуская для этого только три случая (измѣна, дурное обращеніе съ дѣтьми и пренебреженіе къ хозяйству); за всякій же другой разводъ виновный наказывался тѣмъ, что одна половина его имущества переходила къ оставленной женѣ, другая—къ богинѣ Церерѣ [2]).

Нума Помпилій еще болѣе упорядочиваетъ супружескія отношенія [3]). Онъ придаетъ *строгому* браку установленную религіозную форму посредствомъ «*conferreatio*» [4]) и ставитъ различіе между женами, за которыхъ мужъ уплатилъ отцу извѣстную сумму, и тѣми, которыя приносятъ въ домъ приданое. Первыя, какъ бы купленныя мужемъ, всецѣло переходятъ въ его патріархальную власть и называются *матерями семейства*—«mater familias» [5]). Вторыя, внесшія въ домъ матеріальный цензъ въ видѣ приданаго и какъ бы купившія себѣ защиту и патріархальное покровительство мужа, называются болѣе

[1]) *Plut. Romul.* 15. 19.
[2]) *Plut. Romul.* 22.
[3]) *Plut. Confr. Lycurg. et Numa.* 3.
[4]) *Apul.* I. 10. *de Asino.—Adv. Gentes* lib. 4.
[5]) *Boet. comm. ad Topic. Cicer.* lib. 2.—*Gellius*, lib. 18, 616.

*

почетнымъ именемъ—«matrona»[1]. Но и въ тѣ времена Рима у патриціевъ существовалъ только *строгій* бракъ, который могъ быть расторгнутъ мужемъ лишь по извѣстнымъ причинамъ, но при которомъ женщина такъ или иначе переходила изъ власти отца во власть мужа (in manum maritae).

Свободный бракъ плебеевъ. Въ противоположность этому строгому браку патриціевъ у плебеевъ развился *свободный* бракъ, въ которомъ царитъ обособленность и полная безсвязность. Совершается онъ безо всякихъ формальностей; жена не переходитъ во владѣніе мужа и даже не считается членомъ его семейства; она остается въ своемъ родномъ или принявшемъ ее семействѣ во власти прежняго своего господина (отца или брата). Поэтому она не получаетъ права родства и наслѣдства въ семействѣ мужа; ея имущество отдѣльно отъ имущества мужа. Разводъ при этомъ бракѣ дозволяется какъ той, такъ и другой сторонѣ даже безъ особеннаго законнаго повода[2].

Борьба плебеевъ за равноправность съ патриціями. Между этими двумя противоположностями въ бракахъ патриціевъ и плебеевъ скоро завязалась борьба, тѣсно связанная съ борьбой патриціевъ съ плебеями вообще. Гордый патрицій, присвоившій себѣ одному ауспицію, устрашился смѣшаннаго брака, который, однако, не считался коннубіумомъ—жена не получала сословныхъ правъ мужа, и дѣти отъ подобраго брака оставались плебеями. Привыкшіе къ строгой формѣ брака властные патриціи съ тѣмъ большимъ пренебреженіемъ смотрѣли на бракъ плебеевъ, что въ немъ жена не была безусловно подчинена мужу.

Въ борьбѣ за одинаковыя съ патриціями права плебеи главнымъ образомъ стремились къ законному признанію смѣшанныхъ браковъ, къ коннубіуму между патриціями и плебеями; однако они не сразу достигли этой цѣли; законы 12 таблицъ хотя и позволили имъ установить между собой бракъ, по образцу *строгаго* брака патриціевъ, дающій мужьямъ ту же власть надъ женами, какую *conferreatio* давало патриціямъ, но въ то же время запретили *connubium* между патриціями и плебеями. Да и самый плебейскій строгій бракъ въ значительной степени вытекалъ изъ свободнаго, такъ какъ и раньше

---

[1]) *Plaut. Trim.* act. 5. 2, 39.
[2]) *Jos. Unger.* „Die Ehe in ihrer welthistor. Entwicklung“. Wien. 1885, s. 65.

подобный бракъ обращался въ строгій, если жена оставалась въ продолженіе цѣлаго года у мужа, не отлучаясь за это время и на три ночи (trinoctium).

Не удовольствовавшись этими правами, данными законами 12 таблицъ (децемвирами, около 556 г. до Р. Х.), плебеи продолжали борьбу съ прежней энергіей. Брачное безправіе было очень обидно для плебеевъ и совсѣмъ не нужно для патриціевъ: среди плебеевъ уже встрѣчались люди богаче и почетнѣе патриціевъ и все чаще случалось, что патрицій, желая выгодно пристроить сына или дочь, самъ старался породниться съ богатымъ и важнымъ плебеемъ, хотя потомство его вмѣстѣ съ тѣмъ лишалось правъ римскаго гражданства. Въ 445 г. до Р. Х. трибунъ *Канулей* предложилъ два закона: 1) брачное право принадлежитъ одинаково какъ патриціямъ, такъ и плебеямъ; дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ принадлежатъ къ сословію отца; 2) плебеи избираются въ консулы наравнѣ съ патриціями [1]). Законы эти скоро прошли, и такимъ образомъ борьба между патриціями и плебеями въ области брачной и семейной жизни кончилась побѣдой послѣднихъ. Оба сословія слились и сдѣлались однимъ могучимъ народомъ.

Положеніе женщины въ началѣ римской исторіи. У римлянъ съ древнѣйшихъ временъ и во всѣ періоды ихъ исторіи господствуетъ въ бракѣ строго моногамическая форма. Несмотря на сурово-деспотическій, повидимому, складъ семейной жизни, женщина въ древнемъ Римѣ вела въ дѣйствительности болѣе самостоятельную жизнь и занимала болѣе почетное мѣсто, чѣмъ современная ей греческая женщина. На это отчасти указываетъ уже узаконеніе, освобождающее женщину отъ всякой работы на мужа, а также свободное посѣщеніе ею театровъ и прочихъ зрѣлищъ и народныхъ празднествъ. Нума учреждаетъ институтъ весталокъ, которыя, какъ представительницы чистоты и цѣломудрія, должны оберегать священный огонь. Для сохраненія женской чести запрещается привлекать женщину къ суду [2]).

Начиная съ V-аго ст. до Р. Х., когда, съ уравненіемъ правъ плебеевъ и патриціевъ, Римъ крѣпнетъ и становится могучимъ, свѣдѣнія, дошедшія до насъ, носятъ уже болѣе полный и достовѣрный, не только политическій, но и культурный характеръ, передавая намъ факты и изъ семейной жизни римлянъ.

---

[1]) *А. Трачевскій.* Древняя Исторія. стр. 271.
[2]) *Plut.* Confr. Lycurg. et Numa, 5.

Юридическія права отца. По римскому праву отецъ имѣлъ неограниченную власть надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, даже совершеннолѣтнихъ и пользующихся всѣми гражданскими правами. Эта власть (patria potestas) прекращалась только тогда, когда отецъ или добровольно отказывался отъ нея, или лишался по какой нибудь законной причинѣ. Отказаться отъ правъ надъ сыномъ отецъ могъ или дозволивъ другому гражданину усыновить сына (въ такомъ случаѣ patria potestas сполна переходила къ усыновившему), или посредствомъ *эманципаціи*, состоявшей въ томъ, что отецъ, только для вида, три раза продавалъ сына выбранному имъ довѣренному лицу (*pater fiduciarius*), возвращавшему его каждый разъ послѣ покупки настоящему отцу, такъ какъ по старинному закону сынъ, трижды проданный отцомъ, считался свободнымъ. По закону отецъ лишался власти надъ сыномъ въ томъ случаѣ, если онъ самъ или сынъ утрачивалъ права гражданства или сынъ дѣлался жрецомъ Юпитера (flamen Dialis), а надъ дочерью—съ ея замужествомъ и переходомъ во власть мужа. Такой жестокій, несправедливый и неестественный законъ, не выпускавшій и взрослыхъ людей изъ-подъ отцовской власти, въ дѣйствительной жизни постоянно умѣрялся общественнымъ мнѣніемъ и обычаемъ, по которымъ, напр., отецъ судилъ особенно важные проступки дѣтей передъ цѣлымъ родомъ, и наконецъ тѣмъ, что злоупотребленіе властью каралось цензоромъ [1]).

Виды брака. Римское право признавало два рода брака, а именно: matrimonium *justum*, *legitimum* (бракъ полный, законный) и matrimonium non justum (бракъ неполный). Первый, удовлетворяя вполнѣ всѣмъ религіознымъ и политическимъ требованіямъ, получалъ санкцію религіи и имѣлъ полное гражданское значеніе; второй, не удовлетворяя всѣмъ условіямъ, не получалъ санкціи религіи и, имѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ извѣстное значеніе передъ закономъ, тѣмъ не менѣе не обезпечивалъ за семействомъ тѣхъ правъ, которыя давалъ matrimonium justum.

Условія для заключенія *matrimonium justum* были слѣдующія: 1) обѣ стороны должны были имѣть право законнаго супружества (connubium); поэтому такой бракъ допускался только между римскими гражданами, а не между гражданами съ одной стороны и рабами и

---

[1]) *Велишскій*. стр. 304—319.

вольноотпущенными или иностранцами съ другой; 2) вступающіе въ бракъ должны были быть совершеннолѣтни—*puberes* (женихъ не моложе 14, невѣста—12 лѣтъ); 3) брачущіеся не могли быть близкими родственниками (бракъ между родственниками въ первой и второй степени безусловно воспрещался, въ третьей—не всегда). Наконецъ, требовалось согласіе родителей (или дѣдовъ, опекуновъ), а также взаимное согласіе вступающихъ въ бракъ.

Matrimonium justum могъ заключаться двоякимъ образомъ: жена или освобождалась изъ-подъ власти отца (или опекуна) и переходила во власть мужа (conventiotin manum mariti), или же оставалась подъ прежней опекой. Законный бракъ заключался при самыхъ торжественныхъ религіозныхъ обрядахъ, носившихъ названіе конферреаціи (conferreatio), которую совершали верховный жрецъ (pontifex maximus) и фламинъ Юпитера (flamen Dialis) въ присутствіи десяти свидѣтелей. Въ древнѣйшія времена этотъ обрядъ соблюдался при бракахъ патриціевъ; впослѣдствіи онъ вышелъ изъ употребленія и оставался обязательнымъ только для патриційскихъ жрецовъ.

Во времена республики при заключеніи брака совершалась символическая купля (coepmtio): женихъ покупалъ у родителей невѣсту (съ ея же согласія) за извѣстную символическую плату и, такимъ образомъ, получалъ ее въ полную свою власть [1]).

Далѣе, бракъ считался законнымъ въ силу *usus*, т. е. давности, когда женщина въ теченіе цѣлаго года жила съ мужчиной, не отлучившись болѣе чѣмъ на трое сутокъ; но эта форма брака не получила распространенія и скоро вышла изъ обычая.

Четвертый видъ законнаго брака (этрусскаго происхожденія) основывался на договорѣ, по которому жена не переходила во власть мужа, но оставалась самостоятельною и свободно распоряжалась своимъ имуществомъ (сначала подъ надзоромъ отца или опекуна, а впослѣдствіи совершенно независимо). По римскому праву, женѣ, бывшей въ такомъ замужествѣ, принадлежало сначала лишь названіе *uxor*, но впослѣдствіи — mater familias [2]). Уже со II-аго ст.до Р. Х. эта форма брака встрѣчается чаще всего.

Matrimonium non justum (бракъ неполный въ юридическомъ, нрав-

---

[1]) *Gai Just.* I. 113.

[2]) *Johannes Emil Kuntze.* „Cursus d. römischen Rechts". Leipz. 1869, s. 610.— „Geist d. römischen Rechts". Leipz. 1866. Bd. II, s. 181.

ственномъ отношеніи, на основаніи же обычнаго права онъ считался безукоризненнымъ) заключался въ древнѣйшія времена, пока еще плебеи не пользовались правомъ *connubii*, между патриціями и плебеями, а впослѣдствіи въ томъ случаѣ, когда жена не была римской гражданкой.

Супружество между рабами и рабынями называлось *contubernium* (сожительствомъ).

Разводъ. Разводъ (*divortium*, если происходилъ по требованію обѣихъ сторонъ, *repudium*—если по желанію одной) въ концѣ республики и позднѣе былъ явленіемъ весьма частымъ, но во всякомъ случаѣ совершался не иначе, какъ по рѣшенію родственниковъ той и другой стороны. Въ древнѣйшія времена это случалось гораздо рѣже, особенно при бракѣ черезъ конфорреацію (такъ Valer. Maximus и Gellius увѣряютъ, съ основанія Рима въ первые 520 лѣтъ не было ни одного случая развода),[1]) въ послѣднемъ случаѣ при разводѣ происходилъ новый обрядъ *диффереаціи*. Браки жрецовъ были нерасторжимы. Разводъ при бракѣ, заключенномъ черезъ символическую куплю, сопровождался обратнымъ обрядомъ выкупа (*remancipatio*); расторженіе брака, состоявшагося вслѣдствіи давности (*usus*), совершалось только простымъ объявленіемъ о разводѣ.

Тѣ браки, при которыхъ жена не переходила во власть мужа, и наконецъ, неполный бракъ расторгались чаще другихъ и притомъ нерѣдко по самымъ ничтожнымъ причинамъ.

Разводъ, если онъ требовался одной стороной, объявлялся другой сторонѣ устно, въ присутствіи свидѣтелей, или письменно. Если расходящіеся супруги не могли придти къ соглашенію насчетъ дѣлежа имущества, то дѣло рѣшалось судомъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда та или другая сторона требовала развода формально передъ судомъ. За извѣстные проступки во время супружества судъ назначалъ денежное взысканіе. По истеченіи одного года разошедшіеся супруги могли вступать въ новые браки на правахъ овдовѣвшихъ.

Воспитаніе. Въ древнія времена дѣти получали физическое и умственное воспитаніе въ отцовскомъ домѣ главнымъ образомъ отъ матери, которая съ особеннымъ стараніемъ выбирала нянекъ и кормилицъ; отсюда извѣстное выраженіе «*in gremio matris educari*»

---

[1]) *Valer. Maximus*. II. 1. 4.—*Aulus Gellius* IV. 3.

(быть воспитаннымъ на лонѣ матери). Государство, предоставивъ отцу неограниченныя права надъ дѣтьми, не вмѣшивалось прямымъ образомъ и въ воспитаніе, только въ случаяхъ вреднаго вліянія семейной обстановки оно, въ лицѣ цензора, могло парализовать дурное направленіе въ воспитаніи. Въ семейной средѣ ребенокъ рано усваивалъ строгія римскія добродѣтели—почтеніе къ богамъ и законамъ, скромность въ рѣчахъ и поступкахъ (пока подъ гнетомъ *patria potestas*), послушаніе, честность, умѣренность и трудолюбіе. Принимаетъ ли отецъ семейства рано по утру въ атріумѣ сидя въ креслѣ кліентовъ и выслушиваетъ ихъ нужды; раскрываетъ ли онъ во время празднествъ и похоронъ шкафы съ восковыми изображеніями славныхъ доблестныхъ предковъ; идетъ ли рѣчь о великихъ дѣлахъ славнаго прошлаго; поется ли застольная пѣснь о подвигахъ героевъ и могучихъ дѣятеляхъ римской исторіи—всегда тутъ присутствуютъ дѣти, и здѣсь то впечатлительный умъ ихъ запасается здоровыми задатками на цѣлую жизнь. Дѣти участвуютъ и въ общемъ обѣдѣ, сидя за отдѣльными столиками, или же прислуживаютъ родителямъ. Дочери прядутъ, ткутъ и вяжутъ вмѣстѣ съ матерью; сыновья пашутъ, сѣютъ и жнутъ вмѣстѣ съ отцомъ; у него же учатся они ѣздить верхомъ, плавать, владѣть оружіемъ, а также и начаткамъ чтенія, письма и счета. Но такъ какъ отецъ не всегда могъ быть руководителемъ въ дѣлѣ обученія, то приходилось обращаться къ учителямъ. Въ богатыхъ домахъ учителемъ былъ знающій грамоту рабъ, или же дѣти ходили въ школу.

Что къ концу V-аго ст. уже существовали школы, въ которыхъ обучались и дѣвочки, достигшія даже зрѣлаго возраста, доказываетъ первая встрѣча Аппія Клавдія съ Виргиніей (слѣд. около 494 г. до Р. Х.), которую онъ, по словамъ римскихъ писателей, впервые увидалъ при выходѣ ея изъ школы, находившейся близъ народной площади [1]). Занятія въ школѣ начинались рано утромъ. Мальчики не были отдѣлены отъ дѣвочекъ [2]). Сыновей зажиточныхъ родителей провожалъ въ школу рабъ (*custos*), а дѣвочекъ—няня (*nutrix*). Заботливыя мамаши заранѣе присылали въ школу лакомства и разныя печенія (*crustula*), которыя служили для учителя средствомъ приманки дѣтей въ школу [3]).

---

[1]) *Fr. Moestl.* „Frauenleben im alten Rom“. s. 5.
[2]) *Horacius.* Sat. I. 6, 76.
[3]) *Horac.* Sat. I. 1, 25.

Для взрослыхъ учениковъ лакомства замѣнялись розгой (*ferula*), къ которой учителя прибѣгали довольно часто [1]).

Съ тѣхъ поръ какъ римляне, завоевавъ южную Италію, познакомились съ греческою жизнью, кругозоръ ихъ значительно расширился, и они стали мало-по-малу чувствовать недостатки существующаго у нихъ образованія. Такимъ образомъ обученіе перешло сначала только въ нѣкоторыхъ семействахъ, вскорѣ же, по примѣру Эмилія Павла, сплошь къ учителямъ—грекамъ (*grammaticus*, *litteratus*) и состояло не только (какъ это бывало прежде) въ практическомъ изученіи греческаго языка, но и въ чтеніи и толкованіи греческихъ поэтовъ (преимущественно Гомера) и прозаиковъ. При сильномъ вліяніи греческой культуры языкъ этотъ сдѣлался моднымъ и преобладающимъ въ салонахъ образованныхъ женщинъ, и, конечно, ближайшей задачей было усвоеніе его съ самаго юнаго возраста. Мало-по-малу и стариннаго римскаго надзирателя (*custos*) смѣнилъ греческій педагогъ, а няню, провожавшую дѣвочекъ въ школу—барыня-гречанка, нѣчто въ родѣ нашей гувернантки.

Въ высшихъ школахъ (*scholae*) ученики дѣлились на группы по познаніямъ. Во времена Августа упоминаются и награды, которыми служили рѣдкія книги [2]). Музыка, пѣніе и танцы въ періодъ республики были исключены изъ школы, какъ неприличныя занятія. Причину этого нужно видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что эти искусства стали извѣстны римлянамъ не въ то время, когда они имѣли глубокое образовательное значеніе, а уже въ эпоху упадка нравственности и духовной жизни Греціи, наложившую соотвѣтствующій отпечатокъ и на искусство.

Положеніе женщины. Положеніе женщины у римлянъ въ цвѣтущее время республики было гораздо почетнѣе, чѣмъ у грековъ. Хотя по закону она и была безусловно подчинена мужу, но на дѣлѣ считалась полноправной госпожей въ домѣ, отъ нея преимущественно зависѣло веденіе хозяйства въ домѣ, и ее не только всѣ домашніе, но и мужъ называлъ почетнымъ именемъ *domina* (госпожа). Она принимаетъ визиты своихъ родственниковъ или въ таблинѣ, или въ собственныхъ комнатахъ около перестиля въ задней части дома и присутствуетъ

[1]) Horac. Epist. II. 1, 70.—*Mart.* IX. 68.
[2]) *Suet. de ill.* gr. c. 17.

также во время пріема гостей мужемъ; обѣдаетъ вмѣстѣ съ мужемъ, тогда какъ дѣти ѣдятъ за особымъ столомъ. Работы по кухнѣ предоставлены прислугѣ. Занятія жены состоятъ въ тканьѣ и пряденьѣ вмѣстѣ со служанками и уходѣ за дѣтьми, которые приблизительно до 10 года остаются единственно на ея попеченіи. Какъ благотворно было въ хорошихъ семействахъ вліяніе матери на воспитаніе дѣтей, указываютъ уже, помимо многочисленныхъ свидѣтельствъ, вышеприведенныя слова *in gremio matris educari* (быть воспитаннымъ на лонѣ матери), которыя Цицеронъ и другіе писатели употребляли въ смыслѣ: получить самое тщательное воспитаніе. Отсюда понятно вліяніе матери на взрослыхъ дѣтей, какъ, напр., Волумніи на Коріолана, Корнеліи на Гракховъ и т. п.

Показываясь на улицу въ приличной одеждѣ (stola matronalis), римлянка непремѣнно встрѣчала должное почтеніе со стороны прохожихъ; даже на судѣ нельзя было дотронуться до нея, хотя бы это требовалось юридическими обычаями (напр., auriculam tangere). Она свободно посѣщаетъ храмы, театры, бываетъ на пирахъ, присутствуетъ на судѣ въ качествѣ свидѣтеля и отъ своего имени ходатайствуетъ передъ судомъ за близкихъ ей лицъ.

Главная забота римской женщины въ семьѣ—одѣвать домочадцевъ и воспитывать семью. Въ хорошихъ семействахъ такъ было до конца республики и даже послѣ ея паденія.—Такія качества въ женщинѣ не только уважались при жизни, но прославлялись и послѣ смерти: на римскихъ надгробныхъ памятникахъ часто попадаются названія умершей *рукодѣльницей* (lanifica) или *домосѣдкой* (*domiseda*) или (*«domum servavit, lanam fecit»*); нерѣдко встрѣчается и символъ женскаго трудолюбія—*ткацкій станокъ*.

Римская женщина. При всемъ строго патріархальномъ строѣ семьи римская женщина пользовалась не только однимъ формальнымъ, показнымъ, но и дѣйствительнымъ почетомъ и уваженіемъ какъ въ семьѣ, такъ и внѣ ея. Насколько велико было ея вліяніе—не юридическое, но вліяніе духовной силы, показываетъ римская исторія въ лицѣ *Лукреціи* (509 г. до Р. Х.), смерть которой такъ тѣсно связана съ отмѣной царскаго достоинства въ Римѣ и изгнаніемъ Тарквиніевъ; *Ветуріи*, уговорившей своего любимаго сына Маркуса Коріолана пощадить Римъ, хотя этимъ она теряла его навсегда; молодой *Виргиніи* (494 г. до Р. Х.), выказавшей такую глубину душевной силы и

женскаго цѣломудрія, побудивъ отца лучше умертвить ее, чѣмъ отдать въ наложницы презрѣнному Клавдію; *Корнеліи* (186 г. до Р. Х.), дочери Сципіона Старшаго Африканскаго, жены достойнаго трибуна Гракха и матери Тиверія и Гая Гракховъ. Корнелія была богата, красива, умна и уже по-гречески образована: ея письма долго считались образцами римской прозы. Она горячо любила своихъ сыновей—Тиверія и Гая—и сама обучала ихъ, при чемъ передала имъ не только свои познанія, но и свой патріотизмъ и высокую нравственность. Когда одна пустая оптиматка попросила ее показать свои сокровища, она указала на уютную спаленку, гдѣ покоились ея дѣти.

Какъ отблескъ величія прежней римской матроны впослѣдствіи являются еще: *Агриппина Старшая*, *Кальпурнія*, жена Плинія, и *Юлія Мамея* (222 г. до Р. Х.), которыми и заканчивается списокъ этихъ славныхъ именъ.

Римская женщина удержалась, какъ мать, жена и гражданка, на должной высотѣ до II-аго ст. до Р. Х., и приведенныя имена указываютъ, чѣмъ могла быть женщина въ Римѣ при условіяхъ юридическаго безправія. На силу ея вліянія за предѣлами семьи указываетъ, между прочимъ, приказъ царя Пирра своему посланнику, отправлявшемуся въ Римъ, а именно: взять съ собой побольше подарковъ для женъ, которыя—какъ говорится въ приказѣ—«въ Римѣ пользуются большимъ почетомъ и имѣютъ большое вліяніе» [1]. Неудивительно, что въ то время семья могла давать такихъ гражданъ-патріотовъ, какими Римъ былъ богатъ въ IV-омъ, III-емъ, и даже во II-омъ столѣтіяхъ до Р. Х.

Отрицательное вліяніе грековъ на нравы римлянъ. Съ половины III-яго ст. начинаетъ проявляться вліяніе греческой культуры, а къ концу этого столѣтія наступаетъ уже полное подчиненіе римлянъ не только греческому культурному развитію, но и порчѣ нравовъ. Лишь немногія семьи въ родѣ семьи Сципіона Старшаго или трибуна Гракха могли прививать дочерямъ высокія нравственныя качества наравнѣ съ высокимъ образованіемъ: повсемѣстно вмѣстѣ съ греческимъ образованіемъ проникалъ въ домъ и зародышъ разложенія патріархальныхъ семейныхъ основъ. На деморализующее вліяніе греческихъ нравовъ, дѣйствовавшее не только на семью, но и на войско, указываетъ битва при Каннахъ въ Апуліи (216 г.) и ея послѣдствія для войскъ Ган-

[1]) Geschichte der Frauen. Leipz. 1853. s. 50.

нибала. Римская армія почти вся была здѣсь истреблена, Павелъ Эмилій—убитъ. Только послѣ такого погрома нѣкоторые греческіе союзники Рима, въ томъ числѣ Капуа и Тарентъ, перешли на сторону враговъ. Въ первомъ городѣ Ганнибалъ провелъ зиму, и это сильно повліяло на деморализацію его войскъ, такъ какъ Капуа отличалась изнѣженностью и легкомысліемъ своихъ жителей [1]).

Lex Oppia. Вліяніе легкомысленныхъ греческихъ женщинъ столь быстро распространилось въ Римѣ, что благоразумный патріотъ трибунъ Кай Оппій еще въ началѣ пуническихъ войнъ (195 г. до Р. X.) провелъ законъ, которымъ установлялось, что «римлянка не должна носить на себѣ золота болѣе полъ-унціи, не должна носить пестрые наряды, не должна ѣздить по городу и на разстояніе тысячи шаговъ отъ него за исключеніемъ торжественныхъ празднествъ». Но уже нѣсколько лѣтъ спустя по окончаніи второй пунической войны поднялась рѣчь объ отмѣнѣ закона Оппія (*Lex Oppia*), такъ какъ онъ былъ изданъ въ тяжелое время, какъ мѣра для обузданія роскоши женщинъ. Въ день предполагавшейся отмѣны закона женщины въ громадномъ числѣ собрались на форумѣ, окруживъ сенаторовъ и консуловъ, и всячески старались склонить ихъ въ пользу своего дѣла. Противъ отмѣны закона выступилъ консулъ Маркъ Катонъ съ замѣчательной рѣчью, въ которой указывалъ на то, что самый фактъ такого большого сборища на форумѣ женщинъ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ у нихъ серіознаго умственнаго развитія, содѣйствовавшемъ столь сильному распространенію греческаго легкомыслія и страсти къ показной роскоши и нарядамъ; что заботясь объ образованіи гражданъ, римляне забыли позаботиться въ той же степени объ умственномъ развитіи женщины—жены настоящаго и матери будущаго гражданина. Свою рѣчь Катонъ заключилъ слѣдующимъ предостереженіемъ противъ отмѣны этого закона: «Если вы сдѣлаете это теперь, не исправивъ свою ошибку болѣе серіознымъ образованіемъ женщинъ, то вы увидите, что онѣ, въ силу своего неразумѣнія, какъ звѣри, сорвавшіеся съ цѣпи, съ момента, когда вы сдѣлаете ихъ полновластными, превзойдутъ васъ въ разнузданности, и Римъ окончательно потеряетъ гражданку и мать будущихъ гражданъ» [2]).

---

[1]) *М. Н. Петровъ*. т. I, стр. 288 и друг. истор.
[2]) *Livius* lib. 34. b. 1 - 4.

Паденіе нравовъ и уваженія къ женщинѣ. Однако, несмотря на энергичное противодѣйствіе Катона, *lex Oppia* была отмѣнена, и женщинамъ возвращено право безконтрольнаго пользованія имуществомъ и нарядами. Съ этого момента начинается новая эпоха въ исторіи римской женщины. Вопреки обычаю древняго времени женщины публично выступили на форумѣ, желаніе ихъ было удовлетворено и тѣмъ самымъ онѣ пріобрѣли открытое признаніе своей самостоятельности и полноправности. Съ этого времени женщины ставятъ себѣ задачей во всѣхъ отношеніяхъ согласовать начала римскаго права съ этимъ признаніемъ; безнравственность, эгоизмъ, властолюбіе врываются въ общественную жизнь; входятъ въ обычай вакханаліи, въ которыхъ сначала участвовали только женщины, но впослѣдствіи привлечены были и мужчины для совмѣстныхъ чувственныхъ удовольствій. Тщетно закономъ отмѣняются эти вакханаліи, ограничиваются права женщинъ во владѣніи имуществомъ, издаются *lex Scatinia* и другіе стѣснительные законы: разъ принятое направленіе самой жизни не можетъ быть заглушено, женщины всегда находятъ возможность обойти законъ и продолжаютъ свое распутство, затаптывая въ грязь послѣдніе остатки стыдливости и древнихъ обычаевъ.

Строгія формы брака стали выводиться, да и самый бракъ потерялъ прежнее религіозное и государственное значеніе, сдѣлавшись простой и часто пустой формальностью; появились неизвѣстные въ прежнія времена разводы, и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство женщины пало еще ниже. Теперь она потеряла и свое прежнее государственное значеніе и, что особенно важно,—всякую нравственность и уваженіе къ себѣ. Настало то время, когда римлянки, по словамъ Сенеки, считали годы не по консуламъ, а по мужьямъ [1]). Уже цензоръ Метеллъ Нумидій (въ 120 году до Р. Х.) въ Римѣ обращается къ народу со слѣдующими словами: «если бы природа позволила обойтись безъ женщинъ, мы избавились бы отъ весьма докучливыхъ товарищей. Но, какъ по законамъ природы безъ ихъ содѣйствія невозможно продолженіе рода человѣческаго, то я прошу васъ пожертвовать вашимъ частнымъ интересомъ для общаго блага».

Достаточно было женщинѣ самой нарушить строгость брачныхъ узъ и потерять уваженіе къ самой себѣ, чтобы попасть въ то уни-

---

[1]) *Seneca.* De beneff. 16.

зительное положеніе, въ которомъ она очутилась во времена этой эмансипаціи плоти. Насколько часто женщины разводились и мѣняли мужей, настолько же легко и мужья дѣлали то же самое и нерѣдко при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ и безо всякаго повода. Достаточно привести два случая, подобіе которыхъ встрѣчалось тогда почти ежедневно. Павелъ Эмилій развелся съ своей женой Папиріей, слывшей за образцовую жену, имѣя отъ нея къ тому же дѣтей (въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Сципіонъ). На вопросъ друзей, какой поводъ подала Папирія для развода, Эмилій вытянулъ ногу и, указывая на свой новый башмакъ съ ироніей сказалъ: «смотрите, чѣмъ этотъ башмакъ не хорошъ? Развѣ онъ дурно сидитъ? А между тѣмъ никто изъ васъ не знаетъ, гдѣ онъ жметъ». [1]) Другой случай еще характернѣе. Силлѣ, устроившему однажды пиръ въ честь Геркулеса, въ самый разгаръ пиршества доложили, что жена его при смерти больна. Не желая прекращать веселье онъ объявилъ жену разведенной [2]).

Патрицій, утомленный побѣдами и обезпеченный отъ притязаній плебса, который, отказавшись отъ власти, просилъ только хлѣба и зрѣлищъ, искалъ удовольствій въ обществѣ греческихъ гетеръ; жена же его—матрона соперничала съ гетерой, пользуясь всевозможными средствами и предметами роскоши, чтобы нравиться и обольщать мужчину: она сама сдѣлалась куртизанкою. Теренцій удачно охарактеризовалъ нравы римской женщины того времени стихомъ: [3])

Nosti mores mulierum?
Dum moliuntur, dum comuntur, annus est.

Дѣйствительно, всѣ интересы матроны сосредоточены были на уборахъ и нарядахъ. Сколько безпокойства, гнѣвныхъ раздраженій, безсонныхъ ночей переносилось изъ-за того, чтобы окрасить волосы въ модный рыжій цвѣтъ. Сколько средствъ употреблялось на то, чтобы придать себѣ болѣе красоты и дольше сохранить ее. Поппея держала до 500 ослицъ, молоко которыхъ употребляла для натираній, обмываній и просто для купанья. Отъ тонкихъ эѳирныхъ одеждъ матронъ приходили въ смущеніе самые разумные граждане [4]). Жемчугъ и дру-

---

1) *Plut. Paul Emil.* c. 3.
2) *Plut. Vita Syllae* c. 6.
3) *Terent. Heaut.* II. 2. 11.
4) *Senec. Benef.* VII. 9. 5.

гія драгоцѣнности носились даже на обуви [1]). Благородная римлянка лично для себя держала до 200 человѣкъ прислуги [2]); для ухода за каждой отдѣльной частью тѣла имѣлись особыя невольницы, которыя, въ случаѣ малѣйшаго неугожденія, рисковали своей жизнью. По словамъ Овидія и Ювенала, жестокія римлянки царапали лица своимъ рабынямъ и втыкали имъ въ тѣло длинныя булавки, иногда же въ припадкѣ ярости осуждали ихъ на смерть.

Непроизводительно тратя время дома на наряды, матрона остальное время проводила въ такомъ же родѣ: она или въ банѣ — этомъ притонѣ тогдашняго великосвѣтскаго общества—сравниваетъ свое тѣло съ тѣломъ куртизанки; или въ театрѣ наслаждается созерцаніемъ безнравственныхъ греческихъ комедій; или въ циркѣ страстными глазами смотритъ на дикія, безчеловѣчныя битвы, рукоплещетъ при видѣ льющейся крови и послѣ—ревниво ищетъ любви побѣдителя [3]).

Безграничная чувственность и сладострастіе, господствующія начиная съ Августа во весь долгій періодъ римскихъ императоровъ, лишили брачную жизнь послѣднихъ остатковъ чистоты и порядочности [4]): измѣна, конкубинатъ, распустное мотовство съ женщинами всякаго рода сдѣлались явленіемъ зауряднымъ [5]). Императоръ римскій, не довольствуясь развратомъ въ собственномъ семействѣ и при дворѣ, непосредственно подрывалъ чистоту и нравственность въ римскихъ семействахъ; такъ онъ посылаетъ свои носилки въ жилища знатныхъ римлянъ и заставляетъ ихъ привозить къ себѣ ихъ женъ, чтобы открыто прелюбодѣйствовать съ ними [6]); въ отсутствіи мужей онъ разводитъ женъ и произвольно даетъ имъ бракоразводныя письма, которыя публично заставляетъ регистровать. Сама жена императора принуждаетъ другихъ замужнихъ женщинъ въ присутствіи ихъ мужей участвовать во всѣхъ порокахъ и распутствахъ въ ея дворцѣ.

Безбрачіе и бездѣтность. Понятно, что при такомъ состояніи общества всякій сколько-нибудь нравственный человѣкъ ужасался даже при одной мысли о вступленіи въ бракъ; безнравственные же люди

---

[1]) *Plin. Hist. Nat.* IX. 56.
[2]) *De servis Ed.* II. *Batav.* 1656 p. 191—204.
[3]) *Status Sylv.* 1. 6. *Sueton. Domitianus* IV. *Xiplilin* LXVII. 8.
[4]) *Dio. Cass. August.* III. 42.
[5]) *Capitol.* c. XIX.
[6]) *Dio Cass. August.* LVI. 48.

считали бракъ лишней обузой, такъ какъ и помимо его легко можно было удовлетворять свои чувственные инстинкты, не налагая на себя дальнѣйшихъ обязательствъ. Все это болѣе и болѣе увеличивало безбрачіе. Къ этому присоединилось желаніе безнравственныхъ женщинъ избавиться отъ дѣтей, для чего принимались всевозможныя и самыя безчеловѣчныя мѣры [1]).

Lex Julia de moritandis ordinibus. Безбрачіе и бездѣтность среди общей распущенности дошло до того, что во время Августа явилось опасеніе за дальнѣйшую участь Рима, вызвавшее «lex Julia de moritandis ordinibus». Этимъ Августъ думалъ поправить положеніе и обезпечить Римъ отъ вымиранія. По этому закону каждый совершеннолѣтній мужчина обязанъ былъ жениться, чтобы имѣть дѣтей [2]); во всѣхъ дѣлахъ преимущества были на сторонѣ того, у котораго было большее число дѣтей [3]); имѣющій трехъ здоровыхъ дѣтей въ Римѣ или четырехъ въ Италіи, или пять въ провинціи освобождался отъ всякихъ повинностей [4]); свободнорожденная женщина, имѣющая трехъ дѣтей и вольноотпущенная, имѣющая четырехъ—освобождаются отъ опеки [5]) и могутъ получать имущество по наслѣдству [6]). Безбрачные, не выполнившіе обязательства жениться въ теченіе ста дней, лишаются права наслѣдства по завѣщанію не отъ родственниковъ [7]). Бездѣтные мужъ, если ему болѣе 25 лѣтъ, и жена старше 20 лѣтъ имѣютъ право лишь на десятую долю получаемаго наслѣдства [8]). Раз-

---

[1]) *Juv. Sat.* 6, 595 etc.

„Sed jacet aurato vix nulla puerpera lecto,
Tantum artes hujus, tantum medicamina possunt
Quae steriles facit, atque homines in ventre necandos
Conducit! Gaude infelix, atque ipse bibendum
Porrige, quiquid erit: etc".

[2]) Art. 3.—„Omnes puberes virique potentes matrimonium liberorum quaesundorum causa inire tentor".

[3]) Art. 8.—„Qui candidatorum plures liberos habebit praefertor".

[4]) Art. 9.—„Qui liberos tres Romae natos incolumes, qui quatuor in Italia, quinque in provinciis habebit, omnibus munerum personalium immunitatem habeto".

[5]) Art. 12.—„Ingenua ter enixa, vel jus trium liberorum consequuta; libertina quatuor liberorum jure tutela liberator".

[6]) Art. 26.—Hem foemina ingenua, si tres liberos habebit, et libertina, si quator, solidum alienorum testamentis capiunto".

[7]) Art. 36.—„Coelibes, nisi intra centum dies huic legi paruerint, neque haereditatem, neque legatum ex testamento, nisi ex proximorum genere capiunto".

[8]) Art. 37.—„Si qui conjugum masculus (ultra 25 annum), foemina (ultra vicesimum) orbi erunt, semissen relictorum tantum capiunto".

рѣшается законный бракъ съ безнравственными женщинами [1]) и признается конкубинатъ [2]).

Съ этимъ закономъ Августъ выступилъ въ 737 году (16 г. до Р. Х.), но былъ осмѣянъ; сенатъ посовѣтовалъ ему, раньше чѣмъ проводить подобные законы, начать исправленіе съ самого себя, жены и дочери [3]). Лишь въ 757 году (4 г. по Р. Х.) этотъ законъ прошелъ и вступилъ въ свою силу. Но разумѣется, онъ нисколько не улучшилъ дѣйствительнаго положенія и остался мертвой буквой.

На ряду съ роскошью и развратомъ въ римской женщинѣ развивались и другія необузданныя, животныя страсти, образцы которыхъ представлены у Тацита. Имена развратной Мессалины, безчеловѣчной Агриппины Младшей (матери Нерона), коварной Поппеи Сабины и другія сдѣлались нарицательными именами для обозначенія извѣстныхъ страстей и пороковъ. Женщина въ Римѣ утратила, наконецъ, послѣдніе остатки своего достоинства. Почти всѣ римскіе писатели того времени видѣли эту крайнюю степень униженія женщины и такъ или иначе изображали ее въ своихъ произведеніяхъ. «Женщина есть безстыдное животное, и если не заняться много ея воспитаніемъ, я вижу въ ней только дикую тварь, не способную сдерживать свои страсти» [4]). Это—слова Сенеки (40—70 г. по Р. Х.), который въ своей семейной жизни былъ счастливъ и обладалъ прекрасной, горячо любившей его женой, рѣшившейся раздѣлить съ нимъ и самую смерть.

Разложеніе семьи влечетъ за собой разложеніе государственнаго строя. Полное распаденіе семьи и нравственныхъ основъ въ частной жизни въ корнѣ подорвало и государственный строй: всюду царили насиліе, подкупъ и полная безнравственность, что видно изъ исторіи Рима уже со 130 г. до Р. Х. Такъ напр., въ исторіи Рима говорится: «На этотъ разъ въ уличной схваткѣ вмѣстѣ съ Гракхомъ перебито было уже 3,000 римскихъ гражданъ», или «Подавленный народъ искалъ себѣ новыхъ вождей и ждалъ только случая возвратить разъ добытыя права. Случай этотъ скоро представила война съ

---

[1]) Art. 6.—„Quas personas per hanc legem uxores habere non licet, cas concubinas habere jus esto: ingenuam honestam in concubinatu habere jus ne esto“.

[2]) Art. 13.—„Quae in concubinatu patroni erit, ab invito eo, alterique se in matrimonium vel concubinatum dare jus esto“.

[3]) *Sueton. Octav.* c. 34.—*Dion.* lib. 53. 332.

[4]) *Seneca. Benef.* VII. 9. 12.

нумидійскимъ царемъ Югуртою, въ которой сенатъ, полководцы и сановники запятнали себя такой наглой продажностью, что римское войско потерпѣло позорное пораженіе отъ ничтожнаго либійскаго царька» [1]. Да и наконецъ самая тиранія была слѣдствіемъ нравственнаго вырожденія общества римскаго, утратившаго какъ потребность свободы, такъ и способность къ ней [2].

Наконецъ, послѣ Элагабала, который такъ нагло издѣвался надо всѣмъ, что когда то считалось въ Римѣ священнымъ и высокимъ—религіей, нравами, семейными и гражданскими отношеніями (все это шестилѣтнее властвованіе, разорившее и разстроившее государство въ конецъ, есть одна пьяная безумная оргія, господствующимъ характеромъ которой было отвратительное безстыдство),—былъ возведенъ на престолъ послѣдній изъ представителей септиміева дома—Александръ Северъ (222 г. по Р. Х.). Достойное, въ духѣ древне-римскихъ принциповъ, правленіе новаго государя-идеалиста было лишь кратковременной передышкой глубоко потрясеннаго общества посреди ужасовъ этой тяжелой эпохи. Александръ Северъ поспѣшилъ очистить Палатинъ—мѣстопребываніе императорскаго двора (*Palatium*, *aula*)—отъ толпы евнуховъ, брадобрѣевъ, плясуновъ и прочихъ отребьевъ, которыми любилъ окружать себя его предшественникъ, и подъ руководствомъ матери своей ***Юліи Мамеи*** и славнаго юриста Ульпіана, ставшаго его правой рукой, энергично принялся за государственныя дѣла.

Но ни достойное правленіе Александра Севера, ни провозглашеніе Константиномъ христіанства господствующей религіей не могли уже спасти въ корнѣ подточеннаго государства. Лишившись матери-гражданки государство лишилось семьи, въ которой только и возможно воспитать гражданина-патріота, а такихъ честныхъ гражданъ, съ твердой нравственной основой, Римъ не видалъ уже многіе вѣка. Этотъ краткій очеркъ исторіи разложенія нравственныхъ основъ народа въ его частной и общественной жизни дѣлаетъ понятнымъ, какъ громадная, высокообразованная и нѣкогда столь могущественная держава могла быть по частямъ разрушена немногочисленными, полуварварскими народами [3].

---

[1] *М. Н. Петровъ.* Исторія Древ. Міра. стр. 236 и 237. И друг. истор.
[2] Тамъ же стр. 255.—*В. Герве.* „Августъ и установленіе римской имперіи". Стат. въ Вѣстн. Европы, 1877.
[3] *М. Н. Петровъ.* стр.286.—*Н. Карѣевъ.* „Введеніе въ курсъ ист. древ. міра", стр. 93.

*

ФРАНЦІЯ.

До Людовика XIV.

„Въ продолженіе пути ихъ пришелъ Онъ въ одно селеніе; здѣсь женщина, именемъ Мареа, приняла Его въ домъ свой. У ней была сестра, именемъ Марія, которая сѣла у ногъ Іисуса и слушала слово Его. Мареа же заботилась о большомъ угощеніи и, подошедши сказала: Господи! или Тебѣ нужды нѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мнѣ. Іисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: Мареа! Мареа! ты заботишься и суетишься о многомъ, а одно только нужно. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется отъ нея“. (Отъ Луки Гл. X, ст. 38—42).

Цезарь о галлахъ. Исторія древняго міра говоритъ, что галлы значительно раньше германцевъ подпали вліянію римлянъ; уже въ 52 году до Р. Х. Галлія была окончательно покорена и обращена въ четырнадцатую провинцію Римской Имперіи. Записки Цезаря о гальской войнѣ представляютъ въ этомъ отношеніи самый подробный и дѣйствительно замѣчательный матеріалъ. Въ своихъ знаменитыхъ комментаріяхъ завоеватель галловъ рисуетъ ихъ какъ племя чрезвычайно даровитое и воинственное, но легкомысленное, подвижное и лишенное всякаго общественнаго генія, которымъ такъ выдаются ихъ младшіе въ Европѣ арійскіе братья, особенно эрако-италики и германцы. Оттого своими смѣлыми и часто разрушительными набѣгами галлы потрясли всѣ древнія европейскія государства, но своего собственнаго прочнаго государства не создали ни одного, какъ не создали и собственной культуры [1]).

[1]) См. А. И. Георгіевскаго „Галлы въ эпоху К. Ю. Цезаря“. М. 1886.

Франкское государство. Лишь въ V-омъ столѣтіи франки заняли эту прекрасную по климату и плодородію почвы страну, въ средоточіи западной Европы, прилегающую къ двумъ важнѣйшимъ въ культурномъ отношеніи морямъ, орошаемыми судоходными рѣками, текущими отъ центра къ периферіи края. Ни одна часть европейскаго материка не представляетъ такихъ удобствъ для всякаго рода сношеній, какъ эта. Другое культурное преимущество франкскаго государства передъ прочими германо-романскими заключалось въ томъ, что въ составъ его вошли самые разнообразные этнографическіе элементы—кельтскій, римскій и германскій разныхъ оттѣнковъ—и каждый внесъ свою долю въ общій составъ народной и государственной жизни. Племенной характеръ кельтовъ—легкомысленный, живой, впечатлительный и воинственный—сдѣлался господствующей основой и французскаго характера, тогда какъ общественныя учрежденія и право сложились подъ вліяніемъ римскихъ и германскихъ началъ. Отсюда типичность Франціи, представляющей изъ себя какъ бы экстрактъ всей романо-германской Европы. Еще благопріятное для франковъ обстоятельство состояло въ томъ, что съ самаго же начала (496 г.) они приняли христіанство по католическому закону, что снискало имъ сочувствіе всего туземнаго населенія и особенно духовенства—вліятельнѣйшаго сословія.

Въ политическомъ отношеніи франкское государство въ этомъ первомъ періодѣ своей исторіи не успѣло еще окончательно обособиться. Оно стоитъ въ самой близкой связи съ сосѣдней Германіей, владѣетъ ея югозападной частью—землей аллемановъ и тюринговъ—и имѣетъ вліяніе на другія германскія племена, напр., фриговъ и баваровъ. Границы его съ этой стороны постоянно мѣняются смотря по силѣ того, кто держитъ правительственную власть у франковъ. Самое устройство государства представляетъ пеструю, неорганическую смѣсь учрежденій римскихъ и германскихъ, еще не приноровленныхъ другъ къ другу, не слившихся между собой. Съ одной стороны, Церковь, города, отчасти сельское населеніе управляются на римскій ладъ и по римскимъ законамъ; съ другой—духъ и форма высшаго правительства по преимуществу германскіе. Въ самой жизни во Франціи въ то время научное римское право борется съ обычнымъ правомъ германцевъ.

Римская деморализація. Благодаря постояннымъ (въ теченіе 4-хъ

вѣковъ) торговымъ, политическимъ и военнымъ сношеніямъ съ Римомъ племена Франціи еще до появленія христіанства подверглись вліянію римской культуры; но такъ какъ они были настолько грубы и неразвиты, что высокія, духовныя идеи не могли имъ быть доступны, то они восприняли лишь отрицательныя стороны—римскую деморализацію. Христіанство только внѣшней, формальной стороной коснулось большинства, которое въ душѣ оставалось попрежнему дикимъ и развращеннымъ. Примѣръ этому мы видимъ на Хлодвигѣ, ставшемъ послѣ принятія христіанства чуть ли не кровожаднѣе прежняго.

Мрачными красками изображаетъ Сильвіанъ Марсельскій жалкое положеніе галло-римской женщины VII-ого вѣка въ ея семейномъ быту. «Кто изъ знатныхъ и богатыхъ, говоритъ онъ, не погруженъ въ тину разврата, кто сохранилъ супружескую вѣрность и не унизилъ жены до положенія служанки? Святость брака уничтожена до такой степени, что презрѣннѣе всѣхъ въ глазахъ мужа и въ собственномъ жилищѣ кажется та, которую званіе супруги должно бы поставить на первое мѣсто. Скажутъ, что я не вполнѣ справедливъ, потому что матери семействъ сохранили еще права свои, и хозяйка дома пользуется почетомъ и властью. Да, многія еще сохранили неприкосновенно права госпожи, но едва-ли одна сберегла права супруги... Едва-ли многимъ благородная матрона стоитъ выше своихъ служанокъ, если должна дѣлить съ ними ласки мужа»[1]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ жизни и законы мало соотвѣтствовали христіанскому духу. Въ законодательство вносились только формы христіанскія, а сущность или оставалась древне-національная, или бралась цѣликомъ изъ римскаго права. Церковное освященіе брака вошло въ силу только въ концѣ среднихъ вѣковъ. До тѣхъ же поръ вѣнчаніе вовсе не считалось необходимостью, хотя Церковь еще со временъ Карла Великаго требовала, чтобы бракъ былъ непремѣнно признанъ ею и не совершался безъ священническаго благословенія. Уже въ VIII-омъ столѣтіи наложничество процвѣтало при дворѣ франкскихъ королей и заправляло дѣлами. Церковныя постановленія не устрашали и самыхъ служителей церкви, которые наравнѣ съ другими предавались разврату. Такъ, въ половинѣ VIII-ого вѣка св. Бонифацій

[1]) Salviani de Gubernatione Dei. Biblioth. Max. Patrum, t. VIII, p. 369. Cp. Claud. Marii Victoris de perversis sual actatis moribus, epist. ad. Sal. monem Abbatem. Biblioth. Max. Patr. t. VIII, p. 428.

писалъ папѣ, что франкскіе дьяконы держатъ по четыре и больше наложницы [1]).

Рыцарство. Съ развитіемъ феодальной жизни мѣняется и положеніе женщины. Она уже не имѣетъ того простора, той свободы, какою пользовалась такъ неразборчиво въ предшествующую эпоху. Стѣснивъ, заперевъ женщину въ ограниченномъ помѣщеніи укрѣпленнаго замка, феодализмъ, хотя и унизилъ ее въ этомъ отношеніи, но, съ другой стороны, содѣйствовалъ и ея возвышенію, способствуя развитію семейной жизни. Скучна, монотонна была жизнь въ замкѣ, но за то это — жизнь семьи, въ которой мужъ, жена и дѣти живутъ далеко отъ остальнаго міра, но близко другъ къ другу. Въ феодальной семьѣ не было настоящей любви: германскій элементъ какъ будто хотѣлъ остепенить женщину и поддерживалъ въ отношеніяхъ къ ней суровость. Идеалъ любви, неосуществимый въ семьѣ, выразился внѣ ея совсѣмъ въ другой формѣ, сложившейся подъ вліяніемъ рыцарства.

Рыцарство возникло на романской почвѣ (въ Испаніи и южной Франціи) и развилось подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства, что сказалось во многихъ обрядахъ церковнаго характера. Церковь хотѣла помощью рыцарства сдержать дикія, необузданныя силы феодальнаго дворянства и закрѣпить его; отсюда главная обязанность рыцаря состояла въ защитѣ религіи и всего слабаго, угнетеннаго. Конечно, Церковь не имѣла въ виду собственно служенія прекрасному полу, въ которое вскорѣ выработались принципы куртуазіи благодаря преимущественно испанскимъ и провансальскимъ трубадурамъ и сѣверо-французскимъ труверамъ. Но угнетеніе женщины было слишкомъ очевидно, такъ что въ этомъ отношеніи она естественно стояла на первомъ планѣ. Однако рыцарство преувеличило ея слабость даже въ ущербъ ея человѣческому достоинству; рыцарь видѣлъ въ ней только получеловѣка или человѣка-дитя; избирая же ее предметомъ своего служенія, онъ впадалъ въ другую крайность, дѣлая изъ нея полубожество.

Неестественность этихъ отношеній къ женщинѣ видна особенно изъ того, что *обожаніе* женщины существовало наряду съ глубокимъ презрѣніемъ къ ней какъ къ дочери, сестрѣ, женѣ и даже матери.

---

[1]) *А. Надеждинъ.*—Право и значеніе женщины въ христіанствѣ СПБ. 1873 г. стр. 37—43.

Въ то время какъ рыцарь терпѣливо проходитъ всѣ степени своей идеальной любви къ избранной имъ дамѣ (избраніе это происходило въ большинствѣ случаевъ не по сердечному влеченію, а по другимъ причинамъ: по знатности, громкой репутаціи дамы и т. п.) и, привязавъ къ шлему полученный отъ нея знакъ въ родѣ ленты или пояса, старается своими невѣроятными подвигами прославить имя ея, заслужить еще большее благоволеніе,—въ то же время отецъ свободно продаетъ своихъ дочерей въ день, когда исполнится срокъ его векселя и ему нечѣмъ расплатиться. Тогда какъ рыцарь на колѣняхъ передъ дамой клянется служить ей вѣрно всегда и вездѣ и защищать отъ всякаго зла и обиды,—мужъ требуетъ отъ жены служенія и слѣпой покорности. Тогда какъ любовники, не довольствуясь турнирами, одиночными боями придумываютъ самыя невозможныя задачи съ единственной цѣлью прославленія своей дамы, ревнивыя мужья запираютъ женъ въ башни, надѣвая на нихъ поясъ цѣломудрія изъ мѣдныхъ проволокъ, запертый у бедеръ на замокъ. Такимъ образомъ возвышенные идеалы рыцарей въ дѣйствительной жизни переходили въ самыя грубыя и оскорбительныя отношенія.

Женщина отдаетъ мужу плоть, внѣшнія услуги, а любовнику — душу, мысли и желанія. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои отдѣльныя права, утвержденныя закономъ. Кольцо или шнуръ отъ дамы сердца и при этомъ — уже много — поцѣлуй, вотъ единственная награда и цѣль истинно рыцарской любви. Брачныя отношенія ей совершенно чужды. Лучшая изъ средневѣковыхъ женщинъ Элоиза со слезами умоляетъ своего возлюбленнаго Абеляра не жениться на ней, не заковывать ее въ цѣпи брака, не пятнать всей чистоты ихъ отношеній и не губить въ корнѣ ихъ горячую взаимную любовь. Это раздвоеніе имѣло бы еще быть можетъ хорошую сторону, если бы при этомъ сколько нибудь цѣнилось и уважалось нравственное достоинство женщины; но въ ней не предпологали, большею частью, никакихъ стремленій кромѣ эстетическихъ и эротическихъ, никакихъ чувствъ кромѣ мелкаго самолюбія. Въ тѣ вѣка крайней умственной неразвитости, невыясненности нравственныхъ началъ, преобладающаго развитія фантазіи и чувственности, въ вѣка донкихотства, конечно, не могло быть простыхъ человѣческихъ отношеній и къ женщинѣ.

Вліяніе рыцарства. Тѣмъ не менѣе при всей странности и неестественности отношеній къ женщинѣ и ея человѣческому достоин-

ству, рыцарство все-таки составляетъ шагъ впередъ въ положенiи женщины. Грубость нравовъ имъ болѣе или менѣе смягчена, чувства — возвышены, отношенiя половъ облагорожены, и женщина выведена изъ своихъ затворовъ наружу какъ предсѣдательница на турнирахъ, а впослѣдствiи и на *судахъ любви* — «*Cours d'Amours*», возникшихъ въ XII-омъ столѣтiи и просуществовавшихъ до Людовика XIV, когда они было переименованы кардиналомъ Ришелье въ «*Академiи любви*», засѣданiя которыхъ созывались имъ въ *Hôtel de Longueville* въ Парижѣ.

Религiя какъ наука (Богословiе) въ женскомъ образованiи. Изъ религiи сердца, нѣкогда проповѣданной рыбаками, христiанство сдѣлалось наукой, явившейся главнымъ двигателемъ умственнаго и душевнаго развитiя, и какъ наука — богословiе, она изучалась въ то время выдающимися по уму женщинами. Серiозно подготовленныхъ въ этомъ отношенiи женщинъ оказалось, какъ мы видимъ изъ писемъ блаженнаго Iеронима, гораздо больше, чѣмъ мужчинъ. Въ числѣ женщинъ-богослововъ, извѣстныхъ изъ упомянутыхъ писемъ [1]), мы встрѣчаемъ, напримѣръ, имя *Павлы*, которая, для лучшаго пониманiя священныхъ книгъ, изучила языки греческiй и еврейскiй и владѣла ими въ совершенствѣ; *Меланiи*, которая своей ученостью по богословiю поразила епископовъ Палладiя Еленопольскаго, Павлина Компанскаго, Алипiя Тагастскаго и друг.; она же, какъ извѣстно, служила примирительницей въ спорѣ между священникомъ Руфиномъ (италiанецъ изъ Аквилеи) и Iеронимомъ, возникшихъ по поводу Оригена [2]).

Это быстрое распространенiе серiозной образованности по богословiю среди женщинъ V-аго вѣка въ Италiи, непосредственно отразилось и на Францiи: уже въ VII-омъ и VIII-омъ вв. число женскихъ монастырей здѣсь значительно превышаетъ число мужскихъ, причемъ какъ по богословiю, такъ и по другимъ предметамъ монахини несравненно образованнѣе монаховъ [3]). Монастыри того времени были первыми высшими школами, въ которыхъ монахини кромѣ богословiя обучались астрономiи и врачеванiю. При монастыряхъ учреждались элементарныя школы, гдѣ преподаванiе велось монахинями, и гдѣ получали образованiе дѣти не только изъ дворянскаго, но и изъ нисшаго со-

[1]) *Charpentier*. — Etude sur les pères de l'Église. — *Legouvé*. — Hist. morale des femmes, p. 285. — Письма Iеронима, пер. въ „Труд. Кiевск. Дух. Ак".
[2]) *Надеждинъ*. стр. 133—136.
[3]) Montalamber. — Les moines d'Occident. vol. I.

словія, такъ что нерѣдко на школьной скамьѣ рядомъ съ знатной аристократкой сидѣла мѣщанка[1]). Мужскіе монастыри получали по преимуществу элементъ, посвятившій себя монашеству навсегда; женскіе же наполнялись дочерями главнымъ образомъ знатныхъ семействъ лишь для полученія извѣстнаго воспитанія, по окончаніи котораго онѣ возвращались въ семью. Между тѣмъ подроставшее поколѣніе рыцарей все свое отрочество проводило дома, упражняясь въ верховой ѣздѣ, турнирахъ и лишь въ видѣ исключеній изучало грамоту и письменность. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что еще въ IX-омъ столѣтіи значительное большинство дворянъ (рыцарей) было безграмотно, тогда какъ женщины, кромѣ грамотности, были знакомы съ астраноміей и медициной и обыкновенно были хорошими шахматными игроками [2]).

Признаніе за женщиной самостоятельной умственной силы. Общераспространенное мнѣніе, будто бы римско-католическая Церковь усердно хлопотала о расширеніи женскихъ монастырей во Франціи въ расчетѣ на вліяніе женщины, какъ «*женщины*»—неосновательно. Относясь къ этому вопросу безпристрастно, скорѣе можно придти къ заключенію, что это дѣлалось вслѣдствіе той благопріятной почвы, которую нашли законоучители въ умственныхъ способностяхъ женщины; это видно изъ слѣдующихъ словъ блаженнаго Іеронима, который о перепискѣ своей съ женщинами говоритъ, что «это было для него великой отрадой среди непріятностей и огорченій, которыя ему пришлось вытерпѣть отъ сильно озлобленнаго противъ него духовенства».

Женщина не человѣкъ. Видя въ женщинѣ благопріятную почву для воспріятія науки (богословія), духовенство ревностно принялось за ея образованіе, разсчитывая посредствомъ нея проводить свои идеи и черезъ ея вліяніе закрѣпить свое положеніе въ странѣ. Но вскорѣ оказалось, что умственная дѣятельность женщинъ превзошла всякія ожиданія духовенства, и настоятельницы нѣкоторыхъ монастырей оказались настолько способными къ самостоятельному мышленію и къ выработкѣ самостоятельныхъ взглядовъ, что по нѣкоторымъ богословскимъ вопросамъ онѣ явились противовѣсомъ духовенству. Это испугало представителей римско-католической Церкви и заставило ихъ прибѣгнуть къ самымъ радикальнымъ мѣрамъ, чтобы умалить духовное вліяніе женщинъ. Съ этой цѣлью въ 585 году созванъ былъ въ Ма-

---

[1]) Montalamber.—Les moines d'Occident. vol I.

[2]) *Krabbes Th.*—Die Frau im Altfranz. Karl. Epos. s. 11—13.

конѣ (Macon) синодъ, на которомъ постановили, что женщина «вслѣдствіе того, что она не создана по образу Божію, не можетъ считаться человѣкомъ» [1]). Кромѣ того, желая еще больше подорвать духовный авторитетъ женщинъ, духовенство начало развращать ихъ и развивать въ нихъ животные инстинкты, чтобы, ослабивъ этимъ умственную ихъ самостоятельность, сдѣлать орудіемъ своихъ интригъ. Съ этой цѣлью женщина развращалась обдуманно, съ ранняго возраста, причемъ развратъ проникъ и за монастырскія стѣны. Капитуляріи Карла Великаго, направленныя противъ такого разврата, прямо говорятъ, что есть монахини, которыя «ведутъ бродяжническую жизнь и, вмѣсто вѣрности долгу своего званія, заводятъ самыя земныя связи, и даже за деньги».

Женщина колдунья. Какъ уже было сказано, женщины изъ низшаго сословія также получали образованіе въ монастыряхъ, многія изъ нихъ, возвратившись домой, занимались врачеваніемъ. Съ теченіемъ времени посѣщеніе ими монастырей значительно увеличилось, но онѣ довольно долго не поддавались тлетворному вліянію духовенства, такъ какъ послѣднее мало касалось низшаго класса, предпочитая сношенія съ высшими. Тогда духовенство прибѣгло къ болѣе суровой и ужасной мѣрѣ—къ обвиненію свѣдущихъ женщинъ изъ низшаго класса въ колдовствѣ, пользуясь суевѣріемъ неразвитой массы народа. Такимъ образомъ женщинѣ изъ этого круга оставалось или замирать въ рабствѣ и невѣжествѣ, или вмѣстѣ съ еретиками восходить на костеръ.

Папство объявляетъ женщину сосудомъ разврата. Враждебный взглядъ на женщину усилился въ особенности тогда, когда папская власть увидѣла, что одно изъ главныхъ противодѣйствій для ея возвышенія составляютъ семейныя связи духовенства. Церковь, опираясь на аскетическія начала, объявила, что общеніе съ женщиной—«этимъ сосудомъ разврата» (*vas adulterii*)—есть оскверненіе для священника предстоящаго престолу Божію и совершающаго безкровную жертву. Буллы Григорія VII противъ брака духовныхъ лицъ, унижая женщину теоретически, въ то же время унижали ее и на практикѣ, ибо

---

[1]) *Corpus juris canonici.* Parisiis Fol. 1618. p. 391. Causa XXXIII. quaest. V. cap. XIII.—„Haec imago Dei est in homine ut unus factus sit quasi dominus ex quo caeteri orirentur habens imperium Dei quasi vicarius ejus: quia omnis rex Dei habet imaginem: ideoque Mulier non est facta ad imaginem Dei... Hinc est unde Apostolus—vir quidem ait non debet velare caput suum quia imago et gloria Dei est: mulier autem ideo velet quia non est gloria aut imago Dei“.

развившiйся въ духовенствѣ вслѣдствiе целибатства развратъ породилъ наложничество и множество разнаго рода Pfaffenmetzen. (Это, столь характерное и мѣткое нѣмецкое названiе сдѣлалось даже техническимъ въ средние вѣка для всѣхъ незаконныхъ женъ, какъ «Pfaffenkinder»—для незаконныхъ дѣтей) [1]).

Школы Карла Великаго. Если государство франковъ при первой своей династiи было смѣшаннымъ франко-германскимъ, то обширныя завоеванiя Карла Великаго обратили его во всегерманское, причемъ Францiя, или Галлiя, была лишь главной составной частью. Карлъ хотѣлъ поставить свое дѣло объединенiя обширныхъ завоеванiй на болѣе прочныя основанiя и думалъ достичь этой цѣли двумя путями: возстановленiемъ сана и титула западно-римскаго императора, корону котораго онъ принялъ изъ рукъ папы Льва III въ Римѣ, и посредствомъ насажденiя и распространенiя однообразнаго римско-христiанскаго образованiя между своими подданными, для чего заводилъ школы, покровительствовалъ ученымъ, выписывалъ и умножалъ полезныя книги и пр. Научныя свѣдѣнiя, уцѣлѣвшiя отъ временъ древней образованности, долгое время хранились въ бенедиктинскихъ монастыряхъ, изъ которыхъ важнѣйшiе были вмѣстѣ съ тѣмъ и школами, гдѣ готовились къ своему званiю духовныя лица, а изрѣдка получало образованiе и знатное свѣтское юношество. Карлъ Великiй, при содѣйствiи англосакса *Алкуина* и другихъ своихъ сотрудниковъ поднялъ и организовалъ эти высшiя училища и учредилъ кромѣ того нѣсколько другихъ при главнѣйшихъ соборныхъ церквахъ и епископскихъ каѳедрахъ, напр. въ Ахенѣ, Турѣ, Павiи. Однако всѣ эти учрежденiя скоро пришли въ упадокъ, и до самаго XII-го вѣка кромѣ монастырскихъ мы не встрѣчаемъ другихъ училищъ.

Обязательное обученiе. Эти попытки Карла Великаго создать высшее образованiе для подрастающей знати (мужчинъ) не лишены были той обдуманности и полноты, которыми вообще отличался этотъ государственный умъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Наравнѣ съ заботой о высшемъ образованiи онъ обратилъ серiозное вниманiе и на народное, сдѣлавъ его обязательнымъ и предписавъ духовенству строго наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не былъ допускаемъ къ св. причастiю безъ предварительной провѣрки его знанiй, которымъ онъ обучался

---

[1]) *Надеждинъ.* Стр. 41—50.

по молитвеннику [1]). Насколько строго смотрѣлъ на это Карлъ Великій, мы видимъ изъ указа его по этому вопросу епископамъ [2]) и изъ учрежденія особыхъ инспекторскихъ должностей изъ чиновныхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежалъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ этого закона [3]). Недовольствуясь угрозой отстраненія отъ причастія, законодатель устанавливаетъ за уклоненіе отъ обученія постъ и тѣлесное наказаніе. «Уклоняющихся отъ ученія» — говоритъ указъ — «слѣдуетъ наказывать палочными ударами и постомъ на хлѣбѣ и водѣ; женщинъ же, уклоняющихся отъ ученія, наказывать кнутомъ и постомъ» [4]). Изъ этого видно, что ученіе было одинаково обязательно какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Высшее развитіе женщинъ того времени. Помимо прочихъ предметовъ образованія въ монастырскихъ школахъ, при обученіи дочерей привилегированныхъ классовъ большое вниманіе обращалось на преподаваніе правописанія, каллиграфіи и живописи; успѣхи въ живописи были настолько значительны, что обратили серіозное вниманіе одного ученаго монаха IX-аго вѣка [5]). Правописаніе и каллиграфія имѣли цѣлью подготовить женщину къ роли хорошаго секретаря, въ которой мы ее часто встрѣчаемъ до XVI-аго вѣка и даже позже. Живопись, такъ же какъ и музыка, преподавалась съ цѣлью развитія духовной стороны женщины. Благодаря все усиливавшемуся растлѣвающему вліянію духовенства на монастырское образованіе, многія изъ знатныхъ семействъ, желая дать болѣе совершенное развитіе своимъ дочерямъ и женамъ, предпочитали уже въ то время брать учителей въ домъ [6]). Какъ высоко стояло тогда образованіе нѣкоторыхъ женщинъ и не изъ привилегированнаго класса, мы видимъ изъ примѣра *Доданы*, матери герцога Бернхарда, жены Вильгельма Тулузскаго. Родомъ не изъ знатной семьи она получила

---

[1]) Capit. de examinandis ecclesiasticis a. 802, c. 13. 14. M. G. Leg. Sect. II Capit. Reg. Frac. I. 110.

[2]) Karoli epist. ad ghaerbaldum episc. Leodiens. a. 803. M. G. l. c. p. 241.

[3]) Capitulare missorum c. 2 M. G. Leg. Sect. II Capit. Reg. Franc. I, 147.

[4]) Capitula duo incerta c. 2 M. G. l. c. p. 257.

[5]) Vita S. S. Harlindis et Reinulae. (script. c. a. 850) c. 5. Mab. Act. S. S. III. 1. 609.—„Pleniter erant eruditae diversis usibus divini officii et ecclesiastici ardinis, id est in legendo, modulatione cantus, psallendo nec non—quod nostris temporibus valde mirum est—etiam scribendo atque pingendo, quod hujus aevi robustissimis viris oppido onerosum videtur".

[6]) Flodoardi hist. Remens. eccl. III. 27. Pertz, M. G. SS. XIII, 550.

столь основательное образованіе, что написала серіозное сочиненіе философско-нравственнаго содержанія, долженствовавшее служить руководствомъ для дальнѣйшаго саморазвитія ея шестнадцатилѣтняго сына. Между прочимъ замѣчательна въ этомъ сочиненіи та строгая обдуманность, съ которою она даетъ ему совѣтъ обзавестись библіотекой и отдаться чтенію [1]. Изъ лѣтописи мы узнаемъ, что при дворѣ Карла Великаго женщины состязались по всѣмъ отраслямъ науки (того времени) съ мужчинами, и что дочери К. В., кромѣ рукодѣлія, получили высшее научное образованіе [2].

Воспитательное вліяніе женщины. Насколько благотворно было воспитательное вліяніе образованныхъ женщинъ видно изъ того, что всѣ выдающіеся люди того времени, получившіе первоначальное воспитаніе въ женскихъ монастыряхъ, рѣзко отличались отъ воспитанныхъ въ мужскихъ монастыряхъ своимъ гуманнымъ направленіемъ; таковы, напр., аббатъ Радбертусъ († 865), получившій первоначальное воспитаніе въ Суасонскомъ женскомъ монастырѣ [3], Руанскій епископъ Морицъ—у монахини въ *Troyes* [4], аббатъ Дитрихъ въ *St. Houbert*, воспитанный своей сестрой въ монастырѣ *Maubeuge* [5] и мн. др.

Послѣ смерти Карла Великаго зачатки предпринятой имъ организаціи высшаго образованія распались, какъ и законы по обязательному обученію, такъ какъ слѣдить за этимъ и поддерживать начатое уже было некому вслѣдствіе внутренняго раздробленія государства. При слабости власти и средствъ Каролинговъ, продержавшихся на престолѣ цѣлое столѣтіе, всѣ коронныя земли были розданы, и при незначительности правившихъ лицъ изъ этого рода, страна распалась на множество мелкихъ феодальныхъ владѣній, считавшихся ленами французской короны, но фактически—почти совсѣмъ независимыхъ. Въ X-омъ вѣкѣ ихъ насчитывали до ста. Однако, несмотря на такія

[1] Dodanae liber manualis c. VII. ap. Mab. Act. SS. IV. 1. 707.—„Admoneo te etiam, o fili mi pulchre et amabilis, ut inter mundanas hujus saeculi curas, plurima volumina librorum tibi acquiri non pigeas, ubi de deo creatore tuorum per sacratissimos doctorum magistros aliquid sentire et discere debeas, plura atque majora, quam supra scriptum est".

[2] Einharti Vita Caroli c. 19 Jaffé, Bibl. R. G. IV, 526.—„Liberos suos ita censuit instituendos, ut tam filii quam filiae primo liberalibus studiis, quibus ipse operam dabat, erudirentur. Tum... filias vero lanificio adsuescere, coloque ac fuso, ne per otium torperent, aperam impendere atque ad omnem honestatem erudiri jussit".

[3] Pasch. Ratbert. Elog. hist. e. 1. Mab. Act. SS. IV. 2. 127.

[4] Thom. Cantiprat. Liber apum. Paris. s. a. I, 1. fol. 1. b.

[5] Vita S. Theodorici e. 6. Pertz, M. G. SS. XII, 40.

перемѣны въ управленіи страны; женское образованіе въ монастыряхъ не пострадало и даже, наоборотъ, прогрессировало, какъ это видно изъ писемъ Берты, въ которыхъ она говоритъ о своей учительницѣ, св. Адельгейдѣ († 1015), настоятельницѣ Виллихскаго монастыря близъ Бонна, часто посѣщавшей монастырскую школу для провѣрки успѣховъ учащихся дѣвочекъ по «*грамматикѣ*» [1]).

Крестовые походы. До конца XII-аго столѣтія образованіе женщинъ вообще во всѣхъ сословіяхъ стояло выше образованія мужчинъ, лишь съ начала XIII-аго в. это соотношеніе начинаетъ измѣняться, чему въ значительной степени содѣйствовали Крестовые походы, продолжавшіеся съ конца XI-аго в. до второй половины XIII-аго в. На соборѣ въ Клермонѣ въ 1095 году папа высказалъ свой планъ; затѣмъ призывъ къ крестовой брани, облетѣвъ весь западъ Европы, поднялъ на ноги сотни тысячъ народу изъ всѣхъ классовъ общества, преимущественно среди романскихъ народовъ, какъ болѣе впечатлительныхъ и воспріимчивыхъ — среди провансальцевъ, сѣверныхъ французовъ, фламандцевъ, лотарингцевъ и нормановъ Франціи и Италіи. Вождями первыхъ крестовыхъ ополченій были только невѣнценосные владѣтели — представители высшей феодальной іерархіи. Во главѣ второго Крестоваго похода сталъ французскій король Людовикъ VII, причемъ въ походѣ этомъ приняли участіе и разсудительные нѣмцы, вначалѣ мало увлекшіеся идеей Крестовыхъ войнъ. Въ концѣ XII-аго и началѣ XIII-аго вѣка наступила эпоха величайшаго могущества средневѣковой Церкви—эпоха папы Иннокентія III, въ теократическіе планы котораго входило также и возбужденіе западной Европы къ новой борьбѣ съ невѣрными. По его призыву французское рыцарство вмѣстѣ съ венеціанской республикой въ 1204 году приступило къ третьему Крестовому походу; наконецъ, послѣднимъ героемъ идеи Крестовыхъ походовъ явился въ половинѣ XIII-аго вѣка французскій король Людовикъ Святой.

Крестовые походы произвели сильную перемѣну въ умственномъ и нравственномъ уровнѣ общества, преимущественно и прежде всего— въ передовыхъ его классахъ, въ феодальномъ дворянствѣ и рыцарствѣ: они подѣйствовали облагораживающимъ, развивающимъ образомъ. Такъ

---

[1]) Berthae Vita S. Adelheidis c. 12 Mab. Act. SS. VI. 1, 129.—„Moveret de arte grammatica quastiunculas, si qua forte suae quaestione congruenti responsioni obviavit, mox illae materne osculando aliqua mercede donavit, et spe sui profectus, perfusa est spirituali laetitia“.

долго сидѣвшіе по своимъ замкамъ рыцари впервые пришли въ общее движеніе, ближе познакомились какъ между собою, такъ и съ чужими землями и обычаями. Въ особенности благодѣтельный толчокъ вѣковому застою этихъ общественныхъ слоевъ дали частыя сношенія съ Италіей, Византіей, съ образованными мусульманскими государствами Востока и Пиринейскаго полуострова: кругъ ихъ понятій расширился, ихъ полудикіе нравы смягчились. Ранѣе всего почувствовались эти перемѣны въ южной Франціи и вообще въ странахъ провансальнаго языка и обычая. Сосѣдній съ высокообразованной мавританской Испаніей, благодарный по своей природѣ край этотъ, съ его значительнымъ остаткомъ римской образованности, съ цвѣтущими городами и промыслами, съ уцѣлѣвшимъ здѣсь даровитымъ древнекельтскимъ типомъ населенія, сдѣлался съ XI-аго вѣка главнымъ центромъ и разсадникомъ сначала рыцарской жизни съ идеями о возвышенности женщины, а впослѣдствіи болѣе строгихъ нравственныхъ правилъ гугенотовъ и вообще протестантовъ.

Высшее мужское образованіе—коллегіи. Эмпирическое развитіе умовъ Крестовыми походами вызвало среди мужчинъ, помимо возвышенія нравственнаго уровня, и стремленіе къ изученію науки, что повлекло за собой организацію высшаго образованія и на этотъ разъ уже болѣе прочную, чѣмъ при Карлѣ Великомъ, такъ какъ оно сдѣлалось потребностью большаго числа развитыхъ умовъ. Возникновеніе высшихъ школъ во Франціи было уже крупнымъ шагомъ къ паденію интеллектуальнаго преобладанія женщины надъ мужчиной.

Первой высшей школой во Франціи слѣдуетъ считать парижскій университетъ, основаніе котораго относится къ началу XII-го вѣка, если не раньше. Къ концу XII-го вѣка онъ пользовался уже міровою извѣстностью, юношество стекалось сюда со всѣхъ концовъ и, помимо туземцевъ (французовъ или галловъ), въ числѣ студентовъ было главнымъ образомъ много нѣмцевъ, англичанъ, пикардовъ и нормановъ [1]). По своей громкой извѣстности университетъ этотъ соперничалъ съ болонскимъ, но направленіе ихъ было совершенно различное: болонскій университетъ былъ основанъ въ то время, когда римляне жили религіей плоти, а потому имѣлъ болѣе практическій характеръ и славился своими юристами, особенно спеціалистами по римскому праву,

[1]) *Ch. Thurot.*—De l'organisation de l'enseignement dans l'université de Paris. Paris, 1880.—*Crevier.* Histoire de l'université de Paris.

парижскій же, созданный людьми, исповѣдывавшими религію духа, носилъ болѣе философскій, отвлеченный характеръ и былъ знаменитъ своими богословами и теологическимъ факультетомъ—Сорбонной.

Главными предметами преподаванія въ первыхъ средневѣковыхъ университетахъ, или коллегіяхъ, были, такъ называемые, *Septem artes liberales*, а именно: грамматика, риторика, діалектика, ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка. Три первыя доктрины составляли *trivium*, т. е. «троепутіе», ведущее къ изученію теологіи, а четыре послѣднія—*quadrivium*, или четверопутіе, приводящее къ той же цѣли. Такимъ образомъ весь кругъ господствовавшихъ знаній представлялъ собой только средство къ изученію главнѣйшей и единственной науки вѣка—богословія. Самая же философія, какъ она развилась въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ, была только слугой теологіи,—«*Philosophia Theologiae ancilla*»—какъ тогда выражались. Эта средневѣковая фисофія, извѣстная подъ именемъ *схоластики*, нигдѣ не нашла для себя столь благопріятной почвы, какъ во Франціи, гдѣ она въ свое время укоренилась очень прочно.

Стремленіе духовенства подчинить школы своему вліянію. Какъ вначалѣ духовенство испугалось быстраго умственнаго развитія женщины и самостоятельности ея мышленія, такъ и теперь оно сильно вооружилось противъ образованія мужчинъ внѣ непосредственнаго его вліянія, что уже въ началѣ XIII-го вѣка вызвало ожесточенную подпольную борьбу духовенства противъ независимости коллегій; понявъ всю важность и вліяніе этихъ центровъ просвѣщенія, оно добилось того, что уже съ XIII-аго вѣка для открытія каждаго вновь учреждаемаго университета требовалось разрѣшеніе папы. Въ тѣ времена университеты содержались на собственныя средства, и въ этой борьбѣ имъ пришлось бы неминуемо уступить, если бы на помощь къ нимъ не пришло дворянство, составлявшее тогда политическую силу, и правительство, которое надѣляло ихъ различными привилегіями, правами, и нерѣдко матеріальными средствами.

Видя то прочное сочувствіе, которымъ пользовались коллегіи со стороны дворянства, и возрастающую независимость ихъ отъ духовенства, послѣднее, опасаясь потерять юридическій протекторатъ надъ ними, прибѣгло къ другому средству. Оно наводнило почти всѣ коллегіи членами францисканскаго и доминиканскаго орденовъ, давая имъ во все время ученія полное содержаніе въ расчетѣ на то, что

впослѣдствіи всѣ каѳедры будутъ заняты членами этихъ орденовъ, и такимъ образомъ коллегіи естественно перейдутъ въ непосредственное вѣдѣніе духовенства. Этотъ путь былъ дѣйствительно вѣренъ, такъ какъ большинство учащихся были люди не богатые, отдававшіеся наукѣ въ надеждѣ найти въ ней средства къ существованію; будучи принуждены одновременно съ посѣщеніемъ коллегій зарабатывать преподаваніемъ въ элементарныхъ школахъ, они, конечно, не могли соперничать въ успѣхахъ съ обезпеченными матеріально членами орденовъ, но эта хитрая мѣра духовенства вызвала громкій протестъ, выразившійся учрежденіемъ домовъ общежитія для студентовъ, которые впослѣдствіи преобразовались въ самостоятельные факультеты или коллегіи. Такимъ образомъ возникла Сорбонна въ 1257 году при парижскомъ университетѣ, основанная теологомъ Робертомъ Сорбонскимъ; коллегія, учрежденная въ 1305 г. принцессой Іоанной Наварской, женой короля Филиппа IV Красиваго, и другія въ Монтпелье, Авиньонѣ, Тулузѣ, Орлеанѣ и въ въ другихъ мѣстностяхъ Франціи. Въ одномъ Парижѣ съ 1200 до 1500 г. было основано около 50 коллегій.

Самостоятельное возникновеніе коллегій. Большинство изъ нихъ возникало само собой, безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства и даже—что вполнѣ понятно—вопреки желанію духовенства. Вокругъ какого-нибудь знаменитаго учителя собирались учащіеся, составляли по своимъ національностямъ корпораціи или товарищества, избирали своихъ представителей и администраторовъ (ректора, декана, синдика, казначея) и, наконецъ, по роду занятій разбивались на *факультеты*: свободныхъ искусствъ или *философскій*, *теологическій*, *юридическій* и *медицинскій*. Иногда учрежденіе ограничивалось только однимъ факультетомъ, какъ, напр., знаменитая медицинская школа въ Салерно, или же одинъ факультетъ по славѣ преподавателей и по числу слушателей бралъ полный перевѣсъ надъ другими. Съ теченіемъ времени въ университетахъ установились и различныя ученыя степени, какихъ могли достигать успѣвшіе: *баккалавра*, *лиценціата*, *магистра* и *доктора*, а для рѣшенія спорныхъ научныхъ вопросовъ назначались публичные диспуты.

Церковь противъ гуманизма. Въ лицѣ *Jean de Montreuil*'я (род. 1355 г.) мы встрѣчаемъ перваго строгаго гуманиста во Франціи, который сумѣлъ сохранившуюся въ Италіи искру гуманизма превратить здѣсь во всеохватывающее пламя. Тѣмъ не менѣе изученіе греческаго и латин-

скаго языковъ и прививка гуманизма въ коллегіяхъ начались лишь съ половины XV-аго вѣка [1]). Такъ, учрежденіе первой каѳедры греческаго языка въ Парижѣ относится къ 1430 году, но лишь въ 1455 г. она была занята извѣстныхъ *Gregorio* изъ *Citta di Castello*, преподававшимъ греческій языкъ и риторику, затѣмъ послѣдовалъ грекъ *Gregorios Tipheruas* (1470 г.), а за нимъ — италіанскій ученый *Hieronymus Aleander* изъ *Motta*, пользовавшійся громкой славой какъ учитель и увлекавшій слушателей своими лекціями, какъ это мы видимъ изъ переписки нѣмецкихъ студентовъ Беатуса и Ренануса. (Впослѣдствіи Алеандръ, возведенный въ санъ кардинала, сталъ противникомъ гуманизма и недостойнымъ интригантскимъ поведеніемъ на Вормскомъ рейхстагѣ (въ 1521 г.) вызвалъ негодованіе со стороны самыхъ горячихъ своихъ поклонниковъ). До начала XVI-аго столѣтія преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ происходило безъ всякой опредѣленной программы и велось почти исключительно добрыми католиками, не спеціалистами, а потому не вооружало противъ себя духовенства. Но когда въ началѣ XVI-аго вѣка *Vives* выступилъ съ требованіемъ установить строгую систему преподаванія классицизма, все духовенство, съ преподавателями изъ монашескихъ орденовъ во главѣ, рѣзко воспротивилось этому, доказывая, что изученіе греческаго, какъ и еврейскаго, языка есть основа ереси и потворство еретическимъ ученіямъ лютеранства, и этимъ запугивало короля и дворъ, гдѣ мнѣніе это быстро распространилось.

Budé и другіе. Въ то же время во Франціи явился цѣлый рядъ лицъ, доказывавшихъ необходимость и пользу гуманитарнаго воспитанія въ извѣстной строгой системѣ, каковы: *Nicolas Bourbon*, *Jean Bodin*, *Claude Baduel*, *Guillaume Budé* и *Marc-Antoine Muret*. Капитальный трудъ «*Thesarus linguae graecae*» доказываетъ, какъ высоко стояло тогда изученіе греческой литературы у гугенотовъ во Франціи. *Budé* благодаря его трудамъ: «*Commentarii linguae graecae*», «*De studio litterarum recte et commode instituendo*» и «*De l'institution du prince*»

---

[1]) *E. Egger*. L'Hellenisme en France. Leçons sur l'influence des études grécques dans le développement de la langue et de la litterature françaises. T. I. II. Paris, 1869.—*Ch. Thurot*. Extraits de divers manuscrits latins. Paris, 1869.—*H. Omont*. Georges Hermonime de Sparte, maître de grec à Paris et copiste de manuscrits. (Extrait des Mém. de la Soc de l'hist. de Paris 1885).—*Crevier*. Histoire de l'Université de Paris.

*

удалось побѣдить непріязненное отношеніе двора къ гуманизму и провести извѣстную систему гуманитарнаго образованія; онъ въ особенности настаивалъ на томъ, чтобы посвящать больше времени изученію классической литературы, доказывая, что писатель только тогда можетъ считаться классически образованнымъ, когда его работа обладаетъ утонченностью и легкостью слога и полнотой изложенія въ возможно сжатой формѣ [1]).

Умственное и нравственное превосходство женщины, какъ причина нарожденія гуманитарныхъ основъ въ южной Франціи. Для того, чтобы уяснить себѣ причины зарожденія гуманизма въ южной Франціи, намъ нужно возвратиться къ рыцарству и прослѣдить сначала его развитіе. Какъ мы уже видѣли, рыцарство возникло не во всей Франціи сразу, а только на югѣ ея, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, а затѣмъ уже получило болѣе широкое распространеніе. Приписывать это исключительно вліянію чарующей природы, располагающей людей къ неестественному экстазу, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, едва ли правильно; причины этому слѣдуетъ искать глубже, а именно—въ разницѣ интеллектуальныхъ силъ обоихъ половъ. Распространеніе христіанства, перешедшаго изъ Италіи въ прилежащую къ ней южную часть Франціи, а оттуда въ Испанію, совершалось первоначально схимниками, бѣжавшими отъ преслѣдованій римлянъ, а затѣмъ уже болѣе правильно—монастырями. Прежде всего христіанству послѣдовали женщины, а такъ какъ съ изученіемъ Слова Божія тѣсно связано было изученіе грамоты и письма, а въ особенности—познаніе первыхъ правилъ этики, то понятно, что въ тѣ времена, при полной необразованности мужчинъ, женщина стояла несравненно выше ихъ по умственному и нравственному развитію. Такъ было не только въ IX—XII вѣкахъ, но даже еще въ XVII-омъ столѣтіи, когда женщины въ общемъ были образованнѣе мужчинъ, за исклченіемъ, конечно, ученыхъ. Въ то время, какъ мужчина считалъ позорнымъ для себя учиться чему-либо кромѣ верховой ѣзды и турнирныхъ упражненій, женщина достигла уже извѣстной системы въ образованіи и была знакома съ элементарными свѣдѣніями по астрономіи и медицинѣ.

Это духовное превосходство женщины вызывало, съ одной стороны, невольное, доходившее до благоговѣнія, уваженіе мужчины, съ дру-

[1]) *Prebitté.* Guillaume Budé, restaurateur des études grécques en France. Paris. 1846.

гой—особенно въ семейной жизни—возмущеніе, такъ какъ давало ему чувствовать всю его интеллектуальную несостоятельность. Пока женщина находилась вдали, она являлась для мужчины въ какомъ то ореолѣ, онъ не чувствовалъ непосредственно своего униженія и обожалъ ее, но разъ она становилась его женой, ея превосходство дѣлалось невыносимымъ для его самолюбія, и онъ вознаграждалъ себя перевѣсомъ своей физической и феодально-политической силы, послѣдствіемъ чего было угнетеніе болѣе развитого, но менѣе сильнаго существа. Порабощеніе обожаемой женщины вызывало въ другомъ мужчинѣ стремленіе защитить ее, освободить отъ семейнаго гнета, и такъ какъ явленіе это было въ то время общимъ, то оно и вылилось въ форму того объективнаго, общаго отношенія къ женщинѣ, которое мы и видимъ въ рыцарствѣ.

По мѣрѣ развитія мужчины и уменьшенія интеллектуальнаго различія обоихъ половъ, и отношенія ихъ дѣлались болѣе правильными. Первый толчекъ въ этомъ отношеніи данъ былъ, какъ мы уже видѣли, Крестовыми походами, а затѣмъ возникли коллегіи, которыя посѣщались сначала членами монашенскихъ орденовъ и людьми бѣдными, искавшими въ наукѣ средствъ къ существованію, но впослѣдствіи ставшими главными воспитателями подростающей знатной молодежи.

Такимъ образомъ тамъ, гдѣ духовенство не вліяло растлѣвающимъ образомъ на женщинъ и гдѣ послѣднія уже традиціонно получали болѣе строгое, серіозное воспитаніе, создалась на родинѣ рыцарства та нормальная семья, гдѣ патріархатъ преобладалъ во внѣшнихъ ея дѣлахъ, матріархатъ—внутри ея, какъ это мы видимъ у гугенотовъ и другихъ протестантовъ Франціи. Въ этой семьѣ подростающее поколѣніе представляло самую благопріятную почву для воспріятія гуманитарнаго развитія, что и доказываетъ исторія гугенотовъ во Франціи. Наоборотъ, тамъ, гдѣ женское воспитаніе было уже подточено развращающимъ вліяніемъ католическаго духовенства, женщина, при болѣ серіозномъ развитіи мужчинъ, стала въ еще болѣе униженное положеніе и для того, чтобы не утратить своего вліянія, прибѣгала къ другимъ средствамъ, дѣйствуя на чувственные инстинкты мужчинъ, въ чемъ всегда находила дѣятельную поддержку и руководителя въ духовенствѣ, для котораго «цѣль оправдывала средства».

Уже въ первой половинѣ XV-го столѣтія женщины знатнаго рода изучали греческій и латинскій языки, но особенно сильно это раз-

пространилось въ XVI-омъ вѣкѣ. Образцомъ высшаго женскаго образованія и самостоятельности можетъ служить Маргарита Наварская. О степени ея образованія можно судить въ особенности по ея сочиненію «Heptameron ou les cent nouvelles de la reine de Navarre». Какъ извѣстно, Маргарита Наварская почти явно стала на сторону новаго ученія, и когда начались преслѣдованія гугенотовъ, то открыла имъ убѣжище въ своемъ маленькомъ королевствѣ. Тотъ же Францискъ I (въ началѣ XVI-аго вѣка) впервые допустилъ вліяніе женщинъ на политику [1]:

Вліяніе духовенства на внутреннюю политику и на нравственную основу семьи. Что касается духовенства, то его вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи относится уже къ началу XII вѣка. Такъ руководителемъ Людовика VI Толстаго и послѣдующаго затѣмъ короля Людовика VII былъ аббатъ *Сугерій*. Этотъ умнѣйшій представитель французскаго духовенства, въ которомъ постоянно жили воспоминанія о всемогуществѣ римской государственной власти, указалъ тотъ путь, по которому должны были идти французскіе короли для усиленія своей власти, а именно—союзъ правительства съ городскимъ сословіемъ и вообще съ низшими классами общества, гдѣ духовенство пользовалось безусловнымъ вліяніемъ, сжигая на кострахъ строптивыхъ подъ видомъ колдуновъ и еретиковъ.

Францискъ I, какъ умный, образованный государь, не могъ не понимать тѣхъ злоупотребленій католической Церкви, которыя смущали тогда лучшіе умы и совѣсти. Дѣйствительно, онъ очень благосклонно отнесся къ первымъ религіознымъ новаторамъ, покровительствовалъ Беркену и одно время переписывался съ Меланхтономъ, приглашая его во Францію для того, чтобы путемъ публичныхъ диспутовъ рѣшить возникшія церковныя несогласія. Въ кругу его семейства были люди, простиравшіе еще далѣе свое сочувствіе къ новой вѣрѣ, какъ, напр., упомянутая уже Маргарита Наварская, любимая сестра Франциска II. Но чѣмъ ближе знакомился король съ ученіемъ реформаторовъ, тѣмъ больше отвращался отъ него; особенно пугалъ его тотъ рѣзкій республиканскій духъ кальвинизма, который стоялъ въ такомъ

---

[1]) *Herminjard.*—„Correspondance des Réformateurs dans les pays de la langue française". 1866.—Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII.—*Ranke.* „Französische Geschichte, vornehmlich in XVI u. XVII Jahrh." b. Th. 1852—58.—*Puaux.* „Histoire de la reforme française". 2 v. 1857—59.

непримиримомъ противорѣчіи съ монархическими стремленіями его правительства. Уже въ 1515 г., тотчасъ послѣ первой Италіанской войны, король заключилъ съ папой Львомъ X чрезвычайно выгодный конкордатъ, въ силу котораго французская Церковь отдавалась почти въ полное распоряженіе короны; назначеніе на всѣ церковныя должности предоставлено было на усмотрѣніе короля; въ кардинальской коллегіи число французскихъ кардиналовъ было увеличено до 15, чѣмъ обезпечивалось вліяніе французскаго правительства въ самой куріи.

Пока Францискъ I нуждался еще въ своихъ гугенотскихъ подданныхъ, т. е. пока поддерживались связи съ нѣмецкими протестантами, именно съ Шмалькальденскимъ союзомъ, съ которымъ онъ дѣйствовалъ заодно противъ Карла V, онъ щадилъ еще ненавистныхъ сектантовъ у себя дома; но когда Крепійскимъ договоромъ онъ окончилъ 20-тилѣтнюю войну съ императоромъ и уже не сталъ нуждаться болѣе въ содѣйствіи протестантскихъ силъ, то и къ самымъ гугенотамъ началъ относиться съ явной враждебностью и суровостью. Кромѣ короля и всѣ важнѣйшія учрежденія государства были противъ реформатовъ, какъ, напр., парижскій университетъ, находившійся всецѣло подъ вліяніемъ духовенства и представлявшій первый авторитетъ средневѣковой схоластической науки. Уже въ 1535 году былъ случай публичнаго сожженія 6 молодыхъ дворянъ, обвиненныхъ въ составленіи одного пасквиля, въ которомъ осмѣяны были нѣкоторые обряды католической Церкви, а подъ конецъ своей жизни Францискъ началъ преслѣдовать даже безобидныхъ вальденсовъ, остатокъ которыхъ уцѣлѣлъ въ южной Франціи. При Генрихѣ II, тотчасъ по заключеніи мира въ Шато-Камбрези, опять началось энергичное преслѣдованіе приверженцевъ новаго ученія во Франціи, а когда въ 1559 году вступилъ на престолъ старшій братъ Генриха II — Францискъ II, борьба противъ гугенотовъ приняла такой ожесточенный характеръ, что учреждены были инквизиціонныя судилища—*«les chambres ardentes»*,— въ которыхъ огнемъ и другими пытками принуждали еретиковъ къ отреченію [1]). При Генрихѣ III смѣлость духовенства достигла крайняго предѣла; разсчитывая на фанатизмъ неразвитой черни, оно прибѣгало къ подкупу, интригамъ, клеветѣ и т. п. «Проповѣдники съ

[1]) *Perrens*. „L'Église et l'Etât en France sous le règne de Henri IV et la régence de Marie de Medicis". 2 v. 1873.—*Polenz*: „Geschichte des französischen kalvinismus". 5 vol. 1858.

церковныхъ каѳедръ открыто призывали народъ къ возстанію противъ короля и даже внушали мысль объ убійствѣ тирана [1]).

Нравственное разложеніе при Екатеринѣ Медичи. Во время короля Франциска I при господствовавшемъ еще идеально рыцарскомъ направленіи, нравственная порча являлась въ утонченныхъ формахъ и не оказывала большого вліянія на общую массу; но уже при ближайшихъ его преемникахъ — Генрихѣ II, Францискѣ II, Карлѣ IX и Генрихѣ III общественный развратъ достигъ полнаго цинизма. Представительницей этого моральнаго разложенія является жена Генриха II — *Екатерина Медичи*. Подъ руководствомъ такой геніальной кокетки и интригантки (получившей воспитаніе въ одномъ іезуитскомъ флорентійскомъ монастырѣ) появилось цѣлое поколѣніе развратныхъ женщинъ, составлявшихъ постоянную обстановку королевы и ея главную силу. Женщины, обычныя хранительницы чистыхъ нравственныхъ началъ во всякомъ здоровомъ обществѣ, дошли въ эту эпоху до утонченнаго растлѣнія, примѣрами котораго кишитъ французская исторія тѣхъ временъ. Достаточно назвать *Ninon de Lenclos*—эту Аспазію Франціи, олицетворявшую въ себѣ высшее умственное развитіе и высшій утонченный развратъ женщины. Казни плѣнныхъ гугенотовъ устраивались въ видѣ зрѣлища для придворныхъ дамъ; въ то время какъ лилась кровь на эшафотахъ и поляхъ сраженій, во дворцахъ вельможъ шли развратныя пиршества и праздненства, жизнь двора все это время до самаго Генриха IV представляетъ какую-то сплошную безумную оргію. Сама Церковь, руководительница общественной нравственности, со времени Франциска I стала въ полную зависимость отъ двора, и уже при Генрихѣ II французскій клиръ наполнился людьми совершенно не призванными и не подготовленными къ своему званію, такъ какъ высшія церковныя должности раздавались теперь по интригамъ или протекціи двора.

Нантскій эдиктъ и возрожденіе нравственныхъ началъ [2]). Лишь съ узаконеніемъ при Генрихѣ IV протестантизма на основаніи Нантскаго эдикта (1598 г.) вновь зарождается нравственное начало семьи и строгое воспитаніе женщины. По этому эдикту французскій протестантизмъ впервые получилъ прочное законное существованіе въ странѣ

---

[1]) *Labitte.* „De la democratie chez les predicateurs de la Ligue" 1866. (2 ed.).
[2]) См. *Beuoist.*—Histoire de l'Edit de Nantes. 5 v. Delft 1693—95.

и признанъ самостоятельною Церковью въ государствѣ. Это возобновленіе нравственнаго элемента въ націи значительно парализовало растлѣвающее вліяніе высшаго общества на остальные его классы и подняло авторитетъ женщины, какъ члена семьи и матери, давъ и болѣе строгое направленіе ея умственному развитію. Благодаря этому уже въ концѣ XVII-аго и началѣ XVIII-аго вв. общій уровень женскаго образованія въ руководящихъ классахъ общества стоялъ не ниже мужского при несравненно высшихъ нравственныхъ устояхъ. Эти полтораста лѣтъ создали ту умственную силу Франціи, которая дала при Людовикѣ XIV Фенелона, Боссюэта, Массильона, Бурдала, Буало, Паскаля, Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтеня и др.

Съ Людовика XIV до революціи.

Какъ дурѣ ты внушишь понятіе о долгѣ!
Ужъ я о томъ не говорю,
Что отъ такой жены легко бѣжать невдолгѣ.
Ты уживешься съ ней, допустимъ,—а потомъ?
Ты думаешь, покой твой долговѣченъ,
И отъ роговъ вполнѣ ты обезпеченъ?
Какъ разъ наоборотъ! Что женщина съ умомъ
Нарушить долгъ способна, нѣтъ и спора,—
Но въ ней сильна
Боязнь огласки и позора:
Чтобъ измѣнить, рѣшимость ей нужна.
А дурѣ что̀ терять? Не догляди за нею —
Она все съ тою же невинною душой
Другому кинется на шею—
Нечаянно, по глупости одной!
(Мольеръ. „Школа женъ“).

Хотя женщина высшаго круга XVII-аго в. въ большинствѣ случаевъ по образованности не уступала мужчинамъ, а иногда превосходила ихъ по ширинѣ кругозора, разносторонности и основательности познаній, тѣмъ не менѣе это были все-таки исключенія, а не общее правило. Своимъ широкимъ развитіемъ женщины обязаны были не монастырямъ, единственнымъ въ то время женскимъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ онѣ получали по большей части воспитаніе съ малолѣтства, а домашнему образованію, которое потомъ давалось имъ часто подъ руководствомъ лучшихъ преподавательскихъ силъ. Несмотря на

распространеніе коллегій и университетовъ посѣщеніе ихъ молодежью высшаго круга съ общеобразовательной цѣлью было тогда еще крайне рѣдко; туда шли люди, посвятившіе себя спеціально ученой или педагогической карьерѣ, и изъ нихъ вырабатывались преподавательскія силы, доступныя лишь для людей съ большими средствами.

Небольшое число женщинъ, получившихъ серіозную подготовку къ дальнѣйшему самообразованію (со всесильной Ментенонъ во главѣ) пріобрѣло во время Людовика XIV большую силу. Никогда женщина высшаго общества не пользовалась такимъ вліяніемъ, какъ въ эту эпоху и вліяніе это основывалось не на красотѣ, а на умственномъ ея превосходствѣ. Кромѣ того, начавшія въ то время развиваться философія и литература, не оказавшія никакого вліянія на загрубѣвшую внутреннюю жизнь мужчинъ, отразились на такихъ женщинахъ самымъ возвышающимъ образомъ; это спасло ихъ отъ того полнаго паденія, которое грозило впослѣдствіи, когда реальная школа завладѣла умами, и въ государствѣ воцарился развратъ съ деспотическимъ, а впослѣдствіи—безхарактернымъ развратникомъ во главѣ.

Bureaux d'esprit. Во времена Людовика XIV возникли и извѣстныя «Bureaux d'esprit», продержавшіяся весь XVIII-ый вѣкъ. Такъ назывались великосвѣтскіе салоны, служившіе центрами интеллигенціи: здѣсь происходилъ обмѣнъ взглядовъ, оцѣнивались новыя произведенія литературы и другихъ искусствъ; они знакомили публику съ произведеніями посѣщавшихъ ихъ авторовъ. Вліяніе этихъ салоновъ было настолько велико, что они располагали извѣстностью, репутаціей, создавали славу, вели въ академію, но именно благодаря этому всемогуществу, женщины не могли не злоупотреблять имъ, не компрометировать его пристрастіемъ, отсутствіемъ мѣры, духомъ исключительности. Эти «Bureaux d'esprit» очень скоро стали давать имя тѣмъ, у кого его вовсе не было, безсмертія—женщинамъ, предсѣдательствовавшимъ въ нихъ; каждый салонъ находилъ геній, талантъ, воображеніе только у тѣхъ, кто посѣщалъ его ужины; вмѣсто партій съ различными направленіями образовались маленькіе кружки, руководимые однимъ тщеславіемъ, и, такимъ образомъ, мельчали дѣйствительныя умственныя силы. Началась погоня за репутаціей, интрига; выработалось искусство хвалить для того только, чтобы самому добиться похвалы, надѣлать шуму, чтобы возбудить съ помощью другихъ интересъ къ себѣ.

Переходъ умственнаго центра изъ высшаго круга къ буржуазіи. Въ началѣ царствованія Людовика XIV, когда онъ еще не находился подъ вліяніемъ духовенства и покровительствовалъ наукѣ, литературѣ и всему изящному, болѣе твердыя основы нравственности и умственныя силы сосредоточивались въ салонахъ аристократіи. Но съ учрежденіемъ въ Парижѣ «комиссіи инквизиціи», «на обязанности которой лежало наблюденіе за настроеніемъ умовъ въ столицѣ и предупрежденіе возможныхъ общественныхъ волненій» и комиссіи книгопечатанія и цензуры», наблюдавшей за направленіемъ литературы и задерживавшей появленіе сочиненій, неудобныхъ для правительства, наука и искусства попали при дворѣ въ опалу и утратили свое прежнее значеніе въ аристократическихъ салонахъ. Тогда умственный центръ перешелъ къ образованной буржуазіи; ея салоны затмили самые аристократическіе парижскіе «Bureaux d'esprit», получивъ чуть ли не всемірное значеніе. Они привлекли вниманіе всей Европы, и иностранцы добивались чести быть допущенными на эти собранія.

Салонъ г-жи Жоффренъ. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить намъ салонъ энциклопедистовъ г-жи Жоффренъ, который сдѣлался первостепеннымъ парижскимъ салономъ, центромъ интеллигенціи, судилищемъ вкуса, куда вся Европа являлась за паролемъ, и благодаря которому французская литература сдѣлалась модною во всемъ мірѣ. Мы видимъ, что женщина скромнаго происхожденія, не титулованная, жена зеркальнаго фабриканта, получающаго не болѣе 40 тысячъ ливровъ дохода, оказываетъ своимъ приглашеніемъ чуть не милость; быть ей представленнымъ — это честь, приводящая въ смущеніе людей далеко не застѣнчивыхъ, въ родѣ, напр., Пирона. «И все это—говоритъ Мармонтель—изъ за того, чтобы поужинать зачастую яичницей, цыпленкомъ и блюдомъ шпината». Физіономія старушки привѣтливая; природный умъ, здравый, проницательный, не безъ хитрости, съ нѣсколько деревенскимъ складомъ; большое искусство играть умами своихъ собесѣдниковъ и извлекать изъ нихъ все, что они могли дать; эгоизмъ, хорошо воспитанный, исполненный осторожности; вѣчная забота о томъ, чтобы доставить удовольствіе, изобрѣсти его; голова полная мыслей и сравненій, которыхъ, по ея словамъ, у нея «цѣлый магазинъ, такъ что хватитъ на всю остальную жизнь»; много веселости въ разсказѣ; тщеславіе, состоящее въ томъ, чтобъ быть безъ претензій; знаніе свѣта, почерпнутое изъ наблюденій, а

це изъ книгъ; милое невѣжество безъ глупости; сердце, которое можно назвать благодѣтельнымъ брюзгой—*un bourru bienfaisant*; мнѣнія довольно гибкія, не выдерживающія противорѣчія; очень небольшое уваженіе или, лучше сказать, очень холодное и вѣжливое презрѣніе къ человѣчеству—вотъ перечень достоинствъ и недостатковъ, которымъ г-жа Жоффренъ обязана была своимъ успѣхомъ и славой своего салона.

Домъ этой женщины не ослѣплялъ и не отличался блескомъ, какъ и сама она: онъ привлекалъ къ себѣ простотой, порядкомъ, скромной элегантностью. Все въ немъ было такъ удобно—даже мужъ хозяйки, умѣвшій стушеваться, довольствуясь въ теченіе всей своей жизни ролью управителя. Здѣсь собирались всѣ посѣтители салона г-жи Тансенъ, остававшейся еще въ живыхъ. Имъ и писателямъ, выступившимъ послѣ нихъ, всѣмъ знаменитостямъ того времени г-жа Жоффренъ посвящала всѣ свои вечера. По средамъ у нея собирались за обѣдомъ литераторы, по понедѣльникамъ—артисты. Салонъ ея наполняли всѣ талантливые художники, исключенные изъ большого свѣта и едва допускавшіеся въ нѣкоторые салоны финансоваго міра; она приласкала ихъ, стала доставлять имъ работу, посѣщала ихъ мастерскія. Ванлоо, Грёзъ, Верне, Роберъ были ея обычными посѣтителями. Она спрашивала ихъ мнѣніе о какой-нибудь старинной картинѣ, принесенной сюда желавшимъ ее пріобрѣсти любителемъ, или доставала, изъ своего портфеля рисунокъ старой школы, переходившій изъ рукъ въ руки, вызывая восторги и замѣчанія. Иногда Кайлюсъ разсказывалъ остроумный анекдотъ и замѣтивъ, что онъ понравился обществу, приготовлялъ потомъ на этотъ сюжетъ гравюру для посѣтителей понедѣльниковъ. Эти среды и понедѣльники, эти большіе обѣды литературы и искусства были бы самыми оживленными праздниками, самыми задушевными свободными сходками, братскимъ общеніемъ всѣхъ умовъ и талантовъ XVIII вѣка, если бы хозяйка дома не вносила сюда порой своего душевнаго и умственнаго холода... Ея благоразумныя предостереженія, перерывы изъ осторожности, сварливый нравъ и обычное ледяное одобреніе: *Allons! voilá qui est bien!* парализовали всякій энтузіазмъ мысли, всякій порывъ краснорѣчія. (Записки Мармонтеля) [1].

---

[1]) *А. Н. Плещеевъ*. Женщина въ XVIII вѣкѣ по Гонкуру.

Монастырское воспитаніе. Иначе стояло дѣло женскаго образованія у дворянъ съ ограниченными средствами, не позволявшими имъ давать полное домашнее воспитаніе своимъ дочерямъ; имъ поневолѣ приходилось отдавать дѣвочекъ въ монастыри, гдѣ, благодаря парализующему вліянію духовенства, программа обученія не только не прогрессировала, но даже скорѣе уступала монастырскимъ школамъ IX-ого вѣка (при Карлѣ В.). Несмотря на усиленную пропаганду духовенства о пользѣ монастырскаго воспитанія, общество все яснѣе сознавало всю его нецѣлесообразность; оно чувствовало, что монастыри, не давая необходимыхъ знаній, въ то же время отрываютъ дѣвушку отъ семьи и дѣйствительной жизни, создавая изъ нея безполезный элементъ, легко поддающійся въ то же время интригамъ духовенства и становящійся часто слѣпымъ его орудіемъ для достиженія разныхъ цѣлей въ интересахъ Церкви. Эта несостоятельность женскаго образованія выступала еще рельефнѣе по мѣрѣ развитія начальнаго, средняго и высшаго образованія мужчинъ.

Съ половины XVII-аго вѣка все чаще и чаще начинаютъ раздаваться голоса въ пользу основательнаго умственнаго и нравственнаго воспитанія женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе возрастаетъ и ея значеніе и вліяніе. Аббатъ Флёри первый выступилъ съ рѣзкимъ порицаніемъ общества, совершенно игнорировавшаго серіозное воспитаніе женщины, и требовалъ для нея науки болѣе основательной и разумной, чѣмъ одно умѣнье дѣлать реверансы. Онъ начерталъ первую широкую программу женскаго образованія. Не представляя большихъ требованій въ ней, онъ въ особенности налегаетъ на знаніе домоводства и гигіены, столь необходимое для попеченій какъ о себѣ самой, такъ и о другихъ. Онъ предполагаетъ освободить дѣвицъ отъ изученія латинскаго и другихъ языковъ, исторіи, математики, риторики, философіи, поэзіи и прочихъ «куріозовъ» (curiosités)». «Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ онъ, онѣ могли бы въ свободные часы заниматься и этимъ вмѣсто того, чтобы читать романы и вести разговоры о юбкахъ, и лентахъ». Флёри видитъ въ женщинѣ прежде всего жену, мать и признаетъ ее связующимъ и укрѣпляющимъ элементомъ въ семьѣ, этой, своего рода, маленькой республикѣ [1]).

Фенелонъ. Позднѣе по тому же вопросу энергично выступаетъ

---

[1]) *Fleury*--Traité du choix des études. p. 265.

архіепископъ Камбрійскій Фенелонъ въ своемъ трактатѣ «О воспитаніи дѣвицъ». Исходя, какъ и аббатъ Флёри, изъ взгляда на женщину какъ на мать и жену прежде всего, онъ послѣ религіи тоже ставитъ на первомъ планѣ изученіе домашняго управленія. Кромѣ того, онъ совѣтуетъ чтеніе «греческой и римской исторіи, представляющихъ поразительные примѣры мужества и самоотверженія», ознакомленіе съ исторіей Франціи, «имѣющей также свои красоты», которую должно связывать «съ исторіей сосѣднихъ земель, а также и съ повѣствованіями, разумно написанными о странахъ отдаленныхъ». Онъ не считаетъ нужнымъ запрещать краснорѣчіе и поэзію, музыку и живопись, но указываетъ на опасность обученія искусствамъ, въ которыхъ есть столько увлекательнаго, и совѣтуетъ соблюдать при этомъ большую осторожность; оно должно быть—по его мнѣнію—достояніемъ лишь дѣвушекъ съ установившимся сужденіемъ, отличающихся скромностью поведенія и неспособныхъ увлекаться тщетною славою. Фенелонъ требуетъ также *«болѣе серіознаго воспитанія для женщины, потому что безъ этого немыслимо и истинное воспитаніе мужчины»* [1])

Де-Ментенонъ. Уже къ концу XVII-аго вѣка сдѣлана была первая серіозная попытка введенія на практикѣ болѣе основательнаго и раціональнаго воспитанія дѣвицъ. Честь этой попытки принадлежитъ всесильной въ то время Ментенонъ, которая учрежденіемъ и заботами о «Maison Saint Cyr» доказала, насколько серіозно она смотрѣла на этотъ вопросъ и какъ искренно была ему предана всей душой. Но этотъ единственный въ XVII-омъ вѣкѣ примѣръ нашелъ себѣ лишь нѣсколькихъ слабыхъ подражателей, и дѣло это не успѣло еще окрѣпнуть какъ вновь вошло въ моду—правда лишь на короткое время—монастырское воспитаніе.

Возвращеніе къ монастырскому воспитанію. Наслѣдники Людовика XIV какъ будто совсѣмъ не признаютъ свѣтскаго воспитанія дѣвицъ. Людовикъ XV помѣщаетъ всѣхъ своихъ четырехъ дочерей въ Fontevrault къ бенедиктинкамъ и покровительствуетъ школамъ Младенца Іисуса и Урсулинокъ. Послѣдствіемъ такого предпочтенія было то, что монастырское воспитаніе снова вошло въ свою силу. Менѣе, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ послѣ извѣстнаго трактата Фенелона («О воспитаніи дѣвицъ»), Ролленъ высказываетъ тѣ же жалобы на безпо-

---

[1]) *Fenelon.*—De l'éducation des filles. p. 143.

рядочность женскаго образованія, и литература, въ извѣстной комедіи Мариво (*Marivaux*) «L' Angélique de l' Ecole des mères», воспроизводитъ тѣ же недостатки монастырскаго воспитанія, какіе изображены гораздо ранѣе у Мольера въ лицѣ Агнессы («Ecole des femmes»)— недостатки полнѣйшаго отрѣшенія отъ жизни. Въ 12 лѣтъ старшая дочь Людовика XV не прошла еще всего букваря. Аббатъ Сенъ-Пьеръ говоритъ, что «дѣвицы, за неимѣніемъ другихъ воспитательныхъ заведеній, поневолѣ идутъ въ монастыри, устройство которыхъ нисколько не отвѣчаетъ надлежащимъ потребностямъ дѣтей». Быстрый переходъ отъ монастыря къ свѣту его поражаетъ, какъ поражалъ и Фенелона, и онъ склоняется въ пользу семейнаго воспитанія или болѣе серіознаго—въ частныхъ пансіонахъ.

Реакція противъ монастырскаго воспитанія. Съ 1760 года начинается явная реакція противъ монастырскаго воспитанія. Философы рѣзко указываютъ на неестественность вступленія дѣвицъ въ жизнь безъ малѣйшаго понятія о ней. «Мнѣ до крайности жаль тѣхъ дѣвушекъ, матери которыхъ поручили ихъ воспитаніе монахинямъ, подобно тому, какъ онѣ первоначальную заботу о ихъ дѣтствѣ возложили на чужихъ кормилицъ» [1]), говоритъ Вольтеръ. Тѣ же протесты слышатся и со стороны Дидро, Тома, Тюрго и Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера. «*Энциклопедическій словарь*» служитъ вѣрнымъ выраженіемъ ихъ мыслей. «Неужели возможно», говорится въ немъ, «чтобы женщины, отрекшіяся отъ свѣта, были въ состояніи вести тѣхъ, которыя призваны жить въ свѣтѣ»? Послѣдовало открытіе цѣлаго ряда частныхъ пансіоновъ съ самыми широкими программами обученія, причемъ нерѣдко подъ вліяніемъ энциклопедистовъ впадали въ другую крайность, какъ, напр., программа г-жи де-Жанлисъ [2]). Честь составленія перваго, болѣе строго обдуманнаго, утилитарнаго плана обученія дѣвицъ безспорно принадлежитъ г-жѣ де-Мезонневъ, составительницѣ «Essai sur

---

[1]) „Вскорѣ послѣ рожденія кормилица далеко увозитъ съ собой малютку; и только уже позднѣе, въ эпоху картинъ Грёза и д'Обри, мы видимъ мать, пріѣзжающую къ кормилицѣ навѣстить своего ребенка. Когда дѣвочка возвращалась въ родительскій домъ, ее поручали гувернанткѣ, съ которой она вмѣстѣ жила въ верхнихъ комнатахъ"—передаетъ Плещеевъ по Гонкуру.

[2]) Къ сожалѣнію, уже къ концу XVII в. при обсужденіи вопроса о воспитаніи женщины часто переходятъ на совершенно ложный путь, связывая его съ вопросомъ о равноправности обоихъ половъ. Такъ, напр., въ XVII в. двѣ женщины, дѣвица Гурней и Анна Шурманъ уже проводили мысль объ уравненіи правъ обоихъ половъ. Г-жа Ремюза въ XVIII ст. требуетъ равенства только въ воспитаніи.

l'instruction des femmes». Однако, это были лишь единичныя попытки, не пустившія глубокихъ корней и не успѣвшія сдѣлаться популярными, и хотя въ концѣ XVIII-го вѣка и составились общества, требовавшія коренной переорганизаціи женскаго воспитанія, великая революція отодвинула вопросъ этотъ на заднiй планъ, и изъ дѣятелей ея никто кромѣ Кондорсе не заботился объ улучшеніи образованія и вообще положенія женщины.

Воспитаніе женщины въ буржуазной семьѣ. Въ буржуазіи дочь проводитъ все свое раннее дѣтство съ матерью, которая лелѣетъ ее, замѣняетъ ей гувернантку, воспитываетъ ее такъ, какъ была воспитана сама, посреди мирной обстановки, гдѣ царствуетъ строгій порядокъ, гдѣ все такъ солидно и прочно, все дышетъ довольствомъ и буржуазнымъ счастьемъ. Но наступаетъ время, когда, отдавая дань обычаю, матери, какъ бы довольны ни были знаніями своихъ дочерей, помѣщали ихъ для окончанія религіознаго образованія въ монастырскій пансіонъ подъ руководство «сестеръ». Подѣлавъ визиты всѣмъ родственникамъ, одиннадцатилѣтняя дѣвочка не безъ слезъ переступала порогъ своего новаго жилища.

Эти духовныя школы, куда отдавала своихъ дѣтей буржуазія, были скромными общинами, помѣщавшимися въ какомъ-нибудь отдаленномъ предмѣстьѣ, въ которыхъ брали за пансіонъ отъ 250 до 350 ливровъ въ годъ, но гдѣ также обучали даромъ дѣвочекъ изъ простонародья. Хотя и здѣсь подчинялись требованіямъ моды, учили танцамъ и музыкѣ, безъ которыхъ не обходились даже заведенія чисто благотворительнаго характера, но эти общины были чужды той роскоши, того тщеславія, какими отличались монастыри, гдѣ воспитывались дочери дворянъ.

Въ мелкой буржуазіи матери, нуждаясь въ помощи дочерей въ домѣ, никогда не оставляли ихъ позже двѣнадцатилѣтняго возраста ни въ монастырѣ, ни въ тѣхъ буржуазныхъ пансіонахъ, гдѣ въ 5 лѣтъ выучивали *чтенію, письму, счету, шитью, вышиванію и вязанію.* На воспитаніи, которое получала дѣвочка по возвращеніи въ родительскій домъ, лежалъ отпечатокъ того средняго положенія, которое занимала въ обществѣ буржуазія, своей трудовой жизнью соприкасавшаяся съ народомъ, а довольствомъ приближаясь къ дворянству. Здѣсь молодая дѣвушка готовилась быть хорошей хозяйкой, не чуждавшейся вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскихъ удовольствій; жизнь ея дѣлилась на двѣ поло-

вины: одну она посвящала занятію искусствами, другую—рукодѣлью, домашнимъ работамъ, переходя такимъ образомъ безпрестанно и часто даже по нѣсколько разъ въ день отъ роли виртуозки къ роли Сандрильоны. Одинъ учитель смѣнялъ въ домѣ другого: за преподавателемъ чистописанія слѣдовалъ учитель географіи, за нимъ—учителя музыки, танцевъ; послѣднему даже мелкій людъ платилъ по 30 су въ мѣсяцъ. Но всѣ эти наставники походили на праздничныя платья молодой дѣвушки, на щегольской и даже богатый нарядъ, который придавалъ ей видъ дворянки, но который она покидала, чтобы въ какомъ-нибудь холстинковомъ капотикѣ идти съ матерью на рынокъ покупать овощи. Строгое практическое, грубое основаніе и легкія свѣтскія, галантныя украшенія—вотъ двойственный характеръ этого воспитанія. Казалось, женщины буржуазіи были воспитаны мольеровскимъ здравымъ смысломъ и свѣтскостью г-жи Помпадуръ [1]).

Браки въ буржуазіи. Свобода буржуазныхъ нравовъ, не препятствовавшихъ взрослымъ дочерямъ отлучаться изъ дому однѣмъ, помогала молодой дѣвушкѣ выйти замужъ; но такъ какъ при этомъ она подвергалась многимъ опасностямъ, то въ ней вырабатывалась осторожность; личность жениха, его характеръ взвѣшивались и изучались здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ классахъ общества. Не испорченная честолюбіемъ, менѣе вѣтреная, дѣвушка искала въ мужѣ если не любовника, то, по крайней мѣрѣ, человѣка, котораго она могла бы любить. Будучи въ семьѣ своей лицомъ эмансипированнымъ, волю котораго родители не осмѣливались насиловать въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ замужество, она часто подвергала испытанію человѣка, сдѣлавшаго ей черезъ отца ея предложеніе, присматривалась къ нему, ближе знакомилась съ его взглядами; она принимала его въ простомъ холстинковомъ платьѣ съ ненапудренными волосами, небрежно причесанными *à la baigneuse*, и ему долго приходилось посѣщать ее, долго ухаживать, прежде чѣмъ она разрѣшала ему отправиться на набережную «des Orfèvres», чтобы купить тамъ свадебное кольцо и медальонъ. (Мемуары г-жи Роланъ).

Такая крайняя осторожность при вступленіи въ бракъ и даже иногда отвращеніе къ нему—неудивительны: съ нимъ начиналась для дѣвушки серіозная сторона жизни, труды, отвѣтственность, рабская

---

[1]) *Плещеевъ. А. Н.* стр. 45—80.

зависимость отъ домашняго очага. У буржуазіи супружество представляло полную противоположность тому, чѣмъ оно являлось въ дворянскомъ сословіи: здѣсь это узы, тамъ — освобожденіе; здѣсь оно затворяетъ передъ ней двери въ свѣтъ и налагаетъ серіозныя обязанности, тамъ—съ замужествомъ начинается эмансипація женщины, ея существованіе оживляется. Но и помимо строгихъ обязанностей, бракъ пугаетъ дѣвушку и суровостью обѣтовъ: мужъ и жена въ буржуазіи должны жить вмѣстѣ, между ними невозможны удобныя сдѣлки, имъ нельзя разойтись прилично. Выбирая мужа она должна быть увѣрена, что сходится съ человѣкомъ, который не разстроитъ хозяйства, не лишитъ ея дѣтей куска хлѣба.

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ присоединяется еще та деспотическая власть, которую сохранилъ въ буржуазіи мужчина надъ женщиной; дѣвушка знаетъ, что въ ея сословіи взять себѣ мужа значитъ: взять себѣ господина [1]).

Гугеноты. Съ признаніемъ за гугенотами по Нантскому эдикту гражданской равноправности, во Францію былъ введенъ элементъ, вся сила котораго основывалась на строгихъ правилахъ патріархальной семьи, гдѣ жена и мать одинаково во всѣхъ сословіяхъ была хозяйкой дома. Еще въ XVI-омъ столѣтіи Сюлли указываетъ на гугенотовъ, какъ на главную экономическую опору и производительную силу страны, такъ какъ, благодаря строгимъ правиламъ, у нихъ выработался тотъ типъ семьи, который всего болѣе могъ дать государству полезныхъ гражданъ. И дѣйствительно, со времени Нантскаго эдикта въ теченіе менѣе чѣмъ 100 лѣтъ все, что создала промышленность Франціи — было создано ими — безъ всякаго поощренія со стороны правительства; вся производительность страны сконцентрировалась въ ихъ рукахъ; они представляли собою источникъ труда и энергіи. Но самое благотворное вліяніе оказали гугеноты на народную массу, поддерживая въ ней нравственные принципы, какъ собственными примѣрами семейной жизни, такъ и школами, въ которыхъ мальчики и дѣвочки получали одинаковое образованіе, и которыя стояли несравненно выше католическихъ [2]).

Пока Людовикъ XIV находился подъ вліяніемъ высокоразвитыхъ

---

[1]) *Плещеевъ А. Н.* стр. 63—66.

[2]) *Descloseaux.*—„Etude critique sur les Économies royales. Gabrielle d'Estrées et Sully“ въ „Revue historique“ 1887, № 2.

женщинъ и вообще умственнаго развитія XVII-аго столѣтія, онъ понималъ всю пользу, приносимую странѣ гугенотами. Но когда онъ подпалъ вліянію католическаго духовенства и въ особенности съ того времени, какъ при дворѣ его воцарились ханжество и развратъ, и король со всѣмъ дворомъ ежедневно присутствовалъ при богослуженіи, превратившемся въ сборище развратниковъ и развратницъ, строгія правила гугенотовъ сдѣлались стѣснительны и даже опасны, такъ какъ слишкомъ ярко указывали буржуазіи и народу всю глубину нравственнаго паденія въ высшемъ кругѣ. Начались притѣсненія гугенотовъ.

Преслѣдованія эти особенно усилились съ 1675 года, когда духовенство согласилось дать королю субсидію въ $4^1/_2$ милліона, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднесло ему «articles concernant la religion», гдѣ требовалось искорененіе ереси. Сначала стали различными ложными толкованіями Нантскаго эдикта мало-по-малу стѣснять гугенотовъ; затѣмъ начался рядъ ограниченій болѣе тяжелыхъ: имъ воспрещено было строить новыя церкви, школы и богадѣльни, поставлять новыхъ пасторовъ, заниматься нѣкоторыми профессіями, какъ, напр., быть адвокатами, врачами, учителями, повивальными бабками и пр. Наконецъ, дошло до того, что врачамъ-католикамъ воспрещено было подавать помощь больнымъ и умирающимъ гугенотамъ. Цѣлыхъ 10 лѣтъ продолжались эти притѣсненія, прежде чѣмъ Людовикъ XIV рѣшился формально отмѣнить Нантскій эдиктъ въ полномъ его составѣ.

Въ годъ самаго ярого преслѣдованія гугенотовъ насчитывали до 844 закрытыхъ или разрушенныхъ протестантскихъ церквей, 1,400 изгнанныхъ пасторовъ, $1^1/_2$ милл. насильно обращенныхъ въ католичество и 500 тысячъ бѣжавшихъ за границу. Если мы вспомнимъ, что гугеноты представляли во Франціи самую дѣятельную экономическую силу, что благодаря ихъ честности, бережливости, трудолюбію и умѣнью въ ихъ рукахъ находилась значительная часть богатства страны, что имъ, собственно, принадлежала мануфактура, фабрики, внутренняя и внѣшняя торговля, то легко поймемъ, какую невознаградимую потерю должно было понести благосостояніе Франціи отъ эмиграціи этой лучшей части народонаселенія въ сосѣднія государства—Голландію, Англію и Германію [1]).

---

[1]) *Bonnemere*. „La France sous Louis XIV 1643—1715". Paris, 1817—65.—*Gaillardin*. „Histoire de règne de Louis XIV" Paris 1874—76.—*Ranke*. „Französische Geschichte, vornehmlich in XVI u. XVII Jahrhund.".

Продажность должностей. Уже въ 1709 году истощенная казна, въ виду крайнихъ затрудненій и близкая къ банкротству, создала и распродала для увеличенія своихъ рессурсовъ до 40 тысячъ новыхъ *продажныхъ должностей*. Установлена была такса: за мѣсто сборщика податей взималось 150 тысячъ франковъ, парламентскаго совѣтника—100 тысячъ и т. д. [1]). Понятно, что люди, затратившіе значительный капиталъ на покупку той или другой должности, пользовались затѣмъ своимъ офиціальнымъ положеніемъ, чтобы путемъ лихоимства и другихъ вымогательствъ возвратить затраченную сумму или, по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ хорошій процентъ съ нея. Такъ, чиновникъ, заплатившій, напр., за мѣсто президента въ какой-нибудь финансовой или судебной части 400 тысячъ франковъ, долженъ былъ собирать ежегодно по меньшей мѣрѣ 25 тысячъ, чтобы получить приличный доходъ съ затраченнаго капитала. Разумѣется, всѣ эти поборы ложились тяжелымъ бременемъ на народъ тѣмъ болѣе, что, ради увеличенія доходовъ истощенной казны, появилось множество вовсе не нужныхъ должностей, какъ, напр., инспекторовъ вина, пива, меду, муки, устрицъ, снѣгу и льду, надзирателей за парикмахерами и т. п. Такое подкупное или продажное чиновничество было обыкновенно въ полнѣйшей зависимости отъ правительства и становилось слѣпымъ орудіемъ его воли.

Янсенизмъ и Портъ-Рояль. Нравственное превосходство и строго моральное ученіе гугенотовъ имѣло слишкомъ большое культурное значеніе для націи, чтобы въ вѣкъ расцвѣта умственныхъ силъ Франціи его можно было уничтожить безъ всякихъ послѣдствій. Дѣйствительно, вслѣдъ за притѣсненіями и изгнаніемъ гугенотовъ появился янсенизмъ, имѣвшій много общаго съ протестантствомъ и тѣсно примыкавшій къ нему своими догматическими убѣжденіями. Проповѣдниками его во Франціи явились *Дюверżье-де-Горанъ*, аббатъ *Сенъ-Сиранскій* и нѣсколько позже—*Кенель*, извѣстный французскій переводчикъ и комментаторъ Новаго Завѣта. Центромъ же и метрополіей янсенизма сдѣлалась лучшая женская школа того времени, женскій монастырь Портъ-Рояль (*Port-Royal*) [2]), настоятельница котораго

[1]) *Bonnemere*. «La France sous Louis XIV 1643—1715». Paris, 1817—65.—*Gaillardin*. «Histoire de règne de Louis XIV» Paris 1874—76.—*Ranke*. «Französische Geschichte, vornehmlich in XVI u XVII Jahrhund.».

[2]) *Sainte-Beuve*.—„Hist. du Port-Royal". Paris 1867.—*Reuchlin*. „Geschichte von

Анжелика-Арно принадлежала къ одной изъ аристократическихъ французскихъ фамилій. Благодаря своему уму и благочестію, а также личнымъ связямъ, она сумѣла привлечь въ кружокъ, образовавшійся въ Портъ-Роялѣ, все, что было лучшаго, мыслящаго, передового въ странѣ: къ нему принадлежали самые видные люди изъ аристократовъ, какъ принцъ Конти, множество высоко-образованныхъ женщинъ эпохи (де-Сабле, де-Лонгвиль и др.), писатели (Паскаль, Буало, Расинъ) и друг. Къ началамъ своего учителя люди эти присоединили строгую мораль, церковное благочестіе и отчасти мистицизмъ и, такимъ образомъ, французскій янсенизмъ, какъ аскето-піетическая школа сложился въ форму рѣшительнаго протеста противъ господствовавшей казуистической морали іезуитовъ, властвовавшихъ тогда надъ церковью во Франціи. ***Паскаль*** посвятилъ громадный литературный талантъ свой на защиту янсенизма и въ своихъ «***Провинціальныхъ письмахъ***» («Lettres provinciales») зло осмѣивалъ іезуитовъ. Но послѣдніе въ виду усиливавшагося врага тоже не дремали: уже въ 1642 году по ихъ настоянію папа Урбанъ VIII осудилъ нѣкоторыя положенія янсенизма, какъ еретическія, а въ 1713 году Климентъ XI буллой «Unigenitus» окончательно поразилъ всю партію, предавъ ее отлученію отъ Церкви. Правительство Людовика XIV, опираясь на папскія осужденія, съ своей стороны, приняло строгія мѣры противъ янсенизма: по королескому повелѣнію Port-Royal былъ закрытъ и разрушенъ (въ 1709 г.), а янсенисты подверглись преслѣдованію двора.

Упадокъ нравовъ дворянства. По мѣрѣ того, какъ интеллектуальное величіе при дворѣ Людовика XIV уступало мѣсто ханжеству, властолюбію и разврату, развивалась крайняя расточительность, которая неминуемо повлекла за собой полное разореніе дворянства, паденіе достоинства женщины и ея духовнаго вліянія: то, что прежде достигалось ея умственнымъ превосходствомъ, теперь бралось чувственностью, приблизившейся уже къ полному разврату. Расточительность, разорившая дворъ и всѣхъ окружавшихъ его, породила цѣлый рядъ преступленій, которыми Парижъ въ 1676—1688 гг. ужаснулъ всю Европу; достаточно указать на процессъ *Marquise de Brinvilliers*, которая отравила своего отца, мужа, ребенка и брата,

---

Port-Royal. Der Kampf der reform. und der jesuit. Katholicismus unter Louis XIII u. Louis XIV". Hamb. u Gotto 1839—44.

чтобы завладѣть наслѣдствомъ. Съ обѣднѣніемъ высшихъ слоевъ общества, аристократки сдѣлались доступнѣе для буржуазіи, которая за деньги могла пріобрѣтать не только государственныя должности, но и аристократическія связи. Такимъ образомъ дворянство все больше сливалось съ буржуазіей, получая отъ нея деньги и давая взамѣнъ заразу разврата и полное растлѣніе семьи, проникшія при Людовикѣ XV во всѣ слои общества, такъ что Франція сдѣлалась поставщицей гетеръ для всей Европы, имѣя у себя для этой цѣли почти что спеціальную школу, именуемую парижскимъ театромъ.

Паденіе нравовъ буржуазіи. Вслѣдствіе этого внѣшняго сближенія дворянства съ буржуазіей, послѣдняя въ продолженіе этого вѣка все больше и больше отдаляется отъ простоты нравовъ добраго стараго времени, когда вся роскошь и гордость ея состояла въ томъ, чтобы наканунѣ праздника *Saint-Martin* выставить надъ своимъ крыльцомъ перо индюка или гуся, когда она одѣвала своихъ женъ и дочерей въ поношенныя, вышедшія изъ моды платья знатныхъ дамъ, пріобрѣтаемыя самыми элегантными буржуазками на ярмаркѣ Св. Духа, которая происходила по понедѣльникамъ на Гревской площади. Въ началѣ XVIII-аго вѣка авторъ «Знаменитыхъ Француженокъ» (Illustres Françaises») возстаетъ противъ буржуазнаго честолюбія и тщеславія, противъ того, напр., что жены сколько-нибудь достаточныхъ секретарей, прокуроровъ, нотаріусовъ, купцовъ, изъ подражанія дворянству, велятъ называть и сами называютъ себя «*madame*». Мало-по-малу вся буржуазія, сначала высшая, а потомъ и низшая, перенимаетъ у дворянъ ихъ спѣсь, тщеславіе, слова, языкъ, моды; она разоряется на наряды, тратитъ нерѣдко годовой доходъ на вѣнчальное платье и королевское приданое. Это уже не тотъ скромный бытъ, который описывалъ Мариво. У барыни своя половина, у барина—своя; буржуазка по три раза въ день мѣняетъ туалетъ и не можетъ обойтись безъ горничной; она велитъ звонить къ обѣду, докладывать о гостяхъ; взамѣнъ скромныхъ вечеровъ, когда ея партію составляли какіе-нибудь длинноволосые адвокаты, она устраиваетъ концерты, за которыми слѣдуетъ игра въ «bouillotte»; она ужинаетъ въ гостяхъ, возвращается домой въ два часа ночи; по утрамъ принимаетъ у себя въ спальной распашенкѣ (*manteau de lit*). Прошло время сдѣлокъ съ кухаркой для того, чтобы какъ-нибудь утаить изъ расходныхъ денегъ, выданныхъ мужемъ, нѣсколько луи на свой туалетъ; теперь она приглашаетъ гостей, рас-

поряжается, покупаетъ и только посылаетъ мужу счеты. Она уже не хохочетъ со своими служанками, не толкуетъ съ ними о дороговизнѣ по поводу новыхъ башмаковъ, за которые заплочено шесть ливровъ и которые остались въ парижской грязи, выговоры горничнымъ уже не смягчаются ласковыми словами «ma fille». Буржуазка повысила тонъ: это женщина, читающая любовные романы, разсуждающая о нихъ, находя ихъ «прелестными» или «отвратительными», и *отдающая дочь свою въ монастырь въ самомъ раннемъ возрастѣ для того, чтобы самой быть свободной.* Нравы, вкусы, привычки—неузнаваемы. Посмотрите на эту барыню, идущую къ обѣднѣ въ сопровожденіи лакея, который несетъ за ней большую книгу въ сафьянномъ переплетѣ: это—торговка съ улицы Сентъ-Оноре и жена церковнаго старосты [1]).

Женщина низшаго класса. Обратившись теперь къ низшему сословію, мы видимъ совершенно иную картину: простолюдинка загрубѣла въ суровой мужской работѣ; вѣчно на улицѣ, на вѣтру, сильная, мускулистая—она можетъ назваться женщиной только по своему полу. Въ нравственномъ отношеніи женщина низшаго класса, начиная съ рыночной торговки и кончая несчастнымъ существомъ, продающимъ весь день дрова на Сенъ-Бернардской площади, такъ же груба, неотесана, какъ и физически. Посреди высокой цивилизаціи эпохи, въ самомъ центрѣ просвѣщенія она по культурному развитію стоитъ не многимъ выше дикарки: понятіе о правительствѣ у нея составляется по казни на Гревской площади, правосудіе олицетворяется комиссаромъ, христіанство она видитъ въ хожденіи вокругъ раки св. Женевьевы. Лишь мимолетно сердце ея затрогивалось болѣе человѣческимъ чувствомъ горести, негодованія, сожалѣнія, но эти рѣдкіе проблески поневолѣ глохли среди домашнихъ невзгодъ и дрязгъ, гнетущей нужды, суровости обыденной жизни, непрестанныхъ ссоръ, гдѣ брань лилась потоками, гдѣ слышался этотъ особый своеобразный языкъ, изобрѣтенный и распространенный огромной корпораціей пуасардокъ. Крикъ, побои, ругань—это домашній очагъ; дѣти растутъ въ вѣчномъ страхѣ передъ занесенной надъ ними рукой, забитыя, замкнувшіяся въ себя. Какой мракъ, какая глубина невѣжества у дѣвочекъ, которыхъ не всегда учатъ грамотѣ монахини! Но въ этомъ слоѣ и мужское развитіе не превышаетъ полуграмотности.

---

[1]) *Плещеевъ.*—Стр. 70—75.

Съ дѣтства простолюдинки растутъ для обольщенія посреди окружающей ихъ грубости чувствъ, цинизма рѣчи и поступковъ, развращающихъ примѣровъ. Стыдливость, цѣломудріе исчезаютъ чуть не въ отрочествѣ. Вся религія ихъ сводится къ исполненію нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, какъ, напримѣръ, молебенъ Богородицѣ, который онѣ служатъ обязательно каждую субботу, сохраняя втайнѣ этотъ обычай посреди самой разгульной жизни. Къ искушеніямъ, которымъ подвергалась дѣвушка изъ народа, лишенная всякой поддержки и нравственаго сознанія, присоединялось еще зрѣлище разнузданныхъ удовольствій: родители, отправляясь въ праздничный день съ утра въ какое-нибудь увеселительное заведеніе, въ залы Рампонна, гдѣ и стѣны были украшены скабрезными изображеніями, брали съ собой своихъ дѣтей, привыкавшихъ, такимъ образомъ, къ подобной жизни и втягивавшихся въ нее [1].

Упадокъ вліянія Церкви. Устранивъ послѣдняго своего врага—янсенизмъ—католическая Церковь, въ лицѣ сильнѣйшихъ своихъ представителей—іезуитовъ—стала считать свою власть и вліяніе неограниченными и въ случаѣ противодѣйствія прибѣгала къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ для укрощенія строптивыхъ. Правда, крутыя мѣры примѣнялись преимущественно къ мелкой буржуазіи, въ средѣ же вліятельной буржуазіи и дворянства іезуиты дѣйствовали болѣе тонко для распространенія и укрѣпленія своего значенія. Тѣмъ не менѣе несправедливость и безнравственность этихъ представителей католической Церкви дошли до того, что въ 1762 году парламентъ потребовалъ орденскіе статуты и послѣ долгаго и шумнаго обсужденія подалъ королю докладъ «Recueil monstrueux des assertions soutenues et enseignées par la societé de Jesus» («Чудовищное собраніе положеній, принятыхъ и проповѣдуемыхъ обществомъ Іисуса»), изъ котораго стало ясно, что іезуиты для своихъ орденскихъ цѣлей оправдываютъ святотатство, клятвопреступленіе, цареубійство и другія преступленія. Такъ какъ докладъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ, то въ публикѣ возникло страшное негодованіе, и противъ ордена возстали другія силы той эпохи, которыя Церковь упустила изъ виду—общественное мнѣніе и литература. При бѣдности, лѣности и неспособности правительства весь интересъ исторіи того времени сосредоточивается на самомъ об-

---

[1]) *Плещеевъ*.—Стр. 81 и 87.

ществѣ и на тѣхъ дѣятеляхъ, которые вышли изъ его среды и составляютъ опору или источникъ общественнаго мнѣнія [1]); въ ихъ рукахъ была вся будущность Франціи, въ ихъ же рукахъ находилась и участь іезуитскаго ордена. Когда противъ іезуитовъ высказался и главный министръ Шуазель, правительство, уступая напору общественнаго мнѣнія, объявило общество уничтоженнымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1773 году и самъ папа Климентъ XIV прекратилъ его существованіе.

Понятно, что при такихъ условіяхъ женщина съ каждымъ днемъ все рѣшительнѣе освобождалась изъ-подъ вліянія религіи: она отзывалась на все, что волновало умы мужчинъ, что говорилось въ брошюрахъ и книгахъ, но, не имѣя достаточной умственной подготовки, не въ состояніи была трезво относиться къ слушанному и читанному и всецѣло подпала вліянію философовъ. Такъ называемое «руководство» (*direction*) Церкви перестало уже быть той всемогущей темной властью, абсолютно подчинявшей черезъ женщину семью, прислугу, ихъ совѣсть и волю, какою была еще въ XVII-омъ столѣтіи: теперь дискредитированный служитель церкви сдѣлался простымъ собесѣдникомъ, партнеромъ въ вистъ, секретаремъ, чтецомъ, экономомъ, ведущимъ счетъ домашнимъ расходамъ, наблюдающимъ за порядкомъ на кухнѣ, за тишиной въ передней. Вся власть и значеніе духовенства перешла къ философамъ: они заняли мѣсто у домашняго очага, за столомъ, въ семейныхъ совѣтахъ, получили право увѣщевать и рѣшать, совѣтовали хозяйкѣ, кого взять въ любовники, навязывали ей свои мысли, дѣлали изъ нея свою креатуру, изъ мужа ея—своего друга. Во всѣхъ сколько-нибудь извѣстныхъ домахъ, гдѣ женщина была настолько эмансипирована, что жаждала философскаго спасенія души, поселялся одинъ изъ такихъ людей—какой-нибудь святой изъ энциклопедистовъ, котораго ужъ ничто не могло вытѣснить.

Въ богатомъ дворянствѣ и высшей буржуазіи XVIII-аго вѣка женщина имѣла доступъ къ просвѣщенію и серіозному умственному развитію. Но, наряду съ жаждой образованія, въ ней слишкомъ сильно было кокетство, стремленіе блистать умомъ и внѣшностью; вслѣдствіе уклоненія ея отъ семьи и дѣйствительныхъ потребностей жизни, вліяніе ея основывалось на слишкомъ шаткихъ началахъ и изъ нея не

---

1) *Aubertin*. – „L'esprit public du XVIII siècle". Paris, 1873, 2 ed.

могло еще выработаться хорошей жены и матери. Наступившее вскорѣ затѣмъ политическое движеніе во Франціи устранило женщину отъ дѣятельности и отодвинуло ее на задній планъ: все вниманіе устремлено было только на права мужчинъ, права женщинъ были игнорированы. (Какъ извѣстно, Кодексъ Наполена I сурово отнесся къ женщинамъ).

Подводя итогъ всему сказанному о разсмотрѣнной нами эпохѣ, мы невольно поражаемся той аналогіей, какая существуетъ между періодами исторіи Франціи отъ Людовика XIV до XIX-аго вѣка и древней Греціи и Перикла до подчиненія ея македонянамъ.

Какъ во времена Перикла и Аспазіи, такъ и въ началѣ царствованія Людовика XIV вмѣстѣ съ наивысшимъ умственнымъ развитіемъ женщины страна достигла наибольшаго процвѣтанія интеллектуальныхъ, экономическихъ и политическихъ силъ, такъ что обѣ эти эпохи извѣстны подъ названіемъ «золотого вѣка». Съ упадкомъ женскаго образованія въ Греціи пало уваженіе къ женщинѣ и ея вліяніе, сохранившееся и даже возросшее въ чувственномъ направленіи; на этой почвѣ воспиталась школа философовъ реальнаго направленія, сильно повліявшихъ на растлѣніе нравовъ, проявившееся уже въ IV-омъ вѣкѣ до Р. Х., послѣдствіемъ чего было паденіе Аѳинъ, а затѣмъ и подчиненіе Греціи македонянамъ (въ 355 г.) всего 74 года спустя послѣ смерти Перикла (429). Точно также и во Франціи, съ пониженіемъ умственнаго уровня женщины вліяніе ея въ XVIII-омъ вѣкѣ ограничивается уже больше чувственной стороной; подъ этимъ вліяніемъ воспиталась реальная школа философовъ, въ свою очередь повліявшая деморализующимъ образомъ на утратившую свою умственную самостоятельность женщину. И здѣсь, какъ въ Греціи, эпоха, послѣдовавшая за «золотымъ вѣкомъ» явилась эпохой нравственнаго разложенія, заканчивающейся въ 1789 году, слѣдовательно спустя 74 года послѣ смерти Людовика XIV (1715), великой французской революціей. Во Франціи, какъ въ Греціи, вѣкъ нравственнаго разложенія породилъ характерные типы властолюбивыхъ деспотовъ и извергов, претендовавшихъ на всеобщее уваженіе, породилъ продажность, безчестіе и грубый развратъ. Такъ о Маратѣ соотечественники говорили, что «онъ былъ въ состояніи пить кровь своей матери изъ черепа своего отца». Другой видный дѣятель Carrier, топя людей тысячими, шутилъ, что это «республиканское крещеніе», а для пущей забавы связывалъ вмѣстѣ

молодыхъ мужчину и женщину и топилъ ихъ, называя это «республиканской свадьбой». Онъ же внушалъ своимъ агентамъ, что Францiя не можетъ прокормить такое большое населенiе и что поэтому слѣдуетъ истребить отъ 8 до 12 милл. человѣкъ для удешевленiя жизни [1]). *Barére* и *Cambon* на вопросъ, какъ работаетъ гильотина, со смѣхомъ отвѣчали: «дѣла идутъ отлично, нацiя выбиваетъ деньги изъ революцiи, гильотина лучшiй министръ финансовъ» [2]). Развратъ царилъ небывалый [3]). До чего все было заражено и пропитано взяточничествомъ, видно изъ письма Dutard'а (начальникъ тайной полицiи) къ Garat'у (министру внутреннихъ дѣлъ): «обнимаю Васъ, ибо Вы одни не воруете» [4]). Шпiонство и доносы считались признаками патрiотизма; никогда не было такого униженiя личности и подобострастiя, какъ въ то время [5]). Городской совѣтъ засѣдалъ цѣлые дни, рѣшая вопросъ о сожженiи извѣстной библiотеки въ улицѣ Ришелье [6]); школы были закрыты, учителя—разогнаны; значительная часть профессоровъ обезглавлена, многiя школьныя зданiя обращены въ темницы [7]).

Исторiя революцiи показываетъ, что непослѣднимъ виновникомъ такого звѣрскаго исхода этого акта исторiи французской нацiи является необузданность женщины. Мы видимъ изъ сохранившихся документовъ въ видѣ актовъ допросовъ, что главными возмутителями и подстрекателями были женщины, толкавшiяся по улицамъ даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ мужчины и при этомъ — женщины изъ буржуазiи. Мѣста для зрителей, выстроенныя въ видѣ амфитеатра передъ гильотиной, были заняты только женщинами, бравшими ихъ съ бою. Въ ожиданiи кровавой расправы онѣ занимались вязанiемъ чулокъ, сокращая время самыми плоскими и грубыми насмѣшками на счетъ казнимаго. Такъ, напримѣръ, въ то время, когда голова падала съ гильотины въ мѣшокъ, онѣ говорили: «онъ чихнулъ въ мѣшокъ» и т. п., что приводило окружающихъ въ восторгъ, выражавшiйся громкимъ хохотомъ. И эти женщины были гражданки, жены, матери, съ которыми Францiя вступила въ настоящее XIX-ое столѣтiе.

---

[1]) *Barruel*, Mém. IV, 438; *Courtois*, Rapport et piéc. justific.
[2]) *Mortimer—Ternaux*. VI, 244.
[3]) *Michelet*. Les Femmes, p. 243 et 339.
[4]) *Adolf Schmitt*. Tableaux. I. 356.
[5]) *D'Héricault*. Le revolution du Thermidore, 169; loc, cit. 2 et p. 268.
[6]) *Mazas* II, 30.
[7]) *Courtois*. Rapport 18.

XIX столѣтіе.

„Женщина требуетъ болѣе серіознаго воспитанія, потому что безъ этого немыслимо и истинное воспитаніе мужчины“. (Фенелонъ).

Начальное образованіе. Благодаря почину «общества начальнаго образованія» (*Societé pour l'instruction élémentaire*) въ 1816 году во Франціи былъ изданъ законъ, на основаніи котораго каждый учитель,— подобно тому какъ это и теперь дѣлается въ начальныхъ женскихъ школахъ Женевскаго кантона,—былъ обязанъ допускать къ обученію по утрамъ мальчиковъ, а по вечерамъ дѣвочекъ. Четыре года спустя наблюденіе за обученіемъ дѣвочекъ возложено было на высшую комиссію народнаго образованія (*Comission supérieure d'instruction publique*), состоявшую при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; ректоръ долженъ былъ выдавать учительницамъ, какъ и учителямъ, свидѣтельства на право ученія (brevets de capacité), а увольненіе ихъ было поставлено въ зависимость отъ министра. Несмотря, однако же, на столь благопріятныя условія, созданныя для женскаго образованія, число женскихъ школъ даже въ началѣ 30 годовъ было очень незначительно, и общественное мнѣніе продолжало относиться къ этому вопросу съ прежнимъ равнодушіемъ.

Самостоятельное положеніе женская школа получила только съ изданіемъ закона 23 іюня 1836 года. Но, отдѣливъ обученіе дѣвочекъ отъ обученія мальчиковъ, законъ не призналъ его обязательнымъ. Кромѣ того законодатели, установившіе отдѣльное существованіе женскихъ школъ, не рѣшились, однако же, возложить на общины издержки по содержанію ихъ. «Женскія школы — говорилось тогда — хотя и представляютъ большой интересъ, но къ нимъ нужно относиться очень осторожно и можно только *поощрять* общины, которыя пожелали бы имѣть ихъ у себя». И дѣйствительно, все участіе къ женскому образованію ограничилось лишь однимъ выраженіемъ поощренія, которое никого ни къ чему не обязывало. Послѣдствіемъ такого взгляда было то, что около 7,000 богатѣйшихъ общинъ не имѣли ни одной женской школы. Понятно послѣ этого, что правительство не избѣжало обвиненій въ пристрастіи къ мужскимъ школамъ.

Проектомъ закона Бартелеми Сентъ-Илера, введеніемъ котораго Франція обязана республикѣ 1848 года, каждая община, имѣвшая болѣе 800 душъ, обязывалась учредить у себя, по крайней мѣрѣ, одну школу для дѣвочекъ. Нѣсколько позже законъ этотъ распространился и на общины съ 500 жителей, а на основаніи закона 16 іюня 1881 г. подъ требованіе это подведены и общины съ 400 душъ населенія и даже поселки (*hameau*); при чемъ, согласно съ представленіемъ департаментскихъ совѣтовъ, правительство согласилось взять въ нѣкоторыхъ случаяхъ часть издержекъ по содержанію школы на себя. Въ этихъ мѣропріятіяхъ заключается исторія развитія начальнаго женскаго образованія въ теченіе настоящаго столѣтія. Законъ 16 іюля 1881 г., установившій *даровое обученіе*, и законъ 28 марта 1882 года, сдѣлавшій его *обязательнымъ*, безъ сомнѣнія въ самомъ скоромъ времени обогатятъ государство женскими школами въ той мѣрѣ, въ какой существуетъ потребность въ нихъ.

Зачатки средняго образованія по частной иниціативѣ. Изъ историческаго очерка Окт. Греара (вице-ректора Парижской Академіи) о среднемъ образованіи дѣвицъ во Франціи мы видимъ, что первое послѣ революціи среднее женское учебное заведеніе было основано г-жей Кампанъ, какъ частное предпріятіе. Положеніе этого вопроса въ то время лучше всего обрисовывается ея собственными словами, на которыя ссылается Греаръ. «Я сознавала, — пишетъ г-жа Кампанъ,—что мнѣ нужно жить. Я нуждалась въ средствахъ для поддержанія моей матери, семидесятилѣтней старухи, для моего больного мужа, для моего девятилѣтняго сына и нѣкоторыхъ моихъ родныхъ, потерявшихъ состояніе. Все мое имущество заключалось въ 500 франковой ассигнаціи. При этомъ я подписала долговыя обязательства моего мужа на 3,000 фр. Монастыри были закрыты. Обученія въ монастырскихъ школахъ болѣе не существовало. И вотъ я рѣшилась открыть пансіонъ въ С.-Жерменѣ. Такъ какъ у меня не было средствъ, чтобы напечатать объявленія, то я написала ихъ въ ста экземплярахъ и разослала моимъ знакомымъ. Черезъ годъ у меня было 60 ученицъ, потомъ вскорѣ 100. По заключеніи мира съ Англіей, платныхъ воспитанницъ считалось 115 и 10 обучавшихся даромъ, что я соблюдала и впослѣдствіи. Въ этотъ годъ я получила 20 тыс. фр. чистаго дохода. Но возникшая вскорѣ война была причиной того, что 10 англичанокъ уѣхали изъ С.-Жермена; другія 10, прибывшія уже

въ Булонь и Кале, должны были возвратиться. Приморскіе города больше не присылали дѣтей. Между тѣмъ число пансіоновъ возрастало, монастыри возобновили свою дѣятельность, такъ что 1805, 1806 и 1807 гг. были очень неблагопріятны для моего учрежденія».

Взглядъ Наполеона I на женское образованіе. Взглядъ Наполеона I на женское образованіе ясно имъ высказанъ въ письмѣ къ великому канцлеру, отъ 15 мая 1809 г. Императоръ писалъ:—«употребленіе и распредѣленіе времени въ учебныхъ заведеніяхъ требуетъ вашего особеннаго вниманія. Я не придавалъ особеннаго значенія духовнымъ заведеніямъ въ Фонтенебло, удержавъ для лицеевъ лишь самое необходимое. Но совершенно иначе я смотрю на институтъ въ Экуэнѣ. Необходимо, чтобы воспитанницы ежедневно молились, присутствовали на обѣднѣ и изучали катехизисъ, и на эту часть должно быть обращено особенное вниманіе. Потомъ ихъ нужно будетъ обучать счету, письму и началамъ языка, чтобы онѣ могли правильно писать; затѣмъ немного географіи и исторіи; но ни въ какомъ случаѣ латинскому языку и ни одному языку иностранному. Наиболѣе взрослыя могли бы изучать немного ботаники, а также физики и естественной исторіи, хотя это ученіе имѣетъ свои неудобства. Въ физикѣ слѣдуетъ ограничиваться тѣмъ, что способствуетъ уничтоженію предразсудковъ, и притомъ придерживаться однихъ фактовъ, не вдаваясь ни въ какія разсужденія и не входя въ объясненія начальныхъ причинъ. Три четверти ихъ дня должны быть посвящены рукодѣльямъ: онѣ должны вязать чулки, мыть бѣлье и вышивать, однимъ словомъ, приготовлять всякія женскія работы. Быть можетъ было бы удобно дать имъ нѣкоторыя понятія о медицинѣ и о приготовленіи лекарствъ, насколько эти познанія необходимы для сидѣлки. Я не рѣшусь настаивать, чтобы онѣ учились кухонному дѣлу, ибо знаю, что этимъ могу вооружить многихъ противъ себя; но однако же не признаю безполезнымъ, чтобы учащіяся могли сами приготовить свой завтракъ, а также чтобы онѣ были въ состояніи приготовить хлѣбъ, чтобы онѣ заранѣе пріобрѣли навыкъ въ занятіяхъ такого рода, какія легко могутъ быть ихъ удѣломъ. Я желалъ бы образовать изъ этихъ дѣвицъ полезныхъ женщинъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что вслѣдствіе этого онѣ сдѣлались бы и привлекательными. Только та женщина можетъ одѣться со вкусомъ, которая въ состояніи сама сдѣлать себѣ платье. Танцы необходимы для здоровья, но слѣдуетъ избѣгать характерныхъ танцевъ, умѣстныхъ

только на сценѣ. По части музыки я согласенъ на одну музыку вокальную. Если послѣ всего этого мнѣ замѣтятъ, что заведеніе непользуется общимъ расположеніемъ, то этимъ только исполнится мое желаніе; ибо, по моему мнѣнію, наилучшій способъ обученія возможенъ только при помощи матерей. Предлагая планъ обученія дѣвицъ, я хочу помочь тѣмъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ родителей или же родители которыхъ не обладаютъ достаточными средствами. И если онѣ, возвратясь на родину, пріобрѣтутъ тамъ репутацію добрыхъ и полезныхъ женщинъ, то цѣль моя будетъ вполнѣ достигнута, и я увѣренъ, что заведеніе, дающее подобное направленіе, привлечетъ къ себѣ всеобщее сочувствіе [1]).

Развитіе частныхъ пансіоновъ и монастырскихъ школъ. Частная предпріимчивость не бросала, однако же, своего дѣла, несмотря на соперничество монастырей. Г-жа Мезонневъ (Maisonneuve), воспользовавшись потерей вліянія г-жи Кампанъ, открыла въ Парижѣ пансіонъ, основанія котораго она изложила въ своемъ, долго считавшемся классическимъ, сочиненіи «*Essai sur l'instruction des femmes*». Около того же времени (1811 г.) другая женщина, оставившая свое имя въ исторіи парижскихъ школъ, г-жа Сованъ (*Sauvan*) учредила въ Шальо учебное заведеніе со среднимъ курсомъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о г-жѣ Кестнеръ, воспитанницѣ Экуэна, среднее учебное заведеніе которой пользовалось большой извѣстностью; ею руководила и поддерживала совѣтами г-жа Кампанъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ своей жизни.

По мѣрѣ развитія частныхъ пансіоновъ положеніе ихъ падало какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ серіозности ихъ направленія. На преподаваніе стали смотрѣть какъ на легкое ремесло; многія начальницы пансіоновъ, по свидѣтельству современниковъ, переходили туда непосредственно изъ какой-нибудь лавочки. Но и хорошо поставленныя заведенія должны были сообразжаться съ требованіями общества, модой и всякими другими увлеченіями.

Между тѣмъ и духовныя братства не забывали своей прежней задачи. По возстановленіи въ 1816 г. учебныхъ заведеній ордена Почетнаго Легіона, одно изъ нихъ было поручено братству Божьей Матери. Монастыри начали возстановлять прежнее свое значеніе;

---

[1]) *A. Thiers.*—H-re du consulat et de l'Empire., t. VII, livre 26, p. 427.

Въ виду того, что правительство стало обращать вниманіе на образованіе женщинъ, братства св. Урсула, св. Бенедикта и Визитандинки старались сосредоточить его въ своихъ рукахъ. Въ 1820 г. учреждено *Sacré Coeur*, учебное заведеніе для 300 дѣвицъ; начальницей его назначена г-жа Бара (*Barat*).

Законное признаніе средняго образованія дѣвицъ. Законное признаніе средняго образованія дѣвицъ относится къ 1819 и 1820 годамъ. Законъ 28 іюня 1833 г., поднявшій уровень начальныхъ школъ для мальчиковъ, и ордонансъ 23 іюня 1836 г., сравнявшій съ этими школами школы дѣвочекъ положили болѣе прочное основаніе женскимъ школамъ. Въ свою очередь, королевскій совѣтъ по части народнаго образованія, вслѣдствіе представленія Сенскаго префекта, призналъ 7 марта 1837 г. необходимость средняго образованія для дѣвицъ, а, слѣдовательно, и самое существованіе среднихъ женскихъ школъ. Едва были изданы постановленія, опредѣляющія значеніе женскаго средняго образованія, какъ число пансіоновъ и институтовъ стало увеличиваться почти повсемѣстно во Франціи. Въ 1845 г. въ сенскомъ департаментѣ считалось 253 пансіона (въ Парижѣ 183 и внѣ его 70), въ которыхъ находилось 13,056 ученицъ. Присоединивъ къ этому числу заведеній еще 28 монастырей, въ которыхъ обучалось 1,600 дѣвицъ, получимъ 294 среднихъ учебныхъ заведеній съ 15,087 ученицами. Цифра эта очень интересна, такъ какъ она указываетъ на 98 учебныхъ заведеній и 4,319 ученицъ болѣе, чѣмъ оказалось ихъ къ 1 января 1882 г., несмотря на то, что къ этому времени населеніе департамента увеличилось вдвое.

Протекшее съ 1838 по 1848 г.г. десятилѣтіе было самымъ счастливымъ временемъ для женскихъ пансіоновъ и институтовъ. При этихъ заведеніяхъ учреждены были, съ разрѣшенія высшей власти, начальные классы, въ которые принимались малолѣтнія для подготовки къ среднему образованію. Достигнутые ими блестящіе результаты были занесены въ списки городского управленія (*Hôtel de Ville*) и Сорбонны. Тамъ была «Золотая книга» среднихъ учебныхъ заведеній, которую украшали имена учительницъ, достойно способствовавшихъ ихъ успѣху. Вліяніе женскихъ институтовъ и пансіоновъ было настолько значительно въ современномъ обществѣ, что, наряду съ ними, начали возникать «*экстернаты*» особаго устройства, получившіе впослѣдствіи наименованіе «*курсовъ*». Эти курсы были двоякаго рода: въ однихъ

происходило обученіе для всѣхъ желающихъ, а другіе предназначались только для свѣтскихъ дѣвицъ.

Стремленіе къ расширенію программы обученія. Въ 1847 году разнесся слухъ, что г. Сальванди назначилъ комиссію для выработки проекта женскаго образованія, что проектъ былъ готовъ, и что Королевскій совѣтъ вскорѣ займется его обсужденіемъ. Но слухъ этотъ оказался ложнымъ. Тѣмъ не менѣе ему вѣрили: одни готовились возражать противъ проекта, другіе брали на себя его защиту. Провозглашеніе республики возбудило новыя и болѣе живыя надежды. Почти на другой день 24 февраля 1848 года г-жа Башелери, начальница одного пансіона, представила министру народнаго просвѣщенія Карно планъ большой образцовой школы, предназначаемой для приготовленія учительницъ. Это была вполнѣ развитая нормальная школа. И когда въ защиту этого дѣла въ Коллежъ де Франсъ (Collège de France) выступилъ на правительственной трибунѣ сынъ автора поэмы «Le mérite des Femmes» и притомъ не только съ поэтическимъ дарованіемъ отца, но и съ убѣжденіемъ моралиста и гражданина, никто болѣе не сомнѣвался въ окончательномъ его успѣхѣ. Но движеніе это было внезапно пріостановлено закономъ 15 марта 1850 г. Ударъ этотъ оказался тѣмъ болѣе чувствителенъ, что нанесенъ былъ во имя свободы.

Живое сознаніе справедливости, стремленія къ расширенію программы женскаго образованія и осужденіе частнаго обученія на полное безсиліе закономъ 1850 г. заставили Жюль Симона въ 1867 г. обратить вниманіе правительства на необходимость приготовленія для мужчины «умственно развитой подруги» (*«la compagne intellectuelle»*), образъ которой онъ начерталъ съ изысканнымъ краснорѣчіемъ. Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя г. Дюрюи: «Постоянно раздаются жалобы на затрудненія, встрѣчающія желанія дать дѣвицамъ образованіе, соотвѣтствующее тому положенію, которое онѣ должны занять въ обществѣ,—образованіе, которое получаютъ ихъ братья».

Муниципальные совѣты выразили готовность дать необходимыя помѣщенія для предложенныхъ учебныхъ заведеній, а лица, принадлежащія къ университету предложили свои услуги. Оставалось только воспользоваться этими живыми силами. Къ концу 1867 г. въ Сорбоннѣ образовалось общество подъ названіемъ «общество средняго

образованія дѣвицъ» (*Association pour l'Enseignement secondaire des jeunes filles*). Выдающіеся ученые, члены института, вошли въ его составъ не только въ качествѣ покровителей, но и въ качествѣ преподавателей. «Это общество»,—говорили они,—«имѣетъ цѣлью дополнить получаемое дѣвицами образованіе и доставить имъ средства подняться выше уровня начальной школы при помощи обученія, соотвѣтствующаго среднему обученію мальчиковъ; т. е. обученія, основаннаго на изученіи словесности, наукъ и искусствъ, исключая, однако, мертвые языки. Такіе курсы возникли черезъ годъ болѣе чѣмъ въ 50 главнѣйшихъ городахъ Франціи.

Война 1877 г. помѣшала дальнѣйшему развитію курсовъ. Тѣмъ не менѣе въ 1883 г. ихъ насчитывалось во Франціи до 101 съ 4,206 учащимися. Сначала въ программу курсовъ входило только восемь предметовъ; въ настоящее время число ихъ достигло пятнадцати, именно: 1) историческая грамматика французскаго языка; 2) древняя литература (греческая и латинская), 3) французская литература, 4) исторія (древняя, средняя, новая), 5) географія, 6) ариѳметика, 7) геометрія, 8) физика, 9) химія, 10) зоологія, 11) ботаника, 12) астрономія, 13) живопись, 14) скульптура, 15) музыка. Но всѣ эти курсы дѣйствовали особнякомъ и не были связаны общей программой.

Болѣе строго смотрѣлъ на это дѣло министръ, подъ покровительствомъ котораго составилось «*общество средняго образованія для женщинъ*». Въ общемъ планѣ г. Дюрюи предположенныя имъ учрежденія должны были заключать полный курсъ, правильно раздѣленный на три или четыре года въ 6 или 7 мѣсяцевъ ученія каждый, съ одной или двумя лекціями въ день, сопровождаемыми письменными работами ученицъ, которыя онѣ должны были отдавать преподавателямъ на просмотръ, и ежемѣсячными сочиненіями. Переходъ отъ одного года ученія къ другому допускался только по выдержаніи испытанія. Оканчивающимъ полный курсъ выдавался дипломъ. Однимъ словомъ, предполагалась цѣлая система образованія и дисциплины.

Эти положенія послужили исходнымъ пунктомъ проекта г. *Камиля Сэ* (Camille Sée), предложеннаго 28 октября 1878 г. и поддержаннаго Полемъ Беромъ (*Paul Bert*). Благодаря энергичному содѣйствію *Жюля Ферри* (*Jules Ferry*) изъ этого проекта возникъ законъ 21 декабря 1880 г. и программа распредѣленія предметовъ средняго обученія дѣвицъ, узаконенная 14 января 1882 г.

Распредѣленіе предметовъ средняго обученія дѣвицъ. Распредѣленіе предметовъ средняго обученія дѣвицъ (14 января 1882 г.) было сдѣлано слѣдующимъ образомъ.

Статья 1. Предметы средняго обученія дѣвицъ должны быть распредѣлены, какъ показано ниже, между пятью годами занятій:

Первый періодъ.

Первый годъ (12—13 лѣтъ, возрастъ минимальный).

Французскій языкъ и литература	5 час.
Живые языки (англійскій или нѣмецкій) . . .	3 »
Исторія всеобщая и отечественная, географія .	4 »
Счетъ и геометрія	2 »
Исторія естественная (зоологія и ботаника) . .	1 »
Рисованіе и чистописаніе.	3 »
Музыка вокальная	2 »
Въ недѣлю	20 час.

Второй годъ. (13—14 лѣтъ).

Французскій языкъ и литература	5 час.
Живые языки	3 »
Исторія всеобщая и отечественная, географія .	4 »
Ариѳметика и геометрія	2 »
Исторія естественная (зоологія, ботаника и геологія)	1 »
Рисованіе.	3 »
Музыка вокальная	2 »
Въ недѣлю	20 час.

Третій годъ (14—15 лѣтъ).

Ученіе о нравственности	1 час.
Французскій языкъ и литература, литература у древнихъ	4 »
Живые языки	3 »
Исторія всеобщая и отечественная, географія .	3 »
Ариѳметика и геометрія	1 »
Физика и химія.	3 »

Физіологія, домоводство и гигіена	1 час.
Музыка вокальная	1 »
Рисованіе	3 »
Въ недѣлю	20 час.

Второй періодъ.

Четвертый годъ (15—16 лѣтъ).

Курсъ обязательный.

Ученіе о нравственности	1 час.
Французскій языкъ и литература, литература у древнихъ	4 »
Живые языки, иностранная литература	3 »
Обозрѣніе исторіи цивилизаціи до Карла Великаго	2 »
Космографія	1 »
Физіологія животныхъ и растеній	1 »
Физика	1 »
Въ недѣлю обязательныхъ	13 час.

Курсъ необязательный.

Литература у древнихъ народовъ	3 час.
Начала латинскаго языка	1 »
Математика	3 »
Музыка	1 »
Рисованіе	3 »
Необязательныхъ	11 час.

Пятый годъ (16—17 лѣтъ).

Курсъ обязательный.

Начала психологіи въ приложеніи къ воспитанію	1 час.
Французскій языкъ и литература, литература у древнихъ	3 »

Живые языки.—Иностранная литература	3	час.
Исторія цивилизаціи отъ Карла В. до нашего времени	2	»
Свѣдѣнія изъ обычнаго права.—Домоводство . .	1	»
Физика и химія	2	»
Въ недѣлю обязательныхъ	12	час.

Курсъ необязательный.

Литература у древнихъ народовъ	2	час.
Начала латинскаго языка	1	»
Географія частей свѣта въ экономическомъ отношеніи	1	»
Физіологія животныхъ и растеній	2	»
Математика	2	»
Музыка вокальная	1	»
Рисованіе	3	»
Необязательныхъ	12	час.

Статья 2. Продолжительность класснаго урока должна равняться 1 часу; ежедневно, за исключеніемъ четверга и воскресенья, должно быть два урока до полудня и два урока послѣ полудня. Три раза въ теченіе недѣли послѣ утреннихъ уроковъ—рукодѣлье и гимнастика.

Высшее образованіе женщинъ. Что касается высшаго образованія женщинъ, то университетскія аудиторіи во Франціи, собственно говоря, были открыты для нихъ всегда, такъ какъ французскій законъ никогда не воспрещалъ женщинамъ слушать университетскія лекціи. Офиціально же доступъ на медицинскій факультетъ парижскаго университета разрѣшенъ былъ женщинамъ лишь въ 1868 г., а больничныя работы—въ 1885 г. Но отсутствіе серіознаго систематическаго подготовительнаго образованія женщинъ дѣлало путь къ высшему образованію для нихъ недоступнымъ, если не считать ничтожнаго процента дѣвушекъ, кончавшихъ курсъ въ дорогихъ частныхъ пансіонахъ. До появленія своего въ 1870 году въ университетскихъ аудиторіяхъ, женщины получали ученыя степени въ «*Collège de France*», гдѣ, по словамъ Поля Жанэ, за періодъ 1861—82 г. были выданы слѣдующіе дипломы: 49 женщинамъ дипломы бакалавровъ словес-

ности, 32 — такіе же дипломы по естественнымъ наукамъ, 29 женщинъ получили право преподавать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, одна получила званіе «*officier de santé*», одна — степень фармацевта, 21 — дипломъ доктора медицины; всего выдано женщинамъ 138 дипломовъ.

Признаніе важности профессіональнаго образованія для женщинъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ создалось множество женскихъ учебныхъ заведеній. Возникли лицеи для дѣвицъ на подобіе гимназій; основаны нормальныя школы, подготовляющія преподавательницъ для лицеевъ; женщинамъ открыты факультеты и, слѣдовательно, путь къ свободнымъ профессіямъ. Въ скоромъ времени Франція будетъ насчитывать не мало женщинъ съ аттестатами зрѣлости, женщинъ — врачей, хирурговъ, адвокатовъ, литераторовъ. Наряду съ женщинами - писательницами, артистками, которыхъ и теперь уже не мало, художницами, составляющими пятую часть экспонентовъ на французскихъ выставкахъ, женщины будутъ выступать и по другимъ отраслямъ либеральныхъ профессій. Искусству, наукѣ, литературѣ движеніе это принесетъ пользу, производительная сила страны увеличится; но слѣдуетъ взглянуть глубже и не выпускать изъ вида другую сторону этого вопроса и значеніе его въ соціальной жизни страны.

Мы видимъ, что либеральныя профессіи уже переполнены. По статистическимъ даннымъ населеніе Франціи распредѣляется по роду занятій слѣдующимъ образомъ: земледѣльцевъ, промышленниковъ и коммерсантовъ — 89%, лицъ, посвятившихъ себя либеральнымъ профессіямъ — 5%, людей, живущихъ на доходъ съ капиталовъ — 6%. Какія поучительныя цифры! Либеральныя профессіи составляютъ всего 5%! На этомъ то ограниченномъ поприщѣ долженъ примѣнять свой трудъ многочисленный контингентъ женщинъ, не располагающихъ состояніемъ, но заручившихся дипломомъ. Большинство изъ нихъ посвящало себя до сихъ поръ педагогіи. Но въ этой сферѣ предложеніе труда такъ велико, что, по отчетамъ министерства народнаго просвѣщенія, тысячи молодыхъ дѣвушекъ, имѣющихъ дипломъ, по цѣлымъ годамъ ждутъ мѣста и влачатъ самое жалкое существованіе; указываютъ даже на такихъ, которыя съ отчаянія шли въ служанки; другія падаютъ еще ниже. Это усложненіе соціальнаго вопроса вызвало и въ самомъ французскомъ обществѣ, и въ правительствѣ сознаніе необходимости поднять уровень профессіональнаго образованія женщинъ.

Зарожденіе профессіональнаго образованія и его развитіе. Впервые вопросъ о женскомъ профессіональномъ образованіи былъ поднятъ во Франціи въ 1854 г., когда въ Парижѣ основалось общество подъ названіемъ «Société de protection maternelle»; затѣмъ начали распространяться школы системы Элизы Лемонье. Одновременно съ послѣдними католическое духовенство учредило свои профессіональныя школы, которыя стали конкурировать со свѣтскими. Въ настоящее время не только возросло число уже упомянутыхъ профессіональныхъ школъ системы г-жи Элизы Лемонье, но ежегодно увеличивается и число подготовительныхъ школъ при фабрикахъ, заводахъ или устраиваемыхъ частными обществами и отдѣльными лицами. Въ этихъ школахъ дѣвушки обучаются часовому, переплетному, фортепіанному, цвѣточному, перчаточному и другимъ ремесламъ и разнымъ отраслямъ торговли и промышленности. Такимъ образомъ наряду съ женщинами, знающими греческій языкъ и алгебру, во Франціи будутъ теперь женщины, умѣющія шить платье, украшать вѣера, рисовать на фарфорѣ и стеклѣ, дѣлать искусственные цвѣты и т. п.

Въ настоящее время самый прибыльный заработокъ даетъ женщинамъ торговля, этотъ сильнѣйшій импульсъ экономической силы каждой страны. Къ тому же онѣ очень способны къ этого рода дѣятельности: у нихъ быстрое соображеніе, онѣ правильно считаютъ, честны и аккуратны. Если образованіе пополнитъ эти природныя качества, то женщинъ будутъ охотно принимать въ разныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ; а если къ этому прибавить еще ту пользу, которую даетъ всестороннее коммерческое образованіе женщинѣ въ частной семейной жизни, какъ женѣ и гражданкѣ, то будетъ понятно, почему мы нѣсколько подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ, предоставляя читателямъ ознакомиться съ другими отраслями профессіональнаго образованія женщинъ во Франціи по спеціальнымъ по этому дѣлу сочиненіямъ.

Коммерческое образованіе женщинъ во Франціи. Въ настоящее время въ Парижѣ насчитывается пять профессіональныхъ училищъ для дѣвицъ съ коммерческими курсами, открытыхъ самимъ городомъ. Къ нимъ присоединилось также нѣсколько основанныхъ обществомъ Элизы Лемонье. Но спеціальныхъ коммерческихъ школъ для женщинъ нѣтъ въ Парижѣ. Единственное подобнаго рода учрежденіе во всей Франціи—это высшее коммерческое училище для дѣвицъ въ Ліонѣ, состоящее подъ руководствомъ г-жи Люкэнъ.

Коммерческое училище въ Ліонѣ и г-жа Люкэнъ. Коммерческіе курсы въ Ліонѣ открыты въ 1857 г. торговой палатой этого города и вначалѣ были обставлены очень скромно подъ названіемъ курсовъ счетоводства. Постепенно они превратились въ настоящее коммерческое училище и получили свое нынѣшнее названіе. Съ самаго своего основанія курсы находятся подъ руководствомъ г-жи Люкэнъ (*Lucaine*) — особы весьма знающей, трудолюбивой и обратившей на себя вниманіе многими спеціальными трудами по коммерческому образованію. Они помѣщаются на улицѣ Республики въ обширномъ зданіи, удовлетворяющемъ всѣмъ требованіямъ школьной гигіены. Курсы эти — безплатные и содержатся на средства, доставляемыя городомъ, торговой палатой, министерствомъ народнаго просвѣщенія и министерствомъ торговли. На субсидію министерства народнаго просвѣщенія обучаются дѣвушки, готовящія себя въ учительницы коммерческихъ школъ второго разряда. Субсидіи министерства торговли назначаются для желающихъ посвятить себя почтовой и телеграфной службѣ.

Курсъ — трехгодничный по слѣдующимъ предметамъ: чистописанію, французской грамматикѣ, коммерческой корреспонденціи, общей и коммерческой ариѳметикѣ, счетоводству, коммерческому праву, политической экономіи, иностраннымъ языкамъ и почтово-телеграфному дѣлу. Кромѣ почтово-телеграфнаго существуетъ еще отдѣленіе для подготовки учительницъ коммерческихъ школъ. Это отдѣленіе — почетное, и попасть туда можно не иначе, какъ получивъ наряду съ коммерческимъ — и общее образованіе. Здѣсь же подготовляются экономки для лицеевъ и другихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Со времени своего основанія курсы посѣщались 4,700 слушательницами, число которыхъ постоянно возрастаетъ. Въ 1887—88 учебномъ году было 136 учащихся. Въ училище принимаются дѣвицы не моложе 15 лѣтъ, выдержавшія экзаменъ по предметамъ общаго образованія въ размѣрѣ, требуемомъ для полученія аттестата первоначальныхъ школъ. За все время до 1890 года существованія курсовъ выдано 700 дипломовъ.

Всѣ, окончившія курсъ въ заведеніи, получили вполнѣ удовлетворительныя мѣста въ торговыхъ домахъ, банкирскихъ конторахъ, сберегательныхъ кассахъ, въ почтовыхъ и телеграфныхъ отдѣленіяхъ. Такъ, изъ 31 слушательницы выпуска 1888 года 27 къ концу того же года уже получили мѣста; въ 1885 г. изъ 70 окончившихъ курсы 67 немедленно были приняты на службу. Почти всѣ служащія на

ліонской центральной телеграфной станціи — ученицы г-жи Люкэнъ. Отдѣленіе для приготовленія учительницъ дало не менѣе блестящіе результаты. Многочисленныя воспитанницы ліонскихъ учительскихъ курсовъ открыли подобныя же заведенія въ другихъ городахъ Франціи, въ томъ числѣ и въ Парижѣ. Содержаніе, получаемое женщинами, окончившими курсъ коммерческаго образованія въ Ліонѣ, простирается отъ 1,500 до 3,000 франковъ въ торговыхъ предпріятіяхъ и отъ 5,000 до 8,000 франковъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Чтобы завершить свое полезное дѣло, г-жѣ Люкэнъ оставалось еще устроить въ предмѣстьяхъ курсы языковъ и элементарныя школы счетоводства, составляющія подготовительную ступень къ высшему коммерческому образованію. Неутомимая дѣятельница уже обратилась съ этой цѣлью съ ходатайствомъ въ ліонское городское управленіе и въ административный совѣтъ самого училища.

За послѣдніе мѣсяцы 1888 года г-жѣ Люкэнъ предложено было, не оставляя ліонскаго училища, заняться основаніемъ подобныхъ же заведеній во всей Франціи. Она уже успѣла представить министру торговли три доклада, являющіеся плодомъ ея поѣздокъ въ различные города: въ Руанъ, Нантъ, Анжеръ, Туръ, Орлеанъ, Реймсъ, Безансонъ, Рубе, Сентъ-Этьенъ, Гренобль, Авиньонъ, Тулонъ, Марсель, Бордо, Лилль, Нанси и друг. «Вездѣ—говоритъ она—мысль объ открытіи молодымъ дѣвушкамъ новой сферы дѣятельности встрѣчается съ большимъ сочувствіемъ».

Всѣ города, которые объѣздила г-жа Люкэнъ, принялись за дѣло и готовятся открыть коммерческіе курсы при высшихъ народныхъ училищахъ или спеціальныя учебныя заведенія. Въ Эльбефѣ, Лиллѣ, Гаврѣ и др. городахъ есть уже подобные курсы, и значительное число ученицъ удостоилось уже дипломовъ. Г-жа Люкэнъ предлагаетъ, смотря по городамъ, создать отдѣленія коммерческихъ наукъ при существующихъ училищахъ, профессіональныя школы или же открыть спеціальныя коммерческія училища.

Коммерческое образованіе въ Парижѣ. Что касается коммерческаго образованія женщинъ въ самомъ Парижѣ, то здѣсь отсутствіе спеціальныхъ училищъ отчасти восполняется многочисленными курсами при разныхъ профессіональныхъ училищахъ. Одно перечисленіе ихъ даетъ ясное понятіе о томъ, какъ глубоко общество сознаетъ его пользу. Въ Парижѣ существуютъ: 1) коммерческіе курсы города Парижа,

открытые въ 15 округахъ; 2) курсы въ аллеѣ Трюденъ, основанные торговой палатой и кассой IX округа; 3) курсы въ предмѣстьѣ Сентъ-Оноре, учрежденные кассой школъ VIII округа и торговой палатой; 4) курсы въ училищѣ Клеръ, открытые кассой школъ VII округа; 5) курсы на улицѣ Мольера, основанные кассой школъ I округа; 6) дополнительные курсы, учрежденные министерствомъ народнаго просвѣщенія для продолженія первоначальнаго образованія, получаемаго въ коммерческихъ школахъ; 7) коммерческіе курсы *«du grand Orient de France»* въ улицѣ Кадэ; 8) курсы общества элементарнаго обученія, на улицѣ Фуаръ; 9) профессіональные коммерческіе курсы національнаго союза синдикальныхъ палатъ, въ улицѣ Лакри; 10) филотехническое общество (языки, счетоводство, политическая экономія) имѣетъ 12 отдѣленій для женщинъ и нѣсколько такихъ, гдѣ женщины допускаются наряду съ мужчинами; 11) спеціальные коммерческіе курсы профессіональныхъ школъ города Парижа; 12) коммерческіе курсы профессіональныхъ школъ Э. Лемонье; 13) высшее народное училище въ улицѣ Жони и—14) Институтъ языковъ. Слушаніе на всѣхъ этихъ курсахъ безплатное за исключеніемъ школъ Лемонье, Института языковъ и курсовъ синдикальнаго союза.

Въ школахъ города Парижа, въ аллеѣ Трюденъ и многихъ другихъ, основанныхъ по тому же образцу, курсъ трехгодичный: два элементарныхъ и одинъ высшій. Преподаваніе начинается 1 октября и оканчивается 3 іюня; лекціи продолжаются съ $7^1/_2$ час. до $9^1/_2$ час. вечера ежедневно за исключеніемъ субботы. Въ программу преподаванія входятъ: чистописаніе, коммерческая ариѳметика, бухгалтерія, счетоводство и коммерческая корреспонденція, земледѣльческая, промышленная и коммерческая географія пяти частей свѣта, законовѣдѣніе, общія понятія о гражданскомъ и о коммерческомъ правѣ, политическая экономія, живые языки. Преподаваніе послѣднихъ основано на практическомъ методѣ: темы для разговоровъ заимствуются изъ области коммерческой, при чемъ предполагается, что бесѣды происходятъ въ конторѣ. Многіе изъ ученическихъ упражненій фигурировали на выставкахъ 1878 и 1889 гг. Просмотръ этихъ работъ въ 1878 г. внушилъ г. Бетточи, секретарю торговой палаты въ Неаполѣ, мысль открыть въ этомъ городѣ коммерческіе курсы по образцу парижскихъ. Курсы эти имѣли большой успѣхъ.

Въ 1879 г. *«Crédit foncier»* первый принялъ на службу жен-

щинъ и молодыхъ дѣвушекъ, и съ этого времени имъ постепенно открылся доступъ въ различныя учрежденія какъ то: «*Société de dépots et comptes courants*», «*Credit lyonnais*», «*Credit industriel et commerciel*», «*Société Générale*». Недавно и министерство финансовъ стало допускать ихъ на службу. Всѣ эти учрежденія отдаютъ преимущество женщинамъ, получившимъ дипломъ вечернихъ курсовъ и оплачиваютъ ихъ трудъ въ размѣрѣ отъ 1,000 до 1,500 франковъ въ годъ за 8 часовъ ежедневнаго труда. Воспитанницы города Парижа получаютъ въ торговыхъ домахъ и больше, а именно отъ 1,200 до 1,500 франковъ при поступленіи, а затѣмъ и до 3,000 франковъ.

Окончившимъ коммерческіе курсы женщинамъ не всегда представляется случай примѣнить свои знанія языковъ, и онѣ легко могутъ забыть ихъ; поэтому для нихъ необходимо спеціальное заведеніе, гдѣ онѣ могли бы слышать и говорить на иностранныхъ языкахъ. Эту именно цѣль и преслѣдуетъ «Институтъ языковъ» (*l'Institut polyglotte*) основанный въ 1880 году г. *Лемерсье де Жанвилемъ.*

За послѣдніе 10 лѣтъ Францiя безспорно сдѣлала поразительные успѣхи въ профессіональномъ образованіи женщинъ, результаты котораго уже весьма ярко выказались въ нѣкоторыхъ отросляхъ промышленности и искусства; тѣмъ не менѣе, несмотря на дѣятельное участіе французскаго общества и правительства въ этомъ дѣлѣ, оно нуждается еще въ весьма серіозномъ улучшеніи. Необходимо еще большее расширеніе женскаго профессіональнаго образованія, съ цѣлью уменьшить возможность конкуренціи въ тѣхъ отрасляхъ женскаго труда, въ которыхъ и безъ того предложеніе давно превышаетъ спросъ, въ особенности съ того времени, какъ производство нѣкоторыхъ предметовъ улучшилось въ другихъ странахъ.

Примѣненіе женскаго труда въ административной дѣятельности. Нѣкоторое понятіе о степени примѣненія женскаго труда въ сферѣ административной дѣятельности во Франціи даетъ намъ статья журнала «*Economiste française*» (январь—февраль 1888 г.). Изъ нея мы видимъ, что министерство почтъ и телеграфовъ сдѣлало въ 1877 году попытку опредѣлить нѣсколькихъ женщинъ на канцелярскія должности въ главномъ почтамтѣ. Опытъ оказался удачнымъ, вслѣдствіе чего число телеграфныхъ и почтовыхъ чиновниковъ женскаго пола стало все болѣе и болѣе возрастать. Въ настоящее время оно превышаетъ во всей Франціи почтенную цифру пяти тысячъ. Низшій раз-

мѣръ получаемаго ими оклада доходитъ до 800, а высшій—до 4,000 франковъ. Въ главномъ парижскомъ почтамтѣ занимается теперь около 900 женщинъ, въ томъ числѣ 200 по отдѣленію почтовыхъ сберегательныхъ кассъ, 134 по контролю, 450 по пріему и передачѣ посылокъ и телеграммъ; кромѣ того 30 дамъ служатъ въ главномъ почтамтѣ кассиршами. Въ почтовое вѣдомство принимаются дамы и дѣвицы въ возрастѣ отъ 18 до 35 лѣтъ, а въ телеграфное—отъ 18 до 25 лѣтъ. Кандидатки на должности подвергаются установленному экзамену. При поступленіи на службу онѣ получаютъ содержаніе въ размѣрѣ отъ 1,000 до 1,500 франковъ въ годъ. Тридцатилѣтняя служба даетъ права на полную пенсію.

Въ министерствѣ финансовъ работаетъ сравнительно лишь незначительное число переписчицъ, снимающихъ копіи съ долговой книги, которая состоитъ изъ очень большого числа томовъ и ведется въ двухъ экземплярахъ.

Желѣзнодорожныя общества примѣняютъ женскій трудъ въ своихъ канцеляріяхъ преимущественно съ цѣлью пристроить женъ, вдовъ и дочерей своихъ служащихъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ цѣлые отдѣлы канцелярій состоятъ исключительно изъ женскаго персонала подъ руководствомъ высшаго должностного лица изъ мужчинъ. И служащій контингентъ женщинъ оказывается вполнѣ на высотѣ своего призванія по части занесенія въ книги акцій и облигацій, переписки различныхъ бумагъ и документовъ, составленія разныхъ списковъ и вѣдомостей, разработки и счета марокъ, билетовъ и т. п. Трудъ этотъ оплачивается 1,000—1,200 франковъ, при чемъ никакихъ пенсій не полагается.

Во французскомъ банкѣ уже издавна работаетъ среднимъ числомъ до 400 женщинъ. Онѣ получаютъ отъ 3 до 5 франковъ въ день и занимаются въ типографіи банка, гдѣ считаютъ и записываютъ банковые билеты и процентныя бумаги. Съ нихъ производятся небольшіе вычеты, обезпечивающіе имъ право на пенсію.

Въ Обществѣ Поземельнаго Кредита женщины пользуются по службѣ тѣми же правами, какъ и мужчины. Тамъ работаетъ болѣе 200 женщинъ на жалованьи отъ 800 до 1,500 франковъ, кромѣ надзирательницъ, получающихъ 1,800 франковъ. При поступленіи на службу онѣ подвергаются конкурсному испытанію, при которомъ предоставляются нѣкоторыя преимущества родственницамъ служащихъ въ обществѣ.

Въ Обществѣ Ліонскаго Кредита 100 женщинъ имѣютъ постоянную работу, и кромѣ того много женщинъ получаетъ оттуда временныя занятія. Нѣкоторые другіе банки, а также телефонное общество пользуются тоже женскимъ трудомъ.

Какъ на государственной, такъ и на частной службѣ выработалось о результатахъ женскаго труда тождественное мнѣніе: «За нѣкоторыми исключеніями, женщины, состоящія на службѣ, *не обладаютъ личной самостоятельностью и зрѣлостью сужденія, необходимыми для занятія многихъ должностей*. Съ другой стороны, *онѣ превосходятъ мужчинъ во всемъ, гдѣ суть дѣла сводится къ быстротѣ воспріятій, ловкости, проворству и аккуратности*».

Тѣмъ не менѣе число женщинъ, занимающихся во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ, которое подвизается на педагогическомъ поприщѣ. Помимо 30—34 тысячъ монахинь, во Франціи считается до 35,000 учительницъ, занимающихся въ низшихъ и высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Принимая же въ расчетъ домашнихъ учительницъ и гувернантокъ, мы видимъ, что во Франціи до 100,000 женщинъ живутъ педагогической дѣятельностью, тогда какъ число мужчинъ, посвятившихъ себя этой спеціальности, простирается въ общей сложности всего лишь до 90,000.

Изъ этого краткаго очерка исторіи развитія женскаго образованія въ настоящемъ столѣтіи во Франціи видно, что вопросъ этотъ вполнѣ серіозно поставленъ лишь за послѣдніе 10—20 лѣтъ, а до того времени не имѣлъ строго обдуманной и соотвѣтствующей народнымъ нуждамъ системы; поэтому еще слишкомъ рано дѣлать выводы о благотворныхъ результатахъ этого направленія. Точно такъ же тѣ результаты, которые уже достигнуты женскимъ образованіемъ въ текущемъ столѣтіи, не успѣли еще получить настолько широкое распространеніе, чтобы оказать существенное вліяніе на массу, а потому и не могъ до сихъ поръ измѣниться общій ходъ жизни націи.

Разложеніе семейныхъ началъ въ народѣ. Великая революція не остановила моральнаго упадка націи, унаслѣдованнаго ею отъ XVIII-аго столѣтія. Наоборотъ, мы видимъ даже, что на массу она повліяла крайне тлетворно, давъ всей жизни крутой поворотъ къ грубости и цинизму, доходившимъ до невозможныхъ предѣловъ. Никогда распаденіе семьи, этой основы соціальной жизни народа, не было такъ велико, какъ въ первые годы послѣ революціи. Разводы приняли

положительно эпидемическій характеръ и стали своего рода дѣломъ моды; были женщины, которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣняли до пяти и шести мужей, въ одномъ Парижѣ за первые три года послѣ революціи состоялось 27,000 разводовъ [1]). Развратъ даже какъ бы покровительствовался закономъ: незаконнорожденныя дѣти обозначались правительствомъ подъ названіемъ «дѣтей отечества» и воспитывались на казенный счетъ. Конвентъ призналъ незаконнорожденныхъ полноправными наслѣдниками отцовскаго имущества, отнявъ у отца право лишать ихъ наслѣдства по завѣщанію. Законъ этотъ дѣйствовалъ до отмѣны его Наполеономъ I [2]).

Интеллигенція. Благотворное, до нѣкоторой степени, дѣйствіе на нравы оказала революція въ средѣ дворянства и интеллигентной буржуазіи, лишивъ мать возможности сбывать своихъ дѣтей куда-нибудь въ деревню на произволъ кормилицы; она должна была или сама кормить, или брать кормилицу въ домъ. Такъ какъ притомъ во Франціи того времени почти не было школъ, то и первоначальное образованіе приходилось давать дома же, отдавая дѣвочекъ уже для окончанія его въ пансіоны или монастыри. Такимъ образомъ революція способствовала зарожденію домашняго воспитанія. Далѣе, она повліяла на уменьшеніе роскоши въ нарядахъ, ввела простоту и прекратила хотя на время расточительность и мотовство. Все это въ совокупности подавало надежду на нравственное возрожденіе семьи, но ненадолго: уже во времена первой имперіи дали себя почувствовать унаслѣдованные отъ прошлаго столѣтія принципы, а при Наполеонѣ III упадокъ нравовъ дошелъ до такой степени, что не уступалъ эпохѣ Августа въ исторіи Рима.

Этотъ періодъ разврата и разложенія нравственныхъ основъ семейной жизни во Франціи отразился во всей своей силѣ и на настоящей республикѣ, которой приходится энергично бороться съ глубоко укоренившимся зломъ. Какъ это было и у грековъ и римлянъ, прямымъ послѣдствіемъ упадка семейныхъ началъ является усиливающееся безбрачіе, увеличеніе числа незаконнорожденныхъ, упадокъ нравственности и силы солидарности. Такое положеніе серіозно угрожаетъ и политическому здоровью, и вопросомъ этимъ озабочены лучшіе умы и патріоты Франціи.

---

[1]) *Dauban*. „Etude sur m-me Roland" CXCIV.
[2]) „Moniteur" XXI. 4; *Mazas* II, 247–248.

Вырожденіе націи. Обратимся, въ подтвержденіе сказаннаго, къ статистическимъ даннымъ [1]. «*Matin*» (іюль 1890 г.) приводитъ по этому вопросу слѣдующую любопытную справку. Въ началѣ XVII-го вѣка изъ 50 милліоновъ всего населенія средней и западной Европы на долю Франціи приходилось 19 милліоновъ, т. е. 39 проц. всего европейскаго населенія; тогда французскій языкъ былъ всемірнымъ. Въ 1789 году Европа, включая и Россію, имѣла 96 милліоновъ, при чемъ на Францію приходилось 27 проц. этой цифры (26 милліоновъ). Тогда вся образованная Европа говорила по-французски. Теперь по-французски говорятъ 46 милліоновъ (французы, креолы, швейцарцы, бельгійцы, канадійцы). Въ 1815 г. на 139 милліоновъ европейцевъ приходилось 29 $^1/_2$ милліоновъ французовъ, т. е. 20 проц. или наполовину меньше, чѣмъ во время Людовика XIV. Съ тѣхъ поръ процентное отношеніе понизилось до 13 проц.—изъ 270 милліоновъ европейцевъ теперь насчитывается 37 милл. французовъ. Франція достигла крайняго предѣла, за которымъ цифра рожденій можетъ быть превышена цифрой смертности. Въ 1881 г. число рожденій превышало число смертностей на 108,209, тогда какъ въ 1888 г. рожденій было больше всего лишь на 44,772 да и въ этой цифрѣ 29,105 случаевъ приходятся на иностранцевъ. Послѣ двухъ такихъ лѣтъ цифра смертности превысить цифру рожденій.

Незаконнорожденные. Замѣчается хотя медленное, но постоянное ежегодное уменьшеніе числа браковъ и значительное ежегодное возрастаніе числа незаконнорожденныхъ дѣтей, которыхъ въ 1887 году насчитывалось 73,854. Нѣкоторые мнимые друзья Франціи указываютъ, какъ бы въ утѣшеніе, на Пруссію, въ которой за тотъ же 1887 годъ насчитывалось 92,645 незаконнорожденныхъ, и, между тѣмъ, никто не видитъ въ этомъ опасности для націи. Сравненіе, не выдерживающее критики! Дѣйствительно, въ 1887 году въ Пруссіи на общую цифру 398,848 рожденій, превышавшихъ смертность, приходилось 92,645 незаконнорожденныхъ, слѣдовательно 23,23 процента излишка, за вычетомъ котораго остается еще 306,203 рожденій. Во Франціи же эти 73,854 незаконнорожденныхъ приходятся на изли-

---

[1]) Цифровыя данныя заимствованы у: *de Foville*—„France économique"; *Fournier de Flaix*—„The national wealth of France compared with other contries". *Neumann-Spallart*—„Uebersichten der Weltwirthschaft", *Hübner*—„Statistische Tabellen" и *Бэршинъ:ль*—„Статистика движенія населенія во Франціи".

шекъ рожденій всего лишь въ 56,536, что составляетъ 130,63 проц. или же, за вычетомъ незаконнорожденныхъ, получится недочетъ противъ смертности въ 17,318 чел. Понятно, насколько вопросъ этотъ является для Франціи вопросомъ жизни или смерти.

Искусственное уничтоженіе плода также играетъ большую роль. Такъ, по словамъ «Новаго Времени» (1890 г. № 5192), парижскому суду пришлось разоблачить «дѣланіе ангеловъ» во Франціи въ огромныхъ размѣрахъ. Еще въ іюнѣ 1890 г. въ кварталѣ Батиньоль была арестована акушерка Шерръе, при обыскѣ у которой нашлось много разоблачающихъ писемъ. Въ теченіе полугода къ ней обращалось болѣе 400 молодыхъ женщинъ и дѣвицъ; съ несостоятельныхъ акушерка брала по 100 франковъ, а съ богатыхъ—по нѣсколько тысячъ. Ужасная женщина разыгрывала изъ себя благодѣтельницу и такихъ «благодѣтельницъ» въ Парижѣ не мало.

«Lex Pappia Poppaea» «lex Julia de moritandis ordinibus» въ XIX вѣкѣ. Указывая на уменьшеніе цифры рожденій во Франціи, Ланьо, въ докладѣ своемъ въ парижской академіи въ 1890 году, предложилъ слѣдующія средства противъ убыли народонаселенія. «Въ видахъ ослабленія безбрачія и уменьшенія числа рожденій внѣ брака, а также для увеличенія числа браковъ, необходимо упростить дорого стоющія формальности при заключеніи браковъ. Дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, должна оказываться помощь изъ налога на холостыхъ. Предлагается также оставлять рожениць на болѣе или менѣе продолжительное время въ родильныхъ домахъ, чтобы предохранить ихъ отъ болѣзней, нерѣдко причиняющихъ безплодіе. Необходимо укрѣплять юношество тѣлесными упражненіями. Далѣе выставляется на видъ необходимость учредить убѣжища для матерей, гдѣ, лишенныя средствъ женщины, послѣ родовъ могли бы безплатно жить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и безъ работы. Такимъ образомъ можно было бы ограничить смертность дѣтей. По мнѣнію Ланьо, законы объ охраненіи дѣтей должны соблюдаться строже, колоніальныя войска слѣдуетъ составлять изъ туземцевъ, а не изъ французовъ, и, наконецъ, приливу сельскаго населенія въ большіе города необходимо поставить преграду» [1]). Чѣмъ же это не «lex Pappia Poppaea» или «lex Julia de moritandis ordinibus» (см. послѣднія 3—4 стр. гл. II)? Между тѣмъ

---

[1]) „Нов. Время" 1890 г. № 5163.

вопросъ этотъ заставляетъ серіозно задумываться истинныхъ французскихъ патріотовъ, любящихъ свою родину и думающихъ о будущности своей націи.

Вліяніе на колоніи. Подобное нравственное разложеніе не ограничивается одними предѣлами Франціи, но переносится тѣми же французами и въ колоніи, гдѣ оно прививается и распространяется гораздо быстрѣе, чѣмъ высокая цивилизація XIX-аго вѣка. Въ этомъ отношеніи Франція дѣлаетъ тоже самое, что продѣлалъ Римъ надъ галлами, прививъ имъ язву разврата прежде, нежели успѣли усвоиться положительныя стороны культуры. Разница только та, что римляне дѣлали это въ I-омъ вѣкѣ до Р. X., а французы—въ XIX-омъ столѣтіи.

Многіе, ослѣпленные эффектомъ, производимымъ выдающимися умами Франціи, игнорируютъ опасность, угрожающую ей какъ вымираніемъ, такъ и политическимъ безсиліемъ націи, говоря, что народу, который въ состояніи давать такія умственныя силы по всѣмъ отраслямъ науки, благосостояніе котораго постоянно возрастаетъ—нечего бояться. Забываютъ, однако, что благосостояніе растетъ слишкомъ неравномѣрно въ различныхъ слояхъ общества, и это неравномѣрность можетъ послужить удобной почвой для развитія элементовъ, разлагающихъ нравственныя основы націи. Забываютъ также и примѣры исторіи. Греція распалась въ эпоху высшаго расцвѣта культуры, промышленности и торговли, въ тотъ моментъ, когда выдающіеся умы стали принимать болѣе реальное направленіе. Не менѣе поучителенъ и примѣръ Рима. Каждая нація существуетъ и крѣпнетъ силой не отдѣльныхъ выдающихся умовъ, а нравственныхъ устоевъ семьи, общества и общей массовой развитостью народа. Исторія слишкомъ краснорѣчиво доказываетъ, что разрушеніе семейныхъ началъ неотразимо отзывается на организмѣ всего народа и влечетъ за собой его паденіе.

Роль женщины въ искусствахъ. Литература и живопись, эти двигатели умственнаго и душевнаго направленія народа, во Франціи менѣе чѣмъ гдѣ-либо могли содѣйствовать упроченію нравственныхъ основъ въ силу того направленія, которое онѣ приняли въ текущемъ столѣтіи, создавъ пресловутую «натуралистическую школу», — живопись, граничущую съ порнографическимъ искусствомъ, поэзію, ставшую стихотворнымъ ремесломъ и превратившую беллетристику въ сборное мѣсто всѣхъ отрицательныхъ сторонъ человѣчества нашего

вѣка. Нигдѣ народная литература не имѣетъ такого развращающаго вліянія, а дѣтская и народная нигдѣ такъ не бѣдна, какъ во Франціи. Въ Германіи и особенно въ Англіи женщина на поприщѣ литературы и живописи своимъ противодѣйствіемъ натурализму оказала большую услугу своей націи, охраняя силою таланта нравственныя основы.

Во Франціи, несмотря на появленіе значительныхъ женскихъ литературныхъ силъ, какъ, напр., Жоржъ-Зандъ, натуралистическая школа не встрѣтила въ нихъ отпора; наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ она нашла въ нихъ послушныхъ ученицъ и модныхъ подражательницъ. Причина этому лежитъ, повидимому, въ томъ, что и выдающіяся по своему природному уму и таланту женщины не были достаточно развиты и не прошли той строгой школы умственной подготовки, которая только и можетъ создать изъ женщины самостоятельную умственную и нравственную, а не подражательную силу. Конечно, и германской женщинѣ-писательницѣ не хватаетъ этого высшаго развитія и правильнаго серіознаго образованія, но ей много помогъ семейный складъ жизни, выработавшій въ ней больше положительности, а главное — ей не нужно было особенныхъ усилій для противодѣйствія натуралистическому направленію, такъ какъ стремленіе къ нему въ Германіи не проявлялось въ такой могучей, всеохватывающей формѣ, какъ это было во Франціи, гдѣ оно въ самомъ народѣ нашло болѣе благопріятную, вѣками подготовленную почву. Но серіозно поставленное въ настоящее время школьное дѣло во Франціи обѣщаетъ дать этотъ обновляющій элементъ, эти новыя силы гуманитарнаго направленія въ женщинѣ и смыть это темное пятно съ исторіи нравственнаго развитія націи.

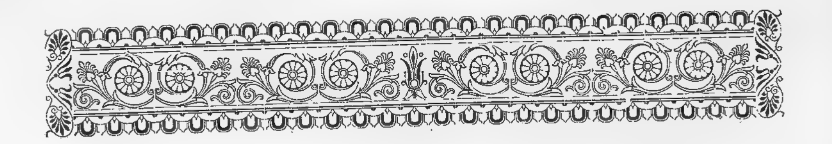
Никакія законодательныя мѣры не могутъ остановить нравственное разложеніе народа—это лучше всего доказываетъ исторія Греціи и Рима. Но каждый народъ самъ въ себѣ заключаетъ цѣлебное средство противъ этого страшнаго недуга, и это есть именно женщина, являющаяся основой семьи и первой воспитательницей будущаго гражданина. Однако, и эта великая сила—женщина скорѣе можетъ способствовать разложенію, чѣмъ возрожденію націи, если она не будетъ стоять на надлежащей душевной и умственной высотѣ; слишкомъ сложна, самостоятельна и отвѣтственна задача женщины, чтобы она могла выполнить ее, не будучи къ ней подготовленной и для нея воспитанной. Поэтому каждый, къ какой бы націи онъ ни принадле-

жалъ, если онъ дѣйствительно любитъ свое отечество, долженъ проникнуться словами Фенелона: «*женщина требуетъ болѣе серіознаго воспитанія, потому что безъ этого немыслимо и истинное воспитаніе мужчины*».

Насколько французы поняли въ настоящее время всю важность образованія женщины, можно судить по публичной рѣчи министра народнаго просвѣщенія *René Goblet*, произнесенной 1-го августа 1887 года въ Амьенѣ по случаю раздачи премій въ мѣстномъ женскомъ лицеѣ. Въ краткой, но горячей, прочувствованной рѣчи министръ высказалъ, какую великую услугу расширенію женскаго образованія во Франціи оказала нынѣшняя республика, указалъ на многочисленные примѣры проявленія женскаго ума и твердости женскаго характера. Особенное вниманіе своихъ слушателей онъ остановилъ на томъ, что высшее образованіе, занятія въ лабораторіяхъ и анатомическихъ кабинетахъ никогда не лишаютъ женщинъ нѣжности, женственности, граціи и другихъ врожденныхъ особенностей женской натуры; «тѣ, которые предполагаютъ противное — сказалъ министръ — составили себѣ ложное понятіе о женщинѣ и совсѣмъ ея не знаютъ».

Среднее и высшее образованіе женщины во Франціи находится еще въ зачаткѣ, но та серіозность и основательность, съ которыми выработаны программы среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній для образованія учительницъ (какъ напр. Севрская семинарія подъ управленіемъ г-жи Jules Favres) и съ разработкой которыхъ тѣсно связаны имена Camille Sée, ставшаго безсмертнымъ во Франціи, и другихъ (Germain Sée, Carnot, E. Legouvé и пр.), служатъ залогомъ будущаго нравственнаго возрожденія націи.

ГЕРМАНІЯ.

Древняя Германія до христіанства.

Gold kauft die Stimme grosser Haufen,
Kein einzig Herz erwirbt es dir;
Doch willst du dir ein Mädchen kaufen,
So geh und gieb dich selbst dafür.
(Goethe).

Цезарь о германцахъ. Первыя историческія данныя о германцахъ даетъ намъ Цезарь въ своемъ «De bello gallico» (въ 60—45 гг. до Р. Х.). Изъ этого источника (I, 39) мы узнаемъ о той высокой нравственности и воинственности, которыми славились германцы между другими народами, наводя на нихъ страхъ мечомъ и топоромъ; женщины не уступали въ этомъ отношеніи мужчинамъ и, прекрасно владѣя оружіемъ, отстаивали наряду съ ними свою жизнь и свободу до послѣдней крайности. Уже Цезарь (VI, 21), котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ особой симпатіи къ этимъ варварамъ, указываетъ на то, что, кромѣ строгаго воспитанія, закаляющаго тѣло и развивавшаго мужество въ юношествѣ, у германцевъ ведется еще похвальный обычай вступать въ бракъ лишь въ полной физической зрѣлости съ сохраненіемъ цѣломудрія до брака. Такъ, у нихъ считалось позорнымъ, если юноша вступалъ въ половую связь до двадцатилѣтняго возраста. Тридцатилѣтній возрастъ мужчины и двадцатилѣтній для женщины былъ, по установившемуся обычаю, нормальнымъ для брачущихся, вслѣдствіе чего они изъ рода въ родъ сохраняли правильное и крѣпкое тѣлосложеніе, которымъ отличались не только отъ римлянъ того времени, но и отъ другихъ варварскихъ народовъ.

Тацитъ. Тацитъ въ своемъ «de Situ, moribus et populis Germaniae» говоритъ: «Нравы германцевъ были просты и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже грубы, но отличались чистотой». Негодуя на современное ему растлѣніе цивилизованнаго міра, римскій историкъ съ особеннымъ уваженіемъ отзывался о строгости ихъ семейныхъ связей, о высокихъ добродѣтеляхъ ихъ женщинъ, объ ихъ гостепріимствѣ, мужествѣ и любви къ свободѣ. Однако бытовая картина Германіи, изображенная этимъ историкомъ-моралистомъ, чтобы быть вѣрною, требуетъ дополненій и съ отрицательной стороны, такъ какъ, кромѣ наклонности къ разгулу и праздной жизни на счетъ труда рабовъ и заботъ женъ, чего не скрываетъ и Тацитъ, германцамъ не чужды были и другіе пороки, свойственные варварскимъ народамъ, особенно хищность и звѣрская жестокость по отношенію къ непріятелю. Средства къ жизни доставляла имъ война, охота, скотоводство и, отчасти, довольно слабо развитое земледѣліе.

Вліяніе германцевъ. Исторія древняго Рима показываетъ намъ, что въ послѣднее время своего существованія раздробленная, растерзанная и ограниченная почти одной Италіей имперія поддерживалась уже исключительно варварскими силами; Каталаунская побѣда—послѣдній успѣхъ римскаго знамени—была одержана благодаря только имъ. Германскіе варвары слились съ римлянами, жили на ихъ земляхъ, служили въ ихъ войскахъ и своею промышленностью питали тунеядный Римъ. Высшія государственныя должности полководцевъ и министровъ занимали уже люди большею частью варварскаго происхожденія—однимъ словомъ, уже тотчасъ послѣ Ѳеодосія Великаго имперія очутилась въ такой полной зависимости отъ варваровъ, что они рѣшали ея судьбу. Наконецъ, германскія дружины, считавшіяся на службѣ Рима, а на дѣлѣ—бывшія его полновластными хозяевами, тяготясь постоянной смѣной правителей, потребовали у своего начальника Одоакра, герула по происхожденію, прочнаго водворенія въ странѣ и раздѣла ея земель для поселянъ. Въ 476 году Одоакръ низложилъ послѣдняго представителя императорскаго титула Ромула Августа, назначивъ ему пожизненную пенсію; сенатъ же, подъ его диктовку, написалъ восточному императору, Зенону, что для обѣихъ половинъ имперіи достаточно императора въ Константинополѣ, и что отнынѣ италіанскимъ діоцезомъ будетъ управлять Одоакръ съ титуломъ патриція. Когда же 10 лѣтъ спустя послѣ низложенія Ромула Августа

и средняя Галлія была завоевана франками, то уже весь европейскій западъ очутился въ рукахъ германцевъ, водворившихъ здѣсь и новый порядокъ вещей [1].

Общественное устройство древне-германскихъ племенъ. Общественное устройство древне-германскихъ племенъ было *общинное*, а самой простой первичной формой его можно считать «*дай*» или «волость», т. е. добровольный общественный союзъ извѣстнаго числа сосѣднихъ семействъ, жившихъ на общей землѣ, или «маркѣ», и рѣшавшихъ свои дѣла на волостныхъ вѣчахъ. Вѣча эти опредѣляли миръ и войну, постановляли законы, избирали старшинъ—*графовъ*, завѣдовавшихъ волостнымъ судомъ, и *герцоговъ*, или предводителей волостныхъ ополченій. Населеніе волости состояло изъ двухъ классовъ: свободныхъ и зависимыхъ людей. Люди *свободные*, владѣвшіе участками общинной земли и имѣвшіе право голоса на сходкахъ, пользовались неограниченной властью надо всѣми, кто жилъ въ ихъ владѣніяхъ—дѣтьми, прислугой, домочадцами—и могли быть судимы только своими *перами* (*pares*), т. е. равными по положенію. Изъ среды этого свободнаго класса, впрочемъ, рано выдвинулась почетная аристократія, такъ наз. *одалинги*, т. е. семейства, отличавшіяся родовитостью и богатствомъ. Изъ нихъ обыкновенно и выбирались графы и герцоги, а нерѣдко, какъ это было у нѣкоторыхъ племенъ, и наслѣдственные правители—*конунги*, власть которыхъ нисколько однако не уничтожала общиннаго, т. е. республиканскаго устройства. Второй, или *низшій классъ*, состоялъ изъ полусвободныхъ, или *литовъ*, и собственно *рабовъ*. Литы, живя на землѣ свободнаго владѣльца, находились въ нѣкоторой фактической и юридической зависимости отъ него, несли въ его пользу разную службу и хотя могли на судѣ обходиться безъ патрона, однако въ дѣлахъ общественныхъ лишены были всякой доли участія. Рабы же, не имѣя никакихъ личныхъ правъ и собственнаго хозяйства, были просто крѣпостными, дворовыми людьми своихъ хозяевъ. Впрочемъ, участь этого класса (какъ это свидѣтельствуетъ Цезарь) вслѣдствіе того, что онъ стоялъ подъ непосредственной властью хозяйки дома, была у германцевъ гораздо сноснѣе и легче, чѣмъ у римлянъ, гдѣ рабъ считался просто вещью своего господина и не только не имѣлъ никакой собственности, но даже и дѣти его принадлежали не ему, а его господину.

[1]) „Лекціи по всемірной исторіи“ проф. М. Н. Петрова. I. стр. 268—292.

Семья—основа первоначальнаго строя германцевъ. У древнихъ германцевъ уже рано развилось и установилось различіе между свободнымъ и несвободнымъ, между защитникомъ и нуждающимся въ защитѣ, а также проявляющееся во всѣхъ положеніяхъ древне-германское ученіе объ *оружіи* и объ *опекѣ*. Ради этой защиты, въ которой нуждался беззащитный, собирались всѣ способные носить оружіе въ семействѣ и сдѣлали эту защиту преимущественно семейной. Этимъ объясняется и то уваженіе къ семейному началу, благодаря которому древне-германскій міръ носилъ въ языческія времена, характеръ семейности и общинности. Свободные вооруженные мужчины въ семействѣ соединялись въ одно цѣлое, чтобы защищать своихъ женъ, дѣтей, литовъ, рабовъ и имущество. Всякое насиліе, причиненное кому либо изъ членовъ семейства, считалось оскорбленіемъ чести всего семейства, и въ этомъ глубоко коренилось «кровная месть» и «право раздоровъ» (*Fehderecht*) германцевъ. Въ свою очередь семейства соединялись между собой въ котеріи; 10 такихъ котерій составляли сотню («*Hundert*» или «*Heer*»), сотни составляли округи и такимъ образомъ возникали общины. Всѣ важнѣйшія рѣшенія исходили отъ семейнаго совѣта. Точно такъ же важную роль играла семья и въ наслѣдственномъ правѣ. Древній германецъ не могъ завѣщать свое имущество по произволу: оно безусловно переходило къ тѣмъ, которые въ состояніи были защищать себя и другихъ, т. е. къ свободнымъ мужчинамъ.

Основной принципъ древне-германскаго права. Изъ сказаннаго понятно, что въ основѣ германскаго права лежало признаніе полноправнымъ членомъ общины только того, кто въ состояніи былъ нести всѣ повинности, налагаемыя общиной. Первое мѣсто, въ числѣ прочихъ, занимала воинская повинность, слѣдовательно, свободными членами общины могли быть лишь люди, способные носить оружіе. За ними же только и признавалось право владѣнія имуществомъ. Существу, (безъ различія пола), неспособному къ воинской повинности, древне-германское право отказываетъ въ правѣ голоса, въ правѣ имущественномъ и въ правѣ семейнаго главенства. Идя въ этомъ направленіи далѣе, древне-германское право считало таковаго не способнымъ къ защитѣ не только своего имущества, но и своей личности, а потому нуждающимся въ «*защитѣ*» или «*опекѣ*» другого свободнаго мужчины. Такимъ образомъ подъ «опекой» находились старцы, слабосильные мужчины, несовершеннолѣтніе и женщины.

Права мужчины на жизнь жены и домочадцевъ. Въ силу основного принципа древне-германскаго права, свободный мужчина пользовался неограниченной властью надъ жизнью опекаемыхъ имъ членовъ семьи. Въ этомъ лежитъ причина такъ долго сохранившагося у германцевъ права умерщвленія новорожденнаго младенца и права продажи дѣтей и даже жены въ случаѣ крайней нужды. Но умертвить или подкинуть (Aussetzen) младенца отецъ могъ только до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не коснулся груди матери, что подтверждается даже древнѣйшими германскими законами [1]. Однако, въ случаѣ рожденія ребенка съ физическими недостатками, дающими основаніе предполагать неспособность его въ будущемъ нести воинскую повинность, отецъ имѣлъ право убить его. Право продажи дѣтей или жены было также ограничено лишь самыми крайними случаями, какъ то: угрожающей голодной смерти, непосильной военной контрибуціи, наложенной непріятелемъ и т. п. [2]. О фактахъ продажи сына во время крайняго бѣдствія свидѣтельствуютъ также капитуляріи Карла Лысаго 864 года [3]. Что это былъ законъ, имѣвшій въ виду единственно силу государства и общины, а не одно деспотическое право отца, видно изъ другой части этого закона, которой разрѣшается дѣтямъ убивать слабосильнаго и престарѣлаго родителя, неспособнаго носить оружіе [4]. Что касается жены, то лишеніе ея жизни разрѣшалось мужу единственно въ случаѣ нарушенія ею супружеской вѣрности; притомъ онъ долженъ былъ застать ее съ соблазнителемъ и тотчасъ по совершеніи убійства созвать свидѣтелей и предъявить суду вещественныя доказательства измѣны, удостовѣренныя свидѣтелями, [5] въ противномъ же случаѣ онъ подлежалъ смертной казни или изгнанію [6].

Опека (*Mundium*). По древне-германскому праву, какъ и въ Римѣ, неправоспособные не могли лично защищать свои интересы въ судахъ и должны были прибѣгать къ защитѣ покровителей; но здѣсь *обязанность* «свободнаго» члена общины защищать неполноправныхъ съ

---

[1]) Stammer D-r. „D. alte deutsche Recht". 13.

[2]) Stammer. 11.

[3]) Stammer. 14.

[4]) J. Grimm. Rechtsalterthümer s. 486 - 493.—„Haupts Zeitschrift" V. 72.

[5]) L. Scan. XIII. 1.—Sjell. L. II. 1. Rib. Stadtr. 17.—Weinhold. V. 26.

[6]) ed. Roth. 213.—L. Liutpr. VII, 76.—L. Bajuv. VII. 1, 3 VII. 10. 12.—Gutal. 21. - Uplandsl. III. 6, 1.- Scan. XIII. 2.—Hans. privil. 42.—Rib. Stadtr. 1267 art. 27.—Erich Glippings Stadtr. n. 30.—Weinhold. II. 26.

оружіемъ въ рукахъ въ военное время и передъ судомъ—въ мирное—выступаетъ еще строже. Защита интересовъ передъ судомъ и передъ народнымъ собраніемъ, уже въ древнѣйшія времена сложившаяся въ опредѣленную форму опеки—«*mundium*»—принадлежала единственно отцу семейства, который, по закону, обязанъ былъ охранять жену и дочерей пожизненно или до замужества послѣднихъ, а сыновей—до достиженія ими равноправности. Понятно, что, защищая и опекая своихъ домочадцевъ, отецъ пользовался и правомъ руководить ихъ дѣйствіями. Однако въ силу обычнаго права узаконилось и право матери при рѣшеніи вопроса о замужествѣ дочери, т. е. отецъ могъ рѣшать его только съ согласія матери, что мы видимъ въ особенности у сѣверныхъ германцевъ [1]. По смерти отца право опеки надъ неправоспособными членами семьи [2]) переходило къ старшему сыну, какъ къ унаслѣдователю голоса отца въ народномъ собраніи; ему же подчиняется и мать-вдова. Но власть старшаго сына надъ сестрами въ значительной степени ограничивалась тѣмъ, что ему предоставлялось право опекать ихъ имущество и защищать ихъ личность; руководство же ихъ дѣйствіями и рѣшающій голосъ въ дѣлѣ замужества всецѣло предоставлялись матери-вдовѣ [3]), и только послѣ смерти ея переходили къ нему. Если, въ случаѣ смерти отца, старшій сынъ еще не былъ совершеннолѣтенъ или сыновей вообще не было, права и обязанности опеки переходили къ ближайшему родственнику, какимъ у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ считался братъ отца, у другихъ, гдѣ образъ жизни приближался больше къ матріархату—братъ матери-вдовы [4]); при этомъ права опекуна всегда были ограничены относительно дочерей, какъ и при опекѣ старшаго сына. За неимѣніемъ ближайшихъ родственниковъ опека, по выбору народнаго судьи, возлагалась на дальняго родственника съ отцовской стороны, но не иначе, какъ по предварительному соглашенію съ матерью и прочими членами семьи [5]).

---

[1]) Frostath. 11, 2.—въ Häkonarb. c. 50 говорится: „fadhir ok môdhir skal râdha giptingum daetra sinna“.

[2]) L. Wisigoth. III, 1, 7. IV 2, 13.—L. Burgund. 59, 85, 1.—Freiburg. Stadtr. 32.—Uplands III. 1, 7.—Sjellands I. 1, 47, 48.—Weinhold I. 196.

[3]) Ostgötal. giptab. 18.

[4]) L. Saxon. 7, 5.—Nordfries. ges. 568 a, 9.—L. Wisigoth. III. 1, 7.—Grâgâs festah. 1.—Uplandsl. III. 1.—Sjellands I. 47, 48.—Jydske lov. 1, 33.—Weinhold I. 197.

[5]) Kraut. Vormundschaft. 169.—„Deutsches Privatrecht“ 3 Auf. 393.

Духовная связь въ бракѣ у германцевъ. Въ древне-германскомъ мірѣ (основнымъ принципомъ котораго было чувство) бракъ, въ противоположность римлянамъ, у которыхъ каждая сторона сохраняла полную обособленность, представлялъ тѣсный союзъ обоихъ супруговъ, связанныхъ любовью, вѣрныхъ другъ другу и сообща переносящихъ горе и радость, какъ это видно, между прочимъ, и изъ свадебныхъ обрядовъ. Высокому понятію о бракѣ соотвѣтствовалъ и поздній возрастъ замужества, когда молодые люди достигали уже не одной физической, но и умственной зрѣлости. Выходя замужъ женщина становится спутницей мужа, вступаетъ въ его семью и дѣлитъ его почести; она держитъ при себѣ ключи домашняго хозяйства, принимаетъ гостей и, хотя по древне-германскому праву ей предоставляется далеко не такая власть надъ дѣтьми, какъ отцу, тѣмъ не менѣе она сообща съ нимъ руководитъ ихъ воспитаніемъ и образованіемъ.

Вліяніе женщинъ. Германки, пользовавшіяся нравственнымъ авторитетомъ въ своихъ племенахъ, старались вмѣстѣ съ тѣмъ не уступать мужчинамъ въ храбрости и воинственности, ибо эти качества особенно уважались и считались необходимыми въ виду постоянной борьбы съ природой и хищными сосѣдями. Онѣ дѣлили всѣ тягости походовъ, всѣ ужасы войны со своими мужьями, возбуждали въ нихъ воинственный духъ и, въ случаѣ надобности, сами принимали участіе въ битвахъ, при чемъ съ ожесточеніемъ рѣзали не только враговъ, но и своихъ, малодушно бѣжавшихъ съ поля битвы. Цѣня только свободную жизнь, онѣ разбивали дѣтей о землю, оборонялись чѣмъ попало, давились на собственныхъ длинныхъ волосахъ, чтобы только не отдаться живыми въ руки непріятеля [1]. Самая любовь въ ту эпоху немыслима была безъ физической силы; невѣста нерѣдко дѣлается женою только послѣ продолжительной борьбы со своимъ нареченнымъ. Въ сказаніяхъ о Сигурдѣ прекрасная Брунгильда рѣшилась сдѣлаться женою того, кто побѣдитъ ее въ открытомъ бою.

Понятно, что такое положеніе могло существовать лишь пока боевая сила племени опредѣлялась количествомъ, и военныя орудія были самыя первобытныя. Съ усложненіемъ же ратнаго дѣла потребовалось и болѣе регулярное занятіе имъ, на что женщинѣ, поглощенной хозяйствомъ, не хватило времени. Между тѣмъ, какъ

---

[1] Val. Maxim. lib. I. c. 6.

мужчина все болѣе совершенствовалъ свою физическую силу, боевую опытность и ловкость, въ женщинѣ, благодаря материнскимъ обязанностямъ и мирнымъ домашнимъ работамъ, развивался практическій умъ и болѣе сознательная внутренняя жизнь. Видя въ женщинѣ болѣе слабое существо, мужчина, которому еще долгое время чужда была внутренняя духовная сторона жизни, счелъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ покровительствовать ей, принять подъ свою опеку, а въ болѣе грубую эпоху и подчинить ее себѣ, смотря на жену и на дѣтей, какъ на собственность. Но вслѣдствіе этой разницы во внѣшней и внутренней жизни обоихъ половъ, въ женщинѣ все болѣе развивалось то положительное мышленіе, которое постепенно возвысило ее въ умственномъ отношеніи и заставило мужчину относиться къ ней съ большимъ уваженіемъ и считаться съ ея мнѣніемъ и совѣтомъ, что и свидѣтельствуютъ не только Тацитъ, но и Цезарь и Страбонъ.

Почитаніе женщинъ въ древней Германіи. Понятіе о женской личности въ древней Германіи было настолько высоко, что во взглядахъ того времени на бракъ мы встрѣчаемъ зачатки истиннаго нравственнаго развитія и образованія. Уже постоянная фамильная опека («*Geschlechtstutel*»), составлявшая одинъ изъ принциповъ древне-германскаго права, отличается отъ подобной *tutela mulierum* у римлянъ по самому своему существу: въ то время какъ у послѣднихъ она обусловливалась умственной слабостью (*imbecillitas et iufirmitas*) женщинъ, германская опека основывалась на физической ихъ беззащитности и исчезла съ установленіемъ надежной защиты государства противъ внѣшнихъ опасностей. Почитаніе женщины въ древней Германіи не было тѣмъ существовавшимъ въ Греціи и Римѣ культомъ ея, какъ божества: здѣсь она уважалась, какъ несравненно болѣе возвышенное, благородное земное существо, чѣмъ мужчины. Это видно уже изъ древняго обычая германцевъ избирать женщинъ судьями на ряду съ князьями и благородными и предоставлять имъ рѣшающій голосъ въ третейскихъ судахъ королей и націй [1]). Кромѣ того почетное положеніе древне-германской женщины подтверждается еще и тѣмъ, что ей часто предоставлялось занимать должность жреца. (У древнихъ германцевъ не было особой жреческой касты: каждый глава

[1]) Ungern. 109.

семьи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея жрецомъ; жрецомъ же общины былъ ея старшина. На практикѣ же эти мѣста значительно чаще замѣщались женщинами) [1]. Наконецъ самое слово «*Frau*», древне-германское «*frouja*» значитъ по древне-германски повелительница (*Herrin*), откуда слова «*Frohndienst*» или «*Herrendienst*», ясно указывающія на то положеніе, которое германка занимала въ своемъ домѣ и внѣ предѣловъ своей семьи [2].

Хозяйственный авторитетъ германки. Еще во времена Цезаря льноводство составляло видное производство у германцевъ: онъ самъ указываетъ на это въ своей книгѣ «De bello gallico», говоря, что германскія жены пряли ленъ и уже тогда вели торговлю льнянымъ волокномъ съ сосѣдними народами. Свободные мужчины однако не занимались земледѣліемъ, считая это для себя унизительнымъ и зная только свой щитъ и мечъ; оно лежало на обязанности рабовъ, контингентъ которыхъ составляли военноплѣнные. Уборка льна съ поля и дальнѣйшая его обработка производилась женщинами. Всѣ эти работы находились подъ руководствомъ и неограниченной властью «госпожи» [3]. То же самое относится и къ овцеводству и прочимъ отраслямъ хозяйства. Мы видимъ, такимъ образомъ, что свободная германка не была въ домѣ работницей, а держала въ своихъ рукахъ бразды правленія. Единственной ея работой было пряденье и тканье льна и шерсти, считавшееся до конца среднихъ вѣковъ, какъ и у древнихъ римлянъ, почетнымъ занятіемъ даже у знатныхъ женщинъ. Такъ, королева Берта, мать Карла Великаго, славилась какъ хорошая прядильщица; Карлъ В. обращалъ большое вниманіе на то, чтобы дочери его пряли шерсть и ткали матерію [4]. Нерѣдко знатныя германки вели совершенно самостоятельно, при помощи нѣсколькихъ подчиненныхъ помощниковъ, хозяйство большихъ имѣній, какъ, напр., жена Карла Великаго, непосредственно управлявшая въ его отсутствіе всѣми большими его имѣніями и руководившая дѣйствіями хозяйственныхъ чиновниковъ [5].

---

[1] Scherr J. Deutsche Kultur u. Sittengeschichte. 9 Aufl. I. 46.—Böe A. Kulturbilder aus Deutschlands Vergangenheit, 28 и друг.

[2] Die Stellung d. Frau im deutschen Recht. Prof. R. Sohm; въ Deutsch. Rundsch. V, 93.

[3] Веберъ К. Исторія льняной промышленности, 7.

[4] Einhard. vit. Karl. c. 19.

[5] Ibid. c. 23,

Оцѣнка женщины по древне-германскому закону. Въ древне-германскомъ законадательствѣ жизнь свободной женщины цѣнилась вдвое, а у нѣкоторыхъ племенъ и втрое дороже, чѣмъ жизнь мужчины. Такъ, за убійство свободной германки взыскивалась пеня въ размѣрѣ 600 шиллинговъ, тогда какъ убившій свободнаго германца платилъ лишь до 250 шиллинговъ. Еще меньше была пеня за убійство людей зависимыхъ; такъ, за лишеніе жизни пастуха, пасшаго стадо овецъ или свиней не менѣе 40 головъ, или конюха, смотрѣвшаго за табуномъ не менѣе 12 лошадей, взималось только 40 шиллинговъ [1]). Однако указанной высокой оцѣнкой пользовались лишь женщины беззащитныя; носившія же оружіе приравнивались въ этомъ отношеніи, какъ мы это видимъ по лангобардскому закону, къ свободнымъ мужчинамъ [2]). За непристойное прикосновеніе къ рукѣ свободной германки взыскивалось 15 шиллинговъ; къ верхней части обнаженной руки — 35 шилл., къ груди — 45 шилл. Еще строже оберегаетъ древне-германское право честь дѣвушекъ: такъ, сочинившій на дѣвушку любовную пѣсню наказывался смертью или изгнаніемъ [3]).

Купля и продажа невѣстъ. Многимъ казалось несовмѣстимымъ глубокое уваженіе, которымъ пользовалась женщина съ одной стороны и удостовѣренный разными актами обычай купли и продажи невѣстъ съ другой. Этотъ фактъ главнымъ образомъ служилъ противникамъ Тацита оружіемъ противъ безпристрастности его отношенія къ быту германцевъ. Не останавливаясь на оцѣнкѣ его исторической объективности вообще, мы все-таки должны признать, что никто изъ древнихъ классическихъ писателей не охарактеризовалъ этого явленія такъ вѣрно, какъ именно Тацитъ, словами: «juncti boves, frenatus equus et scutum cum framea gladioque»; дѣйствительно, въ то время это была не купля, а цѣнный подарокъ, подносимый опекуну, подобно тому, какъ это дѣлается и теперь при свадебныхъ обрядахъ у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ. Обычай этотъ представляетъ остатокъ той эпохи, когда народъ находился еще на низшей ступени своего развитія и считалъ все слабое достояніемъ болѣе сильнаго; германцы же временъ Тацита давно уже пережили эту стадію культурнаго развитія.

Дѣвушка могла вступать въ бракъ только съ согласія того, подъ

---

[1]) *Vogel*. Kulturgeschichte. II. 342.
[2]) *Ed. Roth*. 381.—Weinh. I. 200.
[3]) *Stammler*. 7.

чьей опекой она находилась. Въ случаѣ самовольнаго ея рѣшенія, опекаемая поступала въ крѣпостную зависимость отъ опекуна, т. е. теряла права свободной германки, и бракъ ея считался недѣйствительнымъ; мужъ же ея подлежалъ карѣ народнаго суда, состоявшей главнымъ образомъ въ крупной денежной пенѣ въ пользу опекуна дѣвушки, а у нѣкоторыхъ германскихъ народовъ — въ изгнаніи изъ родины. Право выдачи дѣвушки замужъ насильно предоставлялось опекуну лишь въ томъ случаѣ, если послѣдняя пользовалась дурной репутаціей въ общинѣ [1]).

Указаніе на важность согласія невѣсты при замужествѣ и свободнаго выбора брачущихся мы находимъ между прочимъ въ древне-германскомъ сказаніи о Нибелунгахъ; особенно характерны слѣдующія слова изъ описанія вѣнчанія Зигфрида съ Кримгильдой (v. 568).

„Man hiez si zuo ein ander an dem ringe stan:
man vragte si ob si wolde den vil waetlichen man".

Болѣе точныя данныя имѣются въ древне-германскомъ правѣ, гдѣ прямо говорится, что отдавшій дѣвушку противъ ея воли замужъ подлежитъ карѣ суда и теряетъ право опеки надъ нею [2]). У англосаксовъ и норвежцевъ еще въ началѣ среднихъ вѣковъ брачный союзъ считался дѣйствительнымъ только при согласіи на него невѣсты [3]).

Изъ сказаннаго видно, что въ то время о куплѣ и продажѣ невѣсты въ буквальномъ смыслѣ не могло быть и рѣчи; это была лишь извѣстная форма обряда. Въ законодательствахъ разныхъ германскихъ народовъ мы встрѣчаемъ термины купли и продажи невѣстъ: такъ, въ законахъ Англіи 688—727 гг. предусмотренъ случай, если кто «купитъ» невѣсту и не уплатитъ «выкупа»; подобныя же выраженія встрѣчаются и въ законахъ Гундобальда 470—516 гг. [4]), короля Рекареда I, 586—601 гг. [5]), Карла Великаго—802 г. [6]). Но было бы ошибочно упомянутые здѣсь термины о «куплѣ» и объ уплатѣ «вы-

---

[1]) Wilda. Strafrecht der Germanen, 802.—Schröder. Gesch. d. chel. Güterrechts. I. 7.

[2]) Ed. Roth. 195.—L. Liutpr. 12, 120.—Burgund. 100.

[3]) Cunt. dôm. 2, 74.—Frostath. III. 22.—Vestgötal. добавленіе II,

[4]) Lex Burgund. 34. 2: „Si quis uxorem suam sine causa dimiserit, inferat ei alterum tantum, quantum pro pretio ipsius dederat".

[5]) Lex Wisigoth. III. 47: „ille pretium det parentibus, quantum parentes quellae velint".

[6]) Lex Saxonum VI. 1. „Uxorem ducturus CCC. sol det parentibus ejus" VII. 3. „Qui viduam ducere vult, offerat tutori pretium emtoris ejus, hoc est sol. CCC".

купа» принимать за торговую сдѣлку: по законодательству германскихъ народовъ мы видимъ, что уже съ V-аго ст. этотъ «выкупъ» является обязательнымъ и устанавливается закономъ съ извѣстной опредѣленностью и въ извѣстномъ размѣрѣ по сословіямъ, при чемъ поступаетъ не въ пользу отца или опекуна, а въ собственность невѣсты и впослѣдствіи называется *вдовьей долей*—«*Witthum*» («*secundum genealogiam suam*»). Такъ, по древне-саксонскому праву выкупъ свободной германки опредѣлялся въ 300 шиллинговъ [1]), что по тому времени было цѣлымъ состояніемъ, такъ какъ цѣнность одного шиллинга равнялась цѣнѣ одной коровы; въ законахъ франковъ даже прямо такъ и говорится: столько то шиллинговъ или коровъ. Такимъ образомъ этимъ узаконеннымъ «выкупомъ» (*вдовьей долей*, *Witthum*, *puellae pretium*), ниже котораго отдать невѣсту изъ даннаго сословія считалось позорнымъ, впервые было положено германскимъ законодательствомъ начало имущественныхъ правъ женщинъ, ибо этимъ самымъ она вступала въ законное владѣніе движимымъ имуществомъ, изъ чего впослѣдствіи выработалось и право владѣнія и недвижимымъ.

Терминъ «купить» въ смыслѣ «сватать» удержался въ различныхъ актахъ очень долго; онъ встрѣчается даже въ XIV-омъ и XVI-омъ столѣтіяхъ. Такъ, если сватали дѣвушку, то говорили: онъ «идетъ купить жену», если мужчину, то: она «идетъ купить мужа» («*ein Weib kaufen*»—«*einen Mann kaufen*»). Въ хроникѣ города Лимбурга, составленной Генсбейномъ въ 1336—1402 гг., въ § 165 говорится:—«Anno 1386 прибыла въ Лимбургъ дворянка Hildegard von Sarwerden и купила юнаго дворянина Іоганна, владѣльца города Лимбурга» [2]). Уже съ самаго начала среднихъ вѣковъ совершеннолѣтняя женщина была, по германскому праву, вполнѣ независима и полновластна надъ собой [3]).

Имущественное отношеніе. Въ Греціи и Римѣ *даже по опредѣленіямъ каноническаго права* вступленіе въ законный бракъ связано съ какимъ-нибудь *dos*, который жена приноситъ мужу, при чемъ ея право юридическаго владѣнія распространяется только на эту часть супружескаго имущества. Въ древне-германскомъ мірѣ, напротивъ, мужъ даетъ *dos* своей женѣ и, кромѣ того, даритъ ей на утро послѣ брака, такъ

---

[1]) Die Stellung der Frau im deutschen Recht. Prof. R. Sohm въ Deutsch. Rundschau V. 96.

[2]) Stammler.—Die Stellung d. Frauen im alten deutsch. Recht. s. 20.

[3]) Kraut. —Vormundschaft I. 326.

называемое, «*Morgengabe*», такимъ образомъ онъ обезпечиваетъ ее, на случай если она переживетъ его, «*вдовьей долей*» (*Witthum, Leibgeding, Lebzucht*). Предоставленное мужу въ силу опеки (*mundium*) право пользованія и управленія имуществомъ жены ограничено уже древнѣйшими законодательными мѣрами въ томъ отношеніи, что онъ не имѣетъ права расходовать его лично на себя. По лангобардскому же закону продажа этого имущества, совершонная сообща обоими супругами имѣетъ только тогда силу, когда при этомъ присутствовали ближайшіе родственники жены, какъ свидѣтели того, что послѣдняя дѣлаетъ это добровольно [1]). Кромѣ того, обычай общаго владѣнія со временемъ превратился лишь въ пожизненное владѣніе сообща подъ опекой и управленіемъ мужа, такъ какъ послѣ смерти жены все ея имущество переходило въ ея родъ [2]). Такимъ образомъ, народные обычаи «выкупа невѣсты», «утренняго дара» и «вдовьей доли» постепенно превратились въ обычное право со строгой законодательной формой. До V-аго ст. эти права распространялись только на движимое имущество (скотъ, хозяйственный инвентарь, деньги), такъ какъ женщины, какъ существа слабыя, не могли съ оружіемъ въ рукахъ защищать единственное въ то время недвижимое имущество—землю. Но уже съ VI-ого столѣтія, съ преобразованіемъ разныхъ германскихъ племенъ въ болѣе прочныя государства съ опредѣленной государственной охраной извнѣ и надежными законами внутри, этотъ аргументъ самъ собою палъ; къ концу этого вѣка мы видимъ, что по лангобардскимъ, саксонскимъ и бургундскимъ законодательнымъ книгамъ, въ случаѣ смерти отца, за неимѣніемъ сына, наслѣдницей всего имущества признается женщина—дочь [3]). Если имѣлся и сынъ, то онъ становился единственнымъ обладателемъ недвижимаго состоянія, всю же движимость отцовскаго дома и хозяйства наслѣдовала дочь. Однако еще долгое время послѣ признанія женщины полноправной владѣлицей недвижимой собственности, пользованіе таковой допускалось закономъ лишь подъ опекой мужа; въ средніе вѣка эта опека перешла въ руки государства въ видѣ особаго правительственнаго учрежденія [4]).

Приданое. Что у германскихъ народовъ уже издревле велся обычай,

---

[1]) *Kraut.* Vormundsch. I. 282.
[2]) *Stammler.* 8.
[3]) Leg. Liutpr. I. 1. 4.—L. Alam. 57—L. Burg. XIV. 1.—L. Saxon. 44. 46.
[4]) Stammler. 38.

отдавая дочь замужъ, обезпечивать ее приданымъ, лучше всего указываютъ намъ слова: boldbreng, bruetscat, fletjeve, heimgiöf, heimanfylgja, hêmfärdh, medhfylgdh, heimanmundr, heimstiur, histiur, ingedôm и пр.[1]) аналогичныя слову «*Mittgift*» — приданое и встрѣчающіяся въ древней письменности почти всѣхъ германскихъ народовъ. Приданое всегда составляло нераздѣльное имущество жены и даже въ большинствѣ случаевъ, какъ это мы видимъ изъ законодательныхъ книгъ фризовъ и остготовъ, находилось подъ опекой не мужа, а родственниковъ жены [2]). По смерти жены прямыми наслѣдниками ея были дѣти, въ случаѣ же бездѣтности — ближайшіе ея родные, изъ коихъ первенство принадлежало не отцу, а матери, хотя бы приданое было выдѣлено изъ отцовскаго имущества [3]). Мужъ ни въ какомъ случаѣ не наслѣдовалъ приданаго своей умершей жены [4]); при жизни же она не отвѣчала своимъ имуществомъ за долги мужа и семьи, хотя бы эти долги были сдѣланы ради семейныхъ нуждъ [5]). По остготскимъ законодательнымъ книгамъ мужу предоставлялось расходовать приданое жены лишь въ двухъ случаяхъ: 1) во избѣжаніе голодной смерти (если имущество мужа уже все распродано) и 2) на выкупъ жены изъ непріятельскаго плѣна. Однако въ первомъ случаѣ израсходованное приданое впослѣдствіи должно было быть возвращено [6]).

Съ начала христіанства до реформаціи.

> «Если женщины принимаютъ ученіе Евангелія, то онѣ гораздо сильнѣе и ревностнѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчины, и гораздо крѣпче держатся ея».
>
> (Лютеръ).

Значеніе древне-германскаго міра для христіанскаго Запада. Древняя Германія, съ ея сильнымъ здоровымъ народомъ и выработаннымъ обычнымъ правомъ дала христіанству благодарную почву для вліянія на остальные народы, и соединеніе этихъ двухъ началъ —

---

[1]) Grupen de uxore theot. 125.
[2]) „Til baetra ok egh til saembra"—Östgötal. giptab. 14, 1.
[3]) Grâg. arfath. 2.—Gutal. 20. 18.—Östgötal. giptab. 7.
[4]) Brockem. ges 136 a, 16.- Weist. 1, 147.
[5]) Gulath. 115.—Hâkonarb. 73.
[6]) Östgötal. giptab. 14, 1.

древне-германскаго и христіанскаго было необходимо и спасительно какъ для той, такъ и для другой стороны. Въ то время какъ въ германскомъ мірѣ подъ вліяніемъ христіанства обуздывалась дикая суровость личности, смягчалось гордое упрямство и облагораживалось сердце, въ христіанствѣ, благодаря слiянію съ германскими обычаями, сохранился принципъ свободы и субъективности, начавшій все болѣе и болѣе затушевываться, такъ какъ римское духовенство изгоняло все, носившее свѣтскій характеръ, какъ нѣчто грѣховное. Только при такомъ компромиссѣ со стороны Церкви христіанство могло найти доступъ у германцевъ, высоко чтившихъ принципъ свободы и привязанныхъ къ своему строю жизни. Но и за всѣмъ тѣмъ новому ученію не легко было утвердиться у этихъ народностей; еще въ 782 году всѣ племена фризовъ и саксонцевъ поднялись, чтобы свергнуть съ себя чуждую религію. Даже тамъ, гдѣ христіанство пустило уже глубокіе корни, церковное законодательство долго не могло добиться полнаго господства, въ особенности въ своихъ постановленіяхъ о *causa matrimonialis*; даже съ институтомъ смѣшанныхъ браковъ оно не могло ничего подѣлать до новѣйшаго времени. Такимъ образомъ и бракъ долгое время заключался только черезъ диспензацію и установленную германскимъ законодательствомъ «*куплю*», пока, наконецъ, на его мѣсто не стало церковное благословеніе чрезъ посредство священника. Точно такъ же и принципъ свободнаго развода по взаимному соглашенію и вообще по причинамъ, не предусмотрѣннымъ церковнымъ закономъ, оставался много времени въ полной силѣ.

Распространеніе христіанства въ германскомъ мірѣ шло двумя, совершенно самостоятельными и независимыми другъ отъ друга путями. Съ одной стороны, оно распространялось женщиной-германкой и въ этомъ видѣ являлось силой освобождающей, ученіемъ, развивающимъ духовную сторону жизни, стремленіе къ помощи ближнему и словомъ, и дѣломъ. Оно твердо усвоялось принявшими его, такъ какъ передавалось или съ малолѣтства матерью, или любящей женщиной, которая и раньше облагораживающимъ образомъ вліяла на грубую натуру мужчины благодаря своему духовному превосходству надъ нимъ. Съ другой стороны, носителями христіанства были представители римской Церкви, и вліяніе его этимъ путемъ было отрицательное, такъ какъ проводилось рядомъ грубыхъ насилій, служившихъ духовенству средствомъ для достиженія его властолюбивыхъ стремленій.

Духовные проповѣдники старались прежде всего вліять на начальниковъ и правителей, соблазняя ихъ всѣми выгодами новой религіи, которую представляли какъ орудіе неограниченной власти надъ народомъ, народу же обѣщая небесныя блага за страданія на землѣ. Въ такой окраскѣ христіанство охотно принималось властолюбивыми вождями, дѣлая изъ нихъ фанатиковъ и разжигая и оправдывая ихъ хищные инстинкты, а затѣмъ уже силою меча и самыхъ звѣрскихъ пріемовъ распространялось въ массѣ. Лучшимъ примѣромъ сказаннаго можетъ служить Хлодвигъ, который послѣ своего обращенія въ христіанство сталъ еще кровожаднѣе прежняго; Церковь же признала его святымъ. Турскій епископъ Грегоръ, описывая всѣ злодѣянія Хлодвига, заканчиваетъ свою хронику словами: «день за днемъ Господь побѣждалъ его (Хлодвига) враговъ и увеличивалъ его государство, потому что онъ былъ благочестивъ сердцемъ, что было пріятно Господу». («...prosternebat enim quotidie deus hostes ejus sub manu ipsius et augebat regnum ejus, quod ambularet recto corde coram eo et faceret quae placita erant in oculis ejus». H. F. 1, 2, c. 40). Мы видимъ, что еще при Людовикѣ существовалъ обычай крестить на пасху разныхъ германскихъ вождей, которые привлекались къ этому цѣнными для нихъ подарками въ видѣ меча и бѣлаго плаща, ради которыхъ многіе принимали крещеніе по нѣскольку разъ. Если еще припомнить тѣ насилія, съ помощью которыхъ распространялось христіанство при Карлѣ Великомъ, то будетъ понятно, что офиціальнымъ распространителемъ христіанскаго ученія въ Германіи было не нравственное воздѣйствіе духовенства, а мечъ и подкупъ соблазнительными подарками и преимуществами.

Борьба папства съ короной. Здѣсь, какъ и во Франціи, Церковь пыталась захватить въ свои руки и свѣтскую власть и вліяніе на внутреннюю политику, но потерпѣла неудачу, въ силу чего духовенство внутри страны осталось безъ всякаго политическаго вліянія и коронѣ пришлось считаться только съ Римомъ. Послѣ Карла Великаго римскій папа утратилъ все свое вліяніе въ Германіи и даже самое его избраніе нуждалось въ утвержденіи императора; болѣе же энергичные и сильные императоры, какъ, напр., Генрихъ III Франконскій, сами назначали папъ изъ нѣмецкихъ епископовъ. Такъ было до XI-аго вѣка, когда завязалась долгая борьба германской короны съ папствомъ, тѣсно связанная и съ отношеніемъ императорской власти

*

къ княжеской. Извѣстная въ исторіи подъ частнымъ названіемъ *спора за инвеституру*, борьба эта, начавшаяся при двухъ послѣднихъ франконскихъ императорахъ, разрослась впослѣдствіи до громадныхъ размѣровъ, принявъ характеръ борьбы духовной власти со свѣтской, Церкви съ государствомъ. Она охватила почти всю западную Европу и привела въ концѣ концовъ къ такимъ важнымъ послѣдствіямъ для культурнаго ея развитія, что явленіе это по справедливости можно считать центральнымъ въ средневѣковомъ періодѣ романо-германскаго міра.

Въ борьбѣ своей со свѣтскими князьями императоры опирались на духовныхъ князей, ими созданныхъ и вполнѣ отъ нихъ зависѣвшихъ. Упустить эту силу изъ рукъ и предоставить ее въ полное распоряженіе папы было для императоровъ равносильно отказу отъ государственнаго объединенія Германіи—отъ имѣвшейся въ виду неограниченной наслѣдственной монархіи на древне-римскій ладъ, отъ всѣхъ плановъ будущаго величія. Но и для папъ оставить національныя церкви во власти государей значило то же, что отречься отъ всѣхъ вѣковыхъ стремленій къ церковному единовластію и допустить симонію съ тѣми вопіющими злоупотребленіями и скандалами, которые она влекла за собой.

Отсюда ожесточеніе борьбы между Григоріемъ VII и Генрихомъ IV, колебанія въ ея успѣхахъ съ той и другой стороны и неопредѣленность результатовъ. Послѣ самыхъ рѣзкихъ превратностей судьбы оба противника умерли въ самый разгаръ борьбы—Григорій въ изгнаніи, а Генрихъ—въ войнѣ съ собственнымъ сыномъ, возставшимъ противъ него по наущенію папы Пасхалія II. Споръ кончили уже ихъ преемники—императоръ Генрихъ V и папа Каликстъ II—да и то не торжествомъ какого-нибудь одного изъ принциповъ—государственнаго или теократическаго,—а лишь компромиссомъ обоихъ. Сдѣлка эта, извѣстная подъ именемъ *Вормскаго конкордата* и заключенная въ 1122 году состояла въ томъ, что императоръ отказался отъ назначенія на церковныя должности своихъ кандидатовъ, но удержалъ за собою право давать свободно избраннымъ и утвержденнымъ папою прелатамъ инвеституру, т. е. ленный надѣлъ землями и верховными правами.

Но на этомъ борьба не кончилась. Лучшихъ представителей знаменитаго рода штауфеновъ—Фридриха I и, въ особенности, его

внука Фридриха II—Церковь имѣла полное основаніе считать своими злѣйшими врагами: всѣ штауфены, и Барбаросса больше чѣмъ кто либо изъ нихъ, были вполнѣ напитаны средневѣковыми идеями объ императорской власти, т. е. представляли ее себѣ не иначе, какъ въ видѣ верховнаго леннаго главенства надъ христіанскимъ міромъ и въ частности—надъ нѣмецкими князьями—главенства подобнаго тому, какое въ области религіозныхъ отношеній и интересовъ имѣли папы.

Сложившаяся сила вещей вскорѣ вовлекла даже вельфскаго императора во враждебныя отношенія къ римскому престолу, на которомъ въ то время возсѣдалъ величайшій изъ представителей папства—Иннокентій III, доведшій теократическую систему этого учрежденія до крайнихъ предѣловъ и настойчиво проводившій ея принципы въ своей всесвѣтной политикѣ. Такому могущественному первосвященнику не стоило большого труда подавить непокорнаго вельфа: едва онъ выставилъ противъ него своего юнаго питомца Фридриха II штауфена, какъ большая часть Германіи приняла сторону послѣдняго; оставленный Оттонъ должень былъ уступить ему мѣсто и умеръ въ безсилiи въ 1218 г.

Тогда наступила знаменательная для Германіи и для всего романо-германскаго Запада эпоха Фридриха II, простирающаяся до половины XIII-аго вѣка и представляющая полный разгаръ и высшее напряженіе вѣковой борьбы имперіи съ папствомъ, или вообще государства съ Церковью. Споръ теперь уже не ограничивался какимъ-нибудь частнымъ предметомъ несогласія хотя бы и такимъ важнымъ, какъ нѣкогда вопросъ объ инвеститурѣ: дѣло шло уже вообще о первенствѣ свѣтской или духовной власти,—о томъ, быть папѣ владыкой государей и дажа самого императора или же власть его должна исключительно ограничиться высшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ церковныхъ. Отъ того или другого рѣшенія зависѣла свобода или порабощеніе западно-европейской мысли, прогрессъ или застой романо-германской цивилизаци.

Фридрихъ II, человѣкъ высокаго образованія, даровитый законодатель, поэтъ и рыцарь, былъ личностью долеко не безупречной: пылкій темпераментъ, сластолюбіе, скептицизмъ, сильное пристрастіе къ сарацинской образованности и нравамъ составляли темныя стороны его характера. Тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ честь борьбы съ папами Григоріемъ IX и Иннокентіемъ IV, въ которой онъ муже-

ственно отстаивалъ независимость государства и всего свѣтскаго общества отъ грозившаго имъ теократическаго порабощенія и даже имѣлъ въ виду вовсе лишить папство неподобающихъ ему свѣтскихъ владѣній и правъ. Въ этомъ отношеніи онъ далеко опередилъ свой вѣкъ и потому не встрѣтилъ въ обществѣ надлежащаго сочувствія и поддержки. Фридрихъ боролся до конца дней своихъ и умеръ, не побѣжденный ни несчастіями, ни измѣной многихъ своихъ приверженцевъ. Возбужденный штауфенами свободный антиклерикальный духъ не погибъ вмѣстѣ съ ними, но съ ихъ паденіемъ это вѣковое теченіе нѣмецкой исторіи измѣняется. *Церковь въ союзѣ съ нѣмецкими князьями одержала въ половинѣ XIII-аго вѣка полную побѣду*, а потому вмѣстѣ со своими союзниками пожала и всѣ плоды ея.

Великое междуцарствіе. Ближайшимъ послѣдствіемъ паденія штауфеновъ было разрушеніе всей обычной организаціи имперіи, всеобщая анархія и полное господство кулачнаго права или права сильнаго, такъ что это время (1254—1273) справедливо называется въ нѣмецкой исторіи «*Великимъ междуцарствіемъ*».

Начавшееся разложеніе имперіи обнаружилось тѣмъ, что Церковь присвоила себѣ право распоряжаться ея престоломъ, государственные вассалы стали смремиться къ роли независимыхъ территоріальныхъ государей, имперское рыцарство ударилось въ разбой. Прежнія общественныя связи рушились. Ни суда, ни управы не стало въ нѣмецкой землѣ. Покинутое верховной властью общество само искало средствъ оградить публичную безопасность, возстановить попранный законъ: частнымъ образомъ возникли *тайныя священныя судилища*, самовластно каравшія преступленія; образовались *союзы городовъ*, чтобы собственными силами защищать свою торговлю. Почти 20 лѣтъ продолжалось это смутное время, пока общая потребность въ какомъ-нибудь порядкѣ не заставила князей избрать національнаго главу государства [1]). Выборъ палъ на Рудольфа, графа Габсбургскаго, храбраго. Но собственно для Германіи всѣ послѣдующіе государи — съ

[1]) Номинальными королями ея одновременно считались *Ричардъ* герцогъ корнвалійскій, братъ англійскаго короля Генриха III, и *Альфонсъ X*, король кастильскій. Оба они были избраны небольшими партіями имперскихъ князей, оба затратили громадныя денежныя суммы на пріобрѣтеніе германской короны и оба не имѣли ровно никакого значенія въ Германіи. Ричардъ пріѣзжалъ раза три въ свое королевство, Альфонсъ же никогда не показывался въ немъ и ограничивался присылкой денегъ.

самыхъ временъ междуцарствія до исхода среднихъ вѣковъ—не сдѣлали почти ничего. Поглощенные своей родовой политикой, заботясь исключительно о своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, они обращали мало вниманія на нужды и общіе интересы Германіи.

Вступленіе германцевъ въ средніе вѣка. Германцы, какъ и славяне, появляются въ исторіи съ общественными идеалами, совершенно противоположными античнымъ. Вмѣсто полнаго подчиненія государству германцы впервые вносятъ въ исторію идеи личной независимости и личныхъ правъ человѣка; вмѣсто сплошныхъ, цѣльныхъ, однообразно организованныхъ государствъ, они постоянно обнаруживаютъ наклонность къ образованію союзовъ малыхъ государствъ, и федерація—любимѣйшая форма ихъ политической жизни. Но чувство этого индивидуализма никогда, однако же, не простиралось у германцевъ до сознанія полной независимости и равноправности всѣхъ членовъ общества, почему и германское общественное устройство носило преимуществу аристократическій характеръ.

Женское образованіе въ VII-омъ — VIII-омъ столѣтіяхъ. Что древнія германки еще во времена Тацита были грамотны и имѣли свою письменность, видно изъ его «книжки о положеніи, нравахъ и народахъ Германіи» (*de situ, moribus et populis Germaniae libellus*), въ которой упоминается, что германки вырѣзаютъ на деревѣ свои народныя легенды. Еще положительнѣе говоритъ объ этомъ одна древне-германская сага (Egilssage c. 80), въ которой дочь Торгерда проситъ своего отца передать ей словами скорбь свою объ умершемъ сынѣ, чтобы она могла вырѣзать эти слова на деревѣ и тѣмъ передать силу отцовскаго горя потомству въ назиданіе. Многіе объясняютъ слова «вырѣзать на деревѣ» («résta ó kefli») въ смыслѣ вырѣзыванія картины, изображающей одну изъ сценъ легенды. Но такое толкованіе неправильно: здѣсь идетъ рѣчь именно о рѣзьбѣ словъ, которыя у германцевъ вырѣзались на четырехгранныхъ гладкихъ деревянныхъ палочкахъ [1]), въ родѣ того, какъ у насъ въ Россіи неграмотные деревенскіе старосты, амбарщики или ключники отмѣчали на подобныхъ же палочкахъ («биркахъ») приходъ и расходъ. Эти памятники древне-германской письменности назывались «*Runenstäbe*» или просто «*Ru-*

[1]) Этому первобытному способу письменности готическій рукописный шрифтъ вѣроятно и обязанъ своей прямолинейной формой, какъ болѣе удобной для рѣзьбы ножомъ на граненыхъ палочкахъ

nen»; бѣдные дѣлали ихъ изъ дерева, а для богатыхъ они приготовлялись изъ слоновой кости и изъ мягкаго, поддающагося рѣзьбѣ камня.

Что между древними германками бывали женщины, сознававшія всю пользу образованія для самихъ себя и вліявшія и на образованіе мужчинъ, указываетъ намъ исторія остготскаго короля Аталариха. Мать его, дочь могущественнаго остготскаго короля Теодориха, призвала римскаго грамматика въ качествѣ учителя своего сына, а для воспитанія приставила къ нему трехъ старцевъ—готовъ, считавшихся мудрецами. Но готы, съ князьями во главѣ, воспитанные въ духѣ Теодориха, который считалъ образованность для мужчинъ вредною, такъ какъ ему надлежитъ владѣть мечомъ и копьемъ, а не книжной мудростью, — воспротивились этому; по ихъ настоянію мать со скорбью принуждена была уступить и вмѣсто грамматика и трехъ старцевъ приставить къ Аталариху мальчиковъ изъ знатныхъ родовъ, которые и сопровождали его во всѣхъ играхъ, какъ это было принято у готовъ [1]).

Въ VI столѣтіи мы уже встрѣчаемъ въ Германіи женскія монастырскія школы не для однѣхъ монахинь, но и для дѣтей мірянъ. Школы эти, называвшіяся «*Chorfrauenstifte*» и «*innere Klosterschulen*» имѣли уже извѣстную опредѣленную систему обученія. Епископъ Цесарій († 542 г.) требуетъ отъ монастырскихъ женщинъ — «Klosterfrauen» (не монахинь — «Nonnen») грамотности настолько, чтобы онѣ могли свободно читать церковныя книги [2]) и умѣли писать и переписывать книги, что онъ часто и поручалъ имъ [3]). Къ концу VI-ого въ VII-ого столѣтій существовали уже вполнѣ опредѣленныя требованія отъ монастырскихъ школъ, что мы и видимъ въ уставахъ монастырей св. Авреліана [4]), Донатуса [5]) и Леандра [6]). Въ VIII-омъ вѣкѣ особенно высоко стояла большая монастырская школа, организованная ревностнымъ распространителемъ христіанства въ Германіи, Майнцкимъ архіепископомъ св. Бонифаціемъ въ Бишофсгеймѣ. Находясь подъ непосредственнымъ покровительствомъ Бонифація и подъ руководствомъ извѣстной по своей образованности Ліобы, школа эта пользовалась

---

[1]) Procop. b. goth. 1, 2.
[2]) S. Caesarii Arel. episc. regula ad virg. c. 17.—Holsten-Brockie, cod. reg. I. 356.
[3]) Vita S. Caesar. episc. lib. I. c. 33.—Mab. Act. I. 646.
[4]) St. Aureliana episc. reg. ad. virg. c. 26.—Holsten-Brockie I. 372.
[5]) St. Donati Vesont. episc. reg. ad virg. c. 6. c. 20. 1. c. p. 380, 382.
[6]) St. Leandri Hisp. episc. reg. ad virg. c. 6. 1. c. p. 412.

такой славой, что разрослась до громадныхъ размѣровъ и сдѣлалась центральнымъ разсадникомъ серіознаго образованія женщинъ, какъ свѣтскихъ, такъ и посвятившихъ себя монашеству. Каждый женскій монастырь считалъ въ то время за честь имѣть настоятельницу или учительницу изъ Бишофсгеймской школы[1]). Программа этой школы была значительно шире прочихъ монастырскихъ школъ и имѣла своей задачей давать женщинѣ наиболѣе полное общее образованіе; кромѣ грамматики и духовной литературы преподавалась и свѣтская, что видно изъ закона 789 г., которымъ воспрещалось учащимся здѣсь сочинять пѣсни свѣтскаго содержанія[2]).

Кромѣ существовавшихъ уже въ то время женскихъ школъ, распространительницами болѣе основательнаго женскаго образованія въ Германіи явились англосаксонскія монахини, значительно опередившія нѣмокъ по своей образованности. Вліяніе ихъ на подъемъ образовательнаго уровня нѣмокъ особенно сильно сказалось въ XIII-омъ вѣкѣ въ Эльзасѣ, Тюрингіи и Баваріи[3]); благодаря постоянному ихъ паломничеству вліяніе ихъ распространилось затѣмъ и на остальную Германію[4]).

Педагогика IX-аго столѣтія. Уже въ началѣ IX-аго столѣтія вмѣстѣ съ заботой объ ученіи является вопросъ и о воспитаніи женщины. Такъ мы видимъ изъ уцѣлѣвшихъ до сего времени актовъ[5]) что въ извѣстномъ Аахенскомъ *institutio sanctimonialium* 817 года предписывается всѣмъ настоятельницамъ монастырей при воспитаніи дѣвушекъ руководствоваться письмомъ св. Іеронима о воспитаніи дѣвочки, «такъ какъ въ этомъ письмѣ—говорятъ составители instit. sanctim.—вѣрно

---

[1]) Rudolfi Vita St. Liobae c. 11. Mab. Act. S. S. III. 2. 227.—„In loco, qui vocatur Bischoffsheim, ubi non parvus ancillarum dei numerus collectus est, quae ad exemplum beatae magistrae, coelestis disciplinae studiis instituebantur, et in tantum doctrina ejus proficiebant, ut plures exillis postmodum magistrae fierent aliarum: *ita, ut nulla, aut etiam rara* in illis regionibus essent monasteria feminarum. quae non discipularum ejus magisteria desiderent".

[2]) Sachsensp. I. 24. 3.—*Grimm.* Rechtsalterthümer, 577—583.

[3]) Vita S. Odiliae abb. Hoemburg. c. 16, Mab. Act. S. S. III. 2. 447.

[4]) Othloni Vita S. Bonifatii. Jaffé, Bibl. R. G. III. 490.—„Chunihilt et filia ejus Berthgit, valde eruditae in liberali scientia, in Turingorum regione constituebantur magistrae; Chunitrud in Baivariam destinata est, ut verbi divini semina ibidem spargeret; Teclam vero juxta fluvium Moin, in locis Kizzinga et Ohsnofurt nuncupatis, collocavit".

[5]) Consil. Aquisqr. a. 817 de instit. sanctimon. c. 22.—Schannat-Hartzheim. Conc. Germ. I, 537.

и точно опредѣленъ образъ воспитанія маленькой дѣвочки». Это письмо св. Іеронима служило катехизисомъ воспитанія не только для школъ, но и для матерей знатнаго рода, воспитывавшихъ своихъ дочерей дома [1]).

Что св. Іеронимъ заботился не объ одномъ только механическомъ обученіи чтенію духовныхъ книгъ (какъ это еще многіе и теперь предполагаютъ), но и о развитіи въ дѣвочкѣ этической стороны для воспріятія прочитаннаго умомъ и сердцемъ, доказываетъ та строгость и опредѣленность, съ которой онъ рисуетъ пріемы обученія ребенка, дабы сохранить въ немъ любовь къ ученію. Такъ, напр., онъ пишетъ:—«При первомъ пріемѣ учащейся слѣдуетъ дать вырѣзанныя изъ дерева и слоновой кости буквы, дабы она могла понять ихъ употребленіе играя ими...» и далѣе: «Когда она начнетъ дрожащей рукой выводить буквы грифелемъ по восковой доскѣ, то на первое время слѣдуетъ водить ея нѣжную ручку, или же слѣдуетъ буквы глубоко начертать на восковой доскѣ, чтобы она могла водить грифелемъ по начертаннымъ буквамъ, не выходя изъ нихъ. При составленіи слоговъ слѣдуетъ ее поощрять подарками. Полезно, чтобы при ученіи и другія дѣти принимали участіе, этимъ вызывается соревнованіе и успѣхъ въ ученіи. Если она нѣсколько лѣнива, то слѣдуетъ не бранить, а ободрять словами, которыя заставили бы ее радоваться, когда она опережаетъ, и печалиться, когда она отстаетъ отъ другихъ; но главнымъ образомъ нужно строго слѣдить, чтобы она не получила отвращенія къ ученію, что останется на все послѣдующее время ея жизни. Имена и слова, которыя она впослѣдствіи будетъ составлять, должны быть не случайныя, а подобранныя съ извѣстной цѣлесообразностью...» Затѣмъ: «Въ воспитательницы слѣдуетъ выбирать пожилую, заявившую себя своей нравственностью и способностью женщину, которая могла бы дѣйствовать воспитательно не только словами, но и всѣмъ своимъ обращеніемъ и личнымъ примѣромъ» [2]).

Женская образованность въ X-омъ столѣтіи. Росвита. X-ое и XI-ое столѣтія справедливо должны считаться самой цвѣтущей эпохой классической образованности германской женщины до реформаціи. Въ X-омъ столѣтіи незнаніе женщиной (высшаго класса) латинскаго

[1]) *Vincent von Bauvais.* Hand-u. Leerbuch f. Kgl. Prinzen K. 43 ed. F. Schlosjer. Francfurt, 1819, I, 201.

[2]) Hieronym. epist. ad. Lactam c. 4. opp. ed. Miggne XXII, ep. 107.

языка и римскихъ писателей было рѣдкимъ явленіемъ[1]). Женщины не только свободно владѣли этимъ языкомъ и изучали классиковъ, но даже довольно часто сами составляли акты на латинскомъ языкѣ [2]). Примѣромъ женской образованности того времени лучше всего можетъ служить знаменитая Росвита[3]).

Росвита (*Hrodsuit* или *Hrotsvithae*), монахиня Гандерсгеймскаго монастыря, получивъ тщательное образованіе, въ совершенствѣ владѣла латинскимъ языкомъ и передѣлала въ христіанскомъ духѣ комедіи Теренція [4]). Она была близка къ императорскому семейству и пользовалась особымъ покровительствомъ аббатиссы Герберги, дочери Генриха Баварскаго, брата Оттона Великаго. Подвиги Оттона побудили Росвиту написать историческую поэму, въ которой она описала всѣ выдающіяся событія его правленія; стихотворная форма здѣсь не болѣе какъ внѣшность — авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ поэтическихъ вымысловъ и вольностей. Хотя Росвита, какъ настоящая придворная женщина, очень сдержанно говоритъ о событіяхъ въ императорскомъ семействѣ, однако она даетъ такія интересныя свѣдѣнія о важныхъ происшествіяхъ эпохи, напримѣръ о бѣгствѣ императрицы Аделаиды, объ италіанскомъ походѣ Оттона и его императорскомъ короновaніи, которыхъ напрасно мы стали бы искать въ другихъ современныхъ ей источникахъ. Менѣе значенія имѣетъ другое историческое стихотвореніе Росвиты, посвященное исторіи Гандерсгеймскаго монастыря, хотя и въ немъ попадаются интересныя свѣдѣнія по исторіи саксонской династіи и развитію религіозной и монастырской жизни въ Саксоніи.

Своими комедіями на латинскомъ языкѣ Росвита уже тогда пріобрѣла большую извѣстность и называлась не иначе какъ «свѣтлымъ голосомъ Гандерсгейма» (*clamor validus Gandershemensis*). И дѣйствительно, ея комедіи имѣли громадное культурно-нравственное значеніе для современной германской женщины, начавшей входить во вкусъ и познавать прелесть комедій Теренція и другихъ римскихъ писателей этого направленія. Произведенія эти еще долгое время въ значительной мѣрѣ поддер-

---

[1]) *Wattenbach.*—Deutschlands Geschichtsquellen I. 237.

[2]) Cod. lat. mon. 17, 142.—Zwei Handschriften der K. K. Hof. u. Staatsbibliothek, въ Sitzungsberichte d. K. Akademie d. Wissenschaft in München. 1873. III. 4, 714.

[3]) Hrotsvithae Vita S. Mariae praef. opp ed. Barack. Nürnberg, 1858, p. 3.

[4]) Hrotsvithae comoed. praef. opp. ed. Barack. p. 137.

живали женское образованіе въ болѣе строгомъ направленіи; вліянію этому содѣйствовало то, что Росвита далеко не была ханжей и проповѣдницей сухой морали, напротивъ считалась либералкой и ее по справедливости можно назвать первой крупной представительницей того типа писательницъ, которыхъ англичане обозначаютъ — *«blue-stockigsm»* («синій чулокъ»); лишь ея основательная образованность дала ей возможность, не отступая отъ своего направленія, дать столь серіозный вкладъ въ германскую литературу того времени, какъ въ педагогическомъ, такъ и историческомъ отношеніи.

Столь прославившаяся Росвита не была однако исключеніемъ въ то время по своему образованію, что доказываютъ намъ дочери герцога Генриха I Баварскаго—Гедвига и Герберга. Гедвига, съ малолѣтства знакомая съ греческимъ языкомъ, впослѣдствіи, оставшись молодой вдовой послѣ герцога Бургарда Швабскаго, изучила латинскій языкъ и владѣла имъ настолько, что свободно читала древнихъ классиковъ, изъ которыхъ любимыми писателями ея были Виргилій и Горацій. Кромѣ того, она обучала молодого Бургарда греческому языку [1]. Не менѣе основательно образована была ея сестра Герберга, аббатисса монастырской школы Гандерсгейма (957—1001 г), учительница Росвиты, которой послѣдняя и обязана была своими познаніями [2]. Въ то время женскія общины составляли главную силу классическаго образованія и служили разсадникомъ его въ подростающемъ поколѣніи обоего пола, такъ какъ туда отдавались въ обученіе и сыновья высшаго класса, готовившіеся къ духовному сану [3]. Насколько латинскій языкъ былъ въ то время общераспространеннымъ и считался необходимымъ аттрибутомъ образованія, указываетъ намъ предисловіе Росвиты къ ея комедіямъ, гдѣ она говоритъ: «Между нами есть много хорошихъ христіанокъ, которыя лишь вслѣдствіе влеченія къ языку образованности (латинскому) предпочитаютъ чтеніе безнравственныхъ языческихъ книгъ духовнымъ. Кромѣ того есть и такія, которыя, прилежно читая Евангеліе, въ то же время съ жадностью читаютъ и комедіи Теренція, восторгаясь формою изложенія, впитывая въ себя ядъ легкомыслія и безнравственности. Это побудило меня въ моихъ комедіяхъ (писанныхъ на латинскомъ языкѣ) насколько возможно подражать въ формѣ изложенія этому излюбленному у насъ

---

[1] Eckehardi IV. cas. S. Galli bei Pertz, Mon. II, 122—125.
[2] *R. Köpke.* Hrotsvith von Gandersheim. Berlin. 1869. s. 35.
[3] *Wattenbach.* Deutschland. Geschichtsquell. 217.

писателю съ тою лишь разницею, что вмѣсто похотливыхъ бабъ рисую достойныхъ уваженія женщинъ»[1]).

Времена Оттоновъ. Какъ мы видѣли, образованность германской женщины (говоря о знати) къ началу X-го вѣка стояла настолько высоко, что съ помощью англо-саксонскихъ монахинь уже въ самой Германіи приняла самостоятельный, не лишенный основательности характеръ. Къ концу этого столѣтія, т. е. ко времени Оттоновъ, серіозная классическая образованность германки достигла крайняго своего предѣла[2]). Въ это время введенъ былъ еще новый образовательный элементъ благодаря высокообразованнымъ иностраннымъ принцессамъ Адельгейдѣ Бургундской и Ѳеоѳаніи, принцессѣ Византійской, изъ которыхъ послѣдняя особенно славилась своимъ умомъ и выдающимся византійскимъ образованіемъ[3]). Съ Ѳеоѳаніей (женой Оттона II) привлечены были ко двору многіе византійскіе ученые, между которыми первое мѣсто занималъ знаменитый въ то время ученый Гербертъ, возведенный впослѣдствіи Оттономъ III на папскій престолъ подъ именемъ Силиверста II. Изъ политическихъ видовъ—желанія соединить Германію и Византію подъ одну корону—дворъ оказывалъ широкое покровительство византійской образованности и старался привить ее нѣмцамъ. Но этотъ элементъ въ дѣйствительности не подвинулъ впередъ женскаго образованія и не внесъ въ него въ сущности ничего основательнаго, положительнаго изъ того, что было присуще высокой византійской образованности. Между тѣмъ характеръ придворной жизни измѣнился: по-немногу привилась нравственная распущенность и легкомысліе, чему способствовали и толпившіеся при дворѣ Оттоновъ италіанцы.

Необразованность мужчинъ—сильнѣйшій проводникъ растлѣнія нравовъ. На ряду съ высокимъ интеллектуальнымъ уровнемъ женщины мы видимъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случайностей и немногихъ лицъ, подготовленныхъ къ духовному сану, почти сплошную безграмотность мужчинъ. Еще въ 1039 г. ученый капеланъ Конрада II совѣтуетъ королю издать принудительный законъ, чтобы дворяне посылали своихъ сыновей въ школу для обученія грамотѣ и законамъ государства[4]). То же полное невѣжество мужчинъ мы встрѣчаемъ и въ XII-омъ столѣтіи[5]), о

[1]) Hrotsvithae comoed. praef. opp. ed. Barack. p. 137.
[2]) Wattenbach. Deutschl. Geschicht. I, 237.
[3]) *Dümmler-Köpke*. Kaiser Otto d. Grosse. Leipz. 1876, 480.
[4]) Tetralog. въ honor. Heinric. III. (составл. 1041 г.).
[5]) *Wattenbach.*—Deutschl. Geschichtsq. 273. 2. A.).

немъ же свидѣтельствуютъ лѣтописи и послѣдующихъ XIII-аго и XIV-аго вв. [1]). Не говоря уже про массу, даже выдающіеся поэты XIII-аго и XIV-аго столѣтій были безграмотны въ буквальномъ смыслѣ, т. е. не умѣли читать и писать; свою поэзію они передавали устно, а записывали ее находившіеся при нихъ въ качествѣ письмоводителей монахи или окружавшія ихъ женщины. Такъ, напримѣръ, рыцарь-поэтъ Ульрихъ Лихтенштейнъ († 1275) десять дней носилъ любовное къ нему посланіе Агнессы Меранъ нечитаннымъ, потому что его секретарь находился въ отсутствіи. Извѣстный поэтъ графъ Гюго VIII Монтфорскій († 1423) также не умѣлъ ни читать, ни писать. Понятно, что при такой необразованности мужчинъ растлѣвающее вліяніе италіанской и византійской жизни нашло себѣ самую благодарную почву для развитія той грубой скотской необузданности, которою ознаменовало себя нѣмецкое рыцарство уже отъ конца XII-го столѣтія и до самаго исхода среднихъ вѣковъ. Введенный Оттонами зародышъ порчи нравовъ разросся въ особенности во время пребыванія нѣмцевъ на Востокѣ благодаря Крестовымъ походамъ: здѣсь германское рыцарство, проникшимъ развратомъ Востока, познакомилось и съ любовными пѣснями французскихъ трубадуровъ и съ болѣе пышной и похотливой жизнью ихъ повелительницъ.

Упадокъ женскаго образованія. Изученіе той эпохи показываетъ, что программа женскаго образованія все болѣе расширялась, а въ нѣкоторыхъ школахъ достигла въ XII-омъ столѣтіи объема тогдашняго университетскаго образованія, какъ, напр., въ школѣ Гогенбургскаго монастыря, гдѣ ученая аббатисса Рихлинта (1140—1167) преподавала ученицамъ такъ называемыя Septem artes liberales [2]) и славилась преподаваніемъ астрономіи, географіи и естественныхъ наукъ [3]). Тѣмъ не менѣе уже къ концу XI-аго и особенно въ началѣ XII-аго столѣтія умственный уровень женщинъ начинаетъ падать; латинскій языкъ вытѣсняется французскимъ, римскіе классики — французскими романами любовнаго характера, любовными пѣснями. Строгое воспитаніе замѣняется болѣе легкимъ, вмѣсто ученыхъ монахинь выписы-

---

[1]) *F. Wolf.* въ Denkschriften d. Wiener Akademie. XIII. 182.

[2]) Одна изъ ея ученицъ, Геррада Ландспергъ славилась своими основательными познаніями какъ въ четверопутіи, такъ и въ троепутіи.

[3]) Vita S. Odiliae († 720) abb. Hoemburg. c. 17 (script. s. XI) Mab. Act. SS. II, 2, 448.—*Engelhardt.* Herrad von Landsperg. Stuttgart. 1818. 27.

ваются въ качествѣ воспитательницъ француженки, которыхъ называли въ Германіи «*Zuchtmeisterinnen*»[1]), а иногда воспитаніе дочери поручается странствующему музыканту, отличившемуся свѣтскими манерами[2]); въ лучшемъ случаѣ дочь, достигшую извѣстнаго возраста, посылаютъ оканчивать свое воспитаніе ко двору. Для обученія французскому языку выписывались учителя изъ Франціи[3]). Любимымъ занятіемъ образованной семьи сдѣлалось чтеніе французскихъ любовныхъ романовъ вслухъ, при чемъ чтеніе, въ большинствѣ случаевъ, поручалось молодой, часто только что вышедшей изъ дѣтскаго возраста, дочери[4]). Француженка во всемъ стала образцомъ для нѣмецкихъ знатныхъ дамъ[5]). Какъ всегда спросъ вызываетъ предложеніе, такъ и тогда тотчасъ же нашлись писатели, которые какъ въ поэзіи, такъ и въ романахъ начали подражать легкому пошибу французскихъ произведеній. Такъ, нѣкій Томасинъ Цирклари не стѣсняясь высказываетъ увѣренность, что книга его «*Der Welsche Gast*» будетъ читаться всѣми женщинами, потому что отвѣчаетъ ихъ похотливымъ требованіямъ[6]). На нѣмецкомъ языкѣ появились даже разныя «книги комплиментовъ», которыми молодыя дѣвушки зачитывались[7]), а такія творенія, какъ «Der Welsche Gast» читались вслухъ въ семьяхъ[8]).

Первый зачатокъ паденія нравовъ безспорно былъ внесенъ въ Германію привлеченіемъ ко двору Оттоновъ италіанцевъ и другихъ иноземцевъ съ ихъ болѣе легкими нравами. Но благодаря солидной образованности и высшему умственному развитію женщинъ семья еще долгое время оставалась нетронутой, и развратъ легко поддавшихся деморализующему вліянію иноземныхъ нравовъ мужчинъ переносился на красавицъ изъ крѣпостного и вообще подневольнаго класса. Болѣе 150 лѣтъ классическая образованность германки охраняла семью отъ разложенія; но съ перемѣной духа воспитанія, съ замѣной латинскаго языка—французскимъ, классическихъ писателей—фран-

---

1) *A. Schultz.* Das höfische Leben. 1, 122.
2) *Gottfried von Strassburg.* Tristan, стихъ 7,966 (1, 266).
3) Berthe ed. P. Paris Paris. 1832 p. 10.
4) *Bechstein* въ Deutsche Klassiker d. Mittelalters. Lipz. 1869. VI. 223.
5) Ulrich v. dem Türlin. Wilchelm d. Heilige, ed. Casparson. Kassel. 1781. 99.
6) Thomasin. Der Wälsche Gast. v. 127 ed. Rückert, въ Bibliothek d. gesammten deutschen Nationallitteratur. Quedlinburg, 1852. XXX, 4.
7) *A. Schultz.* Das höfische Leben z. Zeit d. Minnesinger. Leipz. 1879. I. 155.
8) Li chevaliers as des especs. ed. W. Förster. Halle 1877. стихъ 4,272, стр. 134.

цузскими поэтами, воспѣвавшими любовь и эмансипацію плоти, интеллектуальный уровень женщины началъ падать, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно распались и семейныя основы.

Почти до XII-аго столѣтія мать-аристократка еще сама кормила своего ребенка, не довѣряя его кормилицѣ-рабынѣ, сама вела воспитаніе дочери и—до извѣстнаго возраста—сына. Но уже съ XII-аго вѣка все чаще раздаются жалобы моралистовъ на то, что матери перестаютъ заботиться о своихъ дѣтяхъ, поручая ихъ наемной кормилицѣ или рабынѣ или же кормя ихъ коровьимъ молокомъ черезъ рожокъ [1]). Этому уклоненію отъ прежнихъ обычаевъ немало способствовало и духовенство, которое изъ своихъ цѣлей давно старалось вывести изъ обычая кормленіе ребенка матерью [2]). О дальнѣйшемъ извращеніи воспитанія дѣвочки мы уже говорили. Все это вырабатывало въ подростающемъ поколѣніи воспріимчивый матеріалъ для эмансипаціи плоти.

Съ ослабленіемъ нравственныхъ основъ семьи измѣнились и отношенія членовъ ея. Прежній отецъ—патріархъ семьи, совмѣстно съ женой, главенствовавшій въ ней, превратился теперь въ деспота, который изъ предосторожности надѣвалъ на жену поясъ цѣломудрія, дочь продавалъ за деньги, а самъ предавался полному разгулу грубыхъ страстей подъ разными поэтическими приправами, называвшимися «рыцарской поэзіей». Древній обычай не отдавать дочерей замужъ ранѣе зрѣлаго возраста (18—20 лѣтъ) рухнулъ; вступленіе 13—14-ти лѣтней дѣвочки въ бракъ стало зауряднымъ явленіемъ [3]). Вошли въ обычай и разводы. Несмотря на быстроту, съ которой разрушались семейныя начала, предшествовавшая солидная образованность женщинъ еще довольно долго и въ XII-омъ вѣкѣ служила оплотомъ нравственныхъ устоевъ, что лучше всего доказываетъ законъ Генриха VI, которымъ опредѣлялось для всѣхъ сословій *отдавать, въ случаѣ развода, сыновей и дочерей матери, а не отцу, даже если бы мать была подневольной* [4]).

---

[1]) Jnglingasaga. c. 29. —Gute Frau 1671.—Thomas Platter. Selbstbiographie. 4.

[2]) Англо-саксонскій апостолъ Августинъ предложилъ папѣ Григорію вопросъ: „*post quantum temporis mulieri enixae vir suus possit in carnis copulatione conjuge*“? Папа отвѣтилъ: „*ad ejus concubitum vir suus accedere non debet, quoadusque qui gignitur ablactetur*“ (*Beda h. eccl.* 1, 27).

[3]) *Kraut.* Vormundschaft. 1. 123—132.

[4]) *Lippert* Jul. Geschich. d. Famil. 81.

Уже во времена Тацита похищеніе женщины у германцевъ считалось дѣломъ позорнымъ и наказывалось смертью; по древнему законодательству вестготовъ похитившій женщину наказывался публично 200 ударами плетью и дѣлался пожизненно невольникомъ похищенной, все же имущество его переходили въ ея собственность [1]). До XII-аго столѣтія, т. е. до возвращенія рыцарей съ Крестовыхъ походовъ, похищеніе женщины считалось позоромъ. По возвращеніи же ихъ съ Востока, похитить женщину изъ замка или у мирныхъ городскихъ жителей даже безъ серіозной цѣли жениться на ней—стало дѣломъ обычнымъ и признакомъ особаго удальства. Изъ лѣтописи города Гамбурга мы видимъ, что до XIII-аго столѣтія не было случаевъ похищенія женщинъ, а со второй половины этого вѣка, а именно въ 1270 году, городъ, вслѣдствіе частыхъ попытокъ расходившихся рыцарей, вынужденъ былъ издать законъ, по которому такіе поступки наказывались смертной казнью [2]).

Грубая проповѣдь эмансипаціи плоти, воспѣвавшаяся въ благозвучныхъ рыцарскихъ поэмахъ XII-аго и XIII-аго столѣтій въ родѣ, напр., «Roman de la Rose» [3]) и др., поглощалась нѣмками съ такой жадностью, что тлетворныя послѣдствія ея обнаружились въ самой рѣзкой формѣ. Развратъ распространился во всемъ обществѣ. Женщины не стѣсняясь награждали своихъ поклонниковъ «одной ночью безъ всякихъ дальнѣшихъ правъ и притязній». Подобно римскимъ матронамъ онѣ посѣщали самые кровавые турниры, превзошедшіе по своей жестокости кровавыя зрѣлища въ Римѣ: тамъ это былъ по преимуществу бой быковъ, здѣсь же бились рыцари на жизнь и смерть. Такъ, на одномъ турнирѣ въ Нейсѣ близъ Кёльна въ 1241 г. была убито *шестьдесятъ* благород-

[1]) L. Wisigoth. III. 3, 1–4.

[2]) Hamburger Stadtrecht 1270, X, 4 —Lappenberg 1. 62.

[3]) Образчикомъ могутъ служить слѣд. строки этого произведенія:

„Nature n'est pas si sote
Qu' ele feist nestre Marote
Tant solement por Robichon,
Se l'entendement i fichon,
Ne Robichon por Mariete
Ne por Agnès, ne por Perrette
Ains nous a fait, biau filz n'en doutes
Toutes por tous et tous por toutes,
Chascune por chascun commune
Et chascun commun por chascune“.

ныхъ рыцарей, побѣдители были награждены ихъ дамами и предавались разгулу и оргіямъ.

Нравственное состояніе германской знати въ XIII-омъ и XIV-омъ вѣкахъ лучше всего рисуетъ намъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ въ своемъ «Frauenbuch» [1]) (который по справедливости можетъ считаться первымъ проявленіемъ женскаго вопроса въ германской литературѣ). Книга написана діалогами. Для характеристики достаточно привести его укоръ женщинѣ и ея отвѣтъ на него (стр. 611—614): «Wenn die Liebe nicht in alter Reinheit bestehe, so trage auch dieses die Schuld, dass sehr viele Frauen sie um Geschenke oder gar um Geld verkaufen, und welche ihre Gunst nicht feil gebe, die werfe sie an einen gemeinen Knecht weg». Женщина ему отвѣчаетъ (стр. 614—616): «Wie könne sich ein Weib ihnen ergeben, da man wisse, welche unnatürliche Laster [2]) unter ihnen wucherten». При подобномъ растлѣніи нравовъ съ паденіемъ семейной жизни, должна была пошатнуться и жизнь государственная. Хищническіе инстинкты рыцарства, прорвавшись изъ рамокъ семьи и государства, разлились потокомъ по всей странѣ въ видѣ рыцарскихъ разбоевъ, которыми такъ богата исторія Германіи въ среднихъ вѣкахъ. Этими разбоями еще рѣзче выразилась грубость германскаго рыцарства въ сравненіи съ французскимъ и съ интеллигенціей Италіи.

Духовенство. Послѣ офиціальнаго обращенія германцевъ въ христіанство духовенству, устраненному въ Германіи отъ политической дѣятельности, важно было найти себѣ опору въ самомъ народѣ. Орудіемъ для достиженія этой цѣли оно избрало женщину, какъ болѣе развитой элементъ, могущій оказывать сильное вліяніе на стоящаго ниже ея по умственному уровню мужчину. Однако здѣсь, какъ и во Франціи, женщина оказалась слишкомъ самостоятельной умственной силой, чтобы оставаться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства; это доказываютъ уже образовавшіяся въ Германіи въ значительномъ числѣ женскія духовныя «общины» (Frauenstifte), стоявшія, въ отличіе монастырей (Klöster), совершенно независимо отъ духовенства. Не пользуясь никакой поддержкой со стороны правительства, духовенство принуждено было вступить въ непосредственную борьбу съ самостоя-

---

[1]) Ulrich v. Lichtenstein. edit. Lachmann. 594—660.

[2]) Апостолъ Павелъ. Послан. къ Римлян. гл. I. ст. 27.

тельно мыслившими женщинами, съ этими тѣсно сплоченными общинами, которыя являлись разсадникомъ образованія и въ свѣтской средѣ. Оно прибѣгло къ грубому насилію и вторглось въ гражданскія права женщины съ цѣлью униженія ея закономъ. Высшее духовенство, князья Церкви, находившіеся въ хорошихъ житейскихъ отношеніяхъ со свѣтскими князьями, стали доказывать несправедливость древне-германскаго закона, по которому жизнь женщины (въ случаѣ убійства) цѣнилась вдвое и даже втрое выше жизни мужчины, и настолько успѣло въ этомъ, что законъ былъ измѣненъ въ пользу мужчинъ; точно такъ же и въ имущественномъ отношеніи женщина была поставлена въ бо́льшую зависимость отъ мужа. Далѣе—духовенство добилось вторженія закона въ семейную жизнь, и у женщины отнято было право самой кормить ребенка грудью безъ разрѣшенія на то мужа. Это послѣднее постановленіе существуетъ и понынѣ, составляя темное пятно въ германскомъ правѣ [1]).

Сблизившись съ князьями свѣтскими князья Церкви по образу жизни ничѣмъ не отличались отъ первыхъ и не отставали отъ нихъ по безнравственности и разгулу. Эти качества переходили отъ высшаго духовенства къ прочему, заражая весь клиръ вплоть до монашества, которымъ развратъ разносился какъ эпидемія по всей странѣ. Достаточно припомнить, что Люттихскій епископъ, считавшійся однимъ изъ нравственнѣйшихъ въ свое время, въ 1273 году за трапезой съ друзьями хвалился своей скромной жизнью, имѣя для своей забавы лишь одну красавицу аббатиссу и получивъ за послѣдніе два года отъ разныхъ женщинъ только 14 человѣкъ дѣтей. Спеціальные термины «*Pfaffenmetzen*» и «*Pfaffenkinder*», которыми съ XI-аго вѣка обозначались извѣстнаго рода женщины и незаконнорожденныя дѣти духовенства, ясно характеризуютъ нравственный уровень клира. Проникшій въ монастыри и духовные ордена развратъ доведенъ былъ здѣсь до крайняго предѣла. Изъ офиціальныхъ актовъ («*Strafacten des Marienburger Ordenshauses*») мы узнаемъ, что духовенство насиловало не только взрослыхъ женщинъ и дѣвушекъ, но даже 9—12-ти лѣтнихъ дѣтей и довело развратъ до того, что вынудило настоятелей не держать въ предѣлахъ монастырей животныхъ-самокъ. Отсюда къ концу XIV-аго и въ XV-омъ столѣтіи развратъ проникъ и въ женскіе мо-

---

[1]) Benfey-Schuppe—„Die Frauenfrage u. d. Christenthum". s. 20.

пастыри, состоявшіе подъ опекой Церкви. Многіе изъ нихъ, какъ, напр., женскій монастырь въ Кирхгеймѣ, представляли изъ себя настоящіе дома терпимости. Лишь нѣкоторые женскіе монастыри, бывшіе очагами серіознаго образованія и сдѣлавшіеся высшими женскими школами (Гандерсгеймскій, Бишофсгеймскій, Кведлинбургскій и др.) остались незапятнанными до самаго конца ихъ существованія; но число подобныхъ монастырей уже къ концу XV-аго столѣтія было весьма незначительно.

Возникновеніе городовъ. Въ Германіи, какъ и вездѣ, первые зачатки развитія профессіональной ремесленности возникли въ монастыряхъ и въ помѣстьяхъ «фальсахъ» князей. Такъ въ монастыряхъ сперва возникли ремесла, создававшія предметы первой необходимости, какъ то: обувь, платье, домашнюю утварь и т. п.; впослѣдствіи же развилось тамъ и изготовленіе предметовъ роскоши. Въ княжескихъ помѣстьяхъ подобныя работы дѣлались собственными мастерами изъ крѣпостныхъ и вообще людей подневольныхъ, обучавшихся ремесламъ въ монастыряхъ.

Вскорѣ монастырское, а также и помѣщичье ремесленное производство превысило потребность. Монахи первые нашли выходъ изъ этого положенія, устроивъ въ дни торжественнаго богослуженія торги на эти предметы. Торжища эти пріурочивались къ большимъ годовымъ праздникамъ, когда къ торжественнымъ мессамъ (*Messen*) стекалось много народу, отчего и назывались также *мессами*. То же произошло и въ княжескихъ помѣстьяхъ, гдѣ были введены періодическія мессы, рынки или ярмарки. Частое повтореніе подобныхъ ярмарокъ вблизи монастырей и на фальсахъ побудило ремесленниковъ, работавшихъ на нихъ и бывшихъ по большей части людьми или откупившимися отъ своихъ господъ, или состоявшими на оброкѣ, прочно основаться на жительство въ этихъ пунктахъ. Изъ такихъ поселеній вскорѣ образовались крупные торговые центры, превратившіеся потомъ въ города. Такимъ образомъ, еще въ VI-омъ—VII-омъ столѣтіяхъ возникли города: Бортвикъ, Магдебургъ, Эрфуртъ, Регенсбургъ, Лорхъ, Кёльнъ, Майнцъ, Тріэръ и Аугсбургъ, изъ которыхъ послѣдніе четыре — на мѣстахъ прежнихъ римскихъ колоній. Въ VIII-омъ и IX-омъ вѣкахъ образовались города: Страсбургъ, Вормсъ, Франкфуртъ, Вюрцбургъ, Бамбергъ, Фюртъ, Зальфельдъ, Мерзебургъ, Галле, Вѣна, Зальцбургъ, Цюрихъ, Базель, Оснабрюкъ, Бременъ, Гамбургъ и еще нѣкоторые другіе.

Съ теченіемъ времени города окрѣпли и вошли въ силу, такъ что

императоры саксонскаго и особенно франконскаго дома искали себѣ въ нихъ опору противъ князей. Города же, получая отъ императоровъ разныя льготы, вольности и права, становились подъ ихъ покровительство и защиту, дѣлались имперскими, т. е. зависимыми не отъ тѣхъ территоріальныхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ они находились, а непосредственно отъ короны, неся въ ея пользу свои повинности военныя и особенно денежныя. Но и эта перемѣна—такъ называемое освобожденіе городовъ—въ большихъ размѣрахъ стала развиваться уже въ XII-омъ вѣкѣ при императорахъ швабскаго дома; города въ то время добились полной независимости, имѣли свои суды и законы, свои монеты и свои торговыя права.

Бюргерство. Изъ ремесленниковъ, составлявшихъ коренное населеніе города, образовалось сословіе горожанъ—«бюргерство», которое раздѣлилось на два класса: мастеровъ и подмастерьевъ. Первые были патриціями города, сосредоточившими въ своихъ рукахъ городское управленіе, и образовали тѣсную корпорацію интеллигенціи города. Подмастерья составляли городской плебсъ; впослѣдствіи изъ нихъ образовался одинъ общій цехъ. Они находились въ зависимости отъ мастеровъ во многихъ отношеніяхъ: такъ, безъ особаго разрѣшенія послѣднихъ не имѣли права жениться, а такъ какъ получить это разрѣшеніе было крайне затруднительно, то семейные подмастерья представляли тогда большую рѣдкость[1]). Мастера, въ видахъ защиты своихъ интересовъ во внутреннемъ управленіи, вскорѣ раздѣлились также на цехи по ремесламъ. Тѣ изъ цеховъ, которые по роду занятій ближе сталкивались съ остальнымъ міромъ, вскорѣ взяли верхъ по умственному уровню и по внѣшнему вліянію. Въ силу этого купечество и образовало высшій классъ бюргерства. Бюргеры-патриціи сохранили въ средѣ своей въ полной неприкосновенности строгость семейныхъ началъ древне-германскаго міра и не чуждались серіозной образованности женщинъ. Первый шагъ въ смыслѣ женскаго образованія сдѣлало купечество, за нимъ послѣдовало и прочее интеллигентное бюргерство. Уже въ XI-омъ—XII-омъ столѣтіяхъ встрѣчаются въ монастыряхъ бюргерскія дочери съ высшимъ образованіемъ[2]). По мѣрѣ

[1]) *Schanz*. Zur Gesch. d. deutsch. Gesellenverbände. 5.—*Stahl*. Das deutsche Handwerk 274.

[2]) Элементарное образованіе дочери большинства бюргеровъ въ XII в. получали въ монастырскихъ школахъ низшаго разряда.

того, какъ между рыцарскими фамиліями серіозное образованіе женщины падало, въ бюргерствѣ оно возвышалось, и уже къ концу XII-аго и въ XIII-омъ вѣкѣ считалось обыкновеннымъ, чтобы дѣвушка получала болѣе или менѣе полное образованіе, смотря по средствамъ, и не только въ высшемъ бюргерствѣ, но вообще во всѣхъ цехахъ мастеровъ. Такъ, изъ городскихъ книгъ (регистратуры) города Брауншвейга видно, что въ 1268 году бюргеръ Геннигъ отдалъ трехъ своихъ дочерей въ школу Реннельбергскаго монастыря для болѣе полнаго образованія; въ томъ году вдова портного Германа Экбертоса отдала въ монастырскую школу своихъ пятерыхъ дочерей, а бюргеръ Александръ далъ полное монастырское образованіе семи дочерямъ [1]) и т. д. Въ XIII-омъ вѣкѣ число бюргерскихъ дочерей, желавшихъ поступить въ монастырскія школы съ высшимъ курсомъ обученія было такъ велико, что значительная часть ихъ не могла быть принята пансіонерками и должна была посѣщать школу въ качествѣ приходящихъ [2]).

Женскія профессіи. Реальное направленіе бюргерства и въ образованіи женщины дало болѣе практическіе результаты, чѣмъ у рыцарства. Кромѣ благотворнаго вліянія на общій ходъ развитія бюргерства и закрѣпленіе семейныхъ основъ, женское образованіе проявилось здѣсь въ опредѣленной формѣ въ извѣстныхъ профессіяхъ. Такъ, кромѣ женщинъ-секретарей и хроникеровъ, уже въ началѣ XIV-аго столѣтія мы встрѣчаемъ аттестованныхъ женщинъ-врачей, которыя пользовались общимъ уваженіемъ своихъ согражданъ и являлись далеко не единичными случаями, судя по тому, что въ періодъ 1339 до 1497 гг. въ разныхъ актахъ упоминаются имена 15 женщинъ-врачей (изъ которыхъ въ одномъ Франкфуртѣ было 3 окулистки) [3]). Кромѣ того, уже къ концу XIII-аго столѣтія были учительницы и частныя школы. Акты указываютъ, что въ 1290 г. въ Майнцѣ двѣ дочери Іоганна Гензенгейма купили на Гребенгассе домъ подъ школу для дочерей бюргеровъ [4]). Въ XIV-омъ столѣтіи учительницы составляли уже особый цехъ [5]).

---

[1]) *C. W. Sack.* Geschichte der Schulen zu Braunschweig. I. 36. 157.

[2]) Saalbuch. d. Stiftes Göttweig. Nr. XXLCV—Font. Ber. Austr. Dipl. VIII. 75.

[3]) *Krigk.* Deutsch. Bürgerth. стр. 34 находится списокъ франкфуртскихъ врачей.—Manum Boic. XXXV, 2, 94.—Weinhold. I. 170.

[4]) *Bodmann.*—Rheingauische Alterthümer. Mainz 1819. I. 98. Anm. 9—Gudenus codex diplom. IV, 1,006 de curia puellarum empta a. 1, 312.

[5]) *Bücher.* 17.

Женщина ремесленница. Первоначально всѣ ремесла, не исключая даже бѣлошвейнаго, были сосредоточены въ рукахъ мужчинъ [1]); но со среднихъ вѣковъ, особенно съ XII-аго столѣтія женщина все болѣе завоевывала себѣ здѣсь права равенства, и съ этого времени нѣтъ ни одного ремесленнаго цеха, въ которомъ бы женщина, если только ремесло было ей по силамъ, не была принята на равныхъ съ мужчиной правахъ въ качествѣ мастера или подмастерья [2]). Были даже ремесленные цехи, состоявшіе исключительно изъ женщинъ. Такъ, въ Кёльнѣ былъ особый цехъ прядильщицъ и ткачихъ, гдѣ званіе мастера давалось лишь тѣмъ, которыя пробыли 6 лѣтъ въ ученіи. Въ мюнхенскомъ совѣтскомъ постановленіи (Rathsverordnung) въ ст. XIV говорится: «Wer Webermeister oder Meisterin ist, der soll haben, ob er will, einen Lernknecht und eine Lerndirne und nicht mehr». Франкфуртъ еще въ 1377 году издалъ постановленіе о равноправномъ участіи женщины въ посильныхъ ей ремеслахъ и строго опредѣлилъ неприкосновенность женскаго труда для мужчинъ-мастеровъ тѣхъ же цеховъ [3]), уже тогда видѣвшихъ въ женщинѣ опаснаго конкурента. Въ рукахъ женщинъ въ средніе вѣка сосредоточивались главнымъ образомъ слѣдующія производства и ремесла: свѣчное и мыловаренное, скорняжное, сукновальное, войлочное, пекарное, суконное, льнопрядильное, льноткацкое, кожевенное, золотошвейное, ременное, бѣлошвейное и портняжное.

Производительность и налогоспособность женщины. Во франкфуртскомъ городскомъ архивѣ еще и понынѣ хранятся акты, въ которыхъ мы находимъ довольно подробныя статистическія данныя о числѣ налогоспособныхъ женщинъ и мужчинъ въ XIV-омъ и XV-омъ столѣтіяхъ, при чемъ таковыми считались только занимающіеся какимъ-нибудь ремесломъ. Акты эти даютъ слѣдующія цифровыя данныя [4]).

---

[1]) *Stahl*. 80.

[2]) Augsburger Stadtrecht, отъ 1276 г. стат. 215 говоритъ. „Swaer siniu chint ze antuaerken lat dur lerunge, ez si sun ader *tohter*, swaz lons man davon geheizzet, kumt daz ze klage, daz sol ein burggrafe rihten darnach als die schulde geschaffen ist“. То-же самое мы находимъ въ Нюренбергской Реформаціи 1564 г. въ законодательствѣ Мюльгаузена и др. городовъ. (См. Meyer, 215 и Stahl, 47)

[3]) *Goch*.—Annalen d. histor. Ver. für den Niederrhein. Heft VI. 45. 78. - Zeitschrift f. Culturgesch. N. F. III. 128.—Sutner въ Hist. Abhandl. d. K. Bayer. Akademie d. Wissenschaft. II. 493.

[4]) *Bücher*. 5 и примѣч. 2 стр. 58.

Въ городѣ Франкфуртѣ числилось:

Годъ.	Всего налогоспособнаго населенія.	Изъ нихъ было женщинъ.	Изъ всего налогоспособнаго населенія женщины составляли проц.
1354	2,669	481	18,0
1359	3,135	591	18,5
1365	3,057	624	20,4
1370	2,737	494	18,0
1375	3,042	625	20,5
1380	3,055	509	16,6
1385	3,344	714	21,3
1389	3,301	736	22,3
1394	2,610	539	20,6
1399	2,652	614	23,1
1406	2,383	500	20,9
1410	2,456	568	23,1
1420	2,345	551	23,5
1428	2,415	478	19,8
1463	2,560	638	24,9

Эти цифры показываютъ, что въ теченіе даннаго періода, т. е. слишкомъ ста лѣтъ, процентъ налогоспособныхъ женщинъ значительно прогрессировалъ не безъ нѣкотораго колебанія.

Имущественная и юридическая равноправность женщины и общественное уваженіе къ ней. Образованность женщины и ея соперничество съ мужчиной въ ремеслахъ, какъ это видно изъ сохранившихся данныхъ, не только не пошатнуло семейныхъ основъ и не повело къ униженію женщины, но, напротивъ, выработало ту бюргерскую семью со строго гуманитарнымъ направленіемъ, которая и спасла Германію отъ полнаго нравственнаго разложенія въ исходѣ среднихъ вѣковъ, укрѣпивъ въ то же время за женщиной закономъ и обычаемъ полную имущественную равноправность (говоря о незамужней женщинѣ) и уваженіе личности какъ члена семьи и матери, вопреки стремленіямъ Церкви.

Уже законъ Генриха VI, присуждавшій дѣтей въ случаѣ развода не отцу, а матери, доказываетъ, насколько въ данномъ случаѣ женщина ставилась выше мужчины. Но не только законодатель, который могъ въ этомъ отношеніи стоять выше массы, а и само общество даетъ въ этомъ вѣское доказательство, установивъ въ XIII-омъ вѣкѣ законодатель-

нымъ порядкомъ полное равенство личности обоихъ половъ и присвоеніе всѣхъ почестей и чиновъ мужа—женѣ. Такъ, жена бюргермейстера не только по обычаю, но и по закону въ официальныхъ актахъ называлась «Frau Bürgermeisterin», жена доктора—«Frau Doctorin» и т. д. Фактъ этотъ имѣетъ важное значеніе какъ доказательство равнаго положенія жены съ ея мужемъ [1]).

Насколько бюргеры заботились о своихъ женахъ, видно изъ законовъ того времени. Такъ, напримѣръ: «Если кто, находясь на работѣ, даже если онъ возитъ жернова своему господину, получитъ вѣсть, что жена его лежитъ въ родахъ, долженъ бросить работу, выпречь лошадей и поспѣшить домой, чтобы насколько возможно оказать помощь родильницѣ». «Если выздоравливающая родильница пошлетъ въ корчму за виномъ или къ пекарю за хлѣбомъ, даже если это случится въ полночь, корчмарь и пекарь должны встать и отпустить требуемое, въ противномъ случаѣ посланный въ правѣ взять самовольно требуемое, положивъ за взятое деньги». По тѣмъ же законамъ домъ, въ которомъ лежитъ родильница, освобождался отъ уплаты податныхъ куръ; въ этомъ случаѣ сборщикъ долженъ былъ отрѣзать извѣстному числу куръ головы, туловища же оставлять больной для ея питанія [2]).

Значеніе бюргерства. Какъ во Франціи гугеноты, благодаря болѣе строгимъ семейнымъ началамъ и уваженію къ женщинѣ, выработали изъ себя главную производительную силу государства, такъ и бюргерство въ Германіи по тѣмъ же причинамъ вскорѣ окрѣпло и развилось въ крупную экономическую силу страны съ немалымъ политическимъ вліяніемъ. Желая оградить себя отъ разбоевъ нѣмецкаго рыцарства и охранить торговый путь къ Эльбѣ отъ нападеній рыцарей, Гамбургъ и Любекъ въ 1241 году заключили между собой союзъ. Примѣру этому послѣдовали и нѣкоторые города Вестфаліи и Саксоніи, а за ними—и прочіе. Когда же въ 1361 году датскій король Вольдемаръ IV сталъ серіозно угрожать интересамъ германской торговли и промышленности (что особенно почувствовалось съ завоеваніемъ Висби), всѣ города соединились въ одинъ могучій союзъ «Ганзы». Въ 1367 г. «Ганзейскій союзъ» началъ противъ трехъ враждебныхъ государствъ (Швеціи, Норвегіи и Даніи) войну, стоившую двумъ королямъ ихъ

[1]) *Prof. R. Sohm.*—Die Stellung d. Frau im deutsch. Recht. Deutsch. Rundsch. XIV. 17.

[2]) *Stammer.* 11.

короны и государства и принудившую третьяго—норвежскаго, къ заключенію мира съ большими льготами для побѣдителей. Съ этого момента союзъ сталъ развиваться еще быстрѣе; въ XV-омъ столѣтіи «Ганза» была могущественной морской силой и въ 1435 году отвоевала у Даніи Шлезвигъ. Со второй половины XV-аго вѣка могущество ея начинаетъ падать, а въ послѣдующее затѣмъ столѣтіе она теряетъ всякое политическое значеніе.

Въ теченіе этого времени на югозападѣ Германіи образовался *вольный союзъ швейцарскихъ кантоновъ*, происхожденіе и успѣхи котораго имѣли значеніе протеста древне-германской земской свободы противъ угнетеній со стороны имперскихъ князей, мало-по-малу превратившихъ лены въ свои отчины. Обособленіе Швейцаріи совершилось при такихъ условіяхъ и съ такимъ характеромъ, что не могло остаться безъ вліянія и на судьбу коренныхъ нѣмецкихъ областей. Свободное древнегерманское общинное устройство, уцѣлѣвшее здѣсь благодаря неприступной гористой мѣстности болѣе чѣмъ гдѣ-либо, пользовалось почти полной неприкосновенностью со стороны центральной императорской власти.

Упадокъ нравовъ. Увеличеніе богатства у бюргеровъ-патриціевъ вызвало сближеніе ихъ съ рыцарствомъ, имѣвшее самыя печальныя для нихъ послѣдствія. Начавъ съ подражанія роскоши нарядовъ и пиршествъ, бюргерство заразилось и безнравственностью жизни высшаго класса, что повело къ паденію семейныхъ и общественныхъ основъ. Уже къ концу XIV-го вѣка женщина изъ богатой бюргерской семьи по роскоши нарядовъ и расточительности почти не уступала рыцарскимъ дамамъ. Такъ, напр., въ хроникѣ города Лимбурга мы читаемъ: «In der Zeit (около 1380 г.) war der sitt von der kleidung verwandelt, also, wer heur ein meister war von den schneidern, der war über ein jahr ein knecht»[1]). Уважительными предлогами для того, чтобы блеснуть нарядами и пирами, считались высокоторжественныя семейныя событія вродѣ крестинъ, свадьбы и т. п. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ справлялись свадебныя пиршества у богатыхъ бюргеровъ XV-аго столѣтія, приведемъ слѣдующее описаніе: «So richtete im Jahre 1493 der Bäcker Veit Gundlinger zu Augsburg seiner Tochter eine Hochzeit aus, bei welcher an sechzig Tischen gespeist wurde. An jedem Tische sassen zwölf Männer, Junggesellen, Frauen und Jungfrauen. Die Hochzeit dauerte acht Tage; es wurde so gegessen, getrunken,

---

[1]) Limburger Chronik, 71.

getanzt, geneckt und *gebuhlt*, dass am siebenten Tage schon viele wie todt hinfielen». Самое дѣятельное участіе на подобныхъ пиршествахъ принимало духовенство: у богатыхъ и знатныхъ—высшее, у бѣдныхъ—низшее и нищенствующее монашество — этотъ проводникъ разврата въ низшемъ классѣ [1]).

Раннее замужество. Съ развитіемъ роскоши во внѣшней жизни бюргерства (что обусловливалось и упадкомъ образованія между женщинами, благодаря чему онѣ безсознательно стали подражать рыцарскому классу) началось паденіе нравственности и во внутренней его жизни. До XIV-аго столѣтія замужество дочери моложе 17 — 18-ти лѣтняго возраста было рѣдкимъ исключеніемъ и считалось даже неприличнымъ, какъ доказательство или бѣдности родителей, не могущихъ лишній годъ прокормить своего ребенка, или порочности матери, не сумѣвшей воспитать въ своей дочери нравственную стойкость и торопившей ея бракъ во избѣжаніе грѣха. Къ концу же XIV-аго и въ теченіе XV-аго столѣтій даже богатые люди спѣшатъ выдачей дочери замужъ именно во избѣжаніе грѣха, а также изъ ложнаго самолюбія—чтобы не подумали, что дочь ихъ останется старой дѣвой. Выходили замужъ 14 и 15 лѣтъ, въ 16 бывали уже матерями и нерѣдко у 24-хъ лѣтней женщины было 8 человѣкъ дѣтей [2]). Это явленіе сдѣлалось настолько обыкновеннымъ, что къ концу XIV-аго в. городъ Люцернъ вынужденъ былъ издать постановленіе, по которому молодые люди, вступившіе въ бракъ ранѣе установленнаго возраста, изгонялись изъ предѣловъ города на пять лѣтъ съ лишеніемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, при чемъ все ихъ состояніе поступало въ пользу города. Содѣйствовавшіе такой свадьбѣ или знавшіе о ней изгонялись на два года [3]). Въ XV-омъ в. примѣру Люцерна послѣдовали почти всѣ германскіе города, впослѣдствіи же обще-государственнымъ закономъ былъ установленъ минимальный возрастъ брачущихся—для мужчины 20 лѣтъ, для дѣвушки — 18 [4]).

Общественный развратъ. Нравственное растлѣніе нѣмецкой аристократіи и общественный развратъ городовъ въ средніе вѣка большею частью приписывается вліянію французовъ. Однако это не совсѣмъ спра-

---

[1]) Limburg. Chron. 65: — „*Der Barfussmönch die besten lieder und reihen machte... und was er sung, das sungen die leut alle gern und alle meister pfiffen und andere spillent fürten den gesang und das Gedicht.... und war das alles lustiglich zu hören*“.

[2]) Chroniken der deutschen Städte I, 68.

[3]) Legesser II. 434.

[4]) Walch. Beiträge zum deutschen Rechte II. 301.

ведливо, доказательствомъ чему могутъ служить XIV-ое и XV-ое столѣтія, когда нравственное разложеніе сильнѣе всего сказалось въ городахъ Австріи, лежавшихъ близъ Вѣны и имѣвшихъ съ нею частыя сношенія. Здѣсь и образованность женщинъ стояла гораздо ниже, чѣмъ въ прирейнскихъ городахъ и остальной западной Германіи, гдѣ, какъ мы видѣли, она была распространена въ XII-омъ ст. англо-саксонскими монахинями и пустила столь глубокіе корни, что близкое сосѣдство съ Франціей не помѣшало удержаться нравственнымъ основамъ, между тѣмъ австрійскіе города, и въ особенности Вѣна и Баденъ, уже въ XV-омъ вѣкѣ по разврату могли поспорить съ Парижемъ.

Сильвій Пиколомини, впослѣдствіи папа Пій II, даетъ намъ слѣдующее понятіе о нравахъ вѣнцевъ въ XV-омъ столѣтіи: народъ живетъ только для удовлетворенія своей похоти и по воскреснымъ днямъ расточаетъ свой недѣльный заработокъ самымъ безобразнымъ образомъ въ разныхъ общественныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ танцуютъ часто въ болѣе чѣмъ полунагомъ видѣ. Главное искусство танцующихъ состояло въ «опрокидываніи своей дамы», при чемъ откидывались короткія юбки, разжигая похоть мужчинъ. Аристократы постоянно сидѣли у красивыхъ бюргерскихъ женъ, и мужья не только не выгоняли ихъ изъ своихъ домовъ, а, напротивъ, угощали лучшимъ виномъ, сами же уходили изъ дому, оставивъ гостя наединѣ съ молодой женой. Богатые старики, купцы женятся на молодыхъ красавицахъ, послѣднія не стѣсняются вступать въ любовную связь съ прислугой, а по смерти мужа выходятъ замужъ за лакея и т. д. Италіанецъ *Поджіо*, описывая Баденъ въ 1417 году, какъ одинъ изъ извѣстныхъ въ то время бадеортовъ, говоритъ, что туда со всѣхъ сторонъ стекались для кутежа князья, именитые государственные люди, купцы, ремесленники, духовные князья, аббаты и аббатиссы, монахи и монахини. Тамъ все было устроено для возбужденія скотскихъ страстей человѣка и все предлагалось для ихъ удовлетворенія. Передъ купальнями на площадкахъ для публики стояли красавицы въ купальныхъ костюмахъ особаго устройства и ждали, когда мужчины начнутъ бросать въ воду деньги, за которыми онѣ ныряли. Въ танцовальныхъ залахъ практиковалось, главнымъ образомъ, то же «опрокидываніе дамъ», что каждый разъ вызывало всеобщее одобреніе. При описаніи баденской жизни Поджіо весьма характерно выразился: «Nulla in orbe terrarum balnea ad foecunditatem mulierum magis sunt accomodata».

Женскія оргіи. Въ концѣ XV-аго вѣка во многихъ германскихъ городахъ ввелись извѣстныя «бабьи оргіи», которыя происходили за городомъ, и на которыхъ участвующіе предавались пьянству и разгулу. Вначалѣ пиршества эти устраивались однѣми женщинами, но состояли подъ надзоромъ бюргермейстера и училищнаго старшины. (Schultheiss), какъ благонравнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ лицъ въ городѣ [1]). Но скоро эти бабьи празднества привлекли и мужчинъ, что заставило бюргермейстера и училищнаго старшину отказаться отъ возложеннаго на нихъ почета. Оргіи приняли затѣмъ такой характеръ, что уподобились римскимъ вакханаліямъ временъ паденія Рима и существовали въ такомъ видѣ до начала XVI-аго столѣтія, превратившись въ общій разгулъ, который лишь въ реформаціонную эпоху былъ воспрещенъ закономъ. Слѣдуетъ добавить, что оргіи эти происходили исключительно въ средѣ низшаго класса бюргеровъ-подмастерьевъ (которые къ XV-ому вѣку уже добились права жениться безъ особаго на то разрѣшенія цеха, управлявшагося патриціями бюргерства) и «*пришлыхъ женщинъ*», составлявшихъ особый цехъ проститутокъ, который содержался въ чертѣ города какъ неизбѣжное зло и подъ строгимъ его надзоромъ. Однако, по имѣющимся даннымъ можно заключить, что нравственная разнузданность женщинъ въ XV-омъ вѣкѣ проникла и въ интеллигентные слои бюргерства.

Товарищескія общежитія женщинъ. Уже въ началѣ XIII-аго столѣтія нѣкоторые города, нуждаясь въ деньгахъ, учредили нѣчто въ родѣ страхованія пожизненной ренты. Вдовы или незамужнія женщины, обладавшія незначительными капиталами, вносили ихъ въ городскую казну, откуда и получали соотвѣтственную пожизненную пенсію. Такъ какъ подобныя пансіонерки, сверхъ того, пользовались особой защитой города, что въ тѣ времена имѣло большое значеніе, то число ихъ быстро возростало, пока во второй половинѣ того же столѣтія не возникли между болѣе состоятельными женщинами «товарищескія общежитія». Въ Германіи поступленіе небогатыхъ одинокихъ женщинъ въ монастырь, какъ во Франціи, не было распространено; поэтому онѣ, соединяясь по нѣсколько человѣкъ, устраивали сами частныя общежитія. Сначала подобныя товарищества организовались на простыхъ словесныхъ договорахъ, но уже съ 1267 года встрѣчаются вы-

---

[1]) Zeitschr. f. deutsche Kulturgesch. I. 1856. s. 481.

работанные уставы подобныхъ общежитій [1]). Послѣднія еще въ 1355 году отличались довольно строгимъ и серіознымъ направленіемъ. Такъ Rulmam Merswin говоритъ о жившихъ тамъ женщинахъ: «Sie waren also gar schweigsame, einfältige, gutherzige Frauen und hatten also gar grossen einfältigen inwendigen Ernst, dass ihnen Gott gar heimlich war mit seiner Gnade». Въ товарищества вступали вдовы и осиротѣвшія дѣвушки, съ правомъ выхода оттуда; притомъ, покинувшія общежитіе для вступленія въ бракъ имѣли право вторично вернуться въ общежитіе, но разъ исключенныя оттуда уже болѣе не принимались. Въ этихъ общежитіяхъ до XIV-аго столѣтія еще сильно поддерживалось образованіе женщинъ, но въ XV-омъ вѣкѣ оно уже начало падать. Существованіе товариществъ окончательно прекратилось съ реформаціей.

Гуманизмъ. Излагая причины реформаціи, говорятъ обыкновенно о злоупотребленіяхъ западной Церкви, объ искаженіи чистоты христіанскаго ученія, о свѣтскомъ, можно даже сказать, политическомъ направленіи папства въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Говорятъ также о глубокомъ упадкѣ нравственности въ средѣ католическаго духовенства, о тѣхъ теократическихъ стремленіяхъ, о тѣхъ денежныхъ и другихъ поборахъ, которыми духовенство эксплоатировало общество, въ особенности простой народъ,—и въ этомъ усматриваютъ главную причину совершившагося въ XVI-омъ вѣкѣ переворота. Все это справедливо, но при всемъ томъ остается непонятнымъ, почему же только въ XVI-омъ вѣкѣ возникъ успѣшный протестъ противъ этихъ злоупотребленій Церкви? Вѣдь они существовали и раньше; уже съ XII-аго столѣтія они были не только замѣтны, но подчасъ невыносимы. Съ того же времени въ Западной Европѣ являются и протесты противъ такого порядка вещей. Первымъ такимъ протестомъ была ересь *Альбигойцевъ*, относящаяся уже къ концу XII-аго вѣка. Затѣмъ въ концѣ XIV-аго столѣтія мы встрѣчаемъ въ Англіи реформаторскую проповѣдь Виклефа и Лолларды. Далѣе, въ первой половинѣ XV-аго столѣтія уже въ большихъ размѣрахъ возникла попытка церковнаго преобразованія въ Чехіи въ лицѣ Гусса и его единомышленниковъ. Литература XIV-аго и XV-аго вѣковъ, какъ ученая, такъ въ особенности народная, вся проникнута сознаніемъ этихъ неустройствъ и не-

---

[1]) *C. Schmidt* въ Alsatia 1860 г. 187—224.

обходимости ихъ устраненія. Читая, напр., нѣмецкія народныя сатиры XV-аго и начала XVI-аго вѣка какъ «*Reinecke-Fuchs*», «*Eulenspiegel*», «*Narrenschrift*» Себастіана Бранта или же французскій аллегорическій «*Романъ о Фовелѣ*» *Франсуа-де-Рю*, можно видѣть, какъ зло и ѣдко осмѣиваются здѣсь нравы католическаго духовенства. Мало того, сама Церковь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, отцовъ Констанцкаго и Базельскаго соборовъ, открыто высказала мысль о необходимости преобразованія *во главѣ* и *въ членахъ*. Отчего же только въ XVI-омъ вѣкѣ и не въ какой-либо другой странѣ, а именно въ Германіи разыгралось это движеніе и увѣнчалось успѣхомъ?

Когда въ XIII-омъ и въ началѣ XIV-аго вв. германское рыцарство нравственно уже разложилось, заразивъ низшій классъ и болѣе легкомысленныхъ изъ бюргеровъ, въ то время патріархальная семья бюргера-патриція переживала еще высшую образованность женщины среднихъ вѣковъ и наиболѣе совершенный складъ семейной жизни, являвшіеся источникомъ эмпирическаго (не книжнаго, ученаго) гуманизма. Подростающее поколѣніе видѣло передъ собой примѣръ, изъ котораго заимствовало лучшій импульсъ для развитія въ себѣ высшихъ свойствъ человѣческой натуры: человѣчности, сознанія собственнаго достоинства, чувства долга, тонкаго развитія ума, мягкости сердца и изящества вкуса—словомъ, всего того, что должно составлять истиннаго человѣка, и что мы разумѣемъ подъ словомъ гуманизмъ.

Первую основу эмпирическаго развитія гуманизма мы видимъ уже въ концѣ XIII-аго и въ началѣ XIV-аго вв. въ бюргерской поэзіи и въ мейстерзингерахъ, что появилось болѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ послѣ развитія женскаго образованія и по справедливости можетъ считаться плодомъ этой образованности и достигнутаго благодаря ему гуманитарнаго строя семьи. Германскій гуманизмъ по своему направленію и характеру значительно отличается отъ италіанскаго. Въ кругу италіанскихъ гуманистовъ мы встрѣчаемъ космополитическія убѣжденія, невѣріе, скептицизмъ, равнодушіе къ дѣлу религіи и Церкви, презрительное отношеніе къ *profanum vulgus*, аристократическую гордость въ отношеніи къ непосвященнымъ и, наконецъ, самый беззастѣнчивый развратъ; у германцевъ же мы видимъ совсѣмъ обратное: тутъ, напротивъ, на почвѣ гуманитарнаго образованія развился *патріотизмъ*, *чувство истиннаго благочестія*, *свободное движеніе въ общественной жизни*; вмѣсто отчужденія отъ народа и

народныхъ интересовъ среди италіанскихъ гуманистовъ, здѣсь мы видимъ глубокое къ нимъ сочувствіе, а также отсутствіе такого легкомысленнаго отношенія къ вѣрѣ, какъ въ Италіи. Причина этому лежитъ въ томъ, что въ Германіи сѣмена гуманизма упали въ хорошо подготовленную почву: здѣсь сохранилось больше патріархальности съ ея крѣпкой хотя и односторонней моралью, уцѣлѣло больше воспоминаній о старой общественной свободѣ, глубже и сознательнѣе коренилось религіозное чувство. Вотъ почему и ученія древнихъ писателей оказывали здѣсь вліяніе только тѣми своими сторонами, которыя гармонировали съ этимъ общественнымъ настроеніемъ.

Хотя начала гуманизма занесены были въ Германію изъ Италіи, однако уже въ концѣ XIV-аго и особенно въ XV-омъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлую школу національныхъ ученыхъ этого направленія, тѣмъ болѣе, что распространенію его способствовали и тѣ 14 университетовъ, которые возникли въ теченіе 150 лѣтъ съ половины XIV-аго столѣтія до начала реформаціи. Уже первые опыты нѣмецкаго гуманизма обнаружили, что здѣсь имѣются въ виду болѣе реальныя задачи, а не филологическіе и эстетическіе интересы, преобладавшіе въ италіанскомъ; здѣсь на первомъ планѣ стояли вопросы научные и общественные, подготовившіе послѣдовавшую затѣмъ церковную реформацію.

Реформація. Понятно, что патріархальная семья бюргера-патриція должна была враждебно относиться къ развращенному рыцарству и духовенству, а также и къ развращеннымъ согражданамъ и сочувствовать всякой перемѣнѣ къ лучшему въ этомъ направленіи. Но, кромѣ того, и у каждаго сословія имперіи были свои особыя основанія желать перемѣны въ Церкви. Князья видѣли въ реформаціи средство противодѣйствовать могуществу императора и его объединительнымъ планамъ. Имперское рыцарство оказалось горячимъ поборникомъ реформы тоже изъ сословныхъ видовъ и интересовъ: установившійся въ имперіи вѣчный земскій миръ и учрежденный въ 1495 году каммергерихтъ были чрезвычайно стѣснительны для рыцарей, такъ какъ прекратили частыя войны, или феды, служившія главнымъ источникомъ ихъ наживы. Лишенное своей старинной воли или, вѣрнѣе, своеволія, рыцарство естественно желало хоть какихъ-нибудь смутъ, чтобы воспользоваться ими для возстановленія утраченныхъ правъ. Горожане, во внутреннее управленіе которыхъ постоянно

вмѣшивалось духовенство, стѣсняя городскія вольности, стремились къ ограниченію церковной власти. О простыхъ людяхъ, о сельскомъ населеніи и говорить нечего, если вспомнить, что на этомъ классѣ общества и тяготѣли главнымъ образомъ денежные поборы, которыми пользовалось духовенство въ видѣ аннатъ, паллій, диспензацій, дезерваций, индульгенцій, десятинъ и т. п.

Все это подготовило въ Германіи такую почву, на которой всякая попытка церковнаго преобразованія должна была неминуемо увѣнчаться успѣхомъ. Этимъ объясняется и то, почему достаточно было человѣку не геніальному, а просто умному, честному и энергичному, каковъ былъ Лютеръ, выступить противъ папизма, чтобы простой академическій споръ, начатый имъ съ доминиканскими монахами объ индульгенціяхъ, привелъ къ такому міровому перевороту, какъ распаденіе единства Западной Церкви.

Въ дѣлѣ реформаціи Лютеру много содѣйствовали своей убѣжденностью и энергіей въ распространеніи новаго ученія женщины. Таковы: герцогини Екатерина Саксонская и Елизавета Брауншвейгская, курфюрстины Сибилла Саксонская и Елизавета Бранденбургская, принцесса Маргарита Ангальтская, графини Мансфельдъ и Штольбергъ, Магдалина Гаймеръ изъ Регенсбурга, Екатерина Юнкеръ изъ Эгера и въ особенности Аргула Грумбахъ изъ Франконіи и многія другія. Поэтому Лютеръ былъ вправѣ сказать, что «если женщины принимаютъ ученіе Евангелія, то онѣ гораздо сильнѣе и ревностнѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчины, и гораздо крѣпче держатся ея».

Отъ реформаціи до настоящаго времени.

„Горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія: сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали“.
(Отъ Луки гл. 11, ст. 52).

Со временъ реформаціи многіе германскіе дворы сильно увлеклись подражаніемъ французамъ не только въ культурномъ отношеніи, но преимущественно въ порчѣ нравовъ. Въ эпоху Людовика XIV эта манія подражать всему французскому обуяла всю Германію, при чемъ нѣкоторые нѣмецкіе дворы даже перещеголяли въ смыслѣ деморализаціи оригиналъ. Такъ, Фридрихъ Августъ, курфюрстъ саксонскій, впослѣд-

ствіи король польскій, превзошелъ Людовика XIV не только по числу своихъ наложницъ, но и по количеству расходовъ изъ обще-государственнаго бюджета на содержаніе своего двора. Не отставалъ и Баварскій дворъ во времена правленія всей страной m-me de la Perause. Менѣе другихъ затронутъ былъ нравственной порчей ганноверскій дворъ особенно при Іоаннѣ-Фридрихѣ и Эрнстѣ-Августѣ. И опять-таки мы видимъ, что тамъ, гдѣ женщина-мать сохранила свое достоинство посреди всеобщаго нравственнаго разложенія, она оставила потомству плоды своихъ гуманитарныхъ и нравственныхъ качествъ, какъ, напримѣръ, Марія Терезія въ лицѣ сына своего Іосифа II. Въ то время какъ во Франціи королева не смущается свободнымъ поведеніемъ мужа-короля и, въ свою очередь, вознаграждаетъ себя удовлетвореніемъ своихъ прихотей и страстей; здѣсь мы встрѣчаемъ совершенно обратное: женщина-мать посвящаетъ себя своей семьѣ и общественному благу, и исторія высоко цѣнитъ заслуги такихъ женщинъ, какъ, напримѣръ, Анна Саксонская, прославившаяся своимъ врачеваніемъ и письмами, 22 тома которыхъ хранятся въ дрезденскомъ государственномъ архивѣ; королева Шарлотта Прусская, основательница Берлинской академіи наукъ, и другія. Германская аристократія во всемъ подражала дворамъ и доводила разнузданность свою до крайнихъ предѣловъ, вслѣдствіе чего возникали постоянныя столкновенія между нею и бюргерствомъ.

Подражаніе французамъ распространилось далеко не одновременно при всѣхъ германскихъ дворахъ. Въ то время какъ протестантскіе дворы уже подпали французскому вліянію, католическіе дворы южной Германіи находились подъ обаяніемъ италіанскаго и испанскаго дворовъ и литературы, въ особенности ея представителей Dante, Boccacio, Petrarca, Pulci, Bojardo и Ariosto въ Италіи и Boscan, Garcilaso, Montemayor и Mendoza въ Испаніи. Но уже къ концу XVII-аго вѣка вся Германія слилась во едино въ подражаніи всему французскому, которое проникло въ плоть и кровь германской аристократіи, оставивъ нетронутыми лишь главныя силы бюргерства. Аристократія не имѣла ничего общаго со своей націей и не могла понять своей національной литературной силы, считая нѣмецкія творенія слишкомъ грубыми въ сравненіи съ французской утонченностью, хотя уже въ то время поэтъ *Логау* справедливо оцѣнилъ нѣмецкій языкъ, сказавъ: «*Kann die deutsche Sprache schnauben, schnarchen, poltern, donnern, krachen,*

kann si doch auch spielen, scherzen, liebeln, güteln, kürmeln, lachen». Такое пренебреженіе ко всему нѣмецкому возмущало патріотовъ; такъ, извѣстный патріотъ (бюргеръ) *Moscherasch* въ 1650 году съ негодованіемъ восклицаетъ: «*O, ihr mehr als unvernünftigen Nachkömmlinge! Welches unvernünftige Thier ist doch, das dem andern zu gefallen seine Sprache und Stimme änderte? Hast du je eine Katze, dem Hunde zu gefallen, bellen, einen Hund der Katze zu Lieb mauchzen hören? Nun sind wahrhaftig in ihrer Natur ein teutsches festes Gemüth und ein schlüpfriger welscher Sinn anders nicht als Hund und Katze gegen einander geartet und gleichwohl wollet ihr, unverständiger als die Thiere, ihnen wider allen Dank nacharten? Hast du je einen Vogel plörren, eine Kuh pfeifen hören? Und ihr wollet die edle Sprache, die euch angeboren, sogar nicht Obacht nehmen in eurem Vaterlandpfui! dich der Schande»!*

Бюргерство. Бюргерство протестантскихъ городовъ, значительно отличавшихся по своей нравственности отъ католическихъ городовъ южной Германіи, постоянно защищавшее свое независимое положеніе, осталось мало затронутымъ аристократической франкоманіей. Хотя кое-гдѣ въ городахъ и проявлялись между богатыми бюргерскими женами попытки подражать модамъ аристократіи, но попытки эти каждый разъ разбивались о постановленія магистрата, который довольно точно опредѣлилъ простоту женской одежды [1]). Съ упадкомъ монастырскихъ и частныхъ школъ, не вынесшихъ бѣдствій Тридцатилѣтней войны и внутреннихъ раздоровъ, упало и образованіе женщинъ въ высшемъ бюргерскомъ сословіи, и если упадокъ этотъ не по-

---

[1]) Такъ, въ описаніи магистрата одного прирейнскаго города 1728 года говорится: „Item wollen wir, dass die Weibspersonen, bei denen insonderheit die elende Hoffart zu unmöglich längerem Nachsehen sogar gestiegen ist, ehrbar und nach Landes Anstendigkeit sich bekleiden und hüten des Tragens aller güldenen und vergüldeten Sachen, woran es immer nun auch sein möchte, es sei gut oder falsch; desgleichen aller Behenken, Rosen und anderer Lierrathen an Ohren, Stirnen und Hauben; das Tragen der seidenen Halstücher aber solle zwar erlaubt sein, jedoch das kein grosser Kosten damit getrieben werde. Wir verbieten denselben auch gänzlich das Tragen seidener Kreppen und seiden kreppener Röcke, auch hochgefärbter Kleider; item aller damastener, sammetener, seidener, plüschener Brüsten, wie auch die Büsche auf den Hüten u. Häublenen; desgleichen auch das Tragen der französischen hinten eingeschnürten Brüsten, die Falten an den Aermeln, die mit Saffian überzogenen Abzätzen an den Schuhen, alles weisse Zeug von Musselinen, es seie geblümelt, gemuggelt, gestrichelt, genayet oder glatt, woran es immer wäre, alle französischen Hemden und weiten Göller“ и т. д.

чувствовался особенно рѣзко, то только благодаря природному уму и эмпирически вѣками выработанному гуманитарному характеру и патріархальности бюргерской семьи. Особенно крѣпко держалось бюргерство ганзейскихъ городовъ, принявшихъ въ свои стѣны бѣжавшихъ изъ Франціи гугенотовъ, отъ которыхъ оно и черпало новыя нравственныя силы.

Офранцузившаяся аристократія какъ по языку, такъ и по нравамъ отреклась, какъ мы уже видѣли, отъ всего родного, представителемъ котораго сдѣлалось бюргерство, поддерживаемое въ этомъ развитіемъ школьнаго дѣла въ городахъ. Бюргерство спасло въ то время нѣмецкій языкъ отъ угрожавшаго ему упадка и создало безъ всякаго содѣйствія со стороны аристократіи нѣмецкую науку и искусство. Такъ, вмѣсто родовитыхъ именъ Walter'a von der Vogelweide и др. въ поэзіи какъ и во всемъ, что касалось умственнаго движенія страны, выдвинулись имена бюргеровъ.

Дополнительныя школы—воскресныя. Уже къ концу XVII-аго вѣка германскіе города ввели у себя обязательное обученіе дѣтей обоего пола въ народныхъ училищахъ. Такимъ образомъ, мальчикъ, въ среднемъ и низшемъ классѣ бюргерства, пройдя народную школу, не продолжалъ далѣе своего образованія, а поступалъ въ обученіе какому-либо мастерству. Дѣвочки получали школьное образованіе одинаковое съ мальчиками. Но уже въ началѣ XVIII-аго вѣка во всей Германіи началось броженіе въ пользу продолженія школьнаго обученія по окончаніи народной школы, т. е. послѣ 14-ти-лѣтняго возраста. Вюртембергское королевство первое осуществило это желаніе, устроивъ съ 1735 г. въ городахъ и приходахъ дополнительныя воскресныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ (отдѣльно другъ отъ друга и даже въ отдѣльныхъ зданіяхъ) съ обязательнымъ посѣщеніемъ таковыхъ до 18-ти-лѣтняго возраста. Впослѣдствіи срокъ этотъ сократился до 17, а затѣмъ и до 16-ти-лѣтняго возраста, вслѣдствіе затруднительности для многихъ семействъ продолжительное время лишаться продуктивной помощи дочерей. Въ семидесятыхъ годахъ воскресныя школы въ Вюртембергѣ насчитывали до 100,000 человѣкъ учащихся [1]).

Примѣру Вюртемберга послѣдовали вскорѣ и другія германскія

---

[1]) „Die Fortbildungs-und Haushaltungsschulen für Mädchen" рефератъ проф. D-r Meyer-Bonn u. D-r Stegemann Remsched, читанный 13 окт. 1889 г. въ „Liberaler Schulverein Rheinlands u. Westfalens zu Witten".

государства: Баденъ (1756), Пруссія, въ царствованіе Фридриха II (*«General-Landschulreglement v. 1763»* и *«Katolische Schulreglement für Schlesien 1765»*) и наконецъ Баварія, гдѣ первая такая школа была открыта въ 1793 г., а въ 1803 г. постановлено обязательное посѣщеніе дополнительныхъ школъ до 16-ти-лѣтняго возраста. Въ 1885—86 гг. въ этихъ школахъ насчитывалось 117,845 мальчиковъ и 146,078 дѣвочекъ.

Вечернія дополнительныя школы. Скоро, однако, пришли къ убѣжденію, что подобныхъ воскресныхъ дополнительныхъ классовъ недостаточно, и уже въ 1859 г. въ Вюртембергѣ они были превращены въ вечерніе, при чемъ закономъ установлено ежедневное ихъ посѣщеніе, обязательнымъ для обоихъ половъ вплоть до достиженія 17-ти-лѣтняго возраста. Сначала эти школы носили характеръ общеобразовательный; въ ихъ програму входили слѣдующіе предметы: чистописаніе, счетоводство, Законъ Божій и нѣкоторыя естественныя науки. Впослѣдствіи же, и даже весьма скоро, онѣ начали принимать болѣе профессіональный характеръ, давая ученикамъ и ученицамъ понятіе объ извѣстныхъ отрасляхъ производства, какъ-то: по земледѣлію, домоводству и проч. Въ непродолжительномъ времени къ этимъ вечернимъ классамъ для дѣвочекъ пріурочено было обученіе тѣмъ ручнымъ производствамъ, которыми наиболѣе занимались тогда женщины, а именно: пряденіе, тканье, плетеніе кружевъ и т. п. Однако школы пряденія и тканья существовали уже въ Германіи въ прошломъ столѣтіи, будучи впервые учреждены Фридрихомъ Великимъ; кружевное же производство начало преподаваться въ особыхъ школахъ лишь въ рединѣ текущаго столѣтія.

Профессіональныя школы. Для обученія населенія гористой части Силезіи шитью брюссельскихъ кружевъ были устроены спеціальныя школы, въ которыхъ преподавали это ремесло выписанныя изъ Бельгіи мастерицы. Насколько энергично взялась за это дѣло Пруссія, мы видимъ отчасти изъ статьи въ «Neue Freie Presse» за 1855 г., въ которой сказано, что въ одной лишь Гиршбергской долинѣ было 10 образцовыхъ кружевныхъ школъ съ 750 ученицами.

О дѣйствительной пользѣ этого, новаго еще въ то время, дѣла пасторъ Гиршбергской долины въ 1857 году пишетъ въ своемъ отчетѣ начальству: «Необходимо сказать, что кружевное производство у насъ въ настоящее время находится уже въ такомъ состояніи, что польза

его для благосостоянія населенія внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ, напр., это производство даетъ нашей небольшой деревнѣ еженедѣльный заработокъ въ 40—50 талеровъ, зарабатываемыхъ бѣднѣйшими поселянами. Значительное число учениць общеобразовательной церковной школы по окончаніи классовъ посѣщаетъ школу кружевного дѣла, зарабатывая въ ней шитьемъ кружевъ отъ 15 до 20 зильбергрошей въ недѣлю, тогда какъ дѣти этого возраста въ самое благопріятное для пряденія время зарабатывали пряденіемъ не болѣе $1^1/_2$ зильбергроша. Но есть дѣти старшаго школьнаго возраста, которыя въ свободное отъ классовъ время зарабатываютъ шитьемъ кружевъ отъ 25 до 35 зильбергрошей. Въ кружевныхъ школахъ работаютъ не менѣе 90 дѣвочекъ. Три дочери моего сосѣда зарабатываютъ вмѣстѣ 2 тал. въ недѣлю, не пропуская классовъ общеобразовательной школы, что составляетъ уже хорошее подспорье семьѣ. Въ сосѣдней деревнѣ дочь обѣднѣвшихъ ткачей до обученія шитью кружевъ добывала свое пропитаніе милостыней у своихъ односельчанъ; обучившись кружевному шитью она не терпя нужды скопила себѣ въ годъ 20 талеровъ. Кружева наши благодаря строгому отношенію къ дѣлу, являются серіозными конкурентами бельгійскимъ; мы имѣемъ довольно значительные заказы во Франціи, преимущественно въ Ліонѣ, такъ что теперь работаютъ только для выполненія заказовъ. Недавно отправлено Герсону въ Берлинъ кружевное платье, которое произвело тамъ всеобщее удивленіе. Отрадно также видѣть, что и у насъ вырабатываются хорошія мастерицы по этому производству, которыя со временемъ въ состояніи будутъ вполнѣ замѣнить выписанныхъ мастерицъ изъ Бельгіи» [1]).

Болѣе широкое поле дѣятельности женскія профессіональныя школы завоевали себѣ лишь за послѣднія 10 лѣтъ. Въ началѣ онѣ имѣли своей задачей — обученіе дѣвушекъ изъ бѣднаго сельскаго населенія тѣмъ изъ ремеслъ и производствъ, которыя были наиболѣе распространены въ данной мѣстности и нуждались въ улучшеніи, чтобы выдерживать конкуренцію извнѣ. Эти школы устраивались первоначально правительствомъ или общиной. Но уже болѣе 25 лѣтъ тому назадъ въ Германіи возникли частныя женскія общества распростра-

---

[1]) Mittheilungen. 1857, Heft IX. 263. — *К. Веберъ*—Исторія льняной промышленности. 18.

ненія профессіональнаго женскаго образованія; дѣятельность этихъ обществъ ограничивалась однако исключительно школами рукодѣлія, число которыхъ возрастало съ каждымъ годомъ. Вскорѣ подобныя школы открылись во всѣхъ большихъ городахъ. Въ 1878 г. появились ферейны для дѣвушекъ низшаго класса, въ которыхъ послѣднія получали возможность обучаться счетоводству и нѣкоторымъ ремесламъ, но, къ сожалѣнію, и здѣсь болѣе 70% учащихся избирали рукодѣлье. Такимъ образомъ, считая ежегодно среднимъ числомъ только отъ 2 до 3 тысячъ ученицъ ферейнскихъ школъ, избравшихъ своей спеціальностью иголку, въ Германіи, въ теченіе 10 лѣтъ, вышло около 25 тысячъ дѣвушекъ одной профессіи. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ трудно ожидать благотворныхъ результатовъ въ будущемъ.

Это увлеченіе профессіональными школами рукодѣлія уже и теперь многими не одобряется, и какъ противовѣсъ возникаютъ новые ферейны или общества, стремящіяся тоже къ распространенію профессіональныхъ школъ, но съ обученіемъ поваренному дѣлу, счетоводству, переплетному мастерству и другимъ ремесламъ. На помощь этимъ ферейнамъ пришли многіе изъ фабрикантовъ, что еще больше содѣйствовало ихъ успѣху. Изъ ферейновъ для распространенія профессіональнаго и общаго образованія, первое мѣсто безспорно занимаетъ «Lette-Verein» въ Берлинѣ, который, кромѣ всевозможныхъ заботъ о доставленіи возможности учащимся дѣвушкамъ (изъ провинцій) жить тамъ подъ нравственной охраной, содержитъ еще чрезвычайно полно обставленныя школы рисованія и живописи, коммерческую школу, школу наборщицъ и другія. Изъ ферейнскихъ женскихъ коммерческихъ школъ кромѣ берлинской пользуются славой школы: гамбургская, штетинская, мюнхенская, нюренбергская и маннгеймская. Помимо ферейнскихъ, въ разныхъ германскихъ городахъ существуютъ еще и частныя коммерческія школы, число которыхъ постоянно возрастаетъ. Всѣ эти коммерческія школы могутъ быть раздѣлены на высшія и низшія. Затѣмъ, кромѣ перечисленныхъ выше профессіональныхъ школъ, за послѣднее время возникло много школъ по фотографическому искусству. (Frau Vogelsang. Berlin, Leipzigstr. 106 и другія) и по садоводству.

За послѣднія 10—20 лѣтъ женское профессіональное образованіе сдѣлало въ Германіи громадные успѣхи, и въ этомъ отношеніи она

выдвинулась на первый планъ. Однако дѣло это здѣсь еще далеко не закончено, и занятымъ имъ обществамъ предстоитъ немало работы, чтобы довершить организацію профессіональнаго образованія женщинъ и поставить его на твердую почву. Въ Германіи еще и понынѣ существуетъ предубѣжденіе противъ этого рода образованія; на дѣвушку изъ средняго сословія, окончившую городскую или приходскую общеобразовательную школу, не говоря уже о выпущенной изъ «Höhere Töchterschule», и пожелавшую посѣщать какую-либо профессіональную школу (за исключеніемъ рукодѣльной и музыкальной) смотрятъ неодобрительно. Поэтому нерѣдко можно встрѣтить дѣвушекъ, пріѣхавшихъ, напримѣръ, въ Лейпцигъ подъ предлогомъ, яко бы, музыкальнаго образованія, а въ дѣйствительности для посѣщенія коммерческаго училища Вагнера. Конечно препятствія со стороны родителей и самого общества значительно тормозятъ дѣло коммерческаго образованія женщинъ. Этимъ отчасти и объясняется, почему въ Германіи, несмотря на лучшую постановку школьнаго дѣла, рѣдко приходится встрѣчать, чтобы жена фабриканта вела всю письменную коммерческую часть, а мужъ ея—фабрику и внѣшнія сношенія.

Однако и здѣсь становится замѣтнымъ, что женщина, получившая солидное образованіе по коммерціи и другой профессіи, твердо удерживаетъ свое мѣсто и является вполнѣ конкурентоспособной силой, благодаря чему нѣкоторыя производства удержали свое мѣсто и на международномъ рынкѣ. Особенно крупные коммерсанты дорожатъ женщинами въ бухгалтерскомъ дѣлѣ, и часто даже цѣлые отдѣлы ведутся исключительно женщинами и подъ руководствомъ женщинъ, какъ это можно видѣть, напримѣръ, въ техническомъ бюро Uhland'а въ Лейпцигѣ. Объ успѣхахъ женскаго профессіонально-ремесленнаго дѣла въ Германіи лучше всего можно судить по результатамъ, достигнутымъ женщинами въ борьбѣ за существованіе въ другихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ это дѣло за послѣдніе годы также сильно развилось, мы, по словамъ французскаго экономиста P. Wachon'а, видимъ слѣдующую картину. «La France—говоритъ Wachon [1])—tient le deusième rang dans l'émigration allemande; elle compte 81,988 Allemands, qui se divisent ainsi comme professions:

---

[1]) *P. M. Wachon.* La crise industruelle et artistique en France et en Europe 164.

Professions.	Total.	Hommes.	Femmes.	% женщинъ.
1. Chefs d'établissements industriels	1,244	908	336	27,00%
2. Banquiers, négociants . . .	2,221	1,576	645	29,04%
3. Commis ou employés . .	6,525	4,218	2,307	35,35%
4. Ouvriers et employés de l'agriculture	4,428	2,936	1,492	33,69%
5. Ouvriers et employés des mines de la grande industrie	9,808	6,796	3,012	30,71%
6. Ouvriers et employés des mines de la petites industrie	15,894	9,208	6,686	42,06%
7. Professions libres . . .	2,107	911	1,196	56,75%
8. Propriétaires et rentiers .	3,096	1,721	1,375	41,18%
9. Professions diverses . .	13,519	8,089	5,430	32,69%
10. Professions inconnues. .	1,214	746	468	38,55%
Totaux. . .	60,056	26,230	33,836	56,33%
Personnes sans profession (enfants, femmes, vieillards).	21,932	14,511	7,421	

Школы домоводства. Изъ этого видно, что усиліями правительства, женскихъ обществъ и частныхъ лицъ (преимущественно фабрикантовъ) достигнуты уже положительные результаты на поприщѣ ремесленнаго и профессіональнаго образованія дѣвушекъ, несмотря на то, что дѣло это можетъ считаться новымъ и далеко не законченнымъ. Мы уже видимъ, что дѣвушка изъ средняго и низшаго бюргерскаго сословія, оставшаяся въ жизни одна безъ опоры, получаетъ возможность дальнѣйшаго существованія своимъ трудомъ. То же самое относится и къ дѣвушкѣ изъ рабочаго класса, обучавшейся въ низшей ремесленной или профессіональной школѣ. Однако указанные результаты не удовлетворили людей, серіозно относящихся къ этому дѣлу; возникъ вопросъ о необходимости добавить къ воспитанію дѣвушекъ какъ рабочаго класса, такъ и низшаго бюргерскаго сословія еще обученіе домоводству, могущее послужить залогомъ прочности семейнаго счастья и благосостоянія этихъ тружениковъ.

Какъ часто въ низшемъ бюргерскомъ и въ рабочемъ классахъ встрѣчаются примѣры, что браки молодыхъ трудовыхъ людей оказываются скоро несчастными благодаря только крайней непрактичности жены. Изучивъ какое-либо фабричное или ремесленное производство, она дѣлалась совершенно чужда домашнему очагу, не зная даже самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ домоводства, не говоря уже объ уходѣ за больнымъ. Это явленіе обратило на себя вниманіе людей, серіозно вникающихъ въ дѣло, которые понимали, что страна или нація, стремящаяся только къ заработку, забывая при этомъ домъ, теряетъ массу лучшихъ производительныхъ своихъ силъ. Въ лучшемъ случаѣ эти домашнія неурядицы вліяютъ ослабляющимъ образомъ на рабочую энергію, а иногда кончаются полнымъ отвращеніемъ къ работѣ, дѣлая изъ хорошихъ, въ сущности, людей — негодяевъ и, наоборотъ, жизнь часто показываетъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ жена-хозяйка удерживаетъ и укрѣпляетъ семейное счастье.

Въ виду всего этого начали возникать школы домоводства. Первая подобная школа основана была въ 1887 году въ Пфорцгеймѣ, послѣ чего число ихъ быстро увеличилось, и онѣ распространились по всей Германіи: въ Дюссельдорфѣ, Лёрахѣ, Шопфгеймѣ, Целлѣ, Гальберштадтѣ, Биберихѣ и другихъ городахъ. Эти школы учреждаются правительствомъ, принимающимъ въ нихъ живое участіе, ферейнами (обществами) и частными лицами, какъ, напримѣръ, въ Биберихѣ, гдѣ подобная школа учреждена и содержится фирмой *Dykerhoff Söhne* для своихъ фабричныхъ работницъ, и другія.

Всѣ эти школы домоводства имѣютъ однородно выработанную программу, заключающую въ себѣ слѣдующіе предмета обученія.

I. Домашнія работы: a) содержаніе квартиры: топка, освѣщеніе, чистка и храненіе платья и прочее, b) приготовленіе кушанья, чистка и мытье посуды и прочее. Приготовленію кушанья обучаютъ весьма обстоятельно, обращая вниманіе на простой, но питательный столъ какъ для здороваго, такъ и для больного человѣка.

II. Изготовленіе носильнаго платья и бѣлья и уходъ за нимъ: a) вязаніе и штопанье; b) кройка, шитье и чинка; c) стирка, бѣленіе, крахмаленье и глаженье бѣлья; d) мѣтка бѣлья, чиста пятенъ и прочее.

III. Закупка пищевыхъ продуктовъ и предметовъ по хозяйству съ нѣкоторыми популярными свѣдѣніями по товаровѣдѣнію относительно этихъ продуктовъ.

IV. Домашнее счетоводство.

V. Уходъ за дѣтьми и больными, обученіе нѣкоторымъ пріемамъ въ случаѣ пораненія, а также и въ случаѣ пожара.

VI. Садоводство и птицеводство въ тѣхъ размѣрахъ, насколько они возможны при нѣкоторой зажиточности рабочаго люда.

Курсъ обученія продолжается 3 мѣсяца; обученіе въ школѣ въ большинствѣ случаевъ безплатное [1]).

Германскія Höhere Töchterschulen. Изъ вышеприведеннаго мы видимъ, что какъ въ рабочемъ, такъ и въ низшемъ бюргерскомъ классѣ образованіе обоихъ половъ одинаково, какъ мальчикъ такъ и дѣвочка обязательно проходятъ первоначальную школу съ программой почти одинаковой; по окончаніи школы и мальчикъ, и дѣвочка берутся за ремесло, при чемъ послѣдняя въ настоящее время должна посѣщать еще и школу домоводства, чтобы изъ нея могла выработаться не только хорошая работница, но впослѣдствіи и хорошая домовитая хозяйка. Слѣдовательно, имѣется извѣстная гарантія, что если и далѣе это дѣло пойдетъ прогрессивно, то, сравнительно въ недалекомъ будущемъ, можно надѣяться на замѣтное улучшеніе какъ въ семейныхъ основахъ, такъ и въ общемъ благосостояніи рабочихъ классовъ.

Иначе обстоитъ дѣло у патриціевъ, т. е. въ высшемъ бюргерскомъ сословіи. Здѣсь образованіе мужчинъ возвысилось надъ женскимъ и значительно опередило его. Это сдѣлалось замѣтнымъ уже съ распространеніемъ въ Германіи университетовъ, но сравнительно въ небольшой мѣрѣ, такъ какъ университетское образованіе мужчинъ было еще исключительнымъ явленіемъ. Когда же среднее образованіе дошло до правильно организованныхъ мужскихъ гимназій, что составило уже норму общаго образованія мужчинъ въ высшемъ бюргерскомъ кругѣ, женское образованіе оказалось значительно ниже мужского и, при всѣхъ улучшеніяхъ за послѣднюю четверть настоящаго столѣтія, оно, какъ нормы, достигло лишь программы «Höherer Töchterschule».

Германскія «Höhere Töchterschulen» устроены не всѣ и не во

[1]) Въ Гардангерѣ, въ Норвегіи закономъ постановлено, что ни одна дѣвушка не можетъ выйти замужъ прежде, чѣмъ не научится прясть, вязать и печь.

всѣхъ отношеніяхъ по одному шаблону: многія изъ нихъ разнятся по числу классовъ, уроковъ и по другимъ оттѣнкамъ, зависящимъ отъ мѣстныхъ условій, которыя принимались во вниманіе различными правительствами при составленіи уставовъ и учебныхъ плановъ для своихъ женскихъ училищъ. Изъ 96 прусскихъ высшихъ женскихъ школъ только 55 десятиклассныхъ устроены по одному образцу; 20 имѣютъ девятилѣтній курсъ, остальныя—пятилѣтній (безъ приготовительныхъ классовъ); нѣкоторыя—съ *Wechselcöten*, а другія и безъ этихъ классовъ. *Но зато во всѣхъ германскихъ «Höheren Töchterschulen» преслѣдуется одна общая, принятая всѣми задача и цѣль воспитанія и обученія, вытекающая изъ точно опредѣленнаго взгляда на природу женщины и ея назначеніе* [1]). И здѣсь корпоративность женщинъ интеллигентнаго класса бюргерства вызвала къ жизни такую солидную силу, какой является «*Hauptverein für das deutsche Mädchenschulwesen*», имѣвшій еще въ 1880 году 2,300 членовъ и основавшій прекрасно редактируемый и въ настоящее время ставшій весьма распространеннымъ органъ: «*Zeitschrift für weibliche Bildung*». Дѣятельность этого *Verein*'а предохранила высшія женскія училища во всѣхъ государствахъ Германіи (за исключеніемъ Баваріи, гдѣ монастырское воспитаніе продолжаетъ разъѣдать семейныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственныя основы) отъ существеннаго разногласія въ подробностяхъ учебно-воспитательнаго дѣла и сообщила имъ единство въ духѣ и направленіи.

Веймарскій съѣздъ (30 сент. 1872 года) и особенно Берлинская конференція (авг. 1875 г.), собранная по предложенію бывшаго министра просвѣщенія Фалька, имѣли важное значеніе несмотря на то, что выработанныя ими положенія не получили утвержденія въ законодательномъ порядкѣ: послѣднія были рекомендованы министерствомъ для руководства всѣмъ «Höheren Töchterschulen» и, такимъ образомъ, положили начало прекращенію того печальнаго состоянія, когда въ разговорѣ о женскомъ воспитаніи и обученіи «*einer die Sprache des Andern nicht verstand*» и когда поэтому всѣ нѣмецкія женскія учебныя заведенія представляли «*eine bunte Mannigfaltigkeit, nur leider keine principielle Einheit*» [2]).

---

[1]) См статью: „Женская гимназія въ Германіи“ М. Стефановича, въ „Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщ.“ 1887.

[2]) *Kreinberg*. „Die Höhere Töchterschule“. 1874.

Считаю необходимымъ указать здѣсь на слѣдующія положенія Веймарскаго съѣзда и Берлинской конференціи.

a) «Höhere Mädchenschulen» имѣютъ цѣлью дать учащимся общее образованіе, *jene allgemeine Bildung, wie sie den höheren Lebenskreisen eigen*». Поэтому онѣ должны носить общеобразовательный характеръ и преподаваніе, напр., народнаго хозяйства, ухода за больными, бухгалтеріи и веденія торговыхъ книгъ (Volkswirthschaft, Krankenpflege, Buchhalten u. kaufmännische Korrespondenz) относится къ профессіональнымъ школамъ (Mittel- u. gewerbliche Fortbildungsschulen).

b) Среди учебныхъ заведеній *Höhere Töchterschulen* должны занимать мѣсто наравнѣ съ мужскими гимназіями и особенно реальными училищами, но быть самостоятельны и самобытны (selbstständig u. eigenartig), т. е. составлять вполнѣ самостоятельный и своеобразный типъ учебныхъ заведеній по предметамъ курса и особенно по способу преподаванія. Если бы онѣ устраивались прямо по шаблону классическихъ гимназій и реальныхъ школъ, то это грозило бы серіозными опасностями для женскаго образованія — «*es erwuchsen der höheren Mädchenschule Gefahren bedrohlichster Art*». Эти учебныя заведенія должны находиться въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія.

c) Непосредственное управленіе *Höheren Töchterschule* ввѣряется директору, избираемому изъ лицъ, получившихъ академическое образованіе и выдержавшихъ испытаніе *pro facultate docenti* и *pro rectoratu*.

d) Преподаваніе должно быть раздѣлено между академически образованными учителями и выдержавшими испытаніе «*für höheren Unterricht*» учительницами. Послѣднія не только допускаются къ преподаванію, но дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи признается весьма желательною, особенно въ низшихъ и среднихъ классахъ для преподаванія исторіи, географіи и иностранныхъ языковъ. Въ низшихъ и среднихъ классахъ допускаются учителя съ семинарскимъ образованіемъ.

e) Вполнѣ организованная Höhere Töchterschule должна состоять изъ семи основныхъ классовъ съ годичнымъ курсомъ и трехъ приготовительныхъ или элементарныхъ. Всѣ классы раздѣляются на три отдѣленія: элементарное (X, IX и VIII кл.), среднее (VII, VI и V кл.)

и высшее (IV, III, II и I кл.). Въ первый приготовительный классъ принимаются дѣти не моложе 6 лѣтъ, въ первый среднiй — не моложе 9 и т. д. Въ элементарномъ отдѣленiи не должно быть болѣе 24 учебныхъ часовъ въ недѣлю, въ среднемъ и высшемъ—не болѣе 30 часовъ, включая въ нихъ гимнастику, пѣнiе и рукодѣлiе. Притомъ конференцiей обращено вниманiе на то, что обученiе должно производиться главнымъ образомъ въ школѣ, а не дома, а потому при назначенiи домашнихъ занятiй слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы таковыя въ элементарномъ отдѣленiи не превышали 1 часа, въ среднемъ $1\frac{1}{2}$ час. и въ высшихъ 2 часовъ.

f) Учебный курсъ высшихъ женскихъ школъ составляютъ слѣдующiе предметы: 1) Законъ Божiй, 2) нѣмецкiй языкъ, 3) французскiй языкъ, 4) англiйскiй языкъ, 5) ариѳметика, 6) исторiя, 7) географiя, 8) естественная исторiя, физика и химiя, 9) пѣнiе, 10) чистописанiе, 11) рисованiе, 12) гимнастика, 13) рукодѣлiе.

Всѣ эти предметы обязательны. При этомъ конференцiей указано въ самыхъ общихъ чертахъ количество и качество учебнаго матерiала, а равно и цѣль преподаванiя каждаго отдѣльнаго предмета. Обращено особое вниманiе на то, чтобы въ женскихъ учебныхъ заведенiяхъ качество учебнаго матерiала и методъ преподаванiя были совершенно иные, чѣмъ въ мужскихъ гимназiяхъ—*«болѣе сообразные съ духовной природой женщины и ея призванiемъ»*. Вообще характеръ обученiя въ Höheren Töchterschulen долженъ быть, по преимуществу, воспитательный—ein erziehender Unterricht.

Въ послѣднемъ педагогическомъ собранiи, происходившемъ въ Берлинѣ въ присутствiи министра исповѣданiй и народнаго просвѣщенiя, въ октябрѣ 1886 г., было единогласно постановлено, что всѣ Höhere Töchterschulen въ Пруссiи должны быть десятиклассныя, сдѣланы были соотвѣтственныя измѣненiя въ распредѣленiи по классамъ учебнаго матерiала, изложеннаго въ учебномъ планѣ, и общiя указанiя касательно преподаванiя каждаго предмета, и, наконецъ, исправлены нѣкоторыя неточности и противорѣчiя. Такимъ образомъ прусскiя «Höhere Töchterschulen» въ учебно-воспитательномъ отношенiи достигли также полнаго единства.

Въ настоящее время всѣ Höhere Töchterschulen въ Германiи (за исключенiемъ Баварiи) устроены согласно постановленiямъ Берлинской конференцiи 1875 года. Каждая изъ нихъ придерживается

утвержденной въ законодательномъ порядкѣ правительствомъ (за исключеніемъ Пруссіи) таблицы недѣльныхъ уроковъ, учебныхъ плановъ по каждому предмету, равно какъ и общихъ указаній относительно учебно-воспитательнаго и административнаго устройства съ тѣми для каждаго учебнаго заведенія измѣненіями, которыя на основаніи опыта признаны были необходимыми.

Для примѣра привожу здѣсь нынѣ дѣйствующее росписаніе уроковъ въ дрезденской *städtischer Höherer Töchterschule*:

	Высшее отдѣленіе.				Среднее отдѣленіе.			Элементарное отдѣленіе.			Всего уроковъ въ недѣлю.
	КЛАССЪ.				КЛАССЪ.			КЛАССЪ.			
	I.	II.	III	IV.	V.	VI.	VII	VIII	IX.	X.	
1. Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	4	4	4	26
2. Нѣмецкій языкъ	4	5	4	4	5	5	6	8	8	11	60
3 Французскій »	5	5	5	5	5	5	5	—	—	—	35
4. Англійскій »	4	4	4	4	—	—	—	—	—	—	16
5. Исторія { Kulturgeschichte. . . .	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Geschichte	1	1	2	2	2	2	2	—	—	—	
6. Географія	1	2	2	2	2	2	2	1	—	—	14
7. Естествовѣдѣніе и физика . . .	2	2	2	2	2	2	2	—	—	—	14
8. Математика	2	2	2	2	3	3	3	4	4	4	29
9. Чистописаніе	—	—	—	—	2	2	2	3	4	—	13
10. Рисованіе	2	2	2	2	2	1	—	—	—	—	11
11. Пѣніе	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	8
12. Гимнастика	—	—	2	2	2	2	2	1	1	1	13
13. Рукодѣліе	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	20
14. Педагогика (Erziehungslehre) . .	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Въ недѣлю уроковъ	30	30	30	30	30	29	29	24	23	22	277

Кромѣ того въ I и II классахъ по 2 урока въ недѣлю гимнастики необязательно.

Мнѣнія нѣмецкихъ педагоговъ. Прежде чѣмъ закончить о Höheren Töchterschulen, не лишнее привести нѣкоторые заключенія и вы-

воды нѣмецкихъ педагоговъ, касающіеся воспитанія женщинъ, равно какъ выдержки изъ рѣчи министра народнаго просвѣщенія г. Гослера при открытіи десятаго собранія нѣмецкихъ педагоговъ, 5 октября 1886 года.

Большинство нѣмецкихъ педагоговъ не отвергало, какъ это видно изъ словъ директора Шорнштейна, что «развивающее, регулирующее мышленіе, слѣдовательно генетическій методъ, точно такъ же необходимъ для дѣвочки, какъ и для мальчика, но главное вниманіе должно при этомъ обращаться на сторону ея чувства. Смотря по тому, въ какой мѣрѣ извѣстное дѣло овладѣетъ чувствомъ женщины, въ ней является интересъ къ нему, вниманіе, мышленіе и стремленіе. Поэтому учитель долженъ умѣть возбуждать сочувствіе къ своему предмету, и это ему удастся только въ такомъ случаѣ, если въ учебномъ матеріалѣ выдвинуто то, что можетъ тронуть душу, т. е. имѣетъ отношеніе къ чувству истины, добра и прекраснаго. Гдѣ этого нельзя найти, тамъ *нужно спросить себя, имѣетъ ли данный матеріалъ цѣну и пригодность для женскаго ученія*».

«Въ Höherer Töchterschule»—говоритъ директоръ Шорнштейнъ—«воспитаніе составляетъ главную задачу, для исполненія которой всѣ другія стороны училища должны быть поставлены въ подчиненное отношеніе, потому что женщина должна быть хранительницей нравственности и видѣть въ этомъ назначеніи свое главное достоинство, въ исполненіи же его — святое призваніе по отношенію къ семьѣ и государству».

«Для сохраненія женственности слѣдуетъ пріучать ученицъ къ непосредственному воспріятію и пониманію явленій внѣшняго и внутренняго міра, явленій изъ области природы, жизни человѣчества, языка и искусства. Развивая въ нихъ способность воспринимать и съ любовью усваивать все прекрасное и благородное, *не прибѣгая къ анализу, а единственно чутьемъ*, при посредствѣ своего рода душевнаго инстинкта, женское училище направитъ дѣйствительно присущія имъ дарованія на служеніе дѣлу общественнаго и семейнаго воспитанія и вѣрнѣе всего поможетъ достиженію той цѣльности существа, той прекрасной гармоніи, которая признается неоспоримымъ преимуществомъ женщины. Для достиженія этой цѣли преподаватели должны знать способы возбужденія въ ученицахъ интереса къ предметамъ обученія. Поэтому преподаваніе въ Höheren Töchterschulen, для того,

чтобы оно вполнѣ соотвѣтствовало вышеизложеннымъ указаніямъ, требуетъ таланта, опытности и любви къ дѣлу».

«Не спеціальныя свѣдѣнія для занятія государственныхъ и общественныхъ должностей, не «Erwerb und Gewinn», но свѣдѣнія, которыя сообщатъ всему ея существу гармоническую цѣльность, могутъ помочь ей хранить идеальную сторону человѣчества и, посредствомъ природой ей данныхъ даровъ сердца, направлять духъ семьи отъ матеріальнаго и реальнаго къ идеальному, отъ чувственнаго къ вѣчному». (O. Richter, Ideen über die Erziehung).

Прусскій министръ народнаго просвѣщенія г. Гослеръ говорилъ: «Промышленныя отношенія сдѣлались до такой степени затруднительны, что вопросъ *«что будетъ съ нашими дочерьми?»* весьма сильно волнуетъ сердца родителей и друзей народа»... «Основы, на которыхъ росла нѣмецкая женщина, мы должны передать послѣдующимъ поколѣніямъ не только не ослабленными, но, если Богъ поможетъ, еще болѣе укрѣпленными. Нѣмецкая женщина—хранительница всего истиннаго, христіанскаго, гуманнаго и идеальнаго, всегда будетъ хранительницей дома и семейства»... «Мы должны стремиться къ тому, чтобы передать будущимъ поколѣніямъ не извращенными качества нѣмецкой женщины. Домъ и семья были и навсегда должны остаться сообразнымъ съ природою, кругомъ дѣятельности женщины, а потому занятіе науками и искусствами не должно быть разсматриваемо, какъ главная задача»... «Главная мысль учебнаго плана—гармоническое образованіе сердца и ума, характера и физическаго здоровья»... *Ради денежнаго вопроса нужно оставить прежнія частныя женскія училища въ восточныхъ провинціяхъ въ прежнемъ неудовлетворительномъ положеніи»*...

Достоинства Höherer Töchterschulen въ Германіи. Относительно достоинствъ нѣмецкихъ Höherer Töchterschulen и того педагогическаго развитія, какого онѣ достигли въ настоящее время, краснорѣчиво говоритъ нашъ русскій педагогъ М. Стефановичъ [1]), хорошо знакомый съ положеніемъ женскаго образованія въ Германіи. «Вообще нѣмецкія Höhere Töchterschulen»—говоритъ г. Стефановичъ—«имѣютъ нѣкоторые существенные недостатки, но эти недостатки искупаются съ избыткомъ неоспоримыми достоинствами, заключающимися въ точно

---

[1]) „Журн. Министер. Народ. Просвѣщ". Декабрь 1886, 68.

опредѣленной цѣли и въ задачѣ этихъ училищъ, въ уваженiи къ училищнымъ порядкамъ, обнаруживающемся въ поразительной на нашъ взглядъ дисциплинѣ, несмотря на недостатокъ средствъ надзора. Директоръ Victoria-Schule въ Данцигѣ говорилъ мнѣ, что уже нѣсколько лѣтъ его слово служитъ единственнымъ наказанiемъ. Сколько я могъ замѣтить, ученицы питаютъ глубокое, чисто дѣтское уваженiе къ директору, учителямъ и учительницамъ. Мнѣ случалось бесѣдовать съ нѣкоторыми бывшими ученицами одного училища. Съ какимъ удовольствiемъ вспоминаютъ онѣ о времени пребыванiя ихъ въ училищахъ, особенно о директорѣ!»

«Обращенiе учащихъ съ ученицами самое кроткое; они называютъ ученицъ младшихъ классовъ по именамъ, а не по фамилiямъ, и дѣти относятся къ учащимъ весело, непринужденно, такъ что бросается въ глаза чисто семейный характеръ отношенiй, хотя нѣтъ и тѣни поблажки. Въ то же время ученицы смотрятъ на распоряженiя директора, какъ на требованiе закона, потому что не въ обычаѣ въ Германiи, чтобы учащiеся знали какую-нибудь другую власть кромѣ своего непосредственнаго начальника. Благодаря такому положенiю начальника учебныхъ заведенiй не парализуется въ сознанiи учащихся и уваженiе къ власти, которое по выходѣ изъ училища они уносятъ съ собою въ жизнь. Не удивительно поэтому, что нѣмецкая школа воспитываетъ въ учащихся законность и уваженiе къ предержащимъ властямъ. Но самое важное достоинство этихъ училищъ—то, что они дѣйствительно воспитываютъ въ ученицахъ патрiотическое настроенiе и искреннюю любовь къ своимъ государямъ и къ императорскому дому».

Частныя «Höhere Töchterschulen». Все вышесказанное о цѣлесообразной постановкѣ школьнаго дѣла относится къ школамъ, содержимымъ на правительственныя, городскiя или общественныя средства. Но наряду съ такими школами все больше развивается частная предпрiимчивость, и возникаютъ женскiя школы, которыя, въ силу соблюденiя необходимыхъ законныхъ требованiй, имѣютъ право называться также «Höhere Töchterschulen» и являются поистинѣ злокачественной раной женскаго школьнаго вопроса въ Германiи. Директора этихъ частныхъ «Höherer Töchterschulen» самыми беззастѣнчивыми рекламами и прiемами отбиваютъ ученицъ, соблазняя родителей или обширностью своей программы, въ которую входятъ и Krankheitspflege и Gesundheits-

pflege и проч., и проч., или особымъ легкимъ способомъ преподаванія (не обращая, разумѣется, вниманія на познанія оканчивающихъ), или наконецъ удобствами для иногороднихъ интерната съ ручательствомъ за успѣхи и въ наукахъ.

Въ такихъ школахъ преподаваніе далеко не соотвѣтствуетъ требованію, и появились даже особые учебники исторіи и географіи, въ которыхъ выбраны только идиллическіе стороны и факты, притомъ въ совершенно извращенномъ видѣ и изложенные бездарно слащавымъ языкомъ. И изъ-за такихъ то учебниковъ и учителей падаетъ упрекъ на всѣ училища. Одинъ критикъ иронически замѣчаетъ, что высшія женскія училища вмѣсто географіи предлагаютъ описаніе женскихъ нравовъ, романтическихъ долинъ и уединенныхъ лѣсовъ, въ которыхъ не бушуетъ духъ природы и человѣка, какъ будто Божій міръ состоитъ изъ острововъ сентиментальности! Изъ исторіи выбираютъ только пріятное и, предоставляя воинственному гимназисту Александра Македонскаго и Наполеона, знакомятъ дѣвушку, жаждущую образованія, съ героинями въ родѣ г-жи Сталь, какъ будто Богъ сотворилъ особенную исторію для женскихъ сердецъ! Такое положеніе частныхъ школъ тѣмъ болѣе грустно, что школьный вопросъ, въ сущности, составляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ исторіи культурнаго развитія Германіи.

Семинаріи для учительницъ въ Германіи. Естественно что въ странѣ, гдѣ школьное дѣло достигло такой высоты, невольно обращаетъ на себя вниманіе и тѣсно связанная съ нимъ подготовка педагоговъ. Учительское поприще въ Германіи составляетъ цѣлое учительское сословіе—*einen Lehrenstand*, — въ которомъ женщина занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Преподавательская дѣятельность ея не только въ народныхъ и городскихъ школахъ, но и въ младшихъ классахъ Höheren Töchterschulen пустила глубокіе корни, чему способствуетъ хорошая подготовка, получаемая въ семинаріяхъ.

Семинаріи для учительницъ— «*Lehrerinnen Seminar*» или стоятъ отдѣльно, или соединены съ «Töchterschule», которая по программѣ— ниже «Höhere Töchterschule», такъ какъ заимствуетъ лишь восемь низшихъ классовъ послѣдней, хотя и представляетъ самостоятельный законченный курсъ, подготовляющій къ поступленію въ семинарію. Въ семинаріи 5 классовъ; въ начальный классъ принимаются дѣвушки не моложе 14 лѣтъ, слѣдовательно выходятъ изъ заведенія не ранѣе

*

19-ти лѣтняго возраста. Для поступленія требуется окончаніе или 8 классной Töchterschule, или первыхъ 8 классовъ Höherer Töchterschule. Въ 5 классной семинаріи кромѣ увеличеннаго объема общеобразовательныхъ предметовъ проходятся еще: педагогика по 4 урока въ каждомъ изъ трехъ старшихъ классовъ (III, II и I) и практика школьнаго дѣла (по 3 урока во II и I кл.). Музыка и теорія музыки по 2 урока и стенографія—не обязательны. Младшіе 2 класса (V и IV) семинаріи не что иное какъ II и I классы Höherer Töchterschule, слѣдовательно, окончившія послѣднюю могутъ поступить прямо въ III (т. е. первый спеціальный) классъ семинаріи. Однако директора семинарій неохотно принимаютъ окончившихъ Höhere Töchterschulen, такъ какъ хотя изъ такихъ и выходятъ хорошія учительницы, по словамъ директора королевской семинаріи въ Дрезденѣ, въ общемъ онѣ ни по семейному, ни по общественному положенію не принадлежатъ къ тому классу, изъ котораго долженъ вырабатываться контингентъ учительницъ. Потому то въ семинарскій курсъ помимо трехъ (старшихъ) спеціальныхъ классовъ, включены еще 2, служащіе дополнительными для поступающихъ въ семинарію изъ 8 классныхъ Töchterschulen (не Höheren), гдѣ преимущественно и обучаются дѣвушки изъ того сословія бюргерства, изъ котораго, по мнѣнію многихъ педагоговъ, создается наилучшій контингентъ учительницъ для народныхъ и городскихъ школъ и для младшихъ классовъ Höherer Töchterschulen. Слѣдуетъ еще добавить, что прусскія учительскія семинаріи стоятъ несравненно выше саксонскихъ.

Высшее женское образованіе. О высшемъ образованіи германскихъ женщинъ можно сказать немного. Въ 1876 г. въ Берлинѣ открыты были акушерскіе курсы съ довольно солидной программой и основаны высшіе женскіе курсы подъ покровительствомъ кронпринцессы—теперешней вдовствующей королевы Викторіи—Victoriaschule. Хотя преподаваніе въ нихъ значительно ниже, чѣмъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ мужскихъ, тѣмъ не менѣе они носятъ университетскій характеръ. Подобные же курсы основаны были частными учредителями и въ другихъ городахъ.

Въ текущемъ столѣтіи первымъ государствомъ, открывшимъ женщинамъ доступъ въ университетъ, была Швейцарія въ шестидесятыхъ годахъ. Вторымъ по времени оказалась Германія: въ 1865 году медицинскій факультетъ Мюнхенскаго университета принялъ первую

студентку. Въ 1868 г. въ Мюнхенѣ находилось 8, а въ слѣдующемъ году — 16 женщинъ-студентокъ. Между тѣмъ противники высшаго женскаго образованія не дремали, и пріемъ женщинъ въ университеты былъ воспрещенъ. Въ 1873 г. Лейпцигскій университетъ сталъ опять принимать женщинъ, но въ качествѣ вольныхъ слушательницъ. Въ 1880 г. послѣдовало распоряженіе прусскаго министра народнаго просвѣщенія, воспретившее доступъ женщинъ къ университетскому образованію въ Пруссіи, чему послѣдовали университеты и другихъ государствъ Германіи.

Женщинамъ, получившимъ медицинское образованіе въ заграничныхъ университетахъ, въ 1880 г. было воспрещено заниматься практикой, но въ томъ же году двѣ изъ нихъ получили разрѣшеніе безвозмездно принимать больныхъ женщинъ и дѣтей. Отсюда видно, что германское правительство допустило врачебную практику женщинъ не въ видѣ профессіи и конкуренціи въ борьбѣ за существованіе съ врачами, а въ видѣ благотворительности, предполагая, что въ такой именно формѣ медицинская дѣятельность женщинъ не можетъ имѣть серіознаго распространенія. Однако впослѣдствіи врачебная практика была опять разрѣшена женщинамъ. Въ Берлинѣ существуетъ поликлиника, основанная и управляемая женщинами-врачами, г-жами Тибурціусъ и Лемусъ (*Tiburtius* и *Lehmus*). Учрежденная въ 1876 г. поликлиника съ каждымъ годомъ становится все болѣе популярной, и въ 1887 г. въ ней находилось не менѣе 1,386 больныхъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ также практикуетъ женщина-врачъ, пользующаяся большимъ довѣріемъ. Кромѣ того небезизвѣстна дѣятельность женщины-врача Маргарини-Траубе, дочери знаменитаго профессора Людвига Траубе, и др. Въ Вѣнѣ одна женщина-врачъ получила въ концѣ 1885 г. званіе придворнаго врача императрицы, что, по всей вѣроятности, окажетъ благотворное вліяніе на распространеніе женской медицинской дѣятельности въ Австріи, такъ какъ свидѣтельствуетъ о полномъ сочувствіи императрицы къ этому вопросу.

Женское образованіе въ Швейцаріи. Необходимость женскаго профессіональнаго образованія, организованнаго на разумныхъ началахъ, сказалась прежде всего въ Швейцаріи, гдѣ нѣсколько ранѣе пятидесятыхъ годовъ появились, по иниціативѣ частныхъ обществъ, женскія профессіональныя школы, имѣвшія цѣлью содѣйствовать улучшенію рукодѣлія. Но вскорѣ явилась необходимость открыть женскія

школы, гдѣ дѣвушки могли бы изучать другія ремесла и разныя отрасли торговли и промышленности. Число такихъ школъ въ Швейцаріи быстро возрастало, и въ настоящее время онѣ достигли весьма солидныхъ результатовъ.

Швейцарское правительство, отпускающее ежегодно ровно половину своихъ государственныхъ доходовъ на народное образованіе, принимаетъ горячее участіе не только въ подъемѣ общаго умственнаго и нравственнаго уровня своихъ гражданъ, но и въ экономическомъ ихъ благосостояніи. Мужскія и женскія профессіональныя школы устроены здѣсь на такихъ же широкихъ началахъ какъ и общеобразовательныя народныя муниципальныя школы съ тою лишь разницею, что въ послѣднихъ дѣти обоего пола обучаются безплатно, а въ профессіональныхъ — за весьма умѣренную ежегодную плату, получая образованіе, соотвѣтствующее избранной специальности.

Когда со второй половины текущаго столѣтія въ Европѣ былъ поставленъ на очередь вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, швейцарское правительство прежде другихъ гостепріимно раскрыло для женщинъ двери своихъ университетовъ. Какъ извѣстно, въ 1867 г. первая русская женщина г-жа Суслова, окончившая курсъ Цюрихскаго университета, была удостоена диплома доктора медицины и, возвратясь въ Россію, въ видѣ исключенія, получила право заниматься медицинской практикой. Затѣмъ число женщинъ въ университетскихъ аудиторіяхъ съ каждымъ годомъ все возрастаетъ, и въ 1872 г. общее число студентокъ того же Цюрихскаго университета достигло уже 109, изъ коихъ 54 русскихъ (44 на медицинскомъ факультетѣ и 10 на словесномъ), остальныя 55 женщинъ принадлежали къ разнымъ національностямъ. Изъ 109 слушательницъ до окончанія курса выбыло всего 4, прочія же успѣшно окончили полный курсъ и были удостоены университетскихъ дипломовъ.

Въ 1870 г. Вюрцбургскій университетъ (медицинскій факультетъ) сдѣлалъ запросъ Цюрихскому относительно занимающихся тамъ женщинъ. Въ отвѣтъ на это профессора Цюрихскаго университета дали самый благопріятный отзывъ какъ о посѣщеніи слушательницами лекцій, такъ и объ ихъ практическихъ занятіяхъ въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, гдѣ онѣ выполняли свои работы съ замѣчательнымъ умѣніемъ и стараніемъ. Профессора указали также на безупречное поведеніе студентокъ и на то, что присутствіе ихъ въ аудиторіяхъ не

только не вызываетъ какихъ-либо непріятностей со стороны студентовъ, но, напротивъ, оказываетъ благотворное вліяніе на послѣднихъ.

Въ 1871 г. была допущена первая женщина въ цюрихскую политехническую школу (Politechnicum) на механическій отдѣлъ; въ 1872 г. одна поступила на химическій и одна на механическій отдѣлъ. Всѣ три были русскія, и, несмотря на весьма трудный пріемный экзаменъ, онѣ были приняты полноправными слушательницами и отлично окончили курсъ. Въ 1872 г. въ политехнической школѣ Цюриха было 80 вольнослушательницъ. Затѣмъ въ 1881 г. въ Цюрихскомъ университетѣ насчитывалось всего 11 женщинъ на медицинскомъ факультетѣ и 9 на словесномъ; въ Женевѣ—59 преимущественно на словесномъ (философскомъ), слѣдовательно въ этомъ году въ трехъ университетахъ было столько, сколько въ 1872 г. въ одномъ Цюрихскомъ. Это уменьшеніе числа студентокъ въ швейцарскихъ университетахъ въ 1881 г. сравнительно съ 1872 объясняется тѣмъ, что, во-первыхъ, 50% слушательницъ въ 1872 году составляли русскія, а съ 1871 г. въ Петербургѣ открыты были «Женскіе врачебные курсы», благодаря чему огромное большинство женщинъ предпочло изучать медицину на родинѣ; во-вторыхъ, многія женщины въ 1872 году предпочитали именно Цюрихскій университетъ другимъ швейцарскимъ, слѣдуя въ данномъ случаѣ безотчетно примѣру русскихъ піонерокъ, благодаря которымъ Цюрихскій университетъ можно считать колыбелью высшаго образованія европейской женщины; въ третьихъ—съ 1872 г. во Франціи, Англіи, Россіи и другихъ государствахъ сдѣлано весьма много для улучшенія женскаго образованія [1]).

Höhere Töchterschulen въ Швейцаріи по программѣ своей аналогичны германскимъ, почему, какъ и въ Германіи, онѣ не въ состояніи дать должную подготовку для университетскаго образованія. Швейцарской дѣвушкѣ по окончаніи Höherer Töchterschule необходимо еще серіозно заняться частнымъ образомъ, чтобы выдержать вступительный университетскій экзаменъ—«*Maturitäts Examen*», что, конечно, сильно затрудняетъ доступъ къ высшему образованію и является одной изъ главныхъ причинъ, почему швейцарскія дѣвушки составляютъ наименьшій процентъ между слушательницами швейцарскихъ университетовъ. Это обстоятельство вызвало въ нѣкоторыхъ кантонахъ

---

[1]) *Овцынъ.* Развитіе женскаго образованія, 9.

мѣры къ устраненію препятствія къ высшему образованію, при чемъ таковыя весьма неодинаковы. Такъ, напримѣръ, въ Цюрихѣ предложено два способа: разрѣшеніе дѣвушкамъ посѣщать мужскія гимназіи и реальныя училища и уравненіе значенія диплома учительской семинаріи съ гимназическимъ аттестатомъ зрѣлости (*Gymnasialmaturitätszeugniss*). Послѣдняя мѣра предпринята цюрихской «*Erziehungsdirection*» по соглашенію съ учительскимъ совѣтомъ въ апрѣлѣ 1890 года [1]).

Неудовлетворенность существующей школой и потребность въ высшемъ женскомъ образованіи въ Германіи. Несмотря на цѣлесообразность существующихъ нынѣ женскихъ средне-учебныхъ заведеній, въ Германіи образовалась партія, стремящаяся къ полному уравненію мужчинъ и женщинъ въ дѣлѣ образованія: она не перестаетъ нападать въ своихъ печатныхъ органахъ на «*Höhere Töchterschulen*», требуя устройства женскихъ гимназій, равныхъ мужскимъ по программѣ. Эта партія сама по себѣ не имѣла бы значенія, если бы къ ней не присоединились нѣкоторые, пользующіеся большимъ уваженіемъ, женскіе ферейны, добиваясь того же расширенія программы женскаго образованія, какъ это видно изъ петицій, поданныхъ женскимъ обществомъ «Reform» германскому рейхстагу въ 1890 г. и австрійскими ферейнами въ палату депутатовъ.

Недостаточность прохожденія одной Höherer Töchterschule ощущается всѣми уже вслѣдствіе вопроса: «что будетъ дѣлать дома 16—17-ти лѣтняя дѣвушка по выходѣ изъ училища»? И въ настоящее время нерѣдко такихъ дѣвицъ отправляютъ по окончаніи Höherer Töchterschule въ иностранные (бельгійскіе, швейцарскіе, англійскіе) или мѣстные французскіе пансіоны, гдѣ будущія матери меньше всего могутъ проникнуться нѣмецкимъ духомъ. Кромѣ того, поступая съ шести лѣтъ въ десятиклассное училище, большинство ученицъ кончаетъ курсъ въ 16 лѣтъ, когда дѣвушка только что начинаетъ выходить изъ переходнаго возраста и когда только и можно начинать болѣе серіозныя занятія. Такъ, напримѣръ, многія, въ высшей степени полезныя и образовательныя произведенія отечественной и иностранной литературы возможно читать подъ руководствомъ учителя 18—19-ти лѣтнимъ дѣвушкамъ, но они еще недоступны въ 16 лѣтъ.

---

[1]) „*Frauenberuf*“ 1890, 3 и 4, 125; 5, 164.

Съ неменьшей энергіей слышится требованіе доступа женщинамъ къ университетскому образованію. Способность нѣмецкой женщины къ воспріятію высшаго образованія видна уже по возрастающему числу германскихъ студентокъ въ швейцарскихъ университетахъ и далеко не единичными фактами публичнаго участія женщинъ въ научныхъ диспутахъ [1]).

Обращаясь къ нѣмецкой литературѣ, мы видимъ, что только и единственно благодаря дѣятельному участію въ ней женщины она уцѣлѣла отъ направленія крайняго реализма и сохранила еще какъ беллетристику, такъ и поэзію, затрогивающую лучшія стороны душевной жизни. Въ то время, какъ болѣе крупные мужскіе таланты, какъ Шопенгауеръ, Шпильгагенъ и другіе впадаютъ въ тонъ философскаго резонерства и даютъ въ своихъ произведеніяхъ лишь умно и талантливо составленную комбинацію жизни съ назидательными тенденціями, менѣе даровитыя силы пускаются въ обработку сенсаціоннаго матеріала съ такъ называемымъ реалистическимъ направленіемъ или же фабрикуютъ либо юмористическія пошлости въ родѣ: «Für lustige Hagestolze» («Для веселыхъ холостяковъ»), либо слащавые и до пошлости извращенные нравственные романы для молодыхъ женщинъ и дѣвицъ. Всѣ же беллетристическія произведенія, которыя могутъ давать серіозную пищу уму и сердцу и воспитывать гуманныя начала въ подростающемъ поколѣніи, принадлежатъ перу женщины. Представительницами этого направленія литературы являются: *Wil-*

---

[1]) Таковъ, напр., случай въ началѣ 1889 года въ Берлинскомъ Историческомъ Обществѣ. На каѳедрѣ, съ которой читали свои доклады Ранке, Момзенъ, Трейчке, Реппель и др., впервые выступила женщина, г-жа Елизавета Лемке (Elisabeth Lemke) съ докладомъ объ историческихъ обычаяхъ народа въ восточной Пруссіи. Съ трудомъ удалось ей добиться допущенія въ ученое общество и еще передъ самымъ засѣданіемъ слышались протесты противъ появленія въ немъ «синяго чулка». При полномъ молчаніи всего собранія г-жа Лемке начала рѣчь свою съ извиненія. „Я извиняюсь“, говорила она, „но не за смѣлость, съ которою вторглась въ ваше общество, такъ какъ я твердо вѣрю, что каждый смертный, будь это богачъ или бѣднякъ, аристократъ или парвеню, мужчина или женщина, имѣютъ полное право выступить въ ученомъ обществѣ, разъ у него имѣются интересныя добытыя имъ свѣдѣнія. Я извиняюсь, лишь за мое волненіе и за неопытность говорить въ такомъ обществѣ“. Послѣ такого вступленія она плавно и ясно изложила результаты добытыхъ ею, частью еще совершенно неизвѣстныхъ данныхъ, и по окончаніи была награждена единодушными аплодисментами. Вызванныя докладомъ оживленныя пренія, въ которыхъ докладчица принимала дѣятельное участіе, вполнѣ доказали основательность ея историческихъ познаній и умѣніе въ полномъ смыслѣ слова «защитить» свои доводы.

helmine v. Hillern («Am Kreuz» и пр.), *W. Heimburg* («Herzens Krise» и пр.) и много друг. То же относится и къ лирической литературѣ, которая почти всецѣло перешла въ руки женщинъ и нашла такихъ достойныхъ представительницъ, какъ *Louise Hitz* («Gedichte» 1882, «Lieder des Leides», «Bilder aus Geschichte u. Sage» и пр.), *Auguste Meyer* («Dichten u. Denken» 1886), *Hermine v. Hillern* («Jugendträume» 1881, «Der Skalde» и пр.) и друг. Къ этимъ крупнымъ величинамъ примыкаетъ еще много второстепенныхъ именъ, которыя содѣйствуютъ сохраненію болѣе серіознаго направленія въ литературѣ.

Подобное же благотворное вліяніе, которое кромѣ Германіи встрѣчаемъ только въ англійской литературѣ, оказываетъ женщина своимъ непосредственнымъ участіемъ и въ живописи, спасая ее отъ упадка, угрожавшаго благодаря спекулятивной погонѣ за реальностью или, вѣрнѣе, за изображеніемъ голаго тѣла и наглаго выраженія натурщицъ.

Но всѣми своими заслугами въ литературѣ и живописи женщина обязана лишь своимъ природнымъ дарованіямъ, которыя, однако, для своего развитія требуютъ болѣе серіознаго философскаго и художественнаго образованія. Поэтому она не можетъ успѣшно конкурировать хотя бы и съ менѣе талантливымъ, но болѣе подготовленнымъ умственно мужчиной, который, въ силу прогрессирующаго вырожденія талантовъ, все болѣе поддается соблазнительной фабрикаціи ходкаго товара съ реалистическимъ, а часто и просто пошлымъ развращающимъ пошибомъ. Такимъ образомъ, легко можетъ случиться, что женщина, серіозно выступившая на литературное поприще лишь за послѣдніе 25 лѣтъ, будетъ оттѣснена, падетъ ея вліяніе на литературу и живопись, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ пасть и художественный ихъ характеръ. Съ отклоненіемъ же литературы и живописи изъ міра духовнаго въ міръ чувственный, нація глубоко проникается язвой чувственности и матеріализма; для нея нѣтъ будущности, она живетъ лишь чувственными инстинктами настоящаго и съ нимъ для нея умираетъ все.

Петиціи за учрежденіе женскихъ гимназій наравнѣ съ мужскими и за университетское образованіе женщинъ. Выше было упомянуто, что броженіе въ пользу высшаго женскаго образованія выразилось офиціально въ формѣ разныхъ петицій о разрѣшеніи женскаго университетскаго образованія и объ уравненіи среднихъ женскихъ учеб-

ныхъ заведеній по объему проходимыхъ предметовъ и правамъ съ мужскими гимназіями и реальными училищами. Первая подобная петиція была составлена и подана въ 1888 г. прусскому, вюртембергскому и баварскому министрамъ народнаго просвѣщенія женскимъ ферейномъ «Reform» въ Веймарѣ. Въ 1889 году тотъ же ферейнъ и съ тою же петиціей обратился къ министрамъ народнаго просвѣщенія другихъ германскихъ государствъ. Наконецъ, въ началѣ 1890 г. она была внесена въ германскій рейхстагъ.

Требованія этой петиціи сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующему [1]).

a) Учрежденіе женскихъ гимназій съ программой, равной мужскимъ гимназіямъ, назначеннымъ служить для подготовленія юношества къ университетскому образованію.

b) Дарованіе этимъ гимназіямъ правъ наравнѣ съ правами мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія.

c) Разрѣшеніе пріема женщинъ въ университеты и прочія высшія учебныя заведенія.

d) Разрѣшеніе женщинамъ занимать тѣ ученыя должности, утверждаемыя правительствомъ, къ которымъ онѣ окажутся дѣйствительно способными и научно подготовленными.

Еще сильнѣе выразилось это стремленіе къ высшему научному образованію въ Австріи, гдѣ 10-го марта 1890 г. богемскими женщинами подана была петиція въ палату депутатовъ, а вскорѣ послѣ того въ австрійскую палату депутатовъ внесена петиція отъ вѣнскихъ женскихъ ферейновъ, подписанная слишкомъ 3,000 членовъ шести ферейновъ [2]). Въ ней ходатайствуется о предоставленіи женщинамъ наравнѣ съ мужчинами систематическаго университетскаго образованія на философскомъ и медицинскомъ факультетахъ, академическихъ степеней и права получать каѳедры въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и заниматься въ Австро-Венгріи медицинской практикой въ качествѣ женскихъ и дѣтскихъ врачей [3]).

---

[1]) „Frauenberuf“ 1890. 6. 196.

[2]) *„Der Verein für erweiterte Frauenbieldung“*—240 чел., *„Wiener Hausfrauen-Verein“*—2,061 чел., *„Verein der Lehrerinnen u. Erzieherinnen“*—600 чел., *„Verein d. provisor. u. privaten Lehrerinnen“*—120 чел., *„Verein der Schriftstellerinnen u. Künstlerinnen“*—75 чел., *„Verein der Musiklehrerinnen“*—25 чел.

[3]) „Frauenberuf“ 1890. 7. 237.

Значеніе образованности женщины для сохраненія семейныхъ основъ и будущности націи. Благодаря быстрому развитію средняго и высшаго мужского образованія со временъ реформаціи, женщина значительно отстала въ умственномъ развитіи отъ мужчины одного съ нею круга, и нарушилось то интеллектуальное равновѣсіе половъ, которое составляетъ основу семейныхъ началъ. Однако, въ силу вѣковыхъ традицій, выработавшихся еще тогда, когда женская образованность стояла выше мужской, строгость семейной жизни и эмпирическое гуманитарное воспитаніе держались и переходили въ нѣмецкой бюргерской семьѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію несмотря на то, что, съ одной стороны, бюргерская аристократія роднилась и сближалась съ обѣднѣвшими дворянскими фамиліями, подражая имъ въ роскоши и нравственной распущенности, съ другой—низшіе классы, испорченные нищенствующимъ монашествомъ и прочимъ клерикальнымъ сбродомъ, по мѣрѣ возростанія ихъ благосостоянія все больше сливались съ высшимъ бюргерствомъ, и, такимъ образомъ, нормальный строй средней нѣмецкой семьи подтачивался и сверху и снизу. Вліяніе традицій было настолько сильно, что семья средняго интеллигентнаго бюргера вплоть до начала текущаго столѣтія рельефно выдѣлялась гармоничностью, строгостью и гуманитарнымъ характеромъ своихъ основъ.

Съ началомъ настоящаго столѣтія все замѣтнѣе стали падать нравственныя начала семейной жизни въ этомъ классѣ населенія. Нѣкоторые писатели исторіи культурнаго развитія Германія (Scherr, стр. 487, и друг.) приписываютъ это вліянію развратныхъ французовъ, въ качествѣ эмигрантовъ во время и послѣ великой революціи, а затѣмъ — побѣдителей при Наполеонѣ I, разсѣявшихся по всей странѣ. Не отрицая справедливости этого положенія, слѣдуетъ, однако, замѣтить, что должно строго разграничивать вліяніе культурной жизни одной націи на другую и враждебнаго войска на занятую имъ страну. Поэтому отрицательное дѣйствіе французовъ на германскіе нравы нельзя приписывать низкой степени нравственнаго уровня всей націи, а именно вліянію войны, благодаря которой заглушаются лучшія стороны человѣка, разжигаются животные инстинкты, и всякое войско послѣ нѣсколькихъ крупныхъ побѣдъ является развращающимъ элементомъ въ непріятельской землѣ. Достаточно припомнить, какъ деморализующе повліяли нѣмецкія войска на жителей Франціи въ 1871 г.

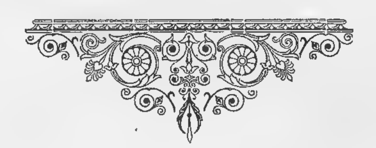
Нѣтъ сомнѣнія, что французы, наводнившіе Францію во времена

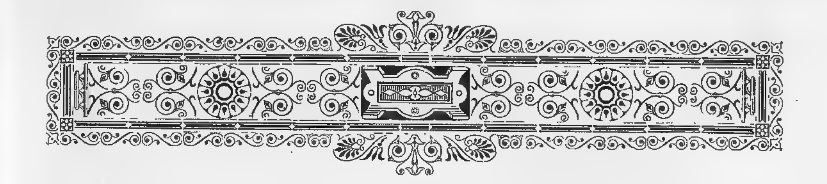
Наполеона I, дали сильный толчокъ къ упадку нравовъ и семейной жизни въ среднемъ классѣ германскаго населенія, но именно потому, что деморализація нашла себѣ слишкомъ хорошо подготовленную почву въ ослабѣвшихъ уже нравственныхъ началахъ семейной жизни. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и Тридцатилѣтняя война (1618—1648 гг.), во время которой тѣ же французскія и испанскія войска, разсѣявшіяся по Германіи, не поколебали семейныхъ основъ, несмотря даже на слѣпое подражаніе аристократовъ всему французскому: въ то время образованіе женщины въ интеллигентномъ классѣ мало чѣмъ отличалось отъ мужского, и строгость семейныхъ началъ не могла рушиться отъ иноземнаго вліянія.

Со временъ Тридцатилѣтней войны государство и общество стали сознавать, что для дальнѣйшаго существованія и развитія народнаго и государственнаго благосостоянія требуется притокъ свѣжихъ силъ, которыя можно выработать лишь путемъ развитія мужского образованія и улучшенія школьнаго дѣла. Но относительно женщинъ ничего въ этомъ смыслѣ предпринято не было, и, такимъ образомъ, нравственные устои семьи остались не обновленными и должны были мало-по-малу ослабѣть настолько, что въ настоящемъ столѣтіи уже достаточно было первой заразы, чтобы вызвать почти повальную болѣзнь.

Съ ослабленіемъ семейныхъ началъ измѣняется и семейно-общественный образъ жизни. Мы видимъ опять деспотическую несправедливость и уменьшеніе уваженія къ женщинѣ въ законѣ, въ обществѣ и въ отношеніяхъ мужа къ женѣ и безсмысленную свободу, предоставляемую дочери именно въ тотъ возрастъ ея (отъ 16—20 лѣтъ), когда она часто не можетъ еще отвѣчать за свой поступокъ, рѣшающій ея судьбу на всю жизнь. Нерѣдко дѣвушка, окончившая *Höhere Töchterschule*, оставаясь безъ всякихъ занятій дома или отъ нечего дѣлать посѣщая частные, яко бы высшіе, или музыкальные курсы, невольно наталкивается на мысль «*auf die Suche gehn*», т. е. присматриваться въ окружающемъ обществѣ, не найдется ли подходящій мужъ. Иногда дѣвушка изъ хорошей семьи, часто встрѣчаясь на свиданіяхъ съ намѣченнымъ мужчиной, лишь послѣ годового и даже болѣе знакомства вводитъ его въ родительскій домъ, если только молодые люди порѣшатъ сойтись на всю жизнь. Конечно, такое предварительное—какъ говорятъ нѣмцы «*harmlose*»—знакомство нерѣдко приводитъ къ очень грустнымъ для дѣвушки послѣдствіямъ.

Насколько и въ Германіи пошатнулись нравственныя и семейныя основы, показываютъ статистическія данныя, изъ которыхъ видно, что число рожденій на каждую тысячу жителей съ 39,1 въ 1865 г. постепенно упало до 36,3 въ 1883 г. Между тѣмъ цифра самоубійствъ между учащимися возросла; такъ, за шестилѣтіе съ 1885 по 1890 гг. въ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи покончило жизнь самоубійствомъ 289 человѣкъ; изъ нихъ 240 человѣкъ въ мужскихъ и 49 въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, на упадокъ общаго нравственнаго уровня указываютъ и учащающіеся уголовные процессы, изъ которыхъ укажемъ для примѣра на процессъ учителя музыки Эмиля Неймана (Emil Neumann) въ Берлинѣ. Въ отчетѣ говорится: «Einige 30 junge Mädchen, fast sämmtlich in noch schulpflichtigem Alter (отъ 12 до 14 лѣтъ), die bei Neumann Musikunterricht hatten, traten gegen Neumann als Zeugen auf. Die Bewiesaufnahme hat, wie aus dem öffentlich verkündeten Urtheil hervorging, haarsträubende Dinge zu Tage gefördert». Предсѣдатель суда, мотивируя приговоръ, сказалъ: «Der artige arge Sittlichkeitsverbrechen sind noch *selten* zur Kenntniss eines Berliner Gerichtshofes gelangt. Mit Rücksicht hierauf, sowie ganz besonders mit Rücksicht auf die Umstand, dass der Angeklagte dieses schamlose Gebahren mit den ihm zum Unterricht anvertrauten jungen Mädchen viele Jahre hindurch betrieb, habe der Gerichtshof, den Antrage des Staatsanwalts entsprechend, auf die höchste zulässige Strafe, d. i. auf 15 Jahre Zuchthaus und 10 Jahre Ehrenverlust erkannt». Могутъ возразить, что въ семьѣ не безъ урода, но имѣющіяся у насъ судебныя данныя и слова самого предсѣдателя, который говоритъ, что такія преступленія не рѣдки, но въ значительной мѣрѣ ускользаютъ отъ судебной кары и огласки, указываютъ, какъ глубоко пустила въ странѣ корни нравственная порча.

РОССІЯ.

Древняя Русь до XVII-аго столѣтія.

Мой постылый мужъ да поднимается,
За шелковую плетку принимается...
Плетка свистнула,
Кровь побрызнула...
(Русская хороводная пѣсня).

Русскіе славяне. Окруженные литовскими и чудско-монгольскими народами, русскіе славяне съ одной только стороны, именно съ юго-запада, примыкали къ остальному славянскому міру, а черезъ него и къ западной Европѣ. По этой причинѣ сношенія ихъ съ юго-западными сосѣдями—поляками, съ самаго же начала пріобрѣли чрезвычайную важность: отъ свойства этихъ сношеній зависѣло большее или меньшее участіе Руси въ исторіи и культурѣ европейскаго Запада, тѣмъ болѣе что единственный кромѣ Польши путь въ Западную Европу—русско-галицкая земля—былъ очень затрудненъ со времени угорскаго нашествія на Паннонію. Хотя племенное различіе между Русью и Польшею, въ сущности, было весьма незначительно, но такъ какъ Польша въ 965 г. подчинилась латинской Церкви и тѣмъ самымъ примкнула къ культурѣ Запада, а Русь въ 988 г. приняла христіанство изъ Греціи, заимствовавъ оттуда же и начатки духовнаго просвѣщенія, то между ними съ первыхъ же временъ ихъ исторіи обнаружилась рознь и установились враждебныя отношенія. Тогда Русь еще тѣснѣе сблизилась съ Византіей, а черезъ нее и съ южными славянами, особенно болгарами, какъ единственнымъ источникомъ родственной цивилизаціи. Однако и эти сношенія были довольно затруднительны, а въ языческія времена—и непріязненны, какъ это до-

казываютъ походы Олега и Игоря въ Царьградъ и Святослава въ Болгарію. Только присоединеніе къ восточной Церкви и принятіе византійскаго богослуженія съ Кирилловской письменностью измѣнило характеръ этихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе вполнѣ дружественными они не сдѣлались и тогда.

Сближеніе съ Греціей и подчиненіе византійской цивилизаціи не мѣшало Руси поддерживать сношенія и съ Западной Европой, насколько это было возможно. Въ XI-омъ и XII-омъ вѣкахъ Новгородъ ведетъ уже дѣятельную торговлю съ Западомъ, Кіевъ служитъ средоточіемъ транзита между Европой и Азіей, русскіе купцы проникаютъ до Царьграда, Регенсбурга и Неаполя, русскіе князья роднятся со скандинавскими и западно-европейскими владѣтельными домами. Король французскій Генрихъ I и императоръ германскій Генрихъ IV были женаты на русскихъ княжнахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе князья столь же охотно роднятся и съ греческими императорами, и съ польскими князьями, и съ половецкими ханами. Таковъ характеръ русскаго народа, съ которымъ онъ во второй половинѣ IX-аго вѣка появляется въ исторіи. Что же касается его первоначальной судьбы, то онъ тоже, подобно своимъ сосѣдямъ и ближайшимъ родичамъ—полякамъ, имѣетъ свой *героическій вѣкъ*, ознаменованный быстрымъ расширеніемъ русскаго государства отъ Днѣпра до Волги и отъ Балтійскаго моря до устьевъ Дона и побѣдами такихъ героевъ-князей какъ Олегъ, Святославъ, Владиміръ и Ярославъ.

Внутренній строй старо-славянской жизни. Отличительный характеръ внутренняго строя старо-славянской жизни составлялъ демократическій духъ общественныхъ учрежденій. *Любовь къ свободѣ и равенству была сильно развита у всѣхъ вообще славянъ*; оттого и *народовластіе* является излюбленной формой ихъ общественной жизни. Вѣча постановляли законы, рѣшали вопросы войны и мира, избирали князей, жупановъ, владыкъ, воеводъ, старшинъ и другихъ правителей. Ни организованнаго жречества привилигированныхъ сословій, ни рабства не было. Военная сила—земская сила. Но въ періодъ историческій этотъ древне-славянскій строй подъ вліяніемъ сношеній съ другими народами или просто вслѣдствіе измѣнившихся условій быта нигдѣ не удержался въ своей первоначальной чистотѣ.

Внутренній строй древне-русской жизни. Вѣчевой образъ правленія и отсутствіе обособленныхъ сословій на Руси мы встрѣчаемъ еще

въ XI-омъ и XII-омъ вѣкахъ въ полной силѣ; въ особенности древніе города на югѣ и западѣ—Кіевъ, Псковъ и Новгородъ—представляютъ всѣ черты древне-славянскаго общественнаго быта [1]). Лишь со времени усиленія сѣверныхъ великорусскихъ княжествъ начинаетъ водворяться и новый государственный порядокъ: исчезаютъ вѣча, усиливается княжеская власть, образуется осѣдлое служивое сословіе—зародышъ будущаго барства. Такимъ образомъ, при эфемерности политическаго существованія и при слабости или чужеземномъ характерѣ внутренняго устройства другихъ славянскихъ народовъ, одна Русь проявила въ этомъ отношеніи зачатки прочной будущности: великорусское племя, въ руки котораго перешло съ XII-аго вѣка все движеніе русской исторіи, еще тогда очевидно стремилось къ водворенію *самодержавія, какъ единственно возможнаго порядка вещей при разбросанности славяно-русскаго населенія на огромныхъ пространствахъ и при вѣчной борьбѣ его съ окружающими инородцами.* Съ другой стороны, самая національная замкнутость великоруссовъ могла быть только спасительной для дѣла славянской народности. Славяне, по свидѣтельству всѣхъ древнѣйшихъ о нихъ писателей, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ искони отличались двумя существенными недостатками, бывшими главной причиной ихъ неудачъ въ исторіи: *племенными раздорами и легкомысленною привязанностью къ чужеземному* [2]).

Взаимныя отношенія древне-русскихъ славянъ. Игрища временъ Нестора и Козьмы Пражскаго не имѣли уже столь грубаго, чисто животнаго характера, какъ это мы видимъ у племенъ полудикихъ, но они носятъ еще слѣды тѣхъ первобытныхъ порядковъ, изъ которыхъ развились до формъ намъ извѣстныхъ [3]). Умыканіе и бракъ были далеко не единственно цѣлью этихъ сборищъ: они устраивались прежде всего для празднествъ въ честь боговъ полового наслажденія, для любви и веселья. Здѣсь царила полная свобода; допускались объясненія въ любви, поцѣлуи, объятія, и матери охотно посылали своихъ дочерей «*поневѣститься*» на игрищахъ. «Тутъ», говоритъ христіанскій обличитель этихъ нравовъ, «стучатъ въ бубны, и гласъ сопѣлій, и гудутъ струны,

[1]) См. *Сергѣевичъ*.—„Князь и вѣче".

[2]) *Петровъ*. II, 112—117.

[3]) *Kulischer* „Die Zuchtwahl bei d. Menschen in Urzeit" въ „Zeitschrift f. Ethnographie". 1876. II.

женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ кличь и вопль, всескверныя пѣсни, и хребтамъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе, тутъ же мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе и паденіе, и женамъ и мужатымъ беззаконное оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніе». Переяславскій лѣтописецъ говоритъ, что при этомъ «отъ плясанія, и отъ очнаго воззрѣнія, и отъ обнаженія мышцъ, и отъ перстовъ ручныхъ показанія, и отъ перстней возлаганія на персты мужіе, также посредствомъ цѣлованія мужчины познавали, которая жена или дѣвица къ юношамъ похотѣніе имать, и плотію съ сердцемъ разжегшися, слагахуся, иныхъ поимающе, а другихъ поругавше, метаху на посмѣяніе». Половою свободою пользовались на этихъ игрищахъ въ особенности дѣвушки, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія хроники и путешественники [1]).

Въ тѣ древнія времена, о которыхъ Козьма Пражскій говоритъ:— «женщины ходили на войну, занимались охотою въ лѣсахъ и образомъ своей жизни не отличались отъ мужчинъ», женихъ, какъ намъ указываютъ былины, искалъ себѣ такой невѣсты, которая была бы ему достойною *«супротивницей» совѣтницей и помощницей*. Невѣста тоже хотѣла имѣть мужемъ хорошаго *«супротивника»*, ровню.

Упоминаемая Несторомъ форма «умыканія» была уже значительнымъ смягченіемъ въ исторіи брачнаго союза, который вначалѣ всегда былъ основанъ на насиліи, на побѣдѣ жениха надъ невѣстой, а иногда и наоборотъ. «Умыканіе», развившееся вслѣдствіе успѣшной борьбы первобытной женщины за свою независимость, является уже переходной ступенью къ браку, какъ къ свободному союзу двухъ независимыхъ личностей, и такое, повидимому, насильственное похищеніе женщины даже болѣе прогрессивно, чѣмъ смѣнившая его совершенно мирная купля-продажа невѣсты.

Разбойничьи захваты невѣсты. Народныя пѣсни и свадебные обряды даютъ намъ ясное представленіе о первичной формѣ брака, основаннаго на разбойничьемъ захватѣ невѣсты ея женихомъ. Наѣзды мужчинъ съ цѣлью умыканія дѣвушекъ сопровождались нерѣдко грабежомъ, разореніемъ жилья, полономъ всего семейства, покореніемъ всего невѣстина рода. Этотъ первобытный способъ заключенія брака сохранился еще у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ—черногорцевъ, сербовъ, болгаръ—и понынѣ.

[1]) *Шашковъ*. Исторія русской женщины. 1879 стр. 4 и далѣе.

Значеніе женщины у древнихъ славянъ. Не одной физической силѣ женщина обязана была въ древности своимъ значеніемъ, которое утратилось при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи: ей приписывался даръ пророчества и высшей судейской мудрости, — искусство посредствомъ травъ, кореньевъ и разныхъ зелій исцѣлять болѣзни, избавлять людей отъ страданій, насланныхъ на нихъ злою волшебною силой. Врачеваніе, толкованіе сновъ и примѣтъ, отыскиваніе пропавшаго или украденнаго, предсказаніе о будущемъ, привораживаніе и отвораживаніе въ любовныхъ дѣлахъ были преимущественно въ рукахъ женщинъ, равно какъ и родовспомогательное искусство, соединенное также со знахарствомъ.

Въ послѣдующую эпоху, подъ вліяніемъ византійской культуры и вѣрованій азіатскихъ инородцевъ, всѣ эти свойства и профессіи получили характеръ злостнаго, враждебнаго дьявольскаго вѣдовства; но нѣтъ сомнѣнія, что въ первобытной славянской жизни женщина имѣла болѣе свѣтлое и благотворное значеніе, слѣды котораго до сихъ поръ можно найти въ народныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Въ ряду божествъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало Матери-Землѣ, щедрой кормилицѣ и покровительницѣ всѣхъ людей. Главной служительницей и покровительницей этой богини была женщина, которая своимъ участіемъ въ религіозныхъ торжествахъ въ честь Земли склоняла послѣднюю къ плодородію, милости къ людямъ и парализовала дѣйствіе силъ, враждебныхъ благодѣтельной Землѣ, которая относится къ людямъ, какъ любящая мать—«плачетъ объ ихъ бѣдствіяхъ, радуется при видѣ ихъ счастія».

Свобода дѣвушки при выборѣ мужа. Первоначальное стремленіе женщины къ свободному выбору мужа и противодѣйствіе насильственной выдачѣ замужъ были настолько сильны, что заставили уважать симпатіи или антипатіи невѣсты даже при условіяхъ, совершенно враждебныхъ женской свободѣ. Такъ, мы видимъ, что отецъ Рогнѣды спрашиваетъ ее, хочетъ ли она идти за Владиміра. «Не хочу разуть сына рабыни, но за Ярополка хочу», отвѣчаетъ она, и цѣлое семейство гибнетъ потому, что не хотѣло насиловать ея свободы. А князь галицкій Владиміръ Васильковичъ, предвидя свою близкую смерть, заставилъ брата своего цѣловать крестъ въ томъ, чтобы «не отдавать дочери его неволею ни за кого же, но гдѣ будетъ ей любо, тутъ ее и отдати».

*

Однако же подобное уваженіе свободы дѣвушки не могло прочно утвердиться въ жизни при томъ крайнемъ развитіи патріархальныхъ началъ, которое характеризуетъ собою послѣдующія эпохи русской исторіи. Принципъ женской свободы и равенства борется съ патріархальнымъ началомъ ея подчиненности семьѣ и мужу, и это объясняетъ намъ тѣ противорѣчія относительно положенія женщины, которыя мы встрѣчаемъ уже въ первобытной жизни славянъ.

Имущественныя и юридическія права женщины. Въ брачной и семейной жизни мы замѣчаемъ нѣкоторые слѣды стремленія къ имущественной и юридической равноправности обоихъ половъ, сформировавшіеся у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ въ извѣстную форму обычнаго права. Такъ, напр., мужъ сплошь и рядомъ обезпечивалъ жену извѣстнымъ имуществомъ. Семья невѣсты, взамѣнъ ея наслѣдственной доли, давала ей приданое. При неимѣніи братьевъ дочь была наслѣдницей всего отцовскаго состоянія. Жена могла имѣть независимое отъ мужа имущество, землю, села и свободно распоряжаться ими. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уцѣлѣли даже слѣды матріархата настолько, что жена считалась чѣмъ то въ родѣ главы дома. По древнѣйшему чешскому праву жена являлась представительницей семейства. Въ случаѣ судебнаго процесса отвѣтчикъ могъ быть вызванъ къ суду только въ той мѣстности, гдѣ находилась его жена. То же самое было въ обычаѣ и у сербовъ.

Древне-русская семья. Личность домочадцевъ въ древне-русской семьѣ совершенно стушевывалась передъ лицомъ домовладыки; всѣ они находились въ полной отъ него зависимости, и названіе подчиненнаго члена семейства было тождественно съ именемъ раба. Правъ первородства не существовало, и по смерти родителя дѣти дѣлили его имущество поровну или владѣли имъ сообща, выбравъ «изъ рода своего владыку» «въ отца мѣсто», какъ выражались наши предки. Союзъ семей или родовъ составлялъ общину семей; отцы ихъ избирали себѣ родоначальника, или *князя*, вокругъ котораго группировался совѣтъ изъ *старцевъ*, превратившійся впослѣдствіи въ вѣче. Идеи родительской власти, родительской опеки, кровнаго родства, какъ единственной основы общества, и сыновняго повиновенія младшихъ старшимъ уже въ первичную эпоху исторіи славянъ составляли краеугольный камень всего строя ихъ жизни. Говоря о послѣдующей эпохѣ, въ которую принципы эти достигли своего апогея, мы ближе озна-

комимся съ этимъ основнымъ началомъ нашей старинной жизни, сообщавшимъ ей характеръ грубаго варварства.

Вдова и мать. Бонифацій говоритъ: «Славяне, будучи народомъ мерзѣйшимъ и самымъ дурнымъ, соблюдаютъ, однако-жъ, съ такою вѣрностью взаимную любовь въ супружескомъ союзѣ, что жена по смерти мужа сама отрекается отъ жизни, и та считается доблестною, которая своей рукой убьетъ себя, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ». Констатируя вѣрно лишь фактъ сожженія вдовъ послѣ смерти ихъ мужей, Бонифацій, однако, едва ли правъ въ объясненіи его причины; онъ повторяетъ здѣсь ошибку Тацита, говорившаго то же о германцахъ, упуская изъ виду религіозную сторону этого явленія, которая какъ у славянъ, такъ и у германцевъ играла бо̀льшую роль, чѣмъ любовь жены къ мужу. Это былъ скорѣе экстазъ языческаго фанатизма, и въ христіанскую Русь обычай этотъ не перешелъ.

Несмотря на то, что у славянъ вторичное вступленіе вдовъ въ бракъ считалось, въ большинствѣ случаевъ, дѣломъ недостойнымъ, такъ какъ жена, по ихъ понятіямъ, должна принадлежать своему мужу даже послѣ его смерти, мы все-таки встрѣчаемъ немало примѣровъ того, какъ сами мужья отступались отъ этого варварскаго обычая, предоставляя своимъ вдовамъ полную свободу. Такъ, Добрыня говоритъ женѣ: «хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди; хоть за князя поди, хоть за боярина, хоть за могучаго богатыря, а хоть за полномочнаго крестьянина». Князь Владиміръ Васильковичъ также предоставляетъ женѣ полную свободу поступать «какъ ей будетъ любо, мнѣ не смотрѣть же, вставши изъ могилы, кто что будетъ дѣлать послѣ меня».

Если вдова не выходила замужъ, то становилась полною главою своего семейства и безусловно распоряжалась дѣтьми, которыя своимъ воспитаніемъ обязаны были главнымъ образомъ ей же, а не отцу. Всѣ герои и героини русскихъ былинъ воспитаны своими матерями.

Многоженство. Многоженство было въ большомъ ходу у славянъ. У Мечислава I было 7 женъ, у Вратислава Поморскаго—5 женъ и 24 наложницы, у нашего Владиміра—6 женъ и 800 наложницъ; простые смертные, по Нестору, имѣли по двѣ и по три жены, а по свидѣтельству Казвини—по двадцати и болѣе. «Въ каждомъ домѣ» — говоритъ Ибнъ Фацланъ о руссахъ, видѣнныхъ имъ на Волгѣ — «живетъ человѣкъ по десяти и по двадцати. Каждый изъ нихъ имѣетъ

свою кровать, на которой сидитъ со своими дѣвушками и красавицами. Во дворцѣ царя руссовъ живетъ 400 храбрѣйшихъ и преданныхъ ему мужей; каждый изъ нихъ имѣетъ дѣвушку, которая ему прислуживаетъ, моетъ, готовитъ пищу и питье, и, сверхъ того, другую, которая служитъ ему наложницей. На диванѣ вмѣстѣ съ царемъ сидятъ сорокъ его наложницъ, которыхъ онъ не стыдится ласкать въ присутствіи своей дружины». Развратъ былъ страшный особенно при дворахъ князьковъ, которые, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа о Владимірѣ, не довольствуясь сотнями своихъ любовницъ, силою захватывали въ свои гаремы каждую смазливую дѣвушку или женщину.

Побѣда церковно-учительской іерархіи надъ финско-славянскимъ кудесничествомъ. Славяно-русскій народъ при самомъ вступленіи своемъ на поприще исторіи находился подъ вліяніемъ двухъ интеллектуальныхъ и культурныхъ теченій: византійскаго и скандинаво-германскаго. Первое явилось на Руси въ качествѣ клерикальнаго церковно-учительскаго класса, который сначала образовался изъ византійскихъ грековъ, составлявшихъ первоначальную іерархію новосозданной русской Церкви, а затѣмъ, будучи свободенъ отъ черныхъ работъ и обезпеченъ жалованными десятинами, землями и рабочимъ людомъ, организовался мало-по-малу въ самостоятельный византійско-славянскій церковно-учительскій классъ, надолго ставшій во главѣ умственнаго воспитанія и направленія русскаго народа. Съ другой стороны, славянскія племена, испытавшія во время родовой розни недостаточность примирительнаго и земско-строительнаго наряда и вліянія своихъ старшинъ, или родоначальниковъ, сами вмѣстѣ съ финскими племенами подчинились власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интеллектуальному вліянію скандинаво-германскаго, или варяжскаго рода; впослѣдствіи этотъ родъ обрусѣлъ и, вѣнчавшись византійской мономаховой короной, возвысился мало-по-малу въ наслѣдственный родъ или домъ самодержцевъ всероссійскихъ и сталъ главнымъ регуляторомъ всей умственной жизни русскаго народа и общества. Важная роль въ жизни русскихъ славянъ именно византійскаго и варяжскаго, а не какого-либо другого элемента объясняется географическимъ положеніемъ русской земли: изъ Балтійскаго моря въ Черное шелъ великій водный путь, по выраженію лѣтописи, «*отъ Варягъ въ Греки*», по которому и распространилось вліяніе этихъ двухъ культурныхъ элементовъ.

Если мы взглянемъ въ доисторическій, миѳологическій періодъ

славяно-русскаго міросозерцанія, то не найдемъ въ немъ еще никакихъ зачатковъ высшаго, разсудочнаго процесса, всеобщей самодѣятельности мышленія и самостоятельнаго разумно-мыслящаго класса. Непосредственно натуральная, конкретно-предметная воспріимчивость внѣшнихъ чувствъ всецѣло преобладала надъ теоретической или абстрактной самодѣятельностью мышленія. То былъ періодъ воспитанія въ непосредственной сферѣ природы, внѣшнихъ чувствъ и зрительной, слуховой и осязательной памяти или, говоря народнымъ языкомъ, періодъ «видѣнья и чуда, сказанья и послушанья старины и стараго дѣянія для памяти» [1]).

Въ силу этого преобладанія миѳическаго конкретно-предметнаго сенсуализма надъ разсудочною силою отвлеченія и обобщенія, вліяніе волхвовъ и вѣдуновъ не могло устоять и одержать верхъ въ борьбѣ съ византійской доктриной и съ византійскимъ клерикально-педагогическимъ классомъ, что и обнаружилось окончательно уже въ XII-мъ вѣкѣ, когда финско-славянское кудесничество было рѣшительно побѣждено византійской церковно-учительской іерархіей и властью варяго-русскаго правительственнаго класса [2]).

Перенесеніе къ намъ греко-римскаго брачнаго права. Наше формальное брачное право сложилось подъ исключительнымъ вліяніемъ греко-римскаго законодательства; древне-русское обычное право, о которомъ мы имѣемъ очень мало историческихъ свѣдѣній, ничѣмъ не заявило себя въ законодательной сферѣ, быть можетъ, потому, что брачныя дѣла предоставлены были въ исключительное вѣдѣніе духовенства, мало расположеннаго обращаться къ народнымъ обычаямъ. Въ то время, когда греко-римское брачное право было введено на Руси, оно само находилось еще въ періодѣ развитія. Будучи, по кореннымъ римскимъ законамъ, актомъ гражданскимъ, бракъ съ тѣмъ же значеніемъ существовалъ и въ греко-римскомъ законодательствѣ; но съ теченіемъ времени въ него началъ вкрадываться элементъ религіозный, и бракъ сталъ получать двойственный характеръ съ значительнымъ, все-таки, преобладаніемъ гражданскаго элемента надъ религіознымъ. Что религіозный элементъ въ византійскомъ брачномъ правѣ появился относительно поздно, видно изъ Прохирона Василія Македонянина (вторая

---

[1]) *Буслаевъ*. „Истор. очерки русск. слов. и искусства". 11, 18, 44 и мн. др.
[2]) „Лавр. Лѣт." 63, 64, 75.

половина IX-аго вѣка), вошедшаго въ наши Кормчія, гдѣ нѣтъ никакого постановленія, которое дѣлало бы обязательнымъ заключеніе брака при посредствѣ Церкви. Только *Левъ Философъ* сдѣлалъ вѣнчаніе необходимой принадлежностью заключенія брака, слѣдовательно, только со временъ этого императора бракъ, по греко-римскому законодательству, получилъ свой двойственный характеръ.

Заимствованное изъ Византіи брачное право явилось къ намъ съ тѣмъ же двойственнымъ характеромъ, въ которомъ значительно преобладалъ гражданскій элементъ. Но при маломъ развитіи русской государственной жизни, когда еще не было и не могло быть отчетливыхъ представленій о необходимости обособленія различныхъ ея функцій, когда духовенство захватывало въ свои руки дѣла, не имѣвшія въ себѣ ничего религіознаго,—и брачное право попало въ исключительное вѣдѣніе духовной власти. Единственнымъ судомъ по брачнымъ дѣламъ сталъ судъ церковный, руководствомъ—Кормчія, заключавшія въ себѣ съ каноническими постановленіями и закономъ Моисея греко-римскіе гражданскіе законы въ видѣ закона суднаго людямъ царя Константина, Эклоги и Прохирона. Кромѣ того, Церковь, по мѣрѣ надобности, не стѣснялась обращаться и къ другимъ источникамъ греко-римскаго законодательства. Духовенство, принявъ въ свое вѣдѣніе византійское брачное право, естественно не могло развивать гражданскую его сторону, такъ какъ это выходило бы изъ предѣловъ его компетентности; духовная же сторона, напротивъ, получила такое значеніе, какого не имѣла въ правѣ византійскомъ. Какъ же отнеслись къ новому брачному праву тѣ, для кого духовенство переносило его изъ Византіи?

Все, что касалось гражданской стороны брака, привилось, повидимому, легко и скоро, такъ какъ не вносило ничего существенно новаго въ прежнія понятія и отношенія. Но принятіе элемента религіознаго, совершенно новаго и чуждаго, встрѣтило упорное сопротивленіе. Исходя изъ своихъ представленій о бракѣ, какъ объ актѣ гражданскомъ, русскіе долго не хотѣли, напр., принять вѣнчанія и заключали свои браки безъ церковнаго обряда. Только въ высшей средѣ, у бояръ и князей, проповѣдь духовенства о необходимости вѣнчанія для дѣйствительности брака оказывала свое дѣйствіе, масса же не хотѣла ничего знать о ней. Эту борьбу духовенства съ народнымъ обычаемъ — жить въ брачномъ союзѣ безъ церковнаго благословенія — можно прослѣдить по посланіямъ, поученіямъ и грамотамъ

митрополитовъ и архіепископовъ даже въ XV-омъ и XVI-омъ столѣтіяхъ; на нее есть указанія и въ Стоглавѣ.

Рядныя или сговорныя записи. Въ борьбѣ за укорененіе въ народныхъ понятіяхъ и обычаяхъ религіознаго элемента брака духовенство, какъ уже было сказано, не старалось, однако, уничтожить въ пользу этого элемента гражданскую его сторону, которая, хотя и не развивалась, то все-таки поддерживалась нашимъ духовнымъ брачнымъ законодательствомъ. Такимъ образомъ, имъ всегда признавалась законность разнаго рода гражданскихъ обязательствъ, вытекавшихъ изъ гражданскаго, договорнаго характера брака. Въ Византіи при заключеніи брачнаго союза существеннѣйшую принадлежность его составлялъ актъ гражданскаго обрученія или брачнаго договора. Этотъ актъ—сговоръ—мы видимъ и у насъ въ до-петровскую эпоху: словесно или письменно заключались разныя обязательства, какими обѣ стороны хотѣли обставить заключеніе брака. Много такихъ письменныхъ обязательствъ XV-аго и XVI-аго вѣковъ дошло до насъ подъ названіемъ «*рядныхъ*» или «*сговорныхъ записей*». Въ нихъ условливались о времени заключенія брака, о приданомъ со стороны невѣсты или выводныхъ деньгахъ, какими могъ сопровождаться бракъ въ томъ или другомъ случаѣ; необходимою принадлежностью записи было опредѣленіе неустойки, которую должна была платить отступившая сторона въ пользу обиженной. Неустойки эти назывались зарядами и доходили иногда до очень крупныхъ суммъ. Дѣла по нарушенію брачныхъ обязательствъ подлежали вѣдѣнію церковнаго суда, который руководствовался при ихъ рѣшеніи греко-римскими гражданскими законами, не только признававшими законность этихъ обязательствъ, но и дававшими имъ свои юридическія опредѣленія.

Разводныя письма. Надо полагать, что потребность въ свободномъ разводѣ была очень сильна въ древне-русскомъ обществѣ, такъ какъ, несмотря на свое стремленіе къ ограниченію этой свободы, духовенство не только не удержалось въ этомъ вопросѣ на почвѣ каноническихъ постановленій, но нашло нужнымъ прибѣгнуть къ грекоримскому гражданскому законодательству и даже къ нему отнеслось довольно свободно. Въ двухъ сборникахъ указовъ греческихъ царей, въ Эклогѣ и Прохиронѣ, помѣщенныхъ въ Кормчихъ, причины, по которымъ допускается разводъ, опредѣлены различно. Духовенство русское, не только приняло ихъ въ совокупности, но еще рас-

ширило ихъ свободнымъ толкованіемъ и даже допустило совсѣмъ новыя. На основаніи византійскихъ законовъ разводъ у насъ разрѣшался по причинамъ различныхъ преступныхъ дѣйствій одного изъ супруговъ, особенно прелюбодѣянія, безвѣстнаго отсутствія или оставленія одного супруга другимъ, постриженія въ монашество, неспособности къ брачному сожительству и проч. Греко-римское основаніе для развода — проказа, которой подвергся супругъ, расширено было у насъ въ болѣзнь вообще, хотя, конечно, съ извѣстными ограниченіями. Разводъ допускался у насъ, кромѣ того, по слѣдующимъ причинамъ, не заимствованнымъ изъ византійскаго законодательства: 1) когда благодаря дурному поведенію одного изъ супруговъ брачная жизнь становится для другого несносною; 2) когда жена оказывается сообщницей въ ограбленіи мужа; 3) въ случаѣ безплодія жены. Установивъ такія широкія основанія для расторженія брака, духовенство не обставило стѣсненіями и самое совершеніе его: *для развода требовалось только разрѣшеніе духовнаго отца*. Лишь во второй половинѣ XVIII-аго вѣка окончательно запрещено было священно-и церковно-служителямъ писать разводныя письма.

Необразованность духовенства. О степени образовательнаго уровня духовенства мы, между прочимъ, можемъ судить по посланію новгородскаго архіепископа Геннадія къ митрополиту Симону, гдѣ онъ ярко рисуетъ картину обученія кандидатовъ въ священники[1]. «Вотъ» — пишетъ онъ — «приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ, приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему (въ священствѣ), и на меня жалобы: земля, господине, такова, не можетъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ и обругалъ всю землю, *будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставитъ въ священство*. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову приставить не можетъ: *ты говоришь ему то, а онъ другое*. Приказываю учить азбуку, — а они, немного поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа не хватаетъ ставить неучей въ священники. Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ, а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню то же или и больше, за

---

[1]) „Акты историческіе“ I. № 104, *Преображенскій*, стр. 15.

часы особо... А отойдетъ отъ мастера и ничего не умѣетъ — едва-едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ». И такихъ полуграмотныхъ мужиковъ святитель Геннадій принужденъ былъ ставить въ священники, потому что лучшихъ кандидатовъ у него почти не было. Понятно, такимъ образомъ, почему Геннадій такъ убѣдительно молитъ сначала великаго князя о заведеніи училищъ подъ надзоромъ начальства, а затѣмъ митрополита Симона, чтобы онъ печаловался о томъ же передъ государемъ.

Посланіе архіепископа Геннадія представляетъ собою свидѣтельство лишь частнаго лица и говоритъ только о духовенствѣ новгородскомъ. Но то же самое подтверждаетъ и Стоглавый соборъ (1551 г.). Такъ Іоаннъ IV Васильевичъ (Грозный) заявилъ, что «ученики учатся грамотѣ небрегомо» [1]), т. е. что ихъ обучаютъ небрежно. Отцы же собора свидѣтельствовали: «Ставленники, хотящіе ставиться въ дьяконы и попы, грамотѣ мало умѣютъ, и святителемъ ихъ поставити ино сопротивно священнымъ правиламъ, а не поставити ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные хрестьяне учнутъ безъ покаянія умирати... Когда святители спрашиваютъ ставленниковъ, почему они мало грамотѣ умѣютъ, они отвѣтъ чинятъ: мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учитися негдѣ; сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, по тому и насъ учатъ. А отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потому же мало умѣютъ, и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учитися имъ негдѣ» [2]). Вотъ въ какомъ положеніи находилось образованіе духовенства на Руси даже въ половинѣ XVI-аго вѣка, слѣдовательно, на просьбы святителя Геннадія о заведеніи школъ мало или почти вовсе не обратили вниманія.

Суевѣріе въ самомъ духовенствѣ. Наше низшее духовенство было, такъ сказать, плоть отъ плоти и кость отъ кости простонародья. Когда приходъ разсуждалъ о томъ, кого послать къ владыкѣ для посвященія въ попы, выборъ его падалъ, разумѣется, на лучшаго человѣка, болѣе сроднаго съ избирательной общиной по духу, грамотѣя, извѣстнаго всему околодку. Такимъ образомъ это былъ не просвѣтитель народа, который распространялъ бы около себя новыя, лучшія

---

[1]) Стоглавъ, гл. 5, вопр. 6.
[2]) Тамъ же, гл. 25.

понятія, а скорѣе представитель тѣхъ вѣрованій и понятій, которыя господствовали въ массѣ и которыя онъ усвоилъ лучше всѣхъ. Поэтому неудивительно, что священнослужители не только не были свободны отъ народныхъ суевѣрій, но еще и освѣщали ихъ, допуская даже въ святилище. Были «нѣкоторые невѣгласы попы», читаемъ въ Стоглавѣ, которые «въ великій четвергъ соль подъ престолъ клали и до седьмаго четверга по велицѣ дни тамъ держали и ту соль давали на врачеваніе людямъ и скотомъ» [1]); принимали по желанію прихожанъ мыло, которое послѣдніе приносили для освѣщенія, и держали его на престолѣ до шести недѣль [2]); брали тѣ сорочки, въ которыхъ дѣти родятся, и клали ихъ на престолѣ (!) на шесть недѣль, такъ что нужно было особое предписаніе собора «впредь таковыя нечистоты и мерзости во святыя церкви не приносити и на престолѣ до шести недѣль не класти» [3]).

Нравственный уровень духовенства. Помимо невѣжества, корыстолюбія, крайняго нерадѣнія о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ духовенство допускало весьма значительные безпорядки въ брачныхъ дѣлахъ. Въ извѣстной жалобѣ новгородскихъ десятильниковъ своему архіепископу Ѳеодосію говорится, что «игумени и священники Устюжны Желѣзнопольской пренебрегаютъ церковнымъ строеніемъ и службою, вѣнчаютъ первобрачныя свадьбы и двоеженцамъ и троеженцамъ молитвы говорятъ безъ десятильничья знамени и докладу, пошлинъ десятильникамъ не платятъ; а иные, *крадучи законное уложеніе*, многимъ людямъ молитвы говорятъ *четвертымъ и пятымъ* бракомъ, выставляя ихъ другоженцами и троеженцами; а иныхъ вѣнчаютъ въ роду и племени, въ кумовствѣ, сватовствѣ и законныхъ роспускахъ (разводахъ): мужья неповинно женъ своихъ законныхъ отпускаютъ и берутъ, а пущеницы ихъ выходятъ за другихъ мужей, священники же такія свадьбы вѣнчаніемъ и молитвою случаютъ законопреступно, отъ безстрашія Божія» [4]).

Для полноты картины нравственнаго состоянія православнаго духовенства въ XVI-омъ вѣкѣ припомнимъ способъ надзора за священнослужителями, практиковавшійся въ то время. Ростовскій попъ Геор-

---

[1]) Стоглавъ, гл. 41, вопр, 26.
[2]) Тамъ же гл. 41, вопр. 3.
[3]) Тамъ же, гл. 41, вопр. и отв. 2.
[4]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи, VII, 92—93.—Акты Истор., I, 543.

гій Скрипица слѣдующимъ образомъ упрекалъ епископовъ за то, что они нерадиво слѣдили за поведеніемъ духовенства: «Вы ни сами, ни черезъ избранныхъ священниковъ не наблюдаете за священниками и не посылаете въ города и села испытывать, кто какъ пасетъ Церковь Божію, но назираете за священниками по царскому чину, чрезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тіуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ» [1]).

Съ подобными нерадивыми, безчестными и продажными помощниками самымъ ревностнымъ и просвѣщеннымъ святителямъ трудно было слѣдить за чистотой нравовъ духовенства. И дѣйствительно, несмотря на такихъ достойныхъ представителей духовной власти, какъ новгородскіе архіепископы Геннадій и Ѳеодосій и митрополиты московскіе Даніилъ и Макарій, Іоаннъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ, говоря о нравственности духовенства, просилъ отцовъ собора: «Бога ради о семъ разсудите, *чтобы въ своихъ порокахъ пастыри не погибли* и другіе на нихъ зря такожде» [2]).

Послѣдствія обрядности и внѣшняго благочинія Церкви при безнравственности духовенства. О надлежащемъ пониманіи христіанской религіи низшимъ духовенствомъ не можетъ быть и рѣчи; все, сказанное о низкомъ его умственномъ и нравственномъ уровнѣ, достаточно свидѣтельствуетъ о полномъ его невѣдѣніи въ области вѣры и богословія. Но при жалкомъ состояніи религіознаго просвѣщенія естественно, что и высшія духовныя лица не умѣли различать существеннаго въ дѣлѣ вѣры отъ несущественнаго и часто ставили букву выше духа, обрядъ выше вѣры [3]). Такъ, нѣкоторые изъ ревнителей православія того времени считали латинскую Церковь еретической преимущественно за опрѣсночное служеніе, выставляя его, какъ самое главное ея заблужденіе. Напримѣръ, старецъ псковскаго Еліазарова монастыря, Филоѳей, въ своихъ посланіяхъ къ государеву дьяку Михаилу Мунехину пишетъ: «Воистину они (латиняне) суть еретицы,

---

[1]) См. у преосвящен. Макарія въ „Истор. рус. Церкви", VI, 124.

[2]) Тамъ же, гл. 5, вопр. 17.

[3]) Вспомнимъ, напр., горячіе споры въ Москвѣ при Іоаннѣ III „о хожденіи посолонь". Вел. князь, гнѣваясь на митрополита Геронтія за хожденіе со крестами вокругъ Успенскаго собора (при его освященіи) не по солнцу, сказалъ, что за *такія дѣла* приходитъ гнѣвъ Божій. Упомянутый же митрополитъ Геронтій приказалъ сковать и посадить въ ледникъ подъ палату архимандрита Геннадія за то, что онъ разрѣшилъ своей братіи пить богоявленскую воду поѣвши. (Полн. собр. лѣтопис., VI, 234).

своею волею отпадше православныя христіанскія вѣры *паче же* опрѣсночнаго служенія ради» [1]). И далѣе: «Если стѣна великаго Рима еще не плѣнена до сихъ поръ, зато души ихъ плѣнены отъ діавола, *опрѣсноковъ ради»* [2]). То же излишнее пристрастіе къ церковнымъ обрядамъ сказалось и у отцовъ Стоглаваго собора: въ точномъ исполненіи уставовъ и обрядовъ они видѣли существенный признакъ истинно-христіанской жизни и, наоборотъ, уклоненіе отъ нихъ считали несомнѣннымъ доказательствомъ богопротивной, грѣховной жизни.

Мы обращаемъ особое вниманіе на это *обрядовое пониманіе религіи,* такъ какъ *оно было однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общественной и семейной жизни того времени*—подъ его именно вліяніемъ выработались тѣ отличительныя черты всего строя русской жизни, которыя характеризуютъ Русь XVI-аго столѣтія, представлявшую страну, по преимуществу, внѣшняго благочестія.

У всѣхъ народовъ, у которыхъ нѣтъ настоящаго просвѣщенія, религія должна являться въ такомъ видѣ, чтобы внѣшнее преобладало надъ внутреннимъ, условно-формальная обрядность—надъ истинной вѣрой, наружная набожность (религіозность) надъ дѣйствительнымъ благочестіемъ (нравственностью), какъ это и теперь мы видимъ въ низшихъ, необразованныхъ классахъ образованныхъ народовъ. Ставъ характерной чертой въ первоначальномъ развитіи русской жизни, эта условная обрядность въ продолженіе извѣстнаго времени держалась мѣры, а затѣмъ впала въ крайность. Время мѣры и время крайности соотвѣтствуютъ кіевскому и московскому періоду.

Аскетизмъ. Внѣшнее благочестіе и наружная набожность, скрывавшія подчасъ самые животные инстинкты въ человѣкѣ, породили другой факторъ общественной и семейной жизни XVI-аго вѣка—крайнее развитіе аскетическихъ воззрѣній, проводившихся византійской литературой, которая служила примѣромъ и русской письменности.

Еще на первыхъ порахъ существованія христіанства на Руси, наши проповѣдники и моралисты въ своихъ поученіяхъ и посланіяхъ одинаково ратовали какъ противъ уклоненій отъ нравственности, такъ и противъ гуслей, сопелей, всякихъ игръ и вообще веселья, хотя бы

---

[1]) Прав. Соб. 1861 г. II, 90.
[2]) Тамъ же 1861 г. II, 82.

оно выражалось въ формѣ самыхъ невинныхъ забавъ и развлеченій [1]). Аскеты-обличители, отказавшись добровольно отъ міра и «яже въ мірѣ», старались перенести правила аскетизма въ общественную жизнь и заставить мірянъ смотрѣть на нее такими же глазами, какъ смотрѣли сами. Вслѣдствіе этого, все, выходившее изъ круга ихъ отшельнической жизни, всякое проявленіе веселаго настроенія духа, казалось имъ бѣсовскимъ прельщеніемъ. «Идѣже есть играніе»—говоритъ митрополитъ Даніилъ—«тамо есть діаволъ, а идѣже есть плясаніе, тамо есть сатана» [2]). Поэтому увеселенія они обыкновенно называли «проклятыми», игры—«сатанинскими», пѣсни—«бѣсовскими». По взгляду духовенства «таковая творящи діаволу работаютъ» [3]). Видя во всякихъ развлеченіяхъ остатокъ языческой старины, моралисты особенно строго осуждали женскую пляску. «О, лукавыя жены многовертимое плясаніе!»—восклицаетъ одинъ изъ нихъ—«пляшуща бо жена любодѣйца діавола, супруга адова, невѣста сатанина». Православному человѣку запрещалось даже смотрѣть на пляску: «не зрите плясаніе и иныя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщены будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ бѣсовскихъ; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы». Что же касается скомороховъ, то существовало мнѣніе, будто въ ихъ образѣ странствуютъ бѣсы, а монахи-духовидцы увѣряли, что сами видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ Божьяго храма къ играмъ и «ужами за сердце почепивше влечаху». Блюстители нравственности были настолько строги, что угрожали страшнымъ судилищемъ даже за всякіе разсказы, выходившіе изъ круга благочестивыхъ размышленій [4]).

Взглядъ аскетизма на бракъ и на брачную жизнь женщины. Запрещая всѣ мірскія удовольствія, отрицая всякое свободное проявленіе чувства, проповѣдуя умерщвленіе плоти, восточный аскетизмъ съ особенной силой вооружался противъ всего, что имѣло отношеніе къ половой страсти. Человѣкъ, по его идеалу, можетъ быть вполнѣ совершеннымъ только въ томъ случаѣ, если умертвитъ въ себѣ половые

---

[1]) Соч. Ѳеодосія, въ учен. Зап. Акад. Наук. II, отд. II, выпускъ 2, 195.—Слово о постѣ, въ Прав. Соб. 1858 г. 168.—Прав. Соб. 1854 г., 143.

[2]) Собр. Митроп. Даніила л. 458.

[3]) Прав. Соб. 1859 г., 143.

[4]) *Костомаровъ*. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа XVI-аго и XVII-аго вв., 141—142.

инстинкты. Эта аскетическая доктрина пустила въ народномъ міросозерцаніи столь глубокіе корни, что породила многочисленную секту скопцовъ, которые появляются очень рано въ исторіи Россіи. Ту же идею пропагандировала и древне-русская живопись, изображавшая ангеловъ евнухами. Даже самый бракъ, по понятіямъ того времени, имѣлъ въ себѣ нѣчто грѣховное и былъ только снисхожденіемъ къ развращенной человѣческой природѣ. Въ церкви женщина становилась по лѣвую руку и пріобщалась не изъ царскихъ вратъ, какъ мужчина, а «изъ другихъ дверей, что противу жертвенника». Благочестивые люди сомнѣвались, можетъ ли попъ служить въ ризѣ, въ которую вшитъ женскій платъ. Въ дни менструацій женщина считалась недостойною, чтобы съ нею ѣсть. Эта идея о мерзости женской природы дошла до своего апогея въ расколѣ у бракоборцевъ, утверждающихъ, что при зачатіи младенца душу ему даетъ сатана.

Благодаря такому ученію дѣвственники безчеловѣчнѣйшимъ образомъ относились и къ женщинѣ, рождавшей дѣтей, видя въ ней скверное, богомерзкое орудіе сатаны. По словамъ Андрея Сергѣева, «дѣвственныхъ согласіевъ духовныя особы уставами соборными и частными приносили новоженамъ знаменитыя отличія, въ числѣ коихъ: въ чадородіяхъ новоженскихъ женщинъ христіанамъ не пособствовати и повиванію не служите; новоженскихъ дѣтей христіанамъ не пестовати; новоженскаго младенца, крещеннаго матерью, новоженкѣ не кормить, а поить молокомъ коровьимъ и изъ горшка, а не изъ рожка». Или, по словамъ извѣстнаго защитника «брачной тайны» Ивана Алексѣева, «дѣвственники какъ звѣри немилосерды были къ женщинѣ, страдавшей муками родовъ, положили уставъ, дабы отъ всякаго христіанскаго общенія и отъ домовъ родители и служащіе родамъ отгонимы были»; запретили «бабамъ помоществовати тому нужному дѣлу (родамъ) подъ угрозами отлученія отъ молитвъ и ядѣнія за ослушаніе, не токмо сами не сожалѣли, но и пристоящимъ на то женамъ въ бѣдствѣ родовъ не велѣли сострадати родильницѣ, напротивъ, толико страждущей рожденіемъ женѣ требовательно заповѣдали своимъ, да не помоществуютъ, и повелѣли оставляти умерети той рождавшей женѣ, нежели осквернитися, прикоснувшися болѣзнямъ оныя».

Монашество въ Россіи. Стремленіе къ иноческой жизни проявлялось довольно слабо въ первые вѣка христіанства на Руси; даже въ самую цвѣтущую эпоху монашества въ Россіи, въ XIV-омъ и XV-омъ вѣ-

кахъ не появилось такого огромнаго числа монастырей, какъ въ XVI-омъ и особенно XVII-омъ вѣкѣ [1]. На Руси съ XI-аго до XIV-аго столѣтія было извѣстно только 87 монастырей и пустыней, въ послѣдующіе же полтора столѣтія ихъ возникло до 150, причемъ на XIV-ый вѣкъ приходится всего 80, тогда какъ на одну половину XV-аго вѣка.— 70 [2]). Цифры эти, по всей вѣроятности, меньше дѣйствительнаго числа монастырей, но и онѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о постоянномъ усиленіи стремленія къ монашеству. Насколько это стремленіе было общимъ явленіемъ въ XVI-омъ вѣкѣ и возросло къ XVII-ому видно изъ того, что въ одномъ XVII-омъ столѣтіи вновь возникло до 220 монастырей и пустыней [3]. Неудивительно послѣ этого, если иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI-омъ вѣкѣ, называли русскихъ «племенемъ монастырей». «Въ Россіи—говоритъ Флетчеръ—безчисленное множество монаховъ и гораздо болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь папистической странѣ: всякій городъ, всякая лучшая мѣстность въ государствѣ были полны ими» [4]).

Какъ ни громадно было вліяніе аскетизма въ древней Руси, однако этимъ однимъ нельзя объяснять того великаго множества монастырей и монашествующей братіи, какого, по свидѣтельству иностранцевъ, не было ни въ одной католической странѣ. Многіе шли въ монастыри потому, что послѣдніе представляли надежную защиту отъ политическихъ и административныхъ гоненій, безопасное убѣжище отъ различныхъ неудачъ и бѣдствій, скорбей и лишеній. «Русскихъ—по свидѣтельству Флетчера—влекло въ монастыри та безопасность, которую давало монашеское званіе сравнительно съ гнетомъ и поборами, какіе терпѣлъ народъ. Многіе надѣвали монашеское платье, какъ лучшій оплотъ противъ подобныхъ тягостей. Нѣкоторые бѣжали въ монастыри, какъ мѣста святости, спасаясь отъ наказанія и преслѣдованія, потому что, если такой человѣкъ успѣвалъ надѣть клобукъ прежде чѣмъ былъ позванъ въ судъ, то онъ уже этимъ самымъ пріобрѣталъ покровительство законовъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе кромѣ государственной измѣны» [5]).

---

[1]) *Щаповъ*. Роскол. старообр. 207.

[2]) Прав. Соб. 1860 г. III, 204.

[3]) Соловьевъ XVII, 227.

[4]) Исторія русск. Церкви, преосвящен. Макарія, VII, 111.—Чтен. общ. истор. 1871 г. III, 123.

[5]) Чтеніе общ. истор. и древн. 1871 г., III, 124.

Въ разсматриваемую эпоху монастырскія кельи наполнялись не одними только лицами, добровольно надѣвшими монашескія облаченія; немало было и такихъ монаховъ и монахинь, которыхъ заключали въ монастыри насильно. Это были отчасти вдовые священники и діаконы, которые, по опредѣленію собора 1503 года, не должны были владѣть своими приходами, отчасти—и главнымъ образомъ представители дворянскихъ фамилій, преслѣдуемые несчастнымъ управленіемъ Грознаго царя. По свидѣтельству иностранцевъ, невольное заключеніе въ монастыри чаще всего постигало женщинъ, особенно вдовъ и женъ, разлюбленныхъ мужьями. Флетчеръ говоритъ, что во времена Іоанна IV въ женскихъ монастыряхъ можно было встрѣтить и дѣвушекъ—дочерей знати, которыхъ царь хотѣлъ удержать отъ замужества съ цѣлью прекращенія рода, который онъ уже обрекъ на уничтоженіе.

Что касается простого народа, то, обременный работами и терпя всевозможныя лишенія, онъ хорошо понималъ, что отъ его труда ему ничего не достанется, а потому всѣми силами старался избавиться отъ него и стремился въ монастыри. Къ такого рода добровольнымъ постриженникамъ и относится ближе всего замѣчаніе Грознаго на Стоглавомъ соборѣ: «*Многіе стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать*» [1]).

Ростовщичество, корыстолюбіе и жестокосердіе монашества. Какъ сильно развито было между монахами ростовщичество, можно видѣть изъ сочиненій Максима Грека. «Гдѣ бо писано есть»—спрашиваетъ онъ—«о онѣхъ, яко свое сребро чрезъ заповѣди законныя съ ростомъ взаимъ даяху, или росты на ростѣхъ истязаху отъ убогихъ и немогущихъ отдати истину за преумноженіе многолѣтнихъ ростовъ расхищаху оставшая отъ послѣдныя нищеты худая стяжанища, *якоже нынѣ дерзаемъ мы на бѣдныхъ селянехъ, лихоимствующе ихъ тягчайшими росты* и расхищающе ихъ, не могущихъ отдати заемое... Мы (иноки), обѣтъ нашихъ забывше, и аки ничтоже возымѣвше ихъ, стяжанія паки себѣ, и стадо всяческихъ скотъ яко и въ первомъ мірскомъ житии нашемъ, тщимся всегда пристяжами и злато и сребро себѣ скопити на земли *со всякимъ неправдованіемъ и лихоимствомъ беззаконныхъ ростовъ*» [2])

---

[1]) Стогл., гл. 5, вопр. 8.
[2]) Соч. Максима Грека II, 94 - 95.

Главными обличителями жестокосердія и безчеловѣчности монаховъ въ отношеніи ближняго, были Максимъ Грекъ и инокъ Вассіанъ. Общій мотивъ ихъ обличеній, направленныхъ противъ послѣдняго порока монаховъ, состоитъ въ представленіи контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались иноки, и бѣдственнымъ положеніемъ ихъ крестьянъ, забитыхъ и забытыхъ своими владѣльцами.

Пьянство и развратъ въ монашествѣ. Несмотря на строгіе уставы и надзоръ, нерѣдко случалось, что въ келіи къ монахамъ приходили жонки и дѣвки [1]). Посѣщеніе женщинами монашескихъ келіи, равнымъ образомъ и отлучки иноковъ изъ монастырей замѣтилъ еще преподобный Іосифъ Волоколамскій, обходя общежительные монастыри. Относительно Переяславскаго Горицкаго монастыря сохранилось свидѣтельство (начало XVI-го вѣка), что тамъ (вѣроятно какъ и вездѣ) иноки безъ благословенія настоятеля отлучались на торжище, ходили въ мірскіе домы и тамъ пировали и даже *ночевали по нѣскольку сутокъ*, а въ праздники и въ свои именины созывали къ себѣ родныхъ, друзей, знакомыхъ *съ женами и дѣтьми, которые всѣ оставались въ ихъ келіяхъ по нѣскольку дней и ночей.* Въ этихъ недостаткахъ сознались сами иноки Горицкаго монастыря, когда избрали себѣ въ настоятели препод. Даніила Переяславскаго и дали ему обѣтъ исправиться [2]). Но не этимъ только ограничивалось зло: и за монастырскія стѣны прокрался растлѣвавшій русское общество гнусный содомскій грѣхъ. По словамъ Максима Грека, нѣкоторыхъ «возмущало» не только женское видѣніе, но и «доброличнаго отрочища» [3]). Стоглавый соборъ свидѣтельствуетъ, что «робята молодыя по всѣмъ келіямъ жили невозбранно» [4]). Для пресѣченія этого великаго зла Іосифъ Волоколамскій въ своей духовной грамотѣ [5]) и Стоглавый соборъ запрещали жить въ монастырѣ «голоусымъ»; соборъ еще прибавляетъ, что въ случаѣ нужды «немощи ради или старости» монахъ можетъ пользоваться услугами «имущаго браду» [6]). Послѣ такихъ рѣзкихъ свидѣтельствъ о безнравственности монаховъ, едва ли можетъ

---

[1]) Стоглавъ, гл. 49.
[2]) Истор. русск. Церкви преосв. Макарія, VII, 101—102.
[3]) Соч. Макс. Грека, II, 141.
[4]) Стогл., гл. 5, вопр. 8.
[5]) Описан. рукоп. Синод. библ. II, № 190, стр. 518.
[6]) Стогл., гл. 5. вопр. 8.

*

удивить слѣдующій порокъ, замѣченный въ монахахъ самимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ: «Азъ видалъ» — пишетъ онъ къ игумену Кириллова монастыря — «(что монахи) по четкамъ матерны лаютъ» [1]).

На удовлетвореніе этихъ то чувственныхъ страстей, главнымъ образомъ, и требовались монахамъ тѣ «особыя стяжанія» или, по выраженію инока Вассіана, «кража въ собину сверхъ монастырской казны», которыя позволяли себѣ монахи и въ богатыхъ обителяхъ, при полной возможности пользоваться изъ общей казны «на всякія свои потребы» (конечно законныя) [2]). На развитіе между монахами чувственности, заставлявшей ихъ нарушать обѣты цѣломудрія, имѣло большое вліяніе и то «безмѣрное упиваніе», засвидѣтельствованное общимъ голосомъ современниковъ. И Стоглавый соборъ поставилъ въ прямую связь эти два неразлучные спутника—пьянство и блудъ; по его справедливому замѣчанію, иноки «отъ піянственнаго питія въ конечную погибель и въ блудный ровъ впадали» [3]).

Образованность мірянъ. Утверждать, что до XVII-аго вѣка у насъ нигдѣ не было никакихъ школъ, нельзя. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые приходскіе священники, по обычаю предковъ, содержали при церквахъ частныя или домовыя школы грамотности, въ которыя отдавали дѣтей всѣ желающіе платить учителямъ по уговору. Кое-гдѣ существовали подобныя же частныя школы и по монастырямъ. Помимо духовенства и міряне могли содержать частныя школы у себя на дому. Всѣ такія школы были элементарныя, съ самымъ ограниченнымъ кругомъ преподаванія. Но и онѣ были въ то время величайшей рѣдкостью; во многихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Руси школъ вовсе не было. Что правильно организованныхъ школъ съ преподаваніемъ, превышающимъ элементарное обученіе на сѣверо-востокѣ Руси въ XVI-омъ в. дѣйствительно не было, подверждается несомнѣнными историческими данными [4]).

Первой попыткой общаго образованія безспорно слѣдуетъ признать постановленіе Стоглаваго собора о школахъ, предназначенныхъ для обученія мірянъ, какъ это видно изъ 5-го пункта. «Училища могутъ

---

[1]) Акты Истор. I, № 204.

[2]) Исторія русск. Церкви преосв. Макарія, VII, 362.—Чтен. общ. истор. 1859 г. III. 11.—Стогл., гл. 49.

[3]) Стоглавъ, гл. 52.

[4]) Акты историческіе I, № 104.—Преображенскій, 14—35.

быть помѣщаемы въ домахъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя будутъ занимать должность учителей. Впрочемъ, не только духовенство, *но и всѣ православные христіане могутъ и должны отдавать своихъ дѣтей въ сіи училища въ наученіе грамотѣ»*. Что касается самого преподаванія, то тамъ же говорится, что оно должно состоять въ обученіи дѣтей «грамотѣ, книжному письму и церковному пѣнію, псалтырному и налойному чтенію». Занимать ихъ въ церквахъ чтеніемъ, пѣніемъ и проч. и тамъ преимущественно *внушать имъ страхъ Божій и благочестіе*; также давать имъ для упражненія книги, которыя соборная апостольская Церковь пріемлетъ, «чтобы они и теперь могли не только себѣ, но и прочихъ пользовати». Избирать наставниковъ, имѣющихъ страхъ Божій въ сердцѣ, благочестивыхъ, «грамотѣ чести и писати гораздыхъ, могущихъ и иныхъ пользовати». Въ должность сію можно поставлять и не священниковъ и діаконовъ, а даже причетниковъ, только женатыхъ [1]. Наставники должны блюсти въ воспитанникахъ чистоту нравственную, особенно же цѣломудріе [2].

Послѣ всего этого не можетъ быть, очевидно, и рѣчи о какомъ бы то ни было научномъ образованіи русскаго народа. Если бы подобныя, проектируемыя Стоглавымъ соборомъ, школы и существовали въ достаточномъ количествѣ и на должной высотѣ—чего въ дѣйствительности не было — то въ нихъ ничему, кромѣ мастерства механически «писати, и пѣти, и чести» научиться было нельзя; развивать же мышленіе, давать серіозныя знанія и разсудочное образованіе онѣ конечно не могли.

Однако и такихъ чисто элементарныхъ школъ, которыя были бы «*правильно организованы и находились подъ особеннымъ контролемъ начальства*», чего такъ желалъ Геннадій, у насъ едва ли можно было тогда найти. Даже послѣ Стоглаваго собора, когда нужда въ училищахъ была такъ живо и сильно сознана, сдѣланы официальныя распоряженія о заведеніи школъ и разосланы въ разныя части государства для приведенія въ исполненіе [3]—даже и тогда не видно, чтобы школьное дѣло сколько-нибудь подвинулось. Иностранные писатели второй половины XVI-аго вѣка свидѣтельствуютъ, что въ Россіи

[1]) Это ограниченіе имѣло тогда свой смыслъ, въ виду вышеуказаннаго распространенія безнравственности.

[2]) Стоглавъ, гл. 26.

[3]) Прав. Соб. 1863 г., I, 87.

совсѣмъ не было ни коллегій, ни академій, а существовали только кое-какія школы, въ которыхъ дѣти учились читать и писать. Это говоритъ извѣстный Антоній Поссевинъ, бывшій въ Россіи въ 1581 году [1]). Немного ранѣе (1576 г.) другой иностранецъ Іоаннъ Кобенцель пишетъ: «Во всей Московіи (in universa Moscovia) нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ» [2]).

Прекращеніе существованія монастырскихъ школъ. Но и эти скудныя монастырскія школы не только не распространялись, но даже сокращались вслѣдствіе разнузданности монаховъ и развившагося у нихъ тогда до крайности противоестественнаго грѣха содомскаго, вызвавшаго постановленіе Стоглаваго собора — не держать въ монастыряхъ «голоусыхъ». Въ сборникахъ XVI-аго вѣка встрѣчаются поученія, въ которыхъ говорится, что въ монастыри не должно пускать мальчиковъ, хотя бы они приходили туда обучаться грамотѣ, и что монахамъ неприлично заниматься обученіемъ [3]). Вотъ объясненіе, почему въ XVI-омъ вѣкѣ школы не могли распространяться и развиваться при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ.

Частныя школы. Однако же, такъ какъ потребность въ грамотныхъ людяхъ была и возрастала, то дѣло обученія стало все болѣе сосредоточиваться въ рукахъ особаго рода мастеровъ—учителей. Каковы они были, видно изъ словъ Геннадія: «Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ... А отойдетъ (ученикъ) отъ мастера, и ничего не умѣетъ, — едва-едва бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ» [4]). Отцы же Стоглаваго собора отзываются о нихъ, что они «мало грамотѣ умѣли и силы въ божественномъ писаніи не разумѣли» [5]). Но нужда заставляла обращаться къ услугамъ и такихъ жалкихъ учителей. Замѣчаніе Іоанна Грознаго: «А ученики учатся грамотѣ небрегомо» [6]) относилось преимущественно къ ученикамъ этихъ мастеровъ, и это тѣмъ вѣрнѣе, что послѣдніе изъ личныхъ выгодъ, по словамъ Стоглава, старались ихъ недоучивать [7]).

---

[1]) Antonius Possevinus. De rebus Moscoviticis, apud Starzewsk.—Historiae Ruthenicae scriptores exteri, v. II, p. 277.

[2]) Joann Cobencel. De legat. ad Moscovit., ibid. II, 15.

[3]) Прав. Соб. 1862 г., II, 43.

[4]) Акты истор. I. № 104.

[5]) Стоглавъ, гл. 25.

[6]) Тамъ же, гл. 5, вопр. 6.

[7]) Тамъ же, гл. 26.

Итоги школьнаго дѣла до XVII-аго столѣтія. Такимъ образомъ, русскому человѣку XVI-аго вѣка негдѣ и не у кого было развить свои мыслительныя способности, обогатить свою голову серіозными и здравыми познаніями, и стремящимся къ просвѣщенію оставалось только дѣйствовать самостоятельно—взять книгу и побольше читать. Такъ обыкновенно и поступали люди, жаждавшіе образованія. Но кому не извѣстно, какъ трудно и опасно идти въ потьмахъ да еще безъ провожатаго! На долю только немногихъ выпадаетъ счастіе прійти такой дорогой къ намѣченной цѣли! Много было затрудненій русскому человѣку «тщаливому къ наудѣ, желавшему навыкати писанія» [1]), и прежде всего ему не по чему было надлежащимъ образомъ учиться.

Итакъ—условія для развитія просвѣщенія на Руси (сѣверо-восточной) даже въ XVI-омъ вѣкѣ были самыя неблагопріятныя, а потому не было и просвѣщенія въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно понимается (и какъ оно существовало на Западѣ въ XI—XV-омъ вв. для женщинъ и съ XIV-аго столѣтія для мужчинъ). Книжная начитанность, конечно, встрѣчалась, но довольно рѣдко; громадное же большинство было въ полномъ смыслѣ слова безграмотно. Это круглое невѣжество было удѣломъ всѣхъ слоевъ тогдашняго общества, не исключая даже самыхъ высшихъ. Такъ, дѣти боярскія, даже нѣкоторые вельможи и князья въ XVI-омъ вѣкѣ не умѣли писать; въ записяхъ и грамотахъ того времени встрѣчается иногда, что дѣти боярскія, вельможи или князья потому не приложили къ нимъ рукъ, что «грамотѣ не умѣютъ» [2]). То же въ меньшей степени можетъ относиться и къ представителямъ Церкви: напримѣръ, Акакій, епископъ Тверской, покровитель Максима Грека «мало ученъ бѣ грамотѣ» [3]). Самъ Максимъ Грекъ говоритъ, что при немъ не только низшій клиръ, но и *духовныя власти* знали писанія лишь «по чернилу» [4]).

Воспитаніе женщинъ въ древней Руси. Воспитаніе женщины въ древней Руси состояло въ томъ, что ее старались покрѣпче держать въ теремѣ да откармливать какъ на убой, чтобы она вошла въ тѣло и пріобрѣла ту красоту жирной дородности, которая такъ прельщаетъ

---

[1]) Описан. рукоп. Рум. муз. 557.
[2]) Сбор. госуд. грам. I, № 184, 556.—*Соловьевъ*. Истор. Рос. VII, 240.
[3]) Опис. рукоп. Синод. библ. II, 580.
[4]) Соч. М. Грека. III. 165.

всѣхъ нецивилизованныхъ людей. Ѣстъ хорошо, спитъ много, въ банѣ прѣетъ часто, никакого усиленнаго моціона нѣтъ, нервы ничѣмъ не разстраиваются, желудокъ работаетъ исправно—баба жирѣетъ и съ каждымъ фунтомъ жира красота ея возвышается по понятіямъ того времени, сохранившимся и понынѣ среди русскаго купечества. Это не здоровая красота работящей крестьянки, а красота откормленнаго каплуна въ юбкѣ. «Имѣть тонкую талію женщина считала такимъ же порокомъ, какъ и имѣть маленькія ножки. Для достиженія толщины женщины не щадили себя: лежали на кровати цѣлый день, старались, если можно, и спать цѣлый день, даже пили водку, отъ которой дѣйствительно тучнѣли» (Невилль). Ганье передаетъ, что часто слыхалъ отъ русскихъ женщинъ: «далъ бы Богъ быть дородной, а за красотой дѣло не станетъ»... При такихъ понятіяхъ о женской красотѣ, при изолированности женщины въ теремѣ, при неразвитости ея чувства и фантазіи—у насъ не могла развиться та романическая любовь, какую мы видимъ въ старинной Европѣ. Древне-русская любовь носила грубо-чувственный характеръ и была въ буквальномъ смыслѣ плотоугодіемъ, къ требованіямъ котораго сводилось и все воспитаніе древне-русской женщины. При такомъ характерѣ любви естественно выработался и взглядъ на женщину, какъ на орудіе наслажденія. Благодаря терему, въ высшихъ и среднихъ классахъ любовь носила даже болѣе чувственный характеръ, чѣмъ въ простомъ народѣ.

Ранній бракъ. Въ древнее время на Руси женили и выдавали замужъ очень рано, *опираясь въ этомъ случаѣ на византійскіе законы*, которые, будучи составлены для жителей юга, гдѣ половая зрѣлость наступаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ на сѣверѣ, опредѣлили наименьшій возрастъ для жениха въ 14, а для невѣсты—въ 12 лѣтъ. Стоглавый соборъ требуетъ отъ перваго 15, а отъ второй—12 лѣтъ. Но на практикѣ это сплошь и рядомъ не выполнялось, да, собственно говоря, до XVIII-аго вѣка не было и опредѣленныхъ постановленій о брачущихся. Дѣвушекъ часто выдавали замужъ еще въ дѣтствѣ, лѣтъ 13, 10, даже 8, а мальчиковъ женили иногда въ 7 лѣтъ! Нерѣдко случалось, что мальчугана женили на взрослой дѣвушкѣ; такіе браки во многихъ мѣстностяхъ существовали вплоть до нынѣшняго столѣтія и породили особое явленіе — снохачество: отцы или опекуны, взявъ дѣвушку для своего малолѣтняго сына, жили съ нею сами до совершеннолѣтія ея мужа, ко-

торый, достигнувъ половой зрѣлости, находилъ въ своей женѣ уже отжившую старуху. Шашковъ утверждаетъ, что въ архивахъ Сибири онъ не разъ наталкивался на документы, свидѣтельствующіе о распространенности этого гнуснаго злоупотребленія даже въ XVIII-омъ вѣкѣ.

Безличіе и неволя дѣвушки. Въ древне-русской брачной жизни насъ поражаетъ отсутствіе любви въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ; мужа и жену связываетъ здѣсь привычка или чувство снисхожденія и господскаго покровительства со стороны перваго и покорности и рабской преданности со стороны послѣдней. Да и откуда было взяться любви, когда женихъ и невѣста до свадьбы обыкновенно не знали другъ друга, когда мужъ былъ поставленъ въ положеніе неограниченнаго деспота, а жена—принижена до роли рабыни, когда сплошь да рядомъ дѣвушку, почти ребенка, выдавали за пожилого мужчину, даже за старика.

При тѣхъ патріархальныхъ порядкахъ, которые всевластно царили въ древней Россіи и которыми до сихъ поръ держится жизнь низшихъ и даже среднихъ классовъ, ни за женихомъ ни за невѣстой свободной воли не признается: мужчину *женятъ*, дѣвушку *выдаютъ*, *продаютъ* или, какъ выражаются въ Архангельской губерніи,—*пропиваютъ*. Дѣвушку выдавали за того, за кого «отецъ умыслилъ, а жена съ родичи приговорили», по выраженію Кошихина,—выраженію, вполнѣ обрисовывающему всю полноту отцовскаго самодержавія и напоминающему другое выраженіе: «царь присудилъ, а бояре приговорили». Но не одинъ отецъ или опекунъ съ семейнымъ совѣтомъ пользовались этимъ неограниченнымъ правомъ распоряжаться судьбою дѣвушки: оно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, принадлежало всякой власти — помѣщику, общинѣ, царю,—такъ какъ всякая власть носила патріархальный характеръ.

Купля и продажа невѣсты. Въ низшихъ классахъ русскаго народа бракъ до сихъ поръ формально носитъ характеръ купли-продажи: родственники невѣсты продаютъ ее, родственники жениха — покупаютъ. И хотя въ большинствѣ случаевъ свадьба представляется торговой сдѣлкой только по своимъ древнимъ обрядамъ, мѣстами купля-продажа невѣсты существуетъ даже нынѣ не по одной лишь формѣ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ городѣ Нерехтѣ, невѣсту покупаютъ за деньги. Не только бѣдные, но и богатые поселяне считаютъ себѣ за безчестье отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно

по деревнѣ. Продажная цѣна называется *калымомъ*» [1]). Въ древней Россіи такая купля-продажа невѣсты была распространена повсемѣстно, но въ XVI-омъ и XVII-омъ столѣтіяхъ не только въ высшихъ, но даже въ низшихъ классахъ народонаселенія бракъ большею частью уже потерялъ характеръ чисто торговой сдѣлки, и «калымъ» уступилъ мѣсто «приданому». Бракъ сталъ договоромъ двухъ семей, и актомъ этого договора служила «*рядная записъ*», которую писалъ подъячій, нарочно для этого приглашаемый.

Выборъ или смотрины невѣсты. У простыхъ смертныхъ бракъ заключался по соглашенію двухъ семействъ, при чемъ женихъ и невѣста до самой свадьбы не только не видѣли другъ друга въ глаза, но даже не знали о намѣреніяхъ своихъ родителей. Дѣло начиналось обоюдными справками о женихѣ и невѣстѣ, объ ихъ состояніи, характерѣ, нравственности, наружности. Осмотръ невѣсты производила обыкновенно мать или другая родственница жениха, и этотъ чисто торговый характеръ смотринъ, бывшій тогда обще распространеннымъ, сохранился въ крестьянской жизни до сихъ поръ. Какъ при продажѣ всякаго товара, и здѣсь дѣло рѣдко обходилось безъ плутовства: больную и блѣдную дѣвушку румянили, сухопарую посредствомъ фальшивыхъ накладокъ превращали въ толстуху и т. п.; если же невѣста была до того плоха, что обмануть такимъ образомъ оказывалось невозможнымъ, то совершали подлогъ и вмѣсто одной дѣвушки показывали другую, а замужъ выдавали первую. «Во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ», говоритъ Кошихинъ, подробно описывая варіаціи этого мошенничества [2]).

Обманутый женихъ могъ жаловаться духовному начальству, производилось слѣдствіе, и если обманъ удавалось доказать, то виновнаго наказывали кнутомъ, а бракъ расторгался. Но доказать обманъ было чрезвычайно трудно, и въ большинствѣ подобныхъ случаевъ мужьямъ оставалось только вымещать на женахъ плутовство ихъ родителей, вгонять ихъ въ гробъ или принуждать къ постриженію въ монастырь, чтобы затѣмъ жениться въ другой разъ.

Дѣвственность и свадебные обряды. Дѣвственность невѣсты была

---

[1]) *Терещенко*. Бытъ русскаго народа. II, 318.
[2]) *Кошихинъ*. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. 43.

главнымъ требованіемъ со стороны жениха, и грубое матеріальное понятіе о добродѣтели совершенно отождествляло послѣднюю съ сохраненіемъ гимена до брака. Невѣсты со своими свахами и родственниками сплошь да рядомъ обманывали жениха фальшивыми признаками дѣвственности, а женихъ и его родственники производили точное и подробное изслѣдованіе этихъ признаковъ. Это совершалось почти публично, раздражая сладострастіе присутствовавшихъ на свадьбѣ гостей, обыкновенно предававшихся пьянству, дебошу и самому необузданному разврату. Иностранные писатели стѣснялись «объяснить, какъ доказывается дѣвство вѣнчающихся невѣстъ, такъ какъ распространяться объ этомъ невозможно по требованію благонравія» (Корбъ). Въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ эти отвратительные обычаи въ полномъ ходу до сихъ поръ.

Въ Астрахани, напримѣръ, и теперь еще свадьба оканчивается слѣдующимъ образомъ. Въ боковой комнатѣ, часто отдѣленной отъ гостей однѣми только ширмами, молодые занимаютъ брачную постель, и мужъ обязанъ тутъ же, пока еще не разъѣхались гости, почти въ ихъ присутствіи, отправить въ первый разъ свои супружескія обязанности; въ это время музыканты играютъ сладострастную пѣсню «*Бѣда*», слова которой припѣваются всѣми гостями. По совершеніи акта сваха входитъ въ брачный покой, мѣняетъ на новобрачной бѣлье и уноситъ съ собой рубашку, запятнанную знаками «честности»; развернувъ ее и держа въ обѣихъ рукахъ, она, какъ пьяная вакханка, является къ гостямъ съ пѣніемъ и пляскою, показывая свой трофей. Затѣмъ съ провожатыми и съ музыкой она отправляется въ экипажѣ въ домъ родителей невѣсты; на каждомъ углу, у каждаго трактира шествіе останавливается, сваха и провожатые соскакиваютъ съ экипажей, танцуютъ, поютъ, а музыка играетъ «Бѣду». Такимъ образомъ процессія, проѣхавъ черезъ весь городъ, достигаетъ дома родителей невѣсты, которымъ и передается запачканное бѣлье, а затѣмъ начинается новая оргія [1]).

Сальныя шутки надъ молодыми, грязные разговоры, свидѣтельствованіе бѣлья и постели — весь этотъ цинизмъ нашихъ свадебъ и до сихъ поръ служитъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ выраженій русскаго варварства, выработаннаго тысячелѣтней исторіей. Отвратительна

---

[1]) Медико-Типогр. Сборн. I, 397.—*Шашковъ*. 112.

радостная оргія, начинающаяся послѣ того, какъ женихъ найдетъ возможнымъ благодарить родителей невѣсты за ея дѣвственность, но еще отвратительнѣе тѣ сцены, которыя происходятъ въ случаѣ, если молодая окажется не дѣвственницей. Насмѣшки, брань, побои сыплются на несчастную, а родители иногда начинаютъ даже пытать ее, всовывая, напримѣръ, булавки подъ ногти, чтобы узнать, когда и съ кѣмъ она любилась [1]). Въ старину эти варварскіе обычаи господствовали между всѣми классами общества, и невѣсты, неуспѣвшія обмануть своихъ взыскательныхъ жениховъ, нерѣдко расплачивались очень дорого за свою невоздержность въ дѣвичествѣ. Такъ, царь Іоаннъ Грозный, не найдя дѣвственницей свою жену Марью Долгорукову, на другой же день послѣ свадьбы велѣлъ «затиснуть» ее въ колымагу, повезти на борзыхъ коняхъ и опрокинуть въ воду.

Выборъ невѣсты царю. Въ то время свободою въ выборѣ невѣсты пользовался на Руси одинъ только царь. Подобно императорамъ Византіи и средне-азіатскимъ ханамъ, царь древней Руси выбиралъ себѣ невѣсту изъ дѣвицъ всей земли. Въ Москвѣ и въ провинціяхъ боярамъ, помѣщикамъ, дѣтямъ боярскимъ разсылались циркулярные царскіе указы, которыми извѣщалось, что властямъ поручено «смотрѣть у нихъ дочерей-дѣвокъ» государю въ невѣсты; «и у которыхъ были дочери-дѣвки», тѣмъ предписывалось, «часа не мѣшкая», везти ихъ въ городъ на смотръ къ воеводамъ, а потомъ, по выбору послѣднихъ—въ Москву. «А кто дочь-дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ (на смотръ) не повезетъ», тому полагалась «великая опала и казнь». Иногда такимъ образомъ въ Москву свозили до двухъ тысячъ дѣвицъ разнаго званія, изъ которыхъ и выбиралась невѣста. «Надежнымъ сановникамъ и довѣреннымъ боярынямъ поручалось свидѣтельствовать этихъ дѣвушекъ, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не оставались безъ подробнаго разсмотрѣнія» (Пав. Іовій). Изслѣдовались дѣвственность невѣсты, ея здоровье и способность къ дѣторожденію. «Когда невѣста была окончательно выбрана»—разсказываетъ Іовій—«прочія соперницы ея по красотѣ, стыдливости и скромности нерѣдко въ тотъ же самый день обручались съ боярами и военными сановниками», при чемъ царь игралъ роль отца, опредѣляя, кому на комъ жениться.

Самовольный выходъ замужъ. Народная жизнь и въ тѣ времена

[1]) См. Сборн. Народн. юридич. обычаевъ. 1878 г., I. 163, 189, 174, 190 и др.

выработала нѣсколько формъ свободнаго брака, заключаемаго по добровольному соглашенію жениха и невѣсты. Старинные юридическіе памятники свидѣтельствуютъ, что подобные союзы, совершавшіеся безъ согласія родителей, были далеко не рѣдки, какъ не рѣдки они и нынѣ въ Архангельской губерніи, гдѣ дѣвушки, выходя тайно отъ родителей замужъ, уносятъ съ собой изъ дома родительскаго свои вещи. Такія браки называются *самокрутками* или *самоходками*.

Переходъ дѣвушки изъ-подъ власти отца во власть мужа. Свадьба сопровождалась множествомъ обрядныхъ церемоній, соблюденіе которыхъ считалось обязательнымъ и описаніемъ которыхъ во многихъ «домострояхъ» занята цѣлая весьма обширная глава: «О чинахъ свадебныхъ». Въ этихъ обрядахъ прежде всего выражалась та мысль, что невѣста поступаетъ въ полную зависимость отъ своего мужа и повелителя. Отецъ ея бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь, говоря: «по этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня за ослушаніе будетъ учить тебя этою плетью мужъ». Съ этими словами плеть передавалась жениху, который, закладывая ее за кушакъ, выражалъ надежду, что въ ней ему не окажется надобности. Плеть эта вѣшалась надъ брачнымъ ложемъ и во многихъ мѣстностяхъ женихъ производилъ ею обрядовое сѣченіе новобрачной при извѣстномъ унизительномъ обрядѣ разуванія ею своего суженаго.

Подвластность жены мужу и его обращеніе съ нею, по ученію духовенства. Плеть, предназначенная исключительно для жены, называлась «*дуракомъ*». За ничтожную вину мужъ таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ до нага, привязывалъ веревками и сѣкъ «дуракомъ» до крови—это называлось учить жену. У иныхъ мужей вмѣсто плети пускались въ ходъ розги, и жену сѣкли, какъ маленькаго ребенка, а иногда и дубина, которою жену били какъ скотину [1]). Такого рода обращеніе не только не казалось предосудительнымъ, но еще вмѣнялось мужу въ нравственную обязанность: кто не билъ жены, о томъ благочестивые люди говорили, что онъ «домъ свой не строитъ и о своей душѣ не радитъ, и самъ погубленъ будетъ и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и домъ свой погубитъ».

---

[1]) *Костомаровъ*. Очеркъ дом. жизни и нравовъ великорус. народа въ XVI-омъ и XVII-омъ ст.

По ученію духовныхъ отцовъ и по «Домострою» попа Сильвестра идеальный образецъ обхожденія съ женой заключается въ томъ, чтобы ее «плетью съ наказаніемъ бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здраво... А про всяку вину по уху, ни по видѣнію (лицу) не бити, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть, ни какимъ, ни желѣзнымъ, ни деревяннымъ не бить. Много притчи отъ того бываетъ: слѣпота и глухота, и руку, и ногу вывихнутъ и перстъ, и главоболіе и зубная болѣзнь, а у беременныхъ женъ и дѣтямъ поврежденіе бываетъ во утробѣ» [1]).

Это нравственное правило проповѣдывалось православной Церковью и самимъ царямъ при вѣнчаніи; митрополиты и патріархи читали нравоученія о безусловной покорности жены мужу. Привыкшія къ рабству, которое отъ колыбели до могилы имъ суждено было влачить, женщины не думали даже о возможности имѣть другія права и вѣрили, что онѣ въ самомъ дѣлѣ рождены для того, чтобы ихъ били мужья, и даже самые побои считали признакомъ любви.

Иностранцевъ поражала эта тиранія надъ женами. «Русскіе»—говоритъ Коллинсъ—«обходятся съ женами жестоко и держатъ ихъ въ строгомъ повиновеніи. Года три или четыре тому назадъ одинъ купецъ билъ свою жену до тѣхъ поръ, пока могъ, плетью пальца въ два толщиной; наконецъ, заставивъ ее надѣть платье, пропитанное водкой, зажегъ его, и, такимъ образомъ, несчастная погибла въ пламени... Всего удивительнѣе, что ея смерть не была отомщена никѣмъ, потому что въ Россіи нѣтъ уголовнаго закона, который преслѣдовалъ бы за убійство жены или раба, если оно совершено въ наказаніе за проступокъ» [2]).

Насколько деспотическое обращеніе съ женами проникло во всѣ слои общества, видно изъ повѣствованія о постриженіи Соломіи, супруги великаго князя Василія Іоанновича, которая заключена была въ монастырь за безплодіе (въ 1526 г.) [3]).

Продажа и залогъ женъ. Забитость и раболѣпство женщины были непосредственнымъ результатомъ тираніи надъ ней мужчины — тираніи, дѣйствительность которой далеко превосходила собою ея домо-

---

[1]) „Домострой", гл. XXXVIII.

[2]) *Шашковъ.* 135 и др.

[3]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 306, прим. 4.—Чтен. обществ. истор. и древн. 1871 г. III, 125,—Преображенскій, 175.

стройный идеалъ. Мужъ былъ хозяиномъ жены и дѣлалъ съ нею что угодно: продавалъ, закладывалъ ее какъ вещь или скотину. Во времена голода и другихъ общественныхъ бѣдствій сплошь и рядомъ «*мужи своя жены даяху, да прокормятъ себя*». Въ XVII-омъ вѣкѣ патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей въ томъ, что они, отправляясь на отдаленную службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ и вмѣсто процентовъ предоставляли имъ право любиться со своими заложенными супружницами. Если должникъ не выкупалъ своей жены въ срокъ, то заимодавецъ продавалъ ее для блуда другому, другой третьему и т. д. [1]).

Имущественныя права женщины. Когда у хозяина рождалась дочь, онъ дѣлалъ для нея особый сундучекъ или коробъ и откладывалъ туда каждый годъ всякаго рода имущества въ счетъ будущаго приданаго; въ то же время возращалъ на ея долю скотину: все вмѣстѣ называлось ея надѣлкомъ. Въ случаѣ смерти дочери до замужества, надѣлокъ обращался на поминовеніе души усопшей. Такимъ образомъ, съ самаго рожденія члена семейства ему готовили запасъ на дальнѣйшую жизнь [2]).

Отсюда мы видимъ, что, при всемъ подчиненіи женщины, въ имущественномъ отношеніи уже тогда были положены прочныя основы тѣхъ правъ, которыя въ настоящее время составляютъ большое преимущество русской женщины передъ французскими и англійскими. Дочь, при неимѣніи братьевъ могла наслѣдовать даже недвижимое имущество, а при братѣ ея наслѣдственная доля замѣнялась приданымъ. Въ XVII-омъ вѣкѣ даже при братьяхъ, дочери начали получать на прожитокъ особыя доли изъ отцовскихъ помѣстій. Въ приданое давалось какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, иногда даже цѣлыя вотчины и крестьяне. Въ древнѣйшее время имущество жены находилось въ полномъ распоряженіи мужа, но очень рано въ нашей исторіи водворилась полная раздѣльность супружескаго имущества. Жена сдѣлалась такою же собственницей, какъ и мужъ: она владѣла своими вотчинами, своимъ имѣніемъ, могла пріобрѣтать и отчуждать ихъ и вести дѣла отъ себя лично, безъ согласія мужа. Супруги, какъ лица независимыя другъ отъ друга въ имущественномъ

---

[1]) Истор. русск. царств. Филарета. III, 99.
[2]) *Костомаровъ*. 157.

отношеніи, могли вступать между собою въ разнообразные договоры, сдѣлки, куплю-продажу, мѣну, займы и т. д. По смерти мужа, жена сохраняла за собою свое имущество и приданое; кромѣ того, мужья часто назначали своимъ вдовамъ на прожитокъ извѣстную долю изъ своего имѣнія, иногда же вдова вмѣстѣ съ дѣтьми получала сполна все имущество покойнаго. Такимъ образомъ, дѣвушка съ прожиточнымъ помѣстьемъ, вдова, даже замужняя женщина были въ своихъ имѣніяхъ независимыми госпожами и, наравнѣ съ помѣщиками-мужчинами, должны были нести за владѣніе помѣстьемъ обязательную государственную службу въ лицѣ своихъ дѣтей, родственниковъ или постороннихъ лицъ [1]).

Понятіе о назначеніи женщины въ древней Руси. По патріархальнымъ воззрѣніямъ, женщина, вступая въ бракъ, не имѣетъ никакихъ личныхъ цѣлей; она служитъ лишь орудіемъ для продолженія рода. Первое достоинство жены поэтому — чадородіе: она должна дарить мужу дѣтей, преимущественно сыновей, этихъ столповъ рода. Неплодіе жены считалось величайшимъ несчастіемъ, однимъ изъ самыхъ страшныхъ наказаній Божьихъ. Такія жены обращались обыкновенно къ молитвѣ: съ плачемъ и рыданіемъ, доходившими, по выраженію древнихъ сказаній, до изступленія ума, онѣ постоянно молили Бога и святыхъ о томъ, чтобы «прижити имъ чадо мужеска пола»; обѣты, молебны, путешествія ко святымъ мѣстамъ, милостыня, ворожба и чародѣйство — все употреблялось безплодными супругами, чтобы имѣть дѣтей. Но и тогда уже, въ видѣ исключеній, принимались и другія, болѣе раціональныя мѣры. Такъ, напр., Борисъ Годуновъ, очень заботившійся о чадородіи сестры своей, царицы Ирины, поручалъ Горсею развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о средствахъ *«къ зачатію и нарожденію дѣтей и привести въ Москву докторицу, искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія»*. Безплодную жену мужъ ненавидѣлъ, презиралъ, притѣснялъ, билъ, разводился съ нею, заключалъ въ монастырь [2]).

Имѣя значеніе родительницы, представляя изъ себя почву, на которой не долженъ изсякнуть корень рода, жена играла еще роль хозяйки, «вѣковѣчной ключницы» мужа. На самомъ дѣлѣ древне-рус-

---

[1]) *Шашковъ*. 186.
[2]) *Шашковъ*. 92—159.

ская женщина высшихъ и среднихъ классовъ должна была быть не хозяйкой, а домоправительницей, экономкой, первой служанкой домовладыки; ея «дѣятельность была обширна»: по «Домострою», она встаетъ раньше всѣхъ, будитъ слугъ и ложится позже всѣхъ; всякое домашнее дѣло ей слѣдуетъ знать лучше тѣхъ, которые работаютъ по ея приказанію—и щи варить, и кисель поставить и т. д. Даже царицы обязаны были вникать въ послѣднія мелочи своего хозяйства.

Жизнь древне-русской барыни. Однако на дѣлѣ тяжелая работа, хлопотливая хозяйственная дѣятельность, непрестанный изнурительный трудъ выпали только на долю женщины низшихъ классовъ. Древне-русская барыня, несмотря на всѣ старанія «Домостроя», была существомъ вполнѣ тунеяднымъ, самкою, жирѣвшей и тупѣвшей въ своемъ теремномъ бездѣліи: «Русскія женщины»—говоритъ Корбъ—«вовсе не занимаются домашнимъ хозяйствомъ; въ отсутствіе господина рабы его, безъ вѣдома и согласія хозяйки, по довѣрію хозяина распоряжаются всѣмъ. Москвитяне содержатъ огромныя толпы дѣвокъ, но, за исключеніемъ самой легкой работы, поручаемой имъ по распоряженію жены хозяина, онѣ почти ничего не дѣлаютъ и проводятъ время запертыми въ домѣ своего господина, гдѣ иногда прядутъ и ткутъ холсты. Русскія женщины проводятъ вообще жизнь праздно, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онѣ слишкомъ часто ходятъ въ баню, такъ какъ это видоизмѣненіе праздности до нѣкоторой степени все-таки служитъ имъ развлеченіемъ въ скукѣ отъ бездѣйствія, снѣдающей эти жалкія существа». Баня, дѣйствительно, была почти такимъ же развлеченіемъ для древне-русской женщины, какъ балъ для современной.

Вся жизнь и дѣятельность женская была ограничена тѣсной сферой семейства. Правда, до XIV-аго и частію даже до XV-аго столѣтія женщина удерживала еще за собою право выступать въ общественной жизни и нѣкоторыя другія вольности, которыми она пользовалась въ первичную эпоху нашей исторіи; въ Новгородѣ женщины иногда являлись даже на вѣче. Марфа Борецкая въ томъ же Новгородѣ, великія княгини Евдокія и Софья въ Москвѣ, Евдокія и Настасія въ Твери, Анна въ Рязани, Елена въ Суздалѣ и др. принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, давали аудіенціи посламъ, даже обѣдали и пировали вмѣстѣ съ мужчинами. Но всѣ эти остатки древней женской свободы постепенно падали подъ давленіемъ патрі-

архальнаго деспотизма, и только тамъ, гдѣ вліяніе послѣдняго, какъ въ Западномъ краѣ, было слабѣе, женщина удержала за собой нѣкоторую относительную свободу. Грубыхъ московитянъ, даже одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, кн. Курбскаго, возмущала и та ничтожная вольность, которою пользовались женщины западной Россіи, а многіе изъ литовскихъ мужчинъ завидовали русско-татарскому семейному быту. «Ни татары, ни московитяне» — писалъ литовецъ Михалонъ — «не даютъ своимъ женамъ никакой свободы, говоря, что, кто даетъ свободу женѣ, тотъ отнимаетъ ее у самого себя».

Что касается Московіи, то здѣсь въ силу восточныхъ доктринъ, стремившихся избавить общество отъ величайшаго соблазна, отъ женской «прелести», родовыхъ принциповъ, ревниво охранявшихъ ее, какъ самку, предназначенную для продолженія рода, и, наконецъ, благодаря вліянію сливавшихся съ русскими азіатовъ, женщину настойчиво и рѣшительно удаляли изъ общественной жизни и запирали въ теремѣ. Затворничество женщинъ окончательно утвердилось еще въ началѣ XVI-аго вѣка; Герберштейнъ говоритъ, что въ Россіи «женщина считается честной тогда только, когда живетъ дома, взаперти и никуда не выходитъ; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ, то ея поведеніе становится зазорнымъ... Весьма рѣдко позволяется ей ходить въ церковь, а еще рѣже въ дружескія бесѣды, развѣ ужъ въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда она не можетъ навлекать на себя подозрѣнія».

Въ половинѣ XVI-аго вѣка затворничество женщинъ сдѣлалось еще строже и, по свидѣтельству Бухау, знатные люди не показывали своихъ женъ и дочерей не только постороннимъ, но даже братьямъ и другимъ близкимъ родственникамъ, а въ церковь позволяли имъ выходить лишь во время говѣнія да иногда въ самые большіе праздники. Какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины были окружены надсмотрщиками и шпіонами. «При нихъ» — пишетъ Петрей — «держатъ мальчика, который не только исправляетъ ихъ надобности, подаетъ имъ кушанья и напитки, но и долженъ также доносить мужьямъ, что дѣлали безъ нихъ ихъ жены; за то эти мальчики пользуются въ домахъ такимъ почетомъ и значеніемъ, что женщины безъ всякихъ отговорокъ дозволяютъ имъ разныя шалости, даютъ имъ подарки, если хотятъ отъ нихъ молчанія о своихъ дѣлахъ, чтобы не быть высѣченными или поколоченными отъ мужей. Женамъ мужья не дозволяютъ

даже и обѣдать съ собою: сами обѣдаютъ или одни, или съ гостями, а жены особо, въ своихъ покояхъ, съ горничными, и никто изъ мужчинъ не можетъ входить туда, кромѣ мальчиковъ, назначенныхъ для услуги».

Замкнутая жизнь женщины лишала ее всякой возможности развивать свои умственныя способности хотя до той степени, на которой стоялъ мужчина, развивавшійся въ водоворотѣ общественной жизни. Невѣжество женщинъ было изумительно, ихъ тупость поражала даже русскихъ, а не только иностранцевъ. «Московскаго государства женскій полъ»—говоритъ Кошихинъ—«грамотѣ не ученые и обычай тому есть, а природнымъ разумомъ простоваты и на отвѣты не смышлены и стыдливы; понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и, опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ и они людей видѣть не могутъ; а когда замужъ выйдутъ, ихъ люди также видаютъ мало; можно понять, что имъ не отъ чего быть разумными и смѣлыми» [1]. Разсказы богомолокъ и странниковъ, сплетни, сказки, пѣсни, безчисленныя повѣрья и предразсудки, ворожба и чары, а у самыхъ образованныхъ житія святыхъ—вотъ все, что давало женщинѣ матеріалъ для ея умственной дѣятельности.

Вліяніе матери на дѣтей. Въ продолженіе многихъ столѣтій русская мать не имѣла да и по собственному неразвитію и не могла имѣть какое-либо вліяніе на воспитаніе дѣтей. По этому поводу нашъ историкъ Костомаровъ говоритъ: «рѣдко дозволялось ей (матери) имѣть вліяніе на дѣтей своихъ; начиная съ того, что знатной женщинѣ считалось неприличнымъ кормить грудью дѣтей, которыхъ поэтому отдавали кормилицамъ, мать впослѣдствіи имѣла надъ ними менѣе надзора, чѣмъ няньки и дядьки, которые воспитывали господскихъ дѣтей подъ властью отца семейства». Но это относится только къ женщинамъ высшаго круга; въ среднихъ и низшихъ классахъ вліяніе матери всегда было сильно, и народъ вполнѣ сознаетъ это, говоря: «что мать въ голову вобьетъ, того и отецъ не выбьетъ». Но мать при своемъ глубокомъ невѣжествѣ и рабской пассивности могла вбивать ребенку въ голову только то, чѣмъ отецъ забилъ ея собственную несчастную голову. Еще надъ колыбелью младенца она поетъ

---

[1]) *Кошихинъ*. 102.

тысячелѣтнюю пѣсню о рабскомъ терпѣніи, о непреложности «свято-русскихъ» порядковъ, о неизбѣжности всероссійскаго горя—злосчастія и о необходимости покориться злодѣйкѣ-судьбѣ.

Блудъ и семейный развратъ. Корчмы и бани были притонами разврата, большею частью, для бѣдняковъ; для людей же богатыхъ женское тѣло предлагалось не такъ публично многочисленными сводней; отцы торговали своими дочерями, мужья—женами. «Когда»—говоритъ Петрей—«бѣдные и мелкіе дворяне или горожане придутъ въ крайность и у нихъ не будетъ денегъ, они бродятъ по всѣмъ закоулкамъ и смотрятъ, не попадутъ ли на какихъ-нибудь богатыхъ молодчиковъ, и, предлагая имъ для блуда своихъ женъ, берутъ съ нихъ по 2 и по 3 талера, смотря по красотѣ и миловидности жены. Мужъ все время ходитъ за дверью и сторожитъ, чтобы никто не помѣшалъ имъ». Хотя блудодѣяніе строго преслѣдовалось нравственными понятіями, и даже въ юридическихъ актахъ блудники помѣщались въ одинъ разрядъ съ ворами и разбойниками, однако мужчины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре кромѣ жены имѣли у себя любовницъ да, сверхъ того, не считалось большимъ порокомъ пользоваться и служанками въ собственномъ домѣ, часто насильно. Помѣщики сплошь и рядомъ держали у себя по нѣсколько любовницъ, насиловали своихъ крѣпостныхъ, растлѣвали малолѣтнихъ дѣвушекъ, пользовались правомъ первой ночи. «Другіе»—говоритъ патріархъ Филаретъ—«не женясь вовсе, находились въ блудномъ сожительствѣ съ родными сестрами и даже съ матерями и дочерьми» [1]).

Развратомъ пропитались всѣ слои общества съ низу до самаго верха. Волосы становятся дыбомъ при повѣствованіяхъ историковъ о томъ, напримѣръ, что должны были вытерпѣть русскія женщины отъ Іоанна Грознаго и его сподвижниковъ. Но развратъ не ограничивался тѣми женщинами, которыхъ можно было купить или захватить силою: онъ проникалъ всюду и увлекалъ теремныхъ затворницъ высшаго класса, которыя уже не за деньги и не по принужденію, а ради удовольствія и добровольно старались усладить горечь своей рабской жизни утѣхами свободной любви съ мужчинами, приходившимися имъ по вкусу. Несмотря на невозможность, повидимому, проникнуть за стѣны терема, примѣры измѣнъ такихъ женъ были нерѣдки. Проводя

---

[1]) С. гр. III. 225, 246. *Костомаровъ*. 152—154.—*Шашковъ*, 162—171 и др.

время со служанками и ведя съ ними отъ скуки «пустяшныя рѣчи, пересмѣшныя, скоромскія и безлѣпичныя» женщина пріучалась располагать свое воображеніе ко всему нецѣломудренному. Эти служанки вводили въ домъ разныхъ торговокъ, гадальщицъ и, въ томъ числѣ, «потворныхъ бабъ», «что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ». Послѣднія вели свое занятіе съ правильностью ремесла и очень искусно внѣдрялись въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно, даже набожными богомолками. Всегда ихъ можно было застать тамъ, гдѣ женщины и дѣвки сходились, напримѣръ, на рѣкѣ, гдѣ мылось бѣлье, у колодца, на рынкахъ и прочее; здѣсь онѣ заводили знакомство со служанками, а черезъ нихъ доходили и до госпожъ. Такія то женщины и были пособницами волокитъ, причемъ нерѣдко случалось, что одна и та же служила одновременно мужу тайно отъ жены и наоборотъ [1]).

Передъ реформою Петра нравы дворцоваго терема окончательно пали, и его обитательницы отличались крайней легкостью поведенія. По раскольничьимъ извѣстіямъ, «царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна сестра ея... и бояре ходили къ нимъ и ребятъ тѣ царевны носили и душили и иныхъ на дому кормили» [2]). У царевны Марфы нѣсколько лѣтъ былъ на содержаніи дьяконъ Иванъ [3]) и т. д. Образецъ русской аристократической Мессалины—этой грязной, отвратительной, до болѣзненнаго неистовства страстной женщины, воспѣвается простонародьемъ до сихъ поръ въ многочисленныхъ варьянтахъ пѣсни «Барыня».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, на свадьбахъ, женщины развратничали почти открыто, такъ какъ пьяные мужья и не могли зорко смотрѣть за ними, и, въ свою очередь, сходились съ чужими женами. Впрочемъ, развратъ доходилъ до того, что иногда убивалъ даже всякую ревность между супругами, и мужья, открывая измѣну женъ, дѣлали изъ нея предметъ потѣхи для общества.

Семья. Отеческая власть и по закону, и на практикѣ, и по народному возрѣнію, и по ученію Церкви была почти безграничною. Въ продолженіе вѣковъ наши предки употребляли всѣ усилія, чтобы утвердиться самодержцами въ своихъ семействахъ, въ продолженіе вѣ-

---

[1]) Костомаровъ. 152, 153.
[2]) и [3]) Соловьевъ. XVII. 227.

ковъ ихъ поддерживали въ этомъ стремленіи проповѣдники византійской школы, которые, опираясь на патріархальные идеалы семейной жизни, превращали родительское самодержавіе въ обязанность каждаго отца или родоначальника. Въ церковной проповѣди, въ домашнихъ бесѣдахъ, во множествѣ поучительныхъ сочиненій, изъ которыхъ постепеннно формировался «Домострой», отцу внушалось, что онъ— «государь», «настоятель», «игуменъ», апостолъ своего дома; его воля— законъ для дѣтей, которыя обязаны безусловно ему подчиняться.

Покровительство закона деспотизму отца и беззащитность дѣтей. Хотя отцы и не имѣли права надъ жизнью и смертью дѣтей, но за убійство послѣднихъ законъ налагалъ столь легкое, сравнительно, наказаніе, что тѣмъ самымъ какъ бы признавалъ необузданность родительскаго произвола, и самое дѣтоубійство считалъ только *грѣхомъ*, а не преступленіемъ: «Буде отецъ или мать»—гласитъ Уложеніе Алексѣя—«сына или дочь убіетъ до смерти, и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіей и объявлять тотъ свой грѣхъ людямъ вслухъ, а смертью отца или матери за сына и за дочь не казнити». Что же касается побоевъ, увѣчій, самыхъ варварскихъ истязаній, то ни законъ, ни общественное мнѣніе нисколько не охраняли отъ нихъ дѣтей, хотя сплошь и рядомъ случалось, что, по «Домострою», «учащая раны», «не щадя жезла», «сокрушая ребра» домовладыка, какъ тиранъ, медленно убивалъ своихъ домочадцевъ, доводилъ ихъ до отчаянія, вгонялъ въ смертельную болѣзнь, засѣкалъ до смерти [1]).

Смотря сквозь пальцы на подобныя проявленія домашней тираніи, законъ строжайше преслѣдовалъ всѣ покушенія дѣтей на отеческую личность, малѣйшія оскорбленія родительскаго авторитета. Мало того, что за убійство родителей виновные подвергались жесточайшей смертной казни—стоило только отцу или матери пожаловаться, что дѣти не слушаютъ, непочитаютъ или оскорбляютъ ихъ, и власти обязаны были, основываясь только на родительскихъ показаніяхъ, «чинити дѣтямъ жестокое наказаніе, бити ихъ кнутомъ нещадно и приказати имъ быть у отца и у матери во всякомъ послушаніи, безо всякаго прекословія». Жалобы же дѣтей на родителей считались преступленіемъ, по нимъ запрещено было всякое дѣлопроизводство, а

---

[1]) *Шашковъ*. 62— 50.

за принесеніе жалобъ дѣтей велѣно было драть кнутомъ и затѣмъ возвращать родителямъ.

Семейныя отношенія. Большинство супружествъ въ древней Россіи вовсе не имѣло характера мирнаго союза двухъ любящихъ существъ, а походило вполнѣ на союзъ господина съ рабыней, которая и ненавидитъ, и боится своего господина. Силою выданная за нелюбимаго человѣка, страдающая отъ его деспотизма и самодурства, озлобленная, раздраженная, вѣчно недовольная всѣмъ окружающимъ, женщина дѣлается болѣзненно сварливою, упорною; она перечитъ мужу во всемъ, противодѣйствуетъ ему во всякихъ мелочахъ, на каждомъ шагу. Произведенія древне-русской письменности и народной поэзіи представляютъ немало картинъ этой вѣчной супружеской войны. Въ Западной Россіи, гдѣ, подъ вліяніемъ польской цивилизаціи [1]), жен-

---

[1]) *Польша.* Съ XIII-аго до XV-аго в. въ Польшѣ рѣдкая женщина (не говоря уже о мужчинахъ) не умѣла читать и писать. Св. Куникунда (въ XIII в.), ученица знаменитаго Николая Никулы, свободно владѣла даже латинскимъ языкомъ, но она представляла рѣдкое исключеніе того времени. Съ XV-аго в. образованность польки, подъ вліяніемъ западнаго гуманизма, начала сильно развиваться, такъ что скоро женщина интеллигентнаго класса нерѣдко превосходила мужчину въ этомъ отношеніи. Какъ мужчина, такъ и женщина получали одинаковое первоначальное образованіе въ монастырскихъ школахъ.—По окончаніи курса мужчина, въ большинствѣ случаевъ, посылался ко двору въ качествѣ пажа (Dworzanin) для пріобрѣтенія рыцарскаго обхожденія, поступалъ въ войско и отдавался впослѣдствіи болѣе показной дѣятельности въ польскомъ ландтагѣ, на сеймахъ и т. п. Женщина же (изъ знати) по выходѣ изъ монастырской поступала еще большею частію въ высшую школу („*Fraucymery*“) и только послѣ ея окончанія вступала въ свѣтъ, шла ко двору короля или знатныхъ вельможныхъ пановъ, славившихся вліяніемъ и пышностью жизни.

Именно это умственное превосходство женщинъ и было причиною того, что въ Польшѣ какъ католическое, такъ и протестантское духовенство всю свою силу видѣло въ женщинахъ и старалось оказывать вліяніе на общество чрезъ ихъ посредство. Это подтверждается тѣмъ, что, пока женщина стояла на низкой степени умственнаго развитія, она подвергалась въ Польшѣ такимъ же угнетеніямъ со стороны духовенства, какъ и въ Россіи, лишь съ XV-го в., когда подъ вліяніемъ западной Европы, интеллектуальная сила женщина возросла настолько, что съ ней пришлось считаться какъ обществу, такъ и духовенству, послѣднее сочло для себя выгоднымъ измѣнить свое пренебрежительное къ ней отношеніе и привлечь ее на свою сторону, какъ союзника.

Уже въ XV-омъ в. польскія женщины отличались не только общимъ образованіемъ, но и болѣе спеціальнымъ; такъ, напр., судебные акты краковскаго архива свидѣтельствуютъ, что женщины часто выступали въ судахъ въ качествѣ защитницъ не только своихъ личныхъ интересовъ, но и по дѣламъ своихъ мужей и обнаруживали серіозныя познанія по законовѣдѣнію (Ottmann Beiträge zur Kulturgeschichte d. polnischen Frauen, s. 6). Въ XVI омъ в. вопросъ о женской эмансипаціи развился настолько, что создалъ цѣлую литературу и занялъ собою такихъ выдающихся людей,

щина пользовалась несравненно большей свободою, чѣмъ въ Великороссіи, эти супружескіе раздоры нерѣдко принимали характеръ публичнаго скандала. Для примѣра достаточно указать на семейную жизнь и разводъ просвѣщеннѣйшаго мужа того времени, князя Курбскаго (1578 г.).

Между родителями и дѣтьми господствовалъ духъ рабства, прикрытый ложной святостью патріархальныхъ отношеній. Почтеніе къ родителямъ считалось залогомъ здоровой, долгой и счастливой жизни. О томъ, кто злословитъ о родителяхъ, говорилось: «да склюютъ его вороны, да съѣдятъ его орлы!» Отецъ и въ дѣтскомъ уваженіи пользовался предпочтеніемъ передъ матерью. «Имѣй, чадо,—поучаетъ отецъ сына—отца своего аки Бога, матерь свою аки самъ себе» [1]). Понятно, что и дѣтская покорность была скорѣе рабской, а власть родителей переходила въ слѣпой деспотизмъ безъ нравственной силы. Чѣмъ благочестивѣе былъ родитель, чѣмъ болѣе проникнутъ былъ ученіемъ Церкви, тѣмъ суровѣе обращался онъ съ дѣтьми, какъ то предписывалось духовенствомъ. «Наказуй, отецъ, сына изъ млада—гласитъ одно старинное поученіе—учи его ранами бояться Бога и творить все доброе, и да укоренится въ немъ страхъ Божій, а если съ

какъ *Рей* (*Rej*), *Горницкій* (*Gornicki*) и др.; при этомъ не дремала и сатирическая литература, имѣвшая такихъ представителей, какъ упомянутый *Рей*, *Христофъ Опалинскій* и мн. др.!

Кромѣ сатириковъ во второй половинѣ XVI-аго в. вопросомъ этимъ занялись и многіе педагоги и писатели, указывавшіе на необходимость серіознаго и полнаго образованія женщины. Первое мѣсто въ ихъ ряду безспорно принадлежало знаменитому дидактику *Андрею Глаберу изъ Кобылина (Andreas Glaber z Kobylina)* благодаря его „*Problematis Aristotelis*"; однако, несмотря на капитальность этого труда, онъ не имѣлъ надлежащаго успѣха, такъ какъ сочиненіе было написано по-латыни и недоступно поэтому для массы. Счастливѣе Глабера въ этомъ отношеніи были Рей, написавшій „*Жизнь праведнаго мужчины*" (Крак., 1567 г.) и *Горницкій*—„Dworzanin" („Придворный пажъ". Крак. 1566 г.). Оба эти труда имѣли большое педагогическое значеніе и доказывали необходимость серіозной умственной подготовки женщины; при этомъ Рей имѣлъ въ виду хозяйку, помѣщицу, а Горницкій, этотъ государственный мужъ и политикъ—аристократку.

Къ концу XVI-аго и въ XVII-омъ вв., въ царствованіе Сигизмунда III и Владислава IV, женскій вопросъ выражался въ Польшѣ уже въ болѣе реальной и положительной формѣ. Такъ, въ рукописяхъ, находящихся въ краковской университетской библіотекѣ за № 116, мы находимъ актъ, составляющій „*Miscellanea*" культурной исторіи того времени: это петиція польскихъ женщинъ, поданная ландтагу и дебатировавшаяся въ правленіе Владислава IV, въ которой онѣ требуютъ уравненія ихъ правъ съ мужскими и цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ для улучшенія положенія женщинъ въ семейномъ быту, для Польши и Литвы.

[1]) Погод. собр. рук. П. б. 1,772.

молода не научишь, большаго какъ можно научить». [1]). Слова почитались недостаточными, нужно учить дѣтей «розгами, да не прімеши про нихъ нынѣ отъ человѣкъ сорома и будущихъ мукъ» [2]). Общее же правило отношенія отцовъ къ дѣтямъ выражалось въ «Домостроѣ» такъ: «Сына ли имаши, не дошедъ вниги въ юности, но сокруши ему ребра; аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравъ будетъ; дщерь ли имаши—положи на ней грозу свою». Этотъ суровый моралистъ запрещаетъ даже смѣяться и играть съ ребенкомъ. За то и дѣти, раболѣпныя въ присутствіи родителей, смѣялись надъ ними заочно вмѣстѣ со своими сверстниками изъ слугъ, придставленными къ нимъ для товарищества. «Въ Московіи»—говоритъ одинъ иностранецъ — «нерѣдко можно встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью» [3]). Грубыя привычки и порочныя наклонности усваивались ими съ малолѣтства и сопровождали до старости. «Лучше», по словамъ одного русскаго моралиста, «имѣть у бедра мечъ безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ, лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь: коза по селищу ходитъ—молоко принесетъ; дочь по селищу ходитъ—стыдъ принесетъ отцу своему» [4]).

Обрядность внѣшняго благочестія. Какъ уже было сказано, въ обществѣ почти съ самаго введенія христіанства развилось аскетическое убѣжденіе, что, живя въ мірѣ и имѣя семейство, невозможно спастись. Но такъ какъ запереть въ монастыри и сдѣлать монахами всѣхъ было немыслимо, то каждый старался ввести характеръ монастырской жизни въ свой домъ и до извѣстной степени подчинить семью правиламъ монастырскаго устава. «Домострой», недаромъ называлъ домовладыкъ «*игуменами* домовъ своихъ». Эти «игумены», подъ руководствомъ своихъ духовниковъ, которые оказывали самое радикальное вліяніе на ходъ домоправленія и которымъ даже отцы семействъ кланялись обыкновенно до земли, вводили въ своихъ семьяхъ такіе порядки, которые могли помирить съ семейной жизнью даже аскетическаго врага ея, если только въ немъ не заглохли еще всѣ общественныя чувства. «Домострой» предписываетъ каждому православному «по вся дни утромъ вставъ, Богу молитися и отпѣти заутреню и

---

[1]) Рум. муз. сборн. 359.
[2]) Погод. собр. № 1,024.
[3]) La Relig. des Moscov., 87.
[4]) Сборн. Рум. Муз. 359.

часы, а въ воскресенье и праздникъ — молебенъ и святымъ кажденіе. Вечеромъ же отпѣти вечерню, повечерницу, полунощницу съ молитвами и поклонами». Послѣ этой вечерней службы «отнюдь не пити, ни ѣсти, ни молвы творити. А ложась спать, три поклона въ землю положити. А въ полунощи всегда, тайно вставъ, *со слезами* прилежно Богу молитися, елико вмѣстимо. Всегда четки въ рукахъ держати и молитву Іисусову во устахъ непрестанно имѣти и въ церкви, и дома, и въ торгъ ходя, и стоя, и сидя, и на всякомъ мѣстѣ». Принимаясь за какое-нибудь дѣло, уходя за чѣмъ-нибудь изъ дому, садясь за обѣдъ и ужинъ, должно, «устроивъ себя, прежде святымъ поклонитися трижды въ землю, проговорить «достойно» да молитву Іисусову, да благословиться у настоятельствующаго» и потомъ уже приступать къ дѣлу. Водворяя въ домѣ эти и многіе другіе монастырскіе обряды, «Домострой» старался поселить въ немъ и монастырскій духъ, проповѣдуя безусловное послушаніе домовладыкѣ-игумену, запрещая всякія игры и забавы, предписывая домочадцамъ «имѣть душевную чистоту, тѣлесное безстрастіе, походку кроткую, голосъ умѣренный, слово благочинное, передъ старшими хранить молчаніе, сильнымъ оказывать повиновеніе, не смѣяться, избѣгать споровъ и возраженій, говорить меньше, а слушать больше, зрѣніе имѣть долу, а душу горѣ» и т. д., и т. д.

Внѣшнее благочестіе «домоправителей - игуменовъ», ничего общаго съ нравственной чистотой человѣка не имѣющее, дошло до того, что при совершеніи блуда они старались уменьшить тяжесть грѣха сохраненіемъ разныхъ религіозныхъ приличій, напр., снимали съ себя крестъ и завѣшивали образа, готовясь къ грѣшному дѣлу [1]).

Изъ приведеннаго обзора культурнаго развитія русскаго народа до XVII-аго вѣка мы ясно видимъ, что за весь этотъ періодъ у него не было и не могло быть матери-гражданки, а потому не было и семьи, которая служила бы почвой для зарожденія и самостоятельнаго развитія гуманизма.

---

[1]) Костомаровъ. 153.

Россія и русская женщина съ XVII-аго до половины XIX-аго вѣка.

„И подумалъ Потокъ:—ужъ, Господь борони,
Не проснулся ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана;
А сегодня велятъ мужика обожать.
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
На вчерашнемъ основана духѣ".
(А. Толстой).

На Западѣ женщина, какъ мы видѣли, играла дѣятельную роль въ исторіи умственнаго развитія; въ извѣстныя эпохи она служила даже единственной почвой, на которой просвѣщеніе пускало глубокіе корни, тогда какъ мужчина въ то время жилъ въ глубокомъ невѣжествѣ (XI—XIV-ый вв. во Франціи и Германіи). Въ Россіи, наоборотъ, умственное развитіе занесено было раньше, чѣмъ вѣковая исторія народа могла подготовить для него благопріятную почву. Первымъ матеріаломъ для воспринятія умственнаго развитія явился мужчина, и умственная дѣятельность и жизнь развивались совершенно отдѣльно, лишь слегка, и то лишь за послѣднее время, коснувшись народа и женщины.

Вѣковое развитіе и изощреніе западно-европейской мыслительности въ борьбѣ философскихъ школъ образовало и выдвинуло во главѣ западныхъ народовъ особый классъ раціонально мыслящихъ людей, который и сталъ высшей интеллигенціей и руководящей умственной силой западно-европейскихъ націй; образовалась цѣлая школа, такъ называемыхъ, свободныхъ мыслителей—*libres penseurs*. XV-ый вѣкъ, по выраженію Гизо, былъ вѣкомъ «de la revolution intellectuelle, qui forme une école des libres penseurs [1]).

Русскій народъ только созерцалъ въ отдѣльности разные физическіе предметы, видѣлъ, осязалъ, слышалъ то или другое въ сферѣ природы, не стараясь проникнуть въ глубь умозрительнымъ сравненіемъ, не вырабатывая изъ всѣхъ чувственныхъ впечатлѣній никакихъ логическихъ выводовъ и обобщеній. Поэтому насколько проявлялась

---

[1]) Histoire de la civilisation en Europe.

элементарно-эмпирическая воспріимчивость внѣшнихъ чувствъ, наклонность къ непосредственно-чувственному реализму, настолько же чужда была ему логическая, разсудочная сила отвлеченнаго мышленія, высшая философская мыслительность, въ особенности — германское глубокомыслiе. Поэтому въ Россiи никогда не было своихъ самостоятельныхъ философовъ и философскихъ школъ, въ родѣ средне-вѣковыхъ слохастиковъ, номиналистовъ и реалистовъ, а тѣмъ болѣе — своихъ Декартовъ, Бэконовъ, Локковъ, Кантовъ, Гегелей, Фихте, Шеллинговъ и т. п.

Древне-русскiе народные грамотники и писатели не любили философiи и избѣгали ея. Говоря о своемъ умственномъ образованiи, они обыкновенно сознавались: «*Философiю ниже очима видѣхъ, и не учихся у философовъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не слыхалъ, ни философiи не навыкъ*» и пр. [1]). Другiе учили даже: «Братiе, не высокоумствуйте! аще кто ти рѣчетъ: вѣси ли всю философiю! И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ» [2]). Отцы внушали дѣтямъ сдерживать умъ отъ всякаго самостоятельнаго мышленiя: «учася грамотѣ, учися держати умъ, безъ сего и грамота не пользуетъ: *высочайши себе не ищи, а глубочайши тебе не испытуй*, но елико ти предано отъ Бога, си содержи,—высочайши убо себѣ — *небесное измѣренiе, высокопаривая мысль*» и пр. [3]). Поэтому и народные учителя-грамотники не могли образовать руководящаго, мыслящаго класса, тѣмъ болѣе, что они сами, наравнѣ съ рабочимъ народомъ, всецѣло озабочены были тѣмъ, «*еже стужати, чѣмъ животъ кормити*», учительствомъ занимались только какъ «*кормовымъ промысломъ*», а потому назывались «*работничишками*».

Духъ науки на Западѣ и въ Россiи. Съ XIV-аго вѣка на Западѣ началось всеобщее энергичное изученiе идей классической науки и литературы, подъ влiянiемъ которыхъ совершилось, такъ называемое, «возрожденiе наукъ и искусствъ». Греческiя науки возбудили и въ западно-европейскихъ умахъ духъ критическаго изслѣдованiя во всѣхъ областяхъ знанiя. Выработка этого самостоятельнаго критическаго мышленiя до XVII-аго столѣтiя — великаго вѣка «критики чистаго разума» прошла: 1) черезъ перiодъ гуманизма, когда изученiе древности было средствомъ

---

[1]) Опис. рукоп. Рум. муз. № 411, 39—40.—Пам. стар. русск. литер. IV, 119—120.
[2]) Изъ рук. прописи 1643 г. въ Рум. муз. XCCCXXVI, Пекарскiй 1, 3.
[3]) Сборникъ Соловецк. библiот. № 925, листы 66—68.

къ всестороннему интеллектуальному развитію и проявленію человѣческой мысли: это XIV-ое, XV-ое и XVI-ое столѣтія; 2) черезъ періодъ всесторонняго матеріальнаго и критическаго изученія классической литературы, въ XVII-омъ вѣкѣ, когда классическая наука была «une espèce de science, composée la critique et interprètation de tous les auteurs», или представляла «une litterature universelle, qui s'etend sur toutes sortes des sciences et des auteurs» [1]). Изученіе физическихъ или естественно-научныхъ сочиненій древнихъ греческихъ натуралистовъ, математиковъ и географовъ возбудило въ европейскихъ умахъ энергическій духъ естествоиспытанія.

Русскіе писатели вовсе не переводили и не знали физическихъ и математическихъ произведеній Аристотеля, Эратосѳена, Эвклида, Гиппарха, Птоломея и др. Воспитанные въ духѣ однихъ церковно-византійскихъ твореній, благочестивые русскіе люди не любили вообще эллинскую мудрость и сказаніямъ «*Эллиновъ отъ Омира и Овидія*», предпочитали нравственно-назидательныя житія христіанскихъ чудотворцевъ [2]). Даже древне-греческую эллинскую грамоту, какъ языческую, наши предки считали нечестивою и несравненно выше ея ставили церковно-славянскую и пермскую, какъ грамоту христіанскую. Поэтому писатели Петровскаго времени, которымъ пришлось впервые переводить все то, что давно должно было быть переведено, съ упрекомъ отзывались о древне-русскихъ писателяхъ, чуждавшихся классической греческой литературы [3]).

Такимъ образомъ классицизмъ не былъ у насъ, какъ на Западѣ, историческимъ началомъ интеллектуальнаго развитія, предварительнымъ горниломъ испытанія мыслительности, подготовительной школой возбужденія и воспитанія пытливой мысли и духа изслѣдованія. Вслѣдствіе этого у насъ не было и тѣхъ зачатковъ естествоиспытательнаго стремленія, какіе возбуждены были на Западѣ изученіемъ физико-математическихъ, астрономическихъ и географическихъ произведеній классической древности. Напротивъ, при вѣковомъ отчужденіи отъ физическихъ ученій древне-греческихъ натуралистовъ, въ русскомъ народѣ произошло и умственное отчужденіе отъ естествознанія. Это особенно обнаружилось въ концѣ XVII-аго вѣка [4]). Чтобы потомъ возбудить и вкоренить въ

[1]) „Dictionnaire de Frivoux" V, 528.—*Acta*, Grundriss der Philologie. Landshut 1808, 4.
[2]) Буслаева, II, 61—62.
[3]) Пекарскій. I, 193.
[4]) Олеарій, въ „Архивѣ" 1859 г. III, 25.

умахъ народа довѣріе къ естественнымъ наукамъ, нужно было уже подъ вліяніемъ Запада воспитать два или три поколѣнія, нужна была вѣковая проповѣдь о пользѣ естествознанія, начиная отъ Ломоносова до позднѣйшаго времени.

Съ другой стороны, вѣковое отчужденіе отъ классицизма было причиною того, что онъ потомъ не прививался къ нашимъ училищамъ, а, слѣдовательно и въ народѣ, съ такимъ успѣхомъ, какъ на Западѣ. Онъ не былъ у насъ историческимъ началомъ умственнаго развитія, а потому и послѣ не имѣлъ никакой органической связи съ интеллектуальной жизнью русскаго народа.

Образованность во времена Петра Великаго. Какъ ни ломалъ Петръ Великій старый восточно-византійскій складъ народнаго умственнаго воспитанія, однако и онъ не могъ всей силой своихъ указовъ вырвать съ корнемъ всѣ прежнія его начала; ему невозможно было устранить главную жизненную основу древней Руси—восточно-византійскую систему умственной опеки и доктрины, потому что она глубоко вкоренилась во всемъ умственномъ складѣ народа, срослась со всѣмъ его міросозерцаніемъ, всѣми вѣрованіями и суевѣріями. Старыя допетровскія умственно-образовательныя учрежденія, основавшіяся на византійскихъ началахъ, какъ, напримѣръ, кіево-могилянская и московская славяно-греко-латинская академіи, облекшись въ схоластическія формы средне-вѣковыхъ католическихъ учебныхъ заведеній, продолжали оказывать свое вліяніе въ прежнемъ духѣ и въ новой Россіи. Вліяніе кіевской схоластико-теологической учености еще сильно преобладало и въ XVIII-омъ столѣтіи да въ большей части общества и понынѣ беретъ перевѣсъ надъ вліяніемъ европейской мысли и науки. «При Петрѣ Великомъ» — говоритъ Пекарскій—«русское образованіе слагалось изъ друхъ стихій: кіевской учености, принесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и даже Италіи. Кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собой право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усваивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей»[1]).

Какъ византійская педагогика и доктрина, такъ и петровская преобразовательная система не имѣли своей задачей собственно развитіе

[1]) Пекарскій, I, 5.

и изощреніе интеллектуальныхъ способностей и всеобщей самодѣятельности мышленія въ народѣ. Главная задача ихъ состояла въ регулированіи, въ направленіи народной и общественной мысли, въ сообщеніи своего тона и направленія народному умонастроенію и міросозерцанію. Поэтому мыслительныя способности и всеобщая самодѣятельность ума не развивалась въ народѣ ни подъ вліяніемъ византійской педагогической доктрины, ни подъ руководствомъ государственной преобразовательной системы, слѣдовательно не могло и быть такого предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія и изощренія теоретической мыслительности народа, какое было на Западѣ до XV-аго вѣка генераціи раціонально-мыслящаго класса вплоть до Петра Великаго. Но и въ эпоху введенія европейскихъ наукъ въ Россіи, низшія познавательныя способности—память и внѣшнія чувства—долгое время еще преобладали надъ теоретическимъ мышленіемъ и разсудкомъ. Петръ Великій—первый въ Россіи геній мысли—сталъ вводить умственную жизнь народа въ періодъ высшей разсудочной работы. О томъ, какъ трудно было ему преодолѣть вѣковой застой русской мысли, можно видѣть изъ словъ Корба: «Заскорузлые въ нелѣпыхъ старинныхъ понятіяхъ бояре говорили: москвитяне къ научнымъ занятіямъ не способны, и потому расходы на сей предметъ окажутся совершенно безполезными; вы только изнурите понапрасну и себя, и своихъ подданныхъ» [1]). И вотъ, геній Петра образовалъ зародышъ раціональной теоретической работы мысли, первыми представителями которой явились *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, *Кантеміръ*, *Ломоносовъ*, *Татищевъ*, первые лучшіе профессора московскаго университета и т. д.

Въ массѣ же, благодаря вѣковому неразвитію умственныхъ силъ, первые проблески пытливой раціональной мысли вскружили и возмутили всѣ немыслящія или, по выраженію Петра, *безразсудныя дурацкія головы*, воспитанныя грубымъ сенсуализмомъ и восточно-византійской доктриной. Всѣ «хулители» научно-пытливой мысли стояли за старый непосредственно-житейскій опытъ, говоря, что внѣшнія чувства и память въ теченіе жизни научаютъ всему, и что вовсе не нужно ломать голову надъ изысканіемъ причинъ и сущности вещей, не нужно никакихъ теоретическихъ изслѣдованій, никакихъ наукъ [1]).

---

[1]) Сатира „На хулящихъ ученіе“ или „Къ уму моему“. См. также сатиру „На гордость дворянъ“.

Благодаря преобладанію верхоглядного сенсуализма надъ разсудочною силою сужденія за границей у русскихъ умъ не увлекался науками, мысль не возбуждалась, не зарождались новыя идеи, а прежде всего внѣшнія чувства поражались блескомъ и внѣшностью предметовъ и притомъ, главнымъ образомъ, церковно-обрядовой стороной жизни, которую и дома привыкли созерцать больше всего [1].

Образованность во второмъ поколѣніи послѣ Петра. Во второмъ послѣ Петра поколѣніи теоретическая мыслительность представляется уже болѣе развитой, но тоже еще немного. Лучшими представителями ея въ это время были нѣкоторые изъ первыхъ русскихъ профессоровъ московскаго университета, каковы, напримѣръ: *Поповскій*, *Барсовъ*, *Афонинъ*, *Карамышевъ*, *Зыбелинъ*, *Аничковъ*, *Антонскій* и другіе немногіе природные русскіе академики или причастные къ Академіи Наукъ, какъ *Крашенинниковъ*, *Лепехинъ*, *Рычковъ*, *Озерцковскій*; нѣкоторые русскіе историки и публицисты: *Болтинъ*, *Щербатовъ*, *Бецкій*, наконецъ, лучшіе литераторы Екатерининскаго времени и начала XIX-аго столѣтія — *Фонвизинъ*, *Новиковъ* до 1777 года, *Радищевъ*, *Пнинъ* и нѣкоторые другіе. Хотя русская мысль еще далеко не созрѣла для самостоятельной выработки научныхъ теорій и выводовъ и рабски руководилась западными авторитетами и источниками, однако она уже значительно усвоила научное направленіе, съ юною энергіею запасалась научнымъ содержаніемъ и научными силами, умѣла уже примѣнять теоріи и выводы европейской науки къ практическимъ потребностямъ русской жизни и энергично боролась съ общественными предразсудками и суевѣріями [2].

Русская литература тоже начала заявлять себя возникшей въ это время журналистикой и хотя до литературной критики еще далеко не доросла, однако зато съ успѣхомъ развивалась въ здравой сатирической критикѣ общественныхъ — умственныхъ и нравственныхъ — недостатковъ [3]. Признакомъ зарожденія раціональной мыслительности служитъ также возбудившаяся въ немногихъ хотя умахъ этого поколѣнія склонность къ идеямъ западной философіи XVIII-аго вѣка, стремленіе къ обобщенію и уразумѣнію идей или теорій того или другого философа.

Но въ огромномъ большинствѣ общества даже того, которое на-

---

[1]) Пекарскій I, 146,

[2]) „Истор. Моск. универс.“, 152—161, 185, 197—200 и др.

[3]) *Авонасьевъ*. „Русскіе сатирич. журналы 1769—1774“ изд. 1859 г.

чинало называться «образованнымъ», теоретическая сила мышленія еще почти нисколько не была развита или, если начинала пробуждаться, то выражалась въ самыхъ незрѣлыхъ, даже уродливыхъ формахъ. Умственные недостатки перваго послѣ Петра поколѣнія — дурачество, непріятіе и невзятіе наукъ или непонятливость и тупость — во второмъ переродились, по выраженію тогдашнихъ сатирическихъ писателей, въ «*недоумство*», полупонятливость «*крѣпколобовъ* и *недоумовъ*», въ «*непрямой разсудокъ*» и въ «моду на умы».

Положеніе и образованіе женщины во времена Петра Великаго. Какъ и всѣ великіе государственные преобразователи (Солонъ, Карлъ Великій, Ришелье и пр.), Петръ Великій, при проведеніи государственныхъ реформъ, коснулся и положенія женщины [1]). Несмотря на всю свою геніальность и высокое умственное развитіе, онъ не взялъ женскаго вопроса глубоко, по существу и ограничился измѣненіемъ лишь внѣшняго ея положенія. Указомъ 1702 года онъ уничтожилъ рядную запись, стѣснявшую еще до свадьбы свободу жениха и невѣсты, постановивъ, что «буде кто дочь или сестру или какую свойственницу, или дѣвица сама или вдова сговоритъ замужъ за кого, а послѣ сговору и обрученья женихъ невѣсту взять не похочетъ, и въ томъ быть свободѣ» [2]). Кромѣ того Петръ ввелъ въ Россіи участіе женщины въ общественныхъ увеселеніяхъ и общественной жизни [3]), словомъ—далъ ей всѣ *внѣшніе* признаки свободы, которою пользовалась женщина Запада въ XVIII-омъ вѣкѣ.

Безспорно, заслуга его въ этомъ вопросѣ велика: онъ раскрылъ двери терема и призналъ за женщиной правоспособность и общественную равноправность. Но вліяніе предшествующей эпохи было еще слишкомъ сильно, инстинкты деспотизма и грубаго насилія слишкомъ необузданны, чтобы вмѣстѣ со свободой дать женщинѣ образованіе. Да и сама она, въ силу вѣкового угнетенія, представляла существо, способное возбуждать и удовлетворять лишь извѣстныя стороны жизни, но не могла влiять интеллектуально и вызвать къ себѣ уваженіе. Поэтому свобода женщины (развившаяся такъ могуче впо-

---

[1]) Еще до Петра патріархъ Адріанъ сѣтовалъ на то, что браки заключаются безъ взаимнаго согласія жениха и невѣсты, отчего житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно. (Шашковъ, 295).

[2]) *Шашковъ*, 295 и 296.

[3]) *Brückner*. — „Peter d. Grosse“ 235. — *Herrmann E.* „Geschichte d. russ. Staates“ III, 767.

слѣдствіи) въ тѣ времена была фиктивна: на самомъ же дѣлѣ подвластность и униженіе женщины ничѣмъ не отличались отъ до-петровской эпохи съ той только разницей, что она, разряженная какъ кукла могла принимать, для увеселенія мужчины, участіе въ парадной жизни.

Самъ великій преобразователь своей жизнью доказалъ фактическую униженность и подневольное положеніе женщины. Составляя въ 1702 году указъ, которымъ воспрещается насиліе надъ брачущимися, онъ самъ насильно постригаетъ жену свою, уговоривъ на подобный же поступокъ и Ягужинскаго, жену котораго, какъ и первую жену Петра, насильно постригли [1]). Но униженіе женщины заходило еще дальше; мы видимъ, что рука, подписавшая указъ 1702 года, безпощадно, по старорусскому обычаю, била возлюбленныхъ женщинъ: извѣстно, что «Петръ Великій иногда собственными руками наказывалъ тѣлесно своихъ возлюбленныхъ за измѣну» [2]).

Что касается нравственности, то «Петръ со своими спутниками и въ Германіи, и въ Парижѣ велъ себя такъ, что иностранцы рты разѣвали отъ удивленія. Въ Россіи, какъ самъ великій преобразователь, такъ и всѣ птенцы его были еще менѣе воздержанны, чѣмъ заграницей». Вотъ, напримѣръ, что говорится объ извѣстномъ фаворитѣ Петра II — Долгорукомъ (по Щербатову): «Любострастіе его одною или многими недовольствовалось; согласіе женщины на любодѣяніе уже часто его удовольствіе отнимало, и онъ женщинъ, пріѣзжавшихъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружавшіе его однородцы и другіе молодые люди, распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не болѣе тогда была въ безопасности въ Россіи, какъ отъ турковъ во святомъ градѣ».

Предоставивъ женщинѣ внѣшнюю свободу, но не давъ ей возможности посредствомъ раціональнаго образованія развить природныя умственныя способности, Петръ тѣмъ самымъ поставилъ ее всецѣло подъ вліяніе общества; моральное же и интеллектуальное состояніе общества (мужчинъ) того времени намъ извѣстны изъ предшествовавшаго. Понятно, что, развиваясь эмпирически подъ вліяніемъ окру-

---

[1]) Шашковъ. 299.
[2]) Рус. Стар. 1870, II, 473.

жающей среды, женщина, въ умственномъ отношеніи, могла играть лишь второстепенную роль и, чувствуя (хотя и безсознательно) все свое безсиліе въ этомъ смыслѣ, старалась вознаградить себя и пользовалась своимъ вліяніемъ на чувственность мужчины, чѣмъ увеличивала еще болѣе развращенность общества.

Неразвитость женщины. Что со временъ Петра до Екатерины II образованіе женщинъ нисколько не подвинулось впередъ, доказываетъ уже образъ жизни императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы. Такъ, сама Екатерина II говоритъ, что при Елизаветѣ «она была окружена богомольцами и ханжами, и тогда нужно было быть тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду» [1]). Еще при Екатеринѣ большинство женщинъ относилось враждебно къ образованію дочерей. Въ ея комедіи «О время»! устами г-жи Чудихиной высказывается тогдашній взглядъ на женское образованіе: «на что дѣвочекъ учить грамотѣ? Имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ—такъ меньше вретъ». Объ умственномъ уровнѣ массы женщинъ высшаго и средняго круга нечего и говорить; даже въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ М. Дмитріевъ, въ провинціи барышни были почти всѣ безграмотны. «Въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ, въ деревнѣ Ивановкѣ было много дворянъ и дворянокъ, и во всей деревнѣ былъ только одинъ грамотникъ—дворовый человѣкъ одной барыни, Федька, который писалъ за всѣхъ письма къ мужьямъ и родственникамъ, когда они были въ отлучкѣ». Собственно о воспитаніи едва ли было какое понятіе, потому что и слово это принимали въ другомъ смыслѣ. Одна изъ этихъ барынь говаривала: «могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошо воспитаны—одного меду не впроѣдъ было»!.

Образованнѣйшія женщины высшаго круга получали домашнее воспитаніе подъ руководствомъ гувернантокъ; все образованіе ограничивалось грамотой, французской болтовней, знаніемъ свѣтскихъ манеръ, музыкой и пѣніемъ романсовъ. По окончаніи подобнаго образованія, не умѣя написать строчки, не надѣлавъ десяти орѳографическихъ ошибокъ, дѣвушка принималась за романы и ловлю жениховъ. При этомъ барыни, по словамъ «Живописца» Новикова, были убѣждены, что «очи имъ даны обозрѣвать преизящные предметы»,

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. I. 282.

а не углубляться въ познанiе какой-нибудь земли, и самодовольно хвастались, что убивали въ молодыхъ людяхъ всякую склонность къ размышленiю, къ задумчивости. Такъ, одна барыня съ восторгомъ пишетъ къ «Живописцу»: «кто выгоняетъ изъ молодыхъ людей задумчивость? мы, женщины»! [1]). Вообще и во второй половинѣ XVIII-аго вѣка еще такъ сильно преобладали внѣшнiя чувства, не осмысливаемыя и не руководимыя критикой разсудка, а потому порождавшiя разныя ложныя понятiя, что нѣкоторые профессора московскаго университета должны были говорить публичныя рѣчи «о превратныхъ понятiяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованiя, возлагаемаго на чувства» [2]).

Основанiе женскаго образованiя въ Россiи. Основанiе образованiю женщинъ въ Россiи было положено лишь въ царствованiе императрицы Екатерины II; по указу ея учрежденъ былъ первый женскiй институтъ, названный «Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ», впослѣдствiи переименованный въ Смольный институтъ. Главный сотрудникъ Екатерины II—*Бецкiй* находилъ необходимымъ удаленiе дѣтей изъ семьи, «*для болѣе успѣшнаго хода воспитательнаго дѣла*, и былъ совершенно правъ, *потому что русская семья XVIII-аго столѣтiя въ самомъ дѣлѣ могла только парализовать наилучшiе прiемы воспитателей по причинѣ своей невѣжественности, разгула, домашняго произвола* и деспотизма, проявлявшагося надъ крѣпостными людьми и всѣми домочадцами, не исключая и собственныхъ дѣтей».

Въ Смольномъ институтѣ было два отдѣленiя: одно для воспитанiя барышень, а другое—мѣщанское, для воспитанiя будущихъ служанокъ; послѣднихъ, конечно, въ интересахъ барынь, обучали иностраннымъ языкамъ. Объ умственномъ развитiи барышень почти вовсе не заботились, а старались развить только ихъ вкусъ да «изящное сердце», что видно уже изъ одной программы преподаванiя: языки—русскiй, французскiй, нѣмецкiй и италiанскiй, — *архитектура*, *геральдика*, *скульптура*, *рисованiе*, *танцы*, *музыка*, токарное ремесло, рукодѣлье, знакомство съ хозяйствомъ, исторiя, географiя и ариѳметика. Вслѣдъ за учрежденiемъ Смольнаго института начали появляться и другiя подобныя учебныя заведенiя. Кромѣ институтовъ возни-

---

[1]) „Живописецъ" 70—290.
[2]) „Истор. московск. универс." 245.

кали и частные пансіоны, по духу и строю приближавшіеся къ своимъ прототипамъ—институтамъ. Въ первыхъ обучались только дѣти привилегированныхъ классовъ общества, а въ пансіонахъ — тѣ же дворянскія дѣти, не попавшія въ институтъ, и, кромѣ того, дѣти другихъ сословій, но во всякомъ случаѣ состоятельныхъ, такъ какъ и пансіоны были тоже почти закрытыя учебныя заведенія.

Роскошь въ нарядахъ. Извѣстно, что чѣмъ менѣе развита у человѣка разсудочная жизнь, тѣмъ болѣе онъ способенъ увлекаться внѣшнимъ чувственнымъ впечатлѣніемъ. Это и случилось съ русской женщиной екатерининскаго и послѣдовавшаго затѣмъ времени: не имѣя исторической подготовки для воспріятія образованности Запада XVIII-аго вѣка, она заимствовала и развила въ себѣ до крайности страсть къ нарядамъ, которая достигла поразительныхъ размѣровъ по расточительности. «Жены—говоритъ Щербатовъ—до того не чувствовавшія своей красоты, уже при Петрѣ начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее одѣяніями, распростерли роскошь и расточительность на наряды не только въ столицѣ, но и въ провинціи къ концу XVIII-аго вѣка до того, что со стороны императрицы были приняты серіозныя мѣры для прекращенія этой расточительности въ видѣ установленія извѣстной формы платья для женщинъ каждаго класса. Такъ, напр., изъ архивныхъ дѣлъ Курской губ. 1784 года мы узнаемъ, какъ было предположено дать форму «жительствующимъ» въ губерніи обоего пола лицамъ». Эта попытка вызвана была единственно желаніемъ положить предѣлъ распространившейся въ провинціи—съ почина столицы—роскоши. Въ рескриптѣ императрицы Екатерины къ генералъ-губернаторамъ говорилось объ этомъ и упоминалось, что «форменныя платья эти для мужчинъ и женщинъ, чиновниковъ, дворянства и гражданства должны быть употребляемы предпочтительно передъ всякимъ излишнимъ нарядомъ и украшеніемъ». Генералъ-губернаторъ Кличка обратился къ курскому губернскому предводителю дворянства съ просьбой: «не упустить—точное учинить исполненіе, внушивъ благородному дворянству, чтобы каждый изъ нихъ и всѣ вообще, уклоняя себя отъ излишней роскоши, присвоили себѣ, женамъ и дочерямъ тѣ самыя цвѣта, копія которыхъ апробована». Губернскій предводитель сообщилъ объ указѣ уѣзднымъ предводителямъ, а тѣ, въ непродолжительномъ времени, извѣстили его о томъ, что они «не упустили точно учинить исполненіе въ употребле-

ніи жительствующими въ уѣздахъ дворянами обоего пола присвоенныхъ для платья цвѣтовъ». Какимъ образомъ удалось уѣзднымъ предводителямъ ввести въ обиходъ обывателей форменное платье — не извѣстно; но изъ архивныхъ документовъ видно, что во время проѣзда Екатерины II черезъ Курскую губернію дворяне и ихъ жены были въ платьѣ цвѣтовъ курскаго намѣстничества [1]).

Общественный и семейный развратъ. Не доросши до образованности Запада, русскіе заимствовали отъ французовъ вмѣстѣ съ ихъ расточительностью и ихъ развращенность, придавъ ей еще болѣе чувственный характеръ. Этотъ грубо-чувственный элементъ въ любви удержался вплоть до начала XIX-аго вѣка. О большинствѣ русскихъ женщинъ прошлаго столѣтія Щаппъ справедливо замѣчаетъ, что «онѣ не знаютъ другихъ удовольствій кромѣ чувственныхъ и часто предаются своимъ рабамъ, которые, разумѣется, не евнухи; крѣпкое тѣлосложеніе и здоровье руководятъ ихъ выборомъ» [2]).

Многіе въ то время оставались холостыми, находя это признакомъ хорошаго тона. Замужнія женщины считали какъ бы своею обязанностью открыто измѣнять мужьямъ и, по тогдашнему общеупотребительному выраженію, *махаться* съ другими. Въ одномъ изъ сатирическихъ журналовъ дама жалуется на чудачество своего мужа, который не слушается ея резоновъ относительно того, что «въ хорошихъ сосіетахъ за порокъ не почитаютъ *махать* отъ скучныхъ мужей и что, напротивъ, такихъ женщинъ вездѣ хорошо принимаютъ, а если *маханье* было порокъ, то бы, всеконечно, ихъ въ хорошихъ домахъ не ласкали». Въ высшихъ сферахъ барыни не жили безъ любовниковъ, мѣняя ихъ чуть не каждый день. Торжествомъ моды было, если мужъ и жена жили на двухъ отдѣльныхъ половинахъ и имѣли особыхъ знакомыхъ, если мужъ содержалъ метрессу, а жена была окружена роемъ обожателей. *Развратъ вошелъ въ обычай, въ моду и считался признакомъ образованности.* Женщины среднихъ классовъ сплошь и рядомъ вольничали, какъ и великосвѣтскія. Главными центрами разврата были столицы, но и въ провинціи нравственность стояла не многимъ выше.

Во второй половинѣ XVIII-аго в. и въ началѣ XIX-аго содержаніе любовницъ и великолѣпная обстановка ихъ до того сдѣлались необходимымъ элементомъ аристократической роскоши, что лучшіе

[1]) „Курск. Листокъ“. Іюнь, 1888 г. — „Нов. Вр.“ № 4,407.
[2]) Шашковъ, 205—226.

люди Россіи погрязали въ порокѣ и часто погибали отъ него. Даже самъ знаменитый *Бецкій*, основатель женскаго образованія въ Россіи и одинъ изъ лучшихъ людей XVIII-аго в., былъ далеко не безупреченъ въ своихъ отношеніяхъ къ институткамъ; семидесятилѣтнимъ старикомъ онъ ухаживалъ за институткой Алымовой, добиваясь взаимности [1]). Объ Ушаковѣ Радищевъ разсказываетъ, что у него «въ числѣ множественныхъ просителей бывали иногда женщины,—женщины молодыя, которыя въ жару доводовъ о справедливой или неправильной ихъ просьбѣ, забывали иногда, чѣмъ были должны цѣломудрію, а иныя, помня лѣта того, къ кому шли на прошеніе, умышленно употребляли чары красоты своей на погубленіе Федора Васильевича»... Нечего уже говорить о Шуваловѣ и ему подобныхъ, развратная жизнь которыхъ была общеизвѣстна.

Литература вполнѣ угождала такому настроенію нравовъ и прежде всего французская, состоявшая у насъ изъ тѣхъ книжонокъ съ соблазнительными картинками, которыми наши дѣдушки и бабушки услаждали свою ослабѣвшую нервную систему. Русская литература не отставала отъ французской и даже перещеголяла ее, развращенность XVIII-аго вѣка вполнѣ выразилась въ произведеніяхъ Баркова, одни заглавія которыхъ невозможны въ печати. Начало XIX-аго в. ознаменовано въ литературѣ изданіемъ разныхъ скабрезныхъ вещей въ родѣ «Жизни кавалера Фоблаза» и пр.

Интеллектуальныя силы третьяго и послѣдующихъ послѣ Петра I поколѣній. Наука. Не столько еще въ третьемъ, сколько въ слѣдующемъ поколѣніи послѣ Петра I мышленіе наиболѣе развитыхъ передовыхъ русскихъ людей, несмотря на сильное стѣсненіе господствовавшей въ это время реакціей, стало уже по немногу заявлять себя самостоятельными научными изслѣдованіями и въ западной Европѣ. Тогда какъ въ предшествовавшую эпоху (второго послѣ Петра поколѣнія) русскіе ученые не составляли своихъ руководствъ для преподаванія, не вносили никакихъ самостоятельныхъ работъ и выводовъ въ науку, въ третьемъ поколѣніи уже половина профессоровъ, напр., московскаго университета издала собственныя руководства и книги по разнымъ отраслямъ знанія [2]), и стали появлятся такія замѣчатель-

[1]) Русск. Арх. 1871 г., 21 и др.

[2]) Въ періодъ времени съ 1801 по 1806 г. вышло по словесности 125 оригинальныхъ сочиненій при 85 переводныхъ, кромѣ романовъ; по естествознанію 14 ори-

ные мыслители-изслѣдователи, какъ *Румовскій*, *Осиповскій*, *Перевощиковъ*, *Щуровскій* и въ особенности *Остроградскій*, *Сомовъ*, *Пироговъ*, а въ области историческихъ изслѣдованій—*Грановскій*, *Кудрявцевъ*. Слѣдующему уже поколѣнію принадлежатъ такія выдающіяся имена, какъ *Сѣченовъ*, *Менделѣевъ*, *Овсянниковъ*, *Чебышевъ*, *Бекетовъ*, *Бутлеровъ*, *Зининъ* и пр.

Литература. Въ литературѣ самостоятельность мысли тоже подвинулась впередъ. Въ третьемъ послѣ Петра поколѣніи Карамзинъ, а въ слѣдующемъ — Бѣлинскій и Чернышевскій образуютъ два отличительныхъ періода въ нашемъ литературномъ мышленіи. Вообще разсудочное направленіе уже ясно выражается и было замѣчено западными писателями. Въ новѣйшее время идеалистическій оттѣнокъ разсудочнаго направленія русской литературы подъ вліяніемъ реальной критики Бѣлинскаго и особенно новѣйшей реальной, естествоиспытательной мысли, сталъ принимать и болѣе реальный характеръ.

Полуобразованность. Однако въ большинствѣ такъ называемаго образованнаго общества раціонально-теоретическая мыслительность все-таки представляется очень мало развитой. Полупонятливость, *недоумство* и *мода на умы* второго послѣ Петра поколѣнія въ третьемъ переродились въ *роскошь полузнаній*, въ *стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ*, *въ равнодушіе къ строгому непрерывному умственному упражненію и труду* и т. п. Комитетъ устройста училищъ 1828 года такъ характеризовалъ степень развитія и энергіи мышленія въ молодомъ поколѣніи первой четверти XIX-аго столѣтія: «два главные недостатка давно уже были замѣчены въ воспитаніи нашего юношества: 1) поверхностное обученіе многихъ предметовъ вмѣстѣ или, какъ сіе изображено въ манифестѣ 13 іюня 1826 года — *роскошь полузнаній* и 2) склонность заниматься предметами легкими и нѣкоторый родъ отвращенія или равнодушія къ занятіямъ, коихъ пріобрѣтеніе предполагаетъ навыкъ къ труду и строгое непрерывное упражненіе. Отсюда *отвращеніе отъ труда*, *стремленіе къ знаніямъ легкимъ и поверхностнымъ*, а, наконецъ, праздность ума и бездѣйствіе душевныхъ способностей» [1]). То же говорилъ *Румовскій* о мо-

гинальныхъ при 19 переводныхъ; по математикѣ—19 ориг. при 13 переводно, по медицинѣ 24 ориг. при 28 перев. (Шторхъ). Изъ 210 сочин., вышедшихъ изъ типографіи харьковск. университета съ 1805 по 1815 г., 90 принадлежитъ профессорамъ и 16 студентамъ. („Журн. мин. народ. просвѣщ.“ 1865, окт. 119—120).

[1]) Матер. для истор. гимназіи. „Журн. мин. нар. пр.“ ч. XXI, отд. II, 156—157.

лодежи, выходившей изъ казанскаго университета: «многіе *по выходѣ изъ университета совсѣмъ переставали напрягать силы разума своего и оставались навѣкъ получеными.* Мы видимъ живой сему примѣръ въ россійскихъ стихотворцахъ» [1]). Карамзинъ также высказывалъ жалобу на то, что «и въ московскомъ университѣ многіе воспитанники учились временно, мимоходомъ и рѣдко доучивались» [2]). Не мало виноваты были этому наши гимназіи, выпуская юношество не достаточно подготовленнымъ къ высшему образованію, что даже побудило харьковскій университетъ открыть приготовильный курсъ [3]). Стараясь угодить требованіямъ и вкусамъ общества, гимназіи главное вниманіе обращали на развитіе и изощреніе памяти въ ущербъ самостоятельности мышленія. Поэтому министръ народнаго просвѣщенія въ циркулярѣ 1810 года писалъ: «усмотрѣно, что во многихъ училищахъ учители стараются болѣе обременять, нежели изощрять память и вмѣсто развитія разсудка постепеннымъ ходомъ, притупляютъ оный» [4]). Попечитель московскаго университета Муравьевъ, видя малоспособность молодыхъ русскихъ ученыхъ къ логическому развитію и изложенію своихъ мыслей и знаній, старался, такъ сказать, искусственно развить въ нихъ способность авторскаго мышленія и умѣнія излагать мысли.

Наклонность къ реальнымъ наукамъ. При слабомъ развитіи теоретической мыслительности преобладающее сенсуально-реалистическое умонастроеніе третьяго послѣ Петра I поколѣнія выражалось въ наклонности преимущественно къ практическимъ реальнымъ наукамъ и малоспособности русскихъ умовъ къ философіи [5]). «Вообще», замѣчаетъ бывшій профессоръ харьковскаго университета Роммель въ воспоминаніяхъ своихъ за 1806—1815 годы, «высказалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, зато пониманіе высшей философіи было имъ почти недоступно» [6]). Не даромъ русская публика, по словамъ Мартынова, не любила «*заглядывать въ философскія книги*», «*по недоразумѣнію*» считая ихъ «*невнятными*» [7]).

---

[1]) „Журн. мин. нар. пр.„ 1865, X, 120.
[2]) „Вѣстн. Евр.“ 1803 г., т. 8, 317.
[3]) „Журн. мин. нар. пр.“ 1865 г. X, 67, 120.
[4]) Період. соч. объ усп. народ. просвѣщ. 1811 г. № 28, 559.
[5]) „Вѣстн. Евр.“ ч. 1, № 1.
[6]) Истор. моск. университ. 348.
[7]) „Южный сборникъ“ 1859.

Нашъ скептицизмъ. Не только въ Новиковское время, но и позже недоразвитая русская мысль вслѣдствіе разсудочнаго безсилія не способна еще была къ тому серіозному и плодотворному обобщающему духу сомнѣнія и отрицанія, представителями которыхъ на Западѣ были Декартъ, Вольтеръ и т. п. Только въ 1815—1816 годахъ послѣ трехлѣтней заграничной компаніи, благодаря невольному сравненію пустой и невозмутимой общественной жизни Россіи съ кипучей, идейной жизнью Запада, потрясеннаго революціоннымъ движеніемъ, нѣчто, похожее на скептизмъ зародилось и у насъ, преимущественно въ молодомъ поколѣніи побывавшихъ за границею офицеровъ и въ студенческой средѣ. Зародилось именно то безпокойное, разочарованное настроеніе умовъ, которое не удовлетворялось ни существующимъ строемъ русской общественной и народной жизни, ни тѣми «principes liberaux» администраціи перваго десятилѣтія XIX-аго вѣка. Этотъ скептицизмъ больше походилъ на пустую хандру и скуку отъ бездѣлія, чѣмъ на серіозную, глубокую общественную критику: для послѣдней русская мысль была еще слишкомъ мелка и слаба. Молодое русское поколѣніе еще только мечтало о дѣйствительномъ *разборчивомъ сомнѣніи*. Студенты харьковскаго университета, составившіе въ 1819 г. общество любителей словесности, въ «Трудахъ» своихъ высказывали такіе умственные порывы и благожеланія: «*разборчивое сомнѣніе* есть шагъ къ истинѣ; будемъ взвѣшивать все на вѣсахъ нашего разума, но не вѣрить другимъ слѣпо и самимъ себѣ съ поспѣшностью; мы желаемъ имѣть самое вѣрное средство къ чувствованію истины и избѣжанію предразсудковъ; посвятимъ же время и труды наши на упражненіе въ *искусственной логикѣ*, и желаніе наше совершится» [1].

Но «*искусственная логика*» не могла возбудить или создать интеллектуальной способности разборчиваго сомнѣнія, потому что не была еще развита логика естественная, не созрѣли естественныя разсудочныя силы для сомнѣнія, не было глубокой научной подготовки для критики. И вотъ цѣлое поколѣніе, въ періодъ пушкинскихъ и лермонтовскихъ героевъ разочарованія, представляло жалкую пародію или карикатуру на европейскій глубочайшій космополитическій скептицизмъ, нашедшій такихъ геніальныхъ выразителей, какъ Байронъ, Гейне. Вслѣдствіе роскоши полузнаній и склонности къ легкому и

---

[1] „Сѣверный вѣстникъ", 1804—1805.

поверхностному усвоенію общихъ идей, въ цѣломъ поколѣніи пассивно развивался, большею частью, безсознательный, безотчетный духъ отрицанія и сомнѣнія подъ вліяніемъ нецензурной апокрифической (рукописной и печатной) литературы, французскихъ эмигрантовъ, гувернеровъ, а потомъ—идей Гегеля, Штрауса, Фейербаха, Бюхнера и другихъ. Какъ во времена второго послѣ Петра поколѣнія модно было «вольтеріанство», такъ и теперь «въ ходу» были начала «*principes liberaux*», гегельянство, либерализмъ и прочее. О русскомъ юношествѣ и обществѣ конца XVIII-аго и начала XIX-аго вѣка о. Морошкинъ въ своей книгѣ о «іезуитахъ въ Россіи» замѣчаетъ: «это были не русскіе юноши, а французы съ ногъ до головы, самые вѣрные копіи и снимки съ ихъ гувернеровъ и учителей—съ французскимъ невѣріемъ и кощунствомъ, съ французскимъ невѣжествомъ въ русской исторіи, русской жизни, наконецъ русскомъ языкѣ... Наши невѣры бояре и ихъ жены послѣ нѣсколькихъ лѣтъ невѣрія и разврата, послѣ оргій петербургскихъ и парижскихъ, дѣлались самыми благочестивыми дѣтьми латинской Церкви и летѣли въ ея распростертыя объятія» [1]). «Нигдѣ въ Европѣ», говоритъ біографія Свѣчиной, «ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ не говорили столько о злоупотребленіяхъ высшей власти и не защищали съ *такимъ жаромъ* достоинства человѣческаго, общей свободы умовъ и нравовъ, какъ въ Петербургѣ. Отецъ мой (Свѣчинъ) обладалъ всѣми качествами своего времени и раздѣлялъ всѣ его иллюзіи. Онъ былъ благороденъ, либераленъ, горячо сочувствовалъ всякому общественному улучшенію, но *безъ знанія* и *опыта*, утопистъ и совершенный невѣръ. Воспитаніе своей дочери онъ далъ въ томъ же духѣ». Понятно, что всѣ эти либеральныя и скептическія иллюзіи очень скоро улетучивались благодаря именно этому недостатку знаній и опыта; незрѣлые русскіе скептики «привозили» съ Запада однѣ только «вольнолюбивыя мечты», ограничивавшіяся «восторженными рѣчами».

Воспитаніе женщины. Наряду съ уродливой учебной программой институтовъ, ихъ замкнутость имѣла такія же отрицательныя послѣдствія, какъ и монастырскія школы во Франціи. Дѣвушки, прожившія 7—8 лѣтъ въ раскошныхъ помѣщеніяхъ съ высокими залами и паркетными полами, не видавшія никогда кухни и съѣстныхъ припасовъ

---

[1]) *Морошкинъ.* „Іезуиты въ Россіи“, 266—267.

въ сыромъ видѣ, привыкшія къ посѣщеніямъ высокопоставленныхъ лицъ со свитой, къ разнаго рода торжествамъ, баламъ съ «миленькими» кадетами, выходятъ бѣлоручками, мечтательницами и капризницами; нѣкоторыя, попадая въ провинцію къ обѣднѣвшимъ родителямъ, въ тѣсный домикъ съ маленькими окнами, конфузятся своей неприглядной обстановки, тоскуютъ, плачутъ и не только не представляютъ собою помощницъ въ семейномъ быту, но становятся бременемъ для семьи благодаря своей безпомощности. Многимъ еще памятны анекдоты, взятые изъ дѣйствительности, о томъ, какъ институтки падали въ обморокъ при видѣ сырой говядины или спрашивали, на какомъ деревѣ ростутъ соленые огурцы.

Не лучше обстояло дѣло и въ пансіонахъ, которые насколько возможно подражали институтамъ. Характерно обрисовано это воспитаніе въ «Мертвыхъ душахъ» въ словахъ о Маниловой.

По словамъ г-жи Пиллеръ, бывшей начальницы женской гимназіи въ Одессѣ, «многіе одесскіе старожилы до сихъ поръ помнятъ ту панику, которую навелъ на весь одесскій округъ министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, посѣтившій въ 50-хъ годахъ Одессу и разгромившій многіе частные пансіоны, которые закрылъ за найденныя въ нихъ безобразія [1]).

Вообще какъ въ институтахъ и пансіонахъ, такъ и дома воспитаніе того времени имѣло въ виду приготовить изъ дѣвушекъ невѣстъ и больше ничего. «Русская дѣвушка», писалъ Бѣлинскій, «не женщина въ европейскомъ значеніи этого слова, не человѣкъ — она не что другое, какъ *невѣста.* Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говоритъ весь окружающій ее людъ, что она невѣста, что у нея должны быть женихи. Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только невѣсту? Удивительно ли, что съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости, всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной *idée fixe*— на замужествѣ, что выйти замужъ — ея единственное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія, что внѣ этого она ничего не понимаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ и на всякаго не женатаго мужчину смотритъ не какъ на человѣка, а какъ на жениха?»

[1]) *Пиллеръ.* Итоги женскаго образованія въ Россіи и его задачи. Стр. 32.

Даже тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя пріобрѣтались дѣвушками, даже то литературное образованіе, какое онѣ получали — все было устремлено къ этой одной цѣли.

Униженіе русской женщины. Несмотря на такое эѳирное воспитаніе дѣвушекъ, обращеніе съ женщинами ихъ родителей и мужей отличалось грубостью и даже жестокостью. Такъ, отецъ Хвостовой—Карцовъ, осужденный въ 1853 году за невѣроятныя жестокости, продѣланныя имъ надъ крестьянами своей жены, разорялъ послѣднюю, билъ ее, покушался застрѣлить, обваривалъ кипяткомъ, жегъ огнемъ, чтобы заставить отписать на него половину имѣнія [1]). Деспотизмъ семейный доходилъ до того, что здоровыхъ женщинъ заключали въ сумасшедшіе дома, какъ помѣшанныхъ. Женъ даже въ XIX-омъ вѣкѣ продавали и покупали, проигрывали и выигрывали въ карты или на бильярдѣ [2]). Не церемонились съ женщинами и въ административныхъ взысканіяхъ: въ 1785 году, напримѣръ, участницы въ распространеніи карикатуръ и пасквилей, фрейлина Эльмптъ и мадамъ Дивова, были высѣчены домашнимъ образомъ [3]). Знатныя дамы не разъ бывали въ передѣлкахъ у Шешковскаго, который съ необыкновенной ловкостью сѣкъ ихъ собственноручно [4]). Случалось, что агенты его приходили вмѣстѣ съ нимъ въ какой-нибудь семейный домъ и, наказавъ виновную въ чемъ-нибудь хозяйку опредѣленнымъ количествомъ ударовъ, уходили... Екатерина II освободила привилегированныхъ женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Но при всемъ этомъ, вплоть до 17 апрѣля 1863 года карательная власть не оказывала почти никакихъ снисхожденій массѣ женщинъ, ихъ относительной слабости, впечатлительности, стыдливости.

Мужчина взялся за перевоспитаніе русской женщины. За перевоспитаніе русской женщины взялся мужчина. Умственное движеніе сороковыхъ годовъ, выдвинувшее Станкевича, Герцена, Бѣлинскаго, Грановскаго, должно было неизбѣжно коснуться и женщины. Это былъ періодъ теоретической работы мысли, приготовлявшей дѣло, *періодъ пропаганды гуманныхъ идей и знаній*. Всѣ эти Рудины страдали отъ горькаго сознанія, что не могутъ ничего сдѣлать для осуществле-

[1]) Записки Хвостовой, 25.—Русск. уголовн. процессы, Любавскаго.
[2]) Рус. Арх. 1870 г. 334.—Вигель, I, 8.
[3]) Русск. Арх. 1865 г. 442.
[4]) Русск. Стар. 1870 г. II, 637.

нія своихъ идеаловъ, и въ то же время дѣлали, яко бы, великое дѣло, пробуждая общественную мысль, распространяя знанія, пропагандируя гуманныя чувства и сознаніе гражданскаго долга. Въ частности они воспитывали и по возможности поднимали до уровня *своего развитія* женщинъ — своихъ возлюбленныхъ, женъ, сестеръ, знакомыхъ, и это развитіе женщины путемъ частной, домашней, дружеской пропаганды продолжается до послѣдняго времени. Часто такая просвѣтительная дѣятельность мужчины заканчивается брачнымъ союзомъ, а нерѣдко начинается только послѣ его заключенія. Бывали даже и такіе браки, которые заключались только съ цѣлью воспитанія дѣвушки и освобожденія ея отъ родительской опеки, препятствовавшей ея стремленіямъ къ образованію и самостоятельной жизни. Эта домашняя пропаганда, несмотря на всѣ ея отрицательныя стороны, оказала женскому дѣлу важныя услуги; ей русская женщина сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ обязана всѣмъ своимъ развитіемъ, какое имѣла тогда — своими стремленіями къ свободѣ и серіозному образованію — и тѣмъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, которое дѣлало невыносимымъ гнетъ семейнаго деспотизма.

Жоржъ-Зандизмъ. Въ первой половинѣ XIX-аго вѣка господствовали почти тѣ же традиціи общественной и семейной жизни, какъ и въ XVIII-омъ, смѣняясь отчасти занесенной изъ французскихъ нравовъ распущенностью, которая на нашей почвѣ выразилась, конечно, много грубѣе и циничнѣе. Внѣ этой чисто матеріальной свободы отношеній любовь русской женщины носила по преимуществу характеръ долга, самопожертвованія и самоуничтоженія передъ любимымъ мужчиной, возвышаясь иногда до героизма, до подвига, какъ это мы видимъ на примѣрѣ женъ декабристовъ, послѣдовавшихъ за своими мужьями въ глубину Сибири.

Идея о свободѣ чувства привилась у насъ гораздо раньше, чѣмъ другія мысли жоржъ-зандовской пропаганды. Женщина, воспитанная исключительно для любви, прежде всего хотѣла любить свободно. Но наше грубое невѣжество и азіатское барство общественной жизни, основанной на крѣпостномъ правѣ, были причиною того, что чистая идея свободы чувства при первыхъ опытахъ ея акклиматизаціи на русской почвѣ дала не хорошія плоды. Соблазнить дѣвушку, увлечь ради минутной прихоти замужнюю женщину, завязать связь съ какой-нибудь модисткой или горничной и бросить ее, когда надоѣстъ—все

это сплошь и рядомъ выдавалось за практическое приложенiе принциповъ жоржъ-зандизма. Мужчины начали безобразничать по модѣ; отъ нихъ не отставали и барыни. Явились Авдотьи Никитишны Кукшины, которыя выражали собою протестъ противъ стѣсненiя женщины, но протестъ не мысли, а испорченнаго чувства, протестъ порока. Конечно, такiя женщины были всегда, но прежде, подъ гнетомъ лицемѣрно - патрiархальнаго общественнаго мнѣнiя, онѣ скрывали свои наклонности подъ маской добродѣтельности. Когда же явилась возможность не только не скрывать своей развращенности, но даже хвастаться ею, когда легкость поведенiя и эксцентрическiй образъ жизни вошли въ моду и считались признакомъ ума и передового направленiя — тогда маски были сброшены, и Автотьи Кукшины перестали стѣсняться.

Влiянiе крестьянской реформы. Такимъ образомъ всѣ стремленiя женщины XVIII-аго и XIX-аго столѣтiй къ свободѣ и развитiю встрѣчали множество враждебныхъ элементовъ, унаслѣдованныхъ отъ древняго перiода нашей исторической жизни. Однако какъ ни сильны были эти препятствiя, они не могли уже разрушить реформу и подчинить женщину прежнему домостройному порядку вещей. Съ другой стороны, и женщина не въ силахъ еще была не только идти далеко по пути освобожденiя, но даже составить себѣ ясное, сознательное представленiе какъ о своихъ существенныхъ нуждахъ, такъ и о способахъ ихъ удовлетворенiя. *Для этого необходимо было солидное образованiе, коллективная и стройно направленная къ извѣстной цѣли дѣятельность, развитiе общественнаго чувства и сознанiя, а ихъ то и не было у тогдашней женщины.* Поэтому всякое реакцiонное движенiе прежде всего отражалось на общественномъ положенiи женщины. Все, что прiобрѣтала она въ моменты прогрессивнаго развитiя мысли, все или почти все это теряла во время ретроградныхъ вѣянiй. Умолкавшiй на время обскурантизмъ, входя въ новую силу, спѣшилъ уничтожить результаты предшествовавшихъ попытокъ.

Крестьянская реформа, сообщившая новое направленiе всей экономической жизни народа и поставившая общество въ новыя условiя, содѣйствовала развитiю эмансипацiонныхъ стремленiй русской женщины. Отмѣна крѣпостного права необходимо вводила въ жизнь сильный стимулъ прогрессивнаго движенiя и извѣстную свободу умственнаго развитiя, благодаря чему разрѣшенiе женскаго вопроса зна-

чительно двинулось, а женщина очнулась отъ своей вѣковой спячки и сознала позорность своего пассивнаго положенія. Далѣе, крестьянская реформа логически привела къ вопросу о женскомъ трудѣ — вопросу первостепенной важности. Женщина сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ была чувственной барыней, которая беззаботно проживала чужія средства и развивала въ себѣ одну чувственную сторону своего существа. Теперь же она должна была подумать о самостоятельной жизни, объ обезпеченіи своего будущаго положенія трудами рукъ и головы своей. Она захотѣла не только любить свободно, но и быть равной мужчинѣ, быть независимой отъ него, а для этого ей необходимо было стать самостоятельной работницей, сравняться съ мужчиной по образованію. Никогда стремленіе женщины къ образованію не было такъ сильно. Что же мы сдѣлали для образованія женщины?

Вторая половина XIX-аго вѣка.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что-ли, находишь безплодную,
Худы ль твои сѣмена?

* * *

Робокъ ли сердцемъ ты? Слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!

* * *

Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ добрыми лицами,
Гдѣ-же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами
Двиньте впередъ!

* * *

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

(Некрасовъ).

Реформа среднихъ учебныхъ заведеній. Болѣе полустолѣтія институты были единственными разсадниками женскаго просвѣщенія въ Россіи, и лишь въ 1858 году, въ эпоху, предшествовавшую освобожденію крестьянъ и богатую просвѣтительными идеалами и попытками, открыты всесословныя и общедоступныя женскія школы—гимназіи. Въ 1860 г. всѣ женскія учебныя заведенія раздѣлены были на училища перваго разряда, съ курсомъ, равнымъ женскимъ гимназіямъ, и второго—съ курсомъ уѣздныхъ училищъ.

Какъ уже было упомянуто, величайшая реформа упраздненія крѣпостного права не замедлила въ первые же годы обнаружить свое благотворное вліяніе и на положеніе женскаго образованія. Преобразованное русское общество вполнѣ сознало необходимость дать женщинѣ образованіе и воспитаніе сообразно съ новыми требованіями общественной жизни, въ чемъ мы можемъ наглядно убѣдиться на основаніи статистическихъ данныхъ, по которымъ видно, что за періодъ 1858—1869 гг., т. е. за одно десятилѣтіе, число женскихъ гимназій возросло до 61-й. При этомъ, изъ приведенныхъ ниже цифровыхъ данныхъ, оказывается, что изъ общаго числа ученицъ гимназій 50% составляли дѣвушки дворянскаго происхожденія. Этотъ громадный процентъ объясняется, конечно, тѣмъ, что мелкопомѣстные дворяне съ освобожденіемъ крестьянъ лишились даровыхъ доходовъ и вынуждены были личнымъ трудомъ зарабатывать себѣ пропитаніе; такимъ образомъ, это стремленіе къ образованію имѣло цѣлью полученіе диплома, дающаго право быть учительницей, слѣдовательно было реально-профессіональное. Изъ 7,412 ученицъ перворазрядныхъ училищъ 4,008 принадлежало къ дворянскому сословію, 371—къ духовному, 2,754—къ городскому и 279—къ сельскому. Въ женскихъ училищахъ второго разряда общее число ученицъ равнялось 8,511; изъ нихъ 1,715 было дворянскаго сословія, 5,562 городского, 793 сельскаго и 441 духовнаго.

Въ 1870 г. вышло новое законоположеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ: всѣ перворазрядныя съ семилѣтнимъ курсомъ переименованы въ гимназіи, второразрядныя—въ прогимназіи. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ былъ прибавленъ еще одинъ спеціальный педагогическій классъ для полученія званія домашнихъ учительницъ и наставницъ. Всѣ женскія школы какъ перваго, такъ и второго разряда получали отъ казны лишь незначительныя субсидіи, главнымъ же образомъ существованіе ихъ обязано было городскимъ суммамъ и частнымъ пожертвованіямъ, благодаря которымъ, въ теченіе пятишести лѣтъ возникло до 150 женскихъ училищъ, содержащихся на общественныя средства [1]). Въ 1888 году женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній одного лишь министерства народнаго просвѣщенія было, по отчетамъ, 319. Учащихся въ нихъ числилось 61,176 чело-

[1]) *Овцынъ* 24—42.

вѣкъ, а служащихъ было болѣе 4,024, въ томъ числѣ: мужчинъ— 1,962 и женщинъ — 1,648. Главнымъ источникомъ для доставленія средствъ гимназіямъ и прогимназіямъ была не казна, а сборъ за право ученія. Общее число выбывшихъ изъ заведеній въ теченіе учебнаго года было 16,175; изъ нихъ до окончанія курса 10,528, по окончаніи — 5,647. Распредѣленіе учениць по сословіямъ было такое: дворянокъ и духовнаго званія 31,578, городского и сельскаго сословія — 30,397, иностранокъ—1,068.

Что даютъ наши женскія гимназіи. Наши женскія гимназіи по числу классовъ составляютъ нѣчто среднее между французскими лицеями, или средними школами, имѣющими всего 5 годовъ или классовъ, и нѣмецкими десятиклассными училищами. Въ нашихъ гимназіяхъ 7 классовъ, при сравненіи съ германскими «Höheren Töchterschulen», недостаетъ трехъ младшихъ классовъ, посѣщаемыхъ дѣтьми съ 7—8 до 9—10-ти лѣтняго возраста. Проводя параллель между количествомъ часовъ преподаваемыхъ предметовъ въ двухъ младшихъ классахъ (VII и VI) русскихъ средне-учебныхъ заведеній и VII и VI кл. германскихъ, получимъ слѣдующую картину.

Таблица I.

ПРЕДМЕТЫ.	VII классъ. 10—11 лѣтн. возрастъ.		VI классъ. 11—12 лѣтн. возрастъ.		Въ обоихъ (VII и VI) классахъ. Годъ=39 недѣл.	
	Россія.	Германія.	Россія.	Германія.	Россія.	Германія.
1. Законъ Божій	2	2	2	2	156	156
2. Отечественный языкъ (въ Россіи — русскій, въ Германіи — нѣмецкій)	4	6	4	5	312	429
3. Французскій языкъ	6	5	5	5	429	390
4. Въ Россіи — нѣмецкій, въ Германіи англійскій языки	4	—	5	—	351	—
5. Ариѳметика	3	3	3	3	234	234
6 Географія	2	2	2	2	156	156
7. Исторія	—	2	—	2	—	156
8. Естествовѣдѣніе	—	2	—	2	—	156
9. Гимнастика	2	2	2	2	156	156
10. Рукодѣліе		2		2		156
11 Танцы	1	—	1	—	78	—
12. Пѣніе	1	1	1	1	78	78
13. Чистописаніе	2	2	2	2	156	156
14 Рисованіе	2	—	2	1	156	39
Всего	29	29	29	29	2,262	2,262

Еще болѣе интересная картина представится намъ, если мы про-

ведемъ параллель между часами преподаваемыхъ предметовъ въ старшихъ пяти классахъ нашихъ женскихъ гимназій, французскихъ лицеевъ и германскихъ «Höherer Töchterschulen». Это параллельное сравненіе представлено въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ II и III.

Таблица II.

ПРЕДМЕТЫ	Въ недѣлю часовъ. V классъ 12—13 лѣт. возрастъ.			IV классъ 13—14 лѣт. возрастъ.			III классъ 14—15 лѣт. возрастъ.			Въ годъ учебныхъ часовъ. V классъ 12—13 лѣтній возрастъ.			IV классъ 13—14 лѣтній возрастъ.			III классъ 14—15 лѣтній возрастъ.		
	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.
Законъ Божій (во Франціи ученіе о нравственности)	—	2	2	—	2	2	1	2	2	—	78	78	—	78	78	39	78	78
Отечественные языки	5	3	5	5	3	4	4	3	4	195	117	195	195	117	156	156	117	156
Живые языки	3	10	5	3	10	9	3	9	9	117	390	195	117	390	351	117	351	351
Исторія всеобщая и отечественная. Географія	4	2	4	4	4	4	3	4	4	156	78	156	156	156	156	117	156	156
Ариѳметика	2	3	3	2	3	2	1	3	2	78	117	117	78	117	78	39	117	78
Естествовѣдѣніе	1	—	2	1	2	2	3	2	2	39	—	78	39	78	78	117	78	78
Рисованіе и чистописаніе	3	4	4	3	2	2	3	2	2	117	156	156	117	78	78	117	78	78
Пѣніе (во Франціи вокальная музыка)	2	1	1	2	1	1	1	2	1	78	39	39	78	39	39	39	78	39
Педагогика (физіологія, домоводство и гигіена)	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	39	—	—
Гимнастика и рукодѣліе	—	2	4	—	2	4	—	2	4	—	78	156	—	78	156	—	78	156
Танцы	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	39	—	—	39	—	—	39	—
Всего	20	28	30	20	30	30	20	30	30	780	1,092	1,170	780	1,170	1,170	780	1,170	1,170

Таблица III.

ПРЕДМЕТЫ.	Въ недѣлю часовъ.									Въ учебный годъ часовъ.								
	II классъ 15—16 лѣтній возрастъ.			I классъ. 16—17 лѣтній возрастъ.			Во всѣхъ пяти старшихъ классахъ.			II классъ 15—16 лѣт. возрастъ.			I классъ 16—17 лѣт. возрастъ.			Во всѣхъ пяти старшихъ классахъ.		
	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.	Франція.	Россія.	Германія.
Законъ Божій (во Франціи — ученіе о нравственности)	1	2	2	—	2	2	2	10	10	39	78	78	—	78	78	78	390	390
Отечественный языкъ	4	3	4	3	3	4	21	15	22	156	117	156	117	117	156	819	585	858
Живые языки	4	6	9	3	6	9	15	41	41	117	234		117	234	351	585	1,599	1,599
Исторія всеобщая и географія	2	6	4	2+(1)	4	4	15+(1)	20	21	78	234		78+(39)	156	156	585+(39)	780	819
Ариѳметика	(3)*	3	2	(2)	3	2	5+(5)	15	11	(117)	117		(78)	117	78	195+(195)	585	429
Естествовѣдѣніе	2	3	2	2+(2)	3	2	9+(2)	10	10	78	117		78+(78)	117	78	351+(78)	390	390
Рисованіе и чистописан.	(3)	2	2	(3)	2	2	9+(6)	12	12	(117)	78	78	(117)	78	78	351+(234)	468	468
Пѣніе	(1)	2	1	(1)	2	1	5+(2)	8	5	39	78	39	(39)	78	39	195+(78)	312	195
Педагогика	—	—	—	1	2	2	2	2	2	—	—	—	39	78	78	78	78	78
Гимнастика и рукодѣліе	—	2	2	—	2	2	—	10	16	—	78	78	—	78	78	—	390	624
Танцы	—	1	—	—	1	—	—	5	—	—	39	—	—	39	—	—	195	—
Литература древн. народовъ	(3)	—	—	(2)	—	—	(5)	—	—	(117)	—	—	(78)	—	—	(195)	—	—
Космографія	1	—	—	—	—	—	1	—	—	39	—	—	—	—	—	39	—	—
Начала латинск. языка	(1)	—	—	(1)	—	—	(2)	—	—	(39)	—	—	(39)	—	—	(78)	—	—
Законовѣдѣніе и домоводство	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	39	—	—	39	—	—
Географія частей свѣта экономическ. (въ Германіи входитъ въ общій курсъ географіи).	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	39	—	—	39	—	—
Всего	13+(11)	30	30	12+(12)	30	30	85+(23)	148	150	507+(429)	1,170	1,170	468+(468)	1,170	1,170	3,315+(897)	5,772	5,850

*) Предметы, часы которыхъ заключены въ скобкахъ ( ) суть предметы необязательные; тамъ же, гдѣ рядомъ съ незаключенными въ скобкахъ находятся и заключенные въ нихъ, первые означаютъ предметы обязательные, вторые — необязательные.

Такимъ образомъ, по общему количеству учебныхъ часовъ наши гимназіи и нѣмецкія Höhere Töchterschulen стоятъ далеко выше французскихъ женскихъ лицеевъ или средне-учебныхъ заведеній. Сравнивая же нашу женскую гимназію съ германской десятиклассной Höherer Töchterschule мы найдемъ слѣдующую существенную разницу: германская Höhere Töchterschule берется за обученіе совершенно безграмотнаго ребенка и подготовляетъ его въ теченіе трехъ лѣтъ къ VII классу, т. е. до нашего школьнаго гимназическаго возраста. Въ эти подготовительные годы школа употребляетъ: на законъ Божій 468 часовъ, на нѣмецкій языкъ—1,053 часа, на географію—39 часовъ, ариѳметику — 468 часовъ; чистописаніе—246 часовъ, гимнастику—117 часовъ, рукодѣліе—234 часа и пѣніе 39 часовъ. Наши же гимназіи, принимая прямо въ VII классъ (тамъ гдѣ нѣтъ приготовительнаго), предъявляя для вступленія тѣ же требованія, какъ и въ Германіи въ VII кл., возлагаютъ подготовку или на другія, часто въ педагогическомъ отношеніи гораздо ниже своего назначенія стоящія, подготовительныя училища, или на семью. Но семья никогда не въ состояніи дать ребенку въ эти три года то, что можетъ ему дать школа, уже въ силу отсутствія той педагогической дисциплины, которою обладаетъ хорошо организованная школа; поэтому являются упущенія въ строгомъ распредѣленіи рабочаго дня, особенно—упущенія въ занятіяхъ по предметамъ, не поддающимся провѣркѣ при вступительномъ экзаменѣ, какъ то: гимнастика, рукодѣліе и пѣніе, но имѣющимъ громадное значеніе въ смыслѣ пріученія съ раннихъ лѣтъ къ строгому отношенію къ дѣлу и умѣнія распоряжаться временемъ. Предоставленіе первоначальнаго подготовительнаго обученія дѣвочки на произволъ семьи невольно заставляетъ насъ ниже бросить взглядъ и на русскую семью по отношенію къ подростающему поколѣнію.

Сравнивая все число учебныхъ часовъ въ году (считая его въ 39 недѣль) въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ и въ германскихъ «Höheren Töchterschulen», получилъ слѣдующую таблицу:

ПРЕДМЕТЫ:	Во всѣхъ 7-ми классахъ русской женской гимназіи число часовъ: менѣе (−) или болѣе (+) сравнительно съ Höheren Töchterschulen.
Законъ Божій	число час. равно.
Русскій языкъ (въ Германіи нѣмецкій языкъ) .	— 380 час.
Французскій языкъ.	— 156 »
Нѣмецкій языкъ (въ Германіи англійскій языкъ)	+ 546 »

Исторія	— 156 час.
Географія	— 39 »
Ариѳметика	+ 56 »
Естествовѣдѣніе	— 156 »
Рисованіе и чистописаніе	+ 117 »
Пѣніе	+ 117 »
Педагогика	число час. равно
Гимнастика	— 390 час.
Танцы	+ 273 »

Если допустить, что —380 часовъ въ родномъ языкѣ (русскомъ) употребляется на изученіе нѣмецкаго языка, то все-таки въ нашихъ гимназіяхъ, въ сравненіи съ нѣмецкими, остается еще крупный недочетъ часовъ во французскомъ языкѣ (—156 часовъ), исторіи (—156 часовъ), географіи (—39 часовъ) и естествовѣдѣніи (—156 часовъ), что составляетъ минусъ 507 часовъ; съ другой стороны, наши гимназіи даютъ плюсъ по рисованію (+117 часовъ), пѣнію (+117 часовъ) и танцамъ (+273 часа), что составляетъ опять тѣ же 507 часовъ, слѣдовательно рисованіе и чистописаніе, пѣніе и танцы ведутся очевидно на счетъ французскаго языка, исторіи, географіи и естествовѣдѣнія.

Разница не ограничивается количествомъ, но существуетъ и въ распредѣленіи предметовъ преподаванія по классамъ и въ самой системѣ преподаванія, о чемъ, къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто распространяться; нельзя, однако, не указать, напримѣръ, на то, что въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ съ VII-го класса, слѣдовательно, съ десятилѣтняго возраста преподаютъ два иностранныхъ языка и, разумѣется, въ зубряжку, между тѣмъ, какъ исторія и естествовѣдѣніе, предметы болѣе способствующіе постепенному развитію разсудка, начинаются лишь съ IV класса, когда изощреніемъ памяти надъ языками вызвано уже нѣкоторое притупленіе разсудочнаго мышленія. Нѣмцы въ этомъ случаѣ поступаютъ раціональнѣе и уже съ VII класса начинаютъ преподаваніе исторіи и естествовѣдѣнія въ формѣ, могущей завлечь вниманіе даже мало развитого ребенка, возбуждая въ немъ интересъ и любовь къ этимъ предметамъ и серіозное къ нимъ отношеніе въ старшихъ классахъ. Второй же иностранный языкъ (англійскій) преподается лишь съ IV класса, т. е. въ 13—14-ти лѣтнемъ возрастѣ дѣвочки.

Женскія профессіональныя школы. Еще въ 1757 году наша медицинская канцелярія предписала докторамъ и акушерамъ читать для женщинъ особыя спеціальныя лекціи, чтобы дать необходимыя для повивальныхъ бабокъ свѣдѣнія. Существовавшее подготовительное *училище повивальныхъ бабокъ* закрылось въ 1797 г., но въ томъ же году Императрица Марія Θеодоровна учредила новую школу для повивальныхъ бабокъ, которая, подъ названіемъ «Повивальнаго института», въ 1828 году перешла въ вѣдѣніе правительства, а въ 1873 году была принята подъ покровительство Великой Княгини Екатерины Михаиловны. Кромѣ упомянутаго Повивальнаго института въ Петербургѣ возникли: училища для фельдшерицъ и сидѣлокъ при Воспитательномъ домѣ, при баракахъ Рождественской больницы и при общинѣ св. Георгія; повивальныя школы появились при Надеждинскомъ и Маріинскомъ родовспомогательныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, низшія степени медицинской дѣятельности женщинъ были признаны самимъ правительствомъ за самую существенную потребность общества, что выразилось учрежденіемъ по этимъ профессіямъ спеціальныхъ школъ для теоретическаго и практическаго изученія.

По сельско-хозяйственной части одной изъ первыхъ женскихъ профессіональныхъ школъ въ Россіи была Едимоновская школа молочнаго хозяйства, учрежденная Н. В. Верещагинымъ въ 1870 году, кромѣ того за послѣднія 15—20 лѣтъ, за исключеніемъ школы кружевницъ въ Петербургѣ и нѣсколькихъ школъ женскаго рукодѣлія по разнымъ городамъ, возникли, по частной инициативѣ: *школа шелководства* и переработка шелка въ Херсонской губерніи, *школа льноткацкаго производства* (Смоленской губерніи) и нѣкоторыя другія, изъ которыхъ одна, а именно *школа М. Н. Гриневой* въ Кіевской губерніи, имѣетъ даже претензію быть чѣмъ то въ родѣ германскихъ школъ домоводства. Къ сожалѣнію однако всѣ подобныя школы возникаютъ — иногда даже субсидируются правительствомъ — чисто случайно, по вдохновенію частныхъ учредителей, а не въ силу созрѣвшаго убѣжденія въ полезности ихъ и дѣйствительнаго знакомства съ этимъ дѣломъ, что лучше всего видно на примѣрѣ школы г-жи Гриневой.

По заявленіямъ самой учредительницы «цѣль школы—приготовить работящихъ и знающихъ хозяекъ... Въ школу принимаются дѣвушки не моложе 15 лѣтъ, грамотныя, преимущественно изъ дочерей мѣстныхъ крестьянъ... Курсъ обученія въ школѣ — чисто практическій и принаро-

вленъ къ требованіямъ отъ деревенской хозяйки... Полный курсъ обученія состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

1) Молочное хозяйство и доеніе коровъ, отстаиваніе молока, приготовленіе сметаны и творога, приготовленіе масла изъ цѣльнаго молока и изъ свѣжей сметаны, приготовленіе разныхъ сортовъ сливочнаго масла ручными способами, въ томъ числѣ и при помощи аппаратовъ, приготовленіе французскихъ и мелкихъ нѣмецкихъ сыровъ, уходъ за ними.

2) Уходъ за домашнимъ крупнымъ и мелкимъ скотомъ: выборъ молочныхъ коровъ, кормленіе ихъ, уходъ во время стельности, воспитаніе телятъ, уходъ за овцами и козами, откормъ свиней.

3) Птицеводство: разведеніе и уходъ за домашней птицей, откармливаніе птицъ, искусственный выводъ птицъ.

4) Пчеловодство: уходъ за пчелами, добываніе меда центробѣжнаго и топленаго, выпариваніе и бѣленіе воска.

5) Рыбоводство (прудовое хозяйство): уходъ за рыбой въ прудкахъ, сажалкахъ и садкахъ, откармливаніе рыбы и раковъ.

6) Важнѣйшія свѣдѣнія по огородничеству, садоводству и другимъ спеціальнымъ культурамъ: устройство парниковъ, выгонка разсады, приготовленіе грядъ, пересадка разсады въ гряды, уходъ за овощами во время роста, устройство спаржевыхъ грядъ, уходъ за спаржею, земляною грушею, хрѣномъ и другими многолѣтними овощами, сборъ и храненіе овощей. Разведеніе и уходъ за необходимыми въ домашнемъ быту лекарственными растеніями и кухонными травами. Приготовленіе почвы подъ ягодные кусты, посадка черенковъ, раздѣленіе кустовъ, подрѣзка; сборъ и сохраненіе ягодъ. Посѣвъ плодовыхъ сѣмянъ; посадка дичковъ; обрѣзка, прививка и окулировка деревьевъ; окапываніе деревьевъ; чистка ствола; сборъ и сохраненіе плодовъ. Уходъ за коноплей, домашняя обработка волокна конопли и льна и т. п.

7) Приготовленіе самыхъ обыкновенныхъ кушаній; хлѣбопеченіе, сохраненіе мяса и другихъ пищевыхъ продуктовъ, приготовленіе разныхъ запасовъ: плодовые консервы, вареніе, соленіе, копченіе, вяленіе, сушеніе, маринованіе, приготовленіе наливокъ, водянокъ, квасовъ, домашній способъ приготовленія крахмала, дрожжей, свѣчей изъ бараньяго жира и т. п.

8) Самыя необходимыя свѣдѣнія по уходу за больными и выздоравливающими людьми, домашнимъ скотомъ и птицами.

9) Веденіе домовыхъ и сельско-хозяйственныхъ книгъ: веденіе книгъ

матеріальныхъ и приходо-расходныхъ; веденіе племенныхъ книгъ домашняго скота.

10) Рукодѣлія: кройка простыхъ платьевъ и бѣлья. Мытье бѣлья машинное и ручное, глаженье и починка бѣлья. Необходимыя въ домашнемъ быту разныя работы по дому: уборка постелей и комнатъ, мытье половъ, чистка мѣдной посуды и ножей, чистка и зажиганіе лампъ и т. п.

Полный курсъ обученія въ школѣ продолжается 8 мѣсяцевъ — съ первыхъ чиселъ марта по 1-ое ноября».

Трудно представить себѣ что-либо болѣе несообразное, чѣмъ подобная школа—фантазія. И эту обширную программу русская крестьянская дѣвушка должна пройти и усвоить въ 8 мѣсяцевъ [1]).

Такихъ печальныхъ курьезовъ даже и въ столь отрадныхъ явленіяхъ, какъ частная инициатива въ дѣлѣ профессіональнаго образованія, мы встрѣчаемъ въ Россіи на каждомъ шагу и будемъ встрѣчать ихъ до тѣхъ поръ, пока учрежденіе, призванное заботиться о развитіи народнаго хозяйства, не ознакомится съ этимъ дѣломъ настолько, чтобы знать предѣлы возможнаго и умѣть отличать дѣйствительность отъ фантазіи.

Въ дѣлѣ женскаго профессіональнаго образованія мы совершенно новички, но и первые шаги, сдѣланные въ этомъ направленіи, коснулись почти исключительно женщинъ низшаго класса; дѣвушкѣ средняго класса (кромѣ поприща учительницы) были открыты лишь двери «Повивальнаго института» и «Школы фельдшерицъ», но и оттуда женщины низшаго класса стали ихъ вытѣснять. Женское коммерческое образованіе, оказавшее такое благотворное вліяніе на народное хозяйство Франціи и Германіи, содѣйствовавшее тамъ не только упроченію самостоятельнаго заработка женщинъ, но и болѣе широкому реальному развитію хозяйки-гражданки, у насъ въ Россіи до послѣдняго времени не составляло спеціальности женскаго профессіональнаго образованія; лишь въ 1890 году начали появляться слухи объ открытіи частныхъ женскихъ коммерческихъ курсовъ въ Петербургѣ; такъ въ № 301 «Новостей» за этотъ годъ читаемъ: «общество распространенія практическихъ знаній между образованными женщинами открываетъ въ Москвѣ публичный курсъ бухгалтеріи для женщинъ. Въ программу курса входитъ общеторговое счето-

---

[1]) Школа эта основана въ 1888 году, субсидируется и находится въ вѣдѣніи Мин. Госуд. Имущ., слѣд. и программа ея одобрена.

водство въ связи съ практическими занятіями по простой и двойной италіанской системѣ, коммерческая корреспонденція». Но и эта узкая, чисто ремесленная программа по бухгалтеріи, а не по коммерческому образованію, пока лишь слухъ, результаты котораго покажетъ время.

Стремленіе къ высшему образованію. При полномъ отсутствіи среднихъ профессіональныхъ школъ и при неудовлетворительности приходскихъ и городскихъ училищъ вполнѣ понятенъ сильный наплывъ въ женскія гимназіи тотчасъ по ихъ основаніи—наплывъ всѣхъ сословій, начиная съ дочери швейцара, надѣющейся по окончаніи курса сдѣлаться учительницей, а кстати и барышней, и кончая дѣтьми зажиточныхъ интеллигентныхъ людей съ цѣлью полученія надлежащаго образованія. Съ точки зрѣнія профессіональной—гимназія давала только карьеру учительницы въ городскихъ и сельскихъ школахъ и въ низшихъ классахъ гимназіи; для обезпеченныхъ же дѣвушекъ она имѣла только общеобразовательное значеніе.

А между тѣмъ это среднее женское образованіе должно оставлять въ развитой и способной дѣвушкѣ ощущеніе неудовлетвореннаго умственнаго голода: оно не только не полно само по себѣ, но не достаточно даже для того, чтобы безъ посторонней помощи и руководства довершить его посредствомъ чтенія. Появленіе при женскихъ гимназіяхъ спеціальныхъ классовъ для подготовленія домашнихъ учительницъ и наставницъ хотя и расширило кругъ знаній, но лишь до извѣстной степени, далеко не достаточной для многихъ. Скоро обнаружилась потребность въ высшемъ женскомъ образованіи; значительная часть окончившихъ средне-учебныя заведенія бросилась за границу (въ Швейцарію и Францію), гдѣ имъ гостепріимно раскрыли двери университетовъ. Насколько великъ былъ контингентъ русскихъ женщинъ, жаждавшихъ высшаго образованія, мы можемъ видѣть изъ статистическихъ данныхъ швейцарскихъ университетовъ, гда болѣе трети студентокъ составляли наши соотечественницы.

Зарожденіе высшаго женскаго образованія. Первый толчекъ организаціи высшаго женскаго образованія въ Россіи данъ былъ въ 1868 году на съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ; пренія и рефераты его въ свое время возбудили всеобщій интересъ. Къ съѣзду русскихъ ученыхъ обратилась съ письменнымъ заявленіемъ Е. И. Конради, указывая на необходимость и у насъ ввести университетское образованіе для женщинъ. Отнесясь вполнѣ сочувственно къ этой

идеѣ, съѣздъ, однако, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не взялъ на себя труда провести ее въ жизнь. Тогда за осуществленіе этого важнаго вопроса принялись М. В. Трубникова и глубокоуважаемая Надежда Васильевна Стасова, составившія коллективное письмо съ подписями 400 женщинъ. Осенью 1869 года Анна Павловна Философова, г-жи Стасова, Милютина и Воронина вмѣстѣ съ извѣстнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ представили упомянутое письмо на разсмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого, отъ котораго вскорѣ послѣдовало разрѣшеніе на открытіе вечернихъ курсовъ гг. профессоровъ С.-Петербургскаго университета для слушателей обоего пола. Народившіеся курсы встрѣтили весьма горячее сочувствіе со стороны профессоровъ, которые охотно согласились читать университетскія лекціи примѣнительно къ развитію слушателей. Профессора Бекетовъ, Овсянниковъ, Бутлеровъ, Менделѣевъ и многіе другіе открыли свои курсы при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ курсы были переведены временно въ зданіе Академіи Наукъ и, наконецъ, въ зданіе Владимірскаго уѣзднаго училища, откуда и получили свое окончательное названіе «Владимірскихъ вечернихъ курсовъ».

Высшіе женскіе курсы. Изъ всеподданѣйшаго доклада бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого по поводу учрежденія высшихъ женскихъ курсовъ въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ и изъ постановленія Государственнаго Совѣта объ отпускѣ Бестужевскимъ курсамъ ежегоднаго пособія (въ 3,000 руб.) видно, что открытіе высшихъ курсовъ въ Россіи признавалось полезнымъ и необходимымъ, дабы: во 1-хъ, «прекратить наплывъ русскихъ женщинъ въ заграничные университеты, давъ имъ возможность получить высшее образованіе въ предѣлахъ отечества, во 2-хъ, приготовить достаточное число учительницъ для старшихъ классовъ женскихъ гимназій и институтовъ съ цѣлью замѣны ими учителей, число коихъ оказывалось недостаточнымъ даже для мужскихъ средне-учебныхъ заведеній».

До открытія означенныхъ курсовъ г-жи Солодовская, Анненкова, Ткачева и нѣкоторыя другія женщины отдѣлились отъ упомянутаго выше кружка и, при содѣйствіи извѣстнаго педагога Осипа Ивановича Паульсона, 1-го апрѣля 1869 года учредили при С.-Петербургской 5-й мужской гимназіи «Аларчинскіе женскіе курсы» исключи-

тельно для дѣвушекъ, желавшихъ дополнить знанія, пріобрѣтенныя въ гимназіяхъ. Въ 1868 г. въ Москвѣ на средства частныхъ лицъ открылись, такъ называемые, «Лубянскіе женскіе курсы» при 2-й мужской гимназіи. Открытіе послѣднихъ въ теченіе цѣлаго года волновало и интересовало небольшой московскій кружокъ, организованный горячими поборниками женскаго образованія. Въ 1869 г. было разрѣшено открыть упомянутые курсы съ програмой, равной мужскимъ гимназіямъ. Появившіеся курсы, кромѣ дарового помѣщенія, не получали никакой правительственной субсидіи, а всецѣло содержались на средства частныхъ лицъ, положившихъ начало «Лубянскимъ курсамъ», которые состояли подъ наблюденіемъ избраннаго директора въ вѣдѣніи московскаго учебнаго округа. Програма ихъ неоднократно подвергалась измѣненіямъ и дополненіямъ. Въ 1888 году «Лубянскимъ курсамъ» удалось наконецъ расширить свою програму и обратиться въ «Высшіе женскіе курсы», съ двумя отдѣленіями: физико-математическимъ и естественнымъ, съ четырехлѣтнимъ, почти университетскимъ курсомъ [1]).

Вслѣдъ за поименованными открылись въ Москвѣ «курсы профессора Герье» съ болѣе широкой, по нѣкоторымъ предметамъ почти университетской програмой, какъ, напр., по всеобщей исторіи и словесности. Со времени ихъ учрежденія число слушательницъ на Лубянскихъ курсахъ стало все уменьшаться, во-первыхъ потому, что вновь появившіеся основаны были на болѣе широкихъ началахъ, а во-вторыхъ, они привлекали своимъ дипломомъ, который, какъ предполагалось, будетъ давать нѣкоторыя права и преимущества. Кромѣ Петербурга и Москвы высшіе женскіе курсы возникли у насъ въ Казани и въ Кіевѣ, но пока и они представляли лишь отрадные провозвѣстники будущихъ женскихъ университетовъ.

Женскіе «педагогическіе курсы», находящіеся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, учреждены въ 1883 г.; они не даютъ высшаго образованія, а имѣютъ цѣлью исключительно пополненіе средняго образованія и подготовку къ педагогической дѣятельности. На курсахъ два отдѣленія — словесное и физико-математическое; окончившія первое получаютъ право преподавать русскій языкъ,

---

[1]) Чрезвычайно интересные и характерные эпизоды изъ исторіи Лубянскихъ и Медицинскихъ курсовъ читатель найдетъ въ брошюрѣ Е. Некрасовой: „Изъ прошлаго женскихъ курсовъ“.

словесность, педагогику, всеобщую исторію и Законъ Божій; окончившія второе—математику, русскій языкъ и географію. Всѣ дѣвушки, получившія въ гимназіяхъ медаль или другую награду, принимаются безъ экзамена, остальныя же—послѣ предварительнаго испытанія.

Наклонность женщинъ къ изученію реальныхъ наукъ. Вслѣдствіе того, что русскій народъ началъ свое сильно прогрессирующее умственное развитіе въ тотъ періодъ своей исторической жизни, когда у него не успѣла еще естественнымъ путемъ развиться теоретическая мыслительность или разсудочная способность отвлеченнаго мышленія, наклонность къ практическимъ, реальнымъ наукамъ значительно преобладала надъ отвлеченной философской работой мысли въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; наибольшее впечатлѣніе производили внѣшніе эффекты, которыми такъ богаты реальныя науки, и имъ удѣлено было наибольшее вниманіе. Если мы видимъ это въ умственномъ развитіи мужчины, который былъ и патріархомъ семьи, и свободнымъ человѣкомъ, ведшимъ общественную жизнь, слѣдовательно соприкасавшимся съ внѣшнимъ міромъ, то тѣмъ болѣе примѣнимо это къ женщинѣ, которая до Петра была абсолютно отрѣзана отъ общественной жизни, а до половины текущаго столѣтія пользовалась лишь относительной свободой или участіе ея во внѣшней жизни было односторонне и изуродовано мужчиной.

Дѣйствительно, эту наклонность женщины къ реальнымъ наукамъ краснорѣчиво подтверждаютъ цифровыя данныя нашихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Такъ, напр., изъ отчета комитета общества для доставленія средствъ С.-Петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1884—1885 уч. годъ мы видимъ, что со времени перваго выпуска въ 1882 году до 1885 г. изъ 377 слушательницъ, кончившихъ по словесному отдѣленію, было 130 или 34,5%, по физико-математическому и математическому—247 или 65,5%. Въ 1884—1885 учебномъ году на всѣхъ 4-хъ курсахъ находилось 793 постоянныхъ слушательницъ, изъ коихъ на физико-математическомъ отдѣленіи было 535, т. е. 67,5%, а на словесномъ лишь 258 или 32,5%.

На первый взглядъ можетъ показаться, что это зависитъ не отъ самаго предмета, а отъ способностей профессоровъ; но достаточно указать на имя проф. Бестужева-Рюмина, всецѣло отдавшагося этому дѣлу, чтобы убѣдиться въ противномъ. То же явленіе замѣчается и въ исторіи развитія «Лубянскихъ курсовъ» въ Москвѣ. «Такъ какъ пра-

вила Лубянскихъ курсовъ», говоритъ г-жа Некрасова, «не стѣсняли слушательницъ въ выборѣ предмета, то естественно, что тѣ предметы, къ которымъ женщины чувствовали большее влеченіе, имѣли и наибольшее число слушательницъ... Большинство слушательницъ Лубянскихъ курсовъ стали высказываться за необходимость закрытія лекцій по русскому языку, литературѣ и по русской и всеобщей исторіи съ тѣмъ, чтобы расширить курсы по предметамъ математическимъ, ввести чтенія по естественнымъ наукамъ. На послѣднія уже давно дѣлался запросъ со стороны женщинъ... Съ января 1874 г. открылись лекціи по ботаникѣ, зоологіи; за то въ этомъ же мѣсяцѣ *за неимѣніемъ слушательницъ* закрылись лекціи по латинскому языку. Въ 1875 году преподаваніе по математикѣ раздѣлилось на 4 курса, начались правильныя систематичныя практическія занятія по химіи, а первый курсъ *всеобщей исторіи* закрылся *за неимѣніемъ слушательницъ*» [1]).

Медицинскіе курсы. Женщина-врачъ. Вскорѣ послѣ переорганизаціи «Повивальнаго института» и возникновенія при Воспитательномъ домѣ училища для фельдшерицъ и сидѣлокъ, самъ собою возникъ вопросъ о свободномъ допущеніи женщины и къ высшему медицинскому образованію. Дѣйствительно, въ январѣ 1870 г. при самомъ горячемъ участіи военнаго министра, графа Д. А. Милютина, въ медицинскій совѣтъ внесенъ былъ проектъ о допущеніи женщинъ къ слушанію полнаго медицинскаго курса при медико-хирургической академіи. Проектъ былъ составленъ главнымъ инспекторомъ Н. И. Козловымъ при участіи и содѣйствіи профессоровъ: М. М. Руднева, В. М. Тарновскаго, Здекауэра, Красовскаго и др. Въ 1872 году 6-го мая положено основаніе «Курсовъ ученыхъ акушерокъ», которые вскорѣ переименованы были въ «Женскіе врачебные курсы». Затѣмъ въ 1876—1877 гг. они были перемѣщены въ Николаевскій военный госпиталь. Средства курсовъ составляли проценты съ пожертвованнаго г-жею Родственной капитала въ 50,000 рублей и съ другихъ частныхъ пожертвованій, а на текущіе расходы г-жа Родственная дала еще 50,000 рублей. Въ 1877 году военное министерство ассигновало по 8,200 руб. въ годъ и выдало 13,000 въ видѣ единовременной субсидіи. Доходъ курсовъ съ 1877—1881 г. простирался отъ 35,000—44,000 руб. въ годъ, а расходъ отъ 32,000—44,000 руб. [2])

---

[1]) *Некрасова* 21, 24 и 25.

[2]) Заимствовавъ эти (какъ и многія другія) данныя по вопросу о развитіи жен-

Въ 1879 году женщины получили разрѣшеніе занимать мѣста врачей въ городскихъ, земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Окончившія въ 1877 году курсъ, женщины-врачи, кромѣ Николаевскаго госпиталя и другихъ госпиталей военнаго вѣдомства, заняли мѣста въ Петербургѣ—въ Надеждинскомъ, Маріинскомъ и Рождественскомъ родовспомогательныхъ заведеніяхъ; въ Москвѣ — при родовспомогательномъ заведеніи Воспитательнаго дома; въ Саратовѣ — при городской больницѣ; въ Казани и въ Кіевѣ при университетскихъ клиникахъ; въ Витебскѣ — при городской больницѣ. Въ Петербургѣ за восьмидесятые годы ординарными врачами состояло 17 женщинъ. Въ частной практикѣ особенную извѣстность пріобрѣли г-жи Суслова, Тамбовская, Заволжская, Павловская, Маняровская, Тарновская и Штоффъ; г-жа Бальбертъ извѣстна какъ хорошій хирургъ; г-жа Бестужева-Рюмина составила себѣ имя во время послѣдней войны и ветлянской чумы; г-жа Буховцева обогатила медицинскую литературу своимъ сочиненіемъ «Совѣтъ матерямъ»; г-жа Кошеварова-Руднева (докторъ медицины) дала русской женщинѣ доступную ей «Гигіену женскаго организма». Значительное число женщинъ-врачей ушло на служеніе земству. Кромѣ земскихъ и городскихъ учрежденій многія женщины-врачи-медики занимаютъ мѣста ассистентокъ при болѣе или менѣе извѣстныхъ петербургскихъ профессорахъ и врачахъ: Раухфусѣ, Величковскомъ, Тарновскомъ, Русовѣ, Чечетѣ, Головинѣ и мн. др.

Результаты высшихъ женскихъ курсовъ. Изъ окончившихъ высшіе женскіе курсы нѣкоторыя успѣли уже дать работы, обратившія на себя вниманіе. Въ 1885 году г-жа Лидія Погожева написала изслѣдованіе «Объ окончаніи нервовъ въ концахъ портняжной мышцы у лягушки», напечатанное въ бюллетеняхъ Академіи Наукъ; г-жа Е. Соломко, окончившая курсъ въ 1884 г., дала изслѣдованіе по минералогіи подъ названіемъ «Кристаллическія породы села Исачки» (Полтавской губ.), помѣщенное въ берлинскомъ журналѣ: «*N. Jahl. f. Mineral*», за 1885 г. Особаго вниманія заслуживаютъ работы по химіи г-жи Габунцевой «О природѣ растворовъ», г-жи Ефронъ — «Исторія простого эѳира», г-жи Чайчинской — «О дипропоргилѣ и бензолѣ». Въ журналѣ «Русскаго физико-химическаго общества» напечатана

скаго образованія отъ Вл. Овцына, желающихъ получить болѣе детальныя свѣдѣнія о Женскихъ врачебныхъ курсахъ отсылаемъ къ вышеупомянутой брошюрѣ г-жи Некрасовой и къ брошюрѣ А. Абрамова „Женскіе Врачебные курсы“.

работа г-жи Рудинской — «О дѣйствіи амміака на поробоновую кислоту». Въ 1885 году профессору Веселовскому представлены сочиненія: г-жи Сиряцкой — «Развитіе легенды объ Атлетѣ», г-жи Балабановой—«Разборъ Оссіана Макферсона въ связи съ литературными теченіями XVIII-аго вѣка», г-жи Петерсонъ—«О Ѳеодосіи Печерскомъ». Вѣроятно съ тѣхъ поръ число женскихъ научныхъ работъ значительно возросло.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый новый работникъ на поприщѣ науки крайне желателенъ и цѣненъ, особенно для насъ, русскихъ. И если бы даже высшіе женскіе курсы не только теперь, въ столь короткій срокъ существованія, но и въ будущемъ не прибавили міру ни одного знаменитаго ученаго имени, то и тогда значеніе ихъ и польза для общества и для самихъ учащихся женщинъ нисколько не утратились бы. Да и ближайшая ихъ задача не состоитъ въ созданіи ученыхъ женщинъ: они сообщаютъ женщинамъ привычку къ труду, умѣніе работать, интересъ къ умственнымъ занятіямъ, т. е. прививаютъ имъ въ молодые годы качества, имѣющія громадное значеніе въ жизни каждаго отдѣльнаго лица и цѣлаго общества. Увеличивая контингентъ образованныхъ женщинъ, курсы способствуютъ внесенію великихъ началъ гуманности, просвѣщенія во всѣ сферы жизни, въ домашній бытъ, въ отношенія къ окружающимъ, въ воспитаніе дѣтей —всюду, куда проникаетъ вліяніе женщины.

Не подлежитъ сомнѣнію, что цивилизующее вліяніе всякаго истиннаго образованія пріобрѣтаетъ особую силу и распространенность, когда органомъ его становится женщина. Это зависитъ не только отъ нѣкоторыхъ особыхъ качествъ женской натуры, которыя всегда останутся въ ней неизмѣнными, но и оттого, что гуманныя начала через посредство женщинъ легче проникаютъ въ семью, въ тѣ далекіе, скрытые уголки жизни, куда мужчина проникать не можетъ. Уже послѣ первыхъ выпусковъ высшихъ женскихъ и женскихъ врачебныхъ курсовъ не разъ отмѣчалось благотворное вліяніе бывшихъ слушательницъ на окружающую ихъ среду и въ сферѣ ихъ дѣятельности. Всякій безпристрастный наблюдатель, не ослѣпленный рутиной и предразсудками, признаетъ, что такія научно образованныя женщины, какъ въ качествѣ дѣятелей, такъ и въ частной семейной жизни стоятъ несравненно выше не только умственно, но и нравственно, чѣмъ проживающія свой вѣкъ въ той особой обстановкѣ и при тѣхъ услов-

ныхъ требованіяхъ, которыя признаются противниками женскаго образованія за идеалъ семейнаго и общественнаго положенія женщины. Образованныя женщины сознательнѣе, а потому строже относятся къ себѣ и своимъ обязанностямъ, разумнѣе въ своихъ требованіяхъ отъ жизни, гуманнѣе въ отношеніяхъ къ людямъ не порывами и нервами, но по самому существу и по складу своего міросозерцанія, просвѣщеннаго наукой и серіозной работой мысли.

Переводя сказанное на практическій языкъ, можно утверждать— и статистика, если бы подобная только статистика существовала теперь, подтвердила бы,—что женщины съ серіознымъ основательнымъ образованіемъ, поставленныя въ такія условія жизни, при которыхъ имъ приходится содержать не только себя, но и семью, чаще и строже другихъ налагаютъ на себя эту обязанность. При извѣстномъ же матеріальномъ обезпеченіи развитыя истиннымъ образованіемъ женщины не удовлетворяются собственнымъ довольствомъ, но стремятся быть полезными другимъ, облегчить нужды и страданія менѣе счастливыхъ. Образованіе не только побуждаетъ ихъ къ этому, но и указываетъ наилучшія, наиболѣе сообразныя средства для осуществленія этихъ стремленій.

Точно также у насъ нѣтъ (и можетъ быть долго не будетъ) статистики счастливыхъ или несчастныхъ браковъ съ тѣми или другими женщинами. Но смѣло можно утверждать, что шансовъ на счастіе больше тамъ, гдѣ жена, кромѣ способности, въ случаѣ нужды, увеличить средства семьи собственнымъ заработкомъ, приноситъ и нравственныя силы: просвѣщенный умъ, отзывчивое сердце, сознаніе долга, разумное пониманіе требованій и нуждъ окружающихъ ее близкихъ людей, готовность и умѣніе удовлетворять этимъ требованіямъ. Безъ сомнѣнія всѣ эти драгоцѣнныя качества встрѣчаются и у людей простыхъ, даже неграмотныхъ, но проявляться во всей своей благотворной силѣ они могутъ только при полномъ гармоническомъ развитіи всѣхъ духовныхъ силъ человѣка, развитіи, пріобрѣтенномъ посредствомъ истиннаго просвѣщенія ума и воспитанія характера серіознымъ разумнымъ трудомъ. А именно къ этому и ни къ чему иному стремились и должны привести русскую женщину Высшіе женскіе курсы.

Однако существованіе ихъ продолжалось не долго. Предшествовавшія въ нашемъ обществѣ вѣянія, теоріи грубаго равенства половъ

и стремленіе, даже манія къ независимости женщинъ проникли во многія семьи и оказали свое пагубное вліяніе и въ средѣ курсистокъ. Единичные факты были обобщены и неосновательно приписаны вліянію именно курсовъ, и въ 1882 году прекратился пріемъ вновь поступающихъ слушательницъ. Этимъ пресѣченіемъ доступа къ высшему образованію уничтожена была единственная возможность зародить въ интеллигентной русской женщинѣ ту разсудочно-нравственную силу, которая парализовала бы отрицательныя послѣдствія вѣкового женскаго угнетенія и затворничества.

Не вѣрилось, чтобы путь къ высшему развитію женщины былъ закрытъ надолго; не вѣрилось уже потому, что это значило бы разрушить прочный фундаментъ нерукотворнаго памятника прошлаго царствованія, играть судьбою цѣлаго поколѣнія и судьбой націи въ ея борьбѣ за существованіе съ прочими націями; это значило бы надолго лишить интеллигентный классъ женщины, которая въ полномъ смыслѣ слова могла бы назваться гражданкой, матерью, обладающей достаточнымъ запасомъ интеллектуальныхъ силъ и гуманитарныхъ основъ, чтобы въ созданной ею семьѣ воспитывались граждане, любящіе свое отечество, уважающіе ближняго, самого себя, законы и законодателя.

И дѣйствительно, пріостановка высшаго женскаго образованія была лишь кратковременна. Въ 1889 году Высшіе женскіе курсы были вновь открыты, и теперь это дѣло поставлено уже прочно, обѣщая широкое развитіе женскаго просвѣщенія въ Россіи.

Нравственный уровень народа и общества. Нравственное развитіе нашего народа находится еще въ самомъ плачевномъ состояніи и характеризуется словами деревенской бабы Смоленской губерніи, приведенными г. Энгельгардомъ въ его «Письмахъ изъ деревни»: «. . . . . . . не лужа достанется и мужу» или: «На, говоритъ, вотъ тебѣ твои рубахи и портки, а я пойду съ Ванькой, онъ кудрявѣй тебя». Оно и не можетъ быть иначе: народъ пережилъ крѣпостное право и отхожіе промыслы съ ихъ развратомъ. Весь гнетъ предшествовавшихъ историческихъ условій, вѣкового невѣжества наложилъ на него свою печать и не находитъ еще достаточно сильнаго противодѣйствія въ деревнѣ: духовенство по своему положенію оказываетъ мало вліянія на темный людъ, школы также не успѣли распространиться и упрочиться настолько, чтобы результаты ихъ просвѣтитель-

ной дѣятельности замѣтно подняли нравственный уровень массы. Низшій слой городского населенія стоитъ не выше деревенскаго, соединяя съ грубымъ невѣжествомъ крестьянъ отрицательныя стороны культурной жизни промышленныхъ центровъ. Это наглядно показываетъ процессъ Скублинской въ Варшавѣ.

Что же касается высшаго общества, то нравственная его порча нашла вѣрное изображеніе въ «Крейцеровой сонатѣ» гр. Толстого: словами Позднышева онъ ярко характеризуетъ господствующіе взгляды общества и семьи на нравственность подростающаго поколѣнія. Но еще раньше гр. Толстого Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ писателя» (1877 г. іюль—авг. II), описывая отцовъ, говоритъ: «Третій (отецъ) едва пятнадцатилѣтнему своему мальчишкѣ самъ подыскиваетъ уже любовницу: «а то, знаете, эти дѣтскія ужасныя привычки разовьются или пойдетъ какъ-нибудь на улицу, да болѣзнь скверную схватитъ... нѣтъ, ужъ лучше обезпечить ему этотъ пунктъ заранѣ»... Но и не обращаясь къ литературѣ, въ жизни не разъ можно встрѣтить подобныя заботы чадолюбивыхъ родителей о своихъ еще не вышедшихъ изъ отроческаго возраста сыновьяхъ.

Такъ деморализуется и развращается подростающее юношество, покровительствуемое въ этомъ родительской заботливостью. А превратившись въ мужчину, юноша «лелѣетъ съ раннихъ лѣтъ мечту о самой возвышенной и поэтической семейной жизни!»

Вноситъ ли дѣвушка, вступающая въ бракъ, ту искренность и непосредственность, которыя даютъ отношеніямъ ничѣмъ незамѣнимую прочность и прелесть? Нѣтъ, она уже испорчена ложью старой семьи, ея инстинкты направлены уже фальшиво. Какъ бы рано и легко ни вышла она замужъ, она уже успѣла надышаться нездоровою атмосферою, сложившейся въ ея семьѣ; изъ разговоровъ и мелкихъ уловокъ матери она уже восприняла лживое отношеніе къ браку, къ мужчинѣ, къ мужу и привыкла смотрѣть на замужество, какъ на болѣе или менѣе хорошую «партію». Но того, что ей надо знать, что должно какъ светочъ горѣть въ молодой, честной, искренней душѣ—того ей никто не сказалъ, не объяснилъ, не далъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ дѣвушка выходитъ замужъ въ томъ раннемъ возрастѣ, когда еще не успѣла созрѣть, и зрѣлость эта наступаетъ уже тогда, когда мужъ, какъ предметъ любви, потерялъ для нея поэтическій интересъ, сдѣлался

прозаическимъ домашнимъ человѣкомъ, въ свою очередь утратившимъ раздраженіе влюбленности и страсти. Если бы выдача дочери замужъ не была, въ большинствѣ случаевъ, дѣломъ материнскаго эгоизма и недомыслія, надъ этимъ обстоятельствомъ, конечно, задумалась бы всякая хорошая мать, а не радовалась тому, что сбыла дочку шестнадцати или семнадцати лѣтъ. Эти, столь радующіе материнскія сердца, ранніе браки ведутъ къ тому, что первые годы замужества проходятъ для молодой женщины почти безсознательно, и она вступаетъ въ обладаніе всѣми естественными аппетитами сердца и темперамента въ то время, когда лучшія, самыя свѣжія впечатлѣнія брака уже миновали, и брачный романъ, если онъ былъ, — потускнѣлъ. Это значитъ почти насильно толкать женщину въ опасную темноту новыхъ исканій, новаго романа, героемъ котораго только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ вторично тотъ же мужъ. Въ большинствѣ случаевъ при подобныхъ обстоятельствахъ не бываетъ недостатка въ разныхъ Трухачевскихъ, которые не станутъ ходить «туда, гдѣ можно заболѣть, да и грязно и гадко, когда всегда можно найти порядочную женщину» [1]).

Русская семья по отношенію къ подростающему поколѣнію. Въ общемъ русская семья по отношенію къ подростающему поколѣнію, къ дѣтямъ, вылилась въ слѣдующія четыре наиболѣе характерныя формы.

1) *Семья индифферентная, равнодушная.* Въ такой семьѣ дѣти какъ бы не существуютъ для родителей, а родители для дѣтей. Это встрѣчается главнымъ образомъ среди богачей, въ роскоши и весельѣ и между нищими въ сферѣ холода и голода. Дѣти первой категоріи сданы или, вѣрнѣе говоря, сбыты съ рукъ нянькамъ, боннамъ, гувернанткамъ, получаютъ родительскую ласку какъ милостыню, какъ подачку. Въ дѣтствѣ они служатъ забавой для родителей, въ юности — щекочутъ ихъ самолюбіе, а въ зрѣлые годы — становятся для нихъ бременемъ, такъ какъ требуютъ слишкомъ много расходовъ на постепенное утрачиваніе своего человѣческаго достоинства и прожиганіе жизни. Дѣти же нищихъ проводятъ жизнь на дворѣ, на улицѣ среди самыхъ непривлекательныхъ картинъ и грубыхъ сценъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ они видятъ къ себѣ любовь, но больше всего выпадаютъ на ихъ долю по-

---

[1]) *Гр. Л. Толстой.* „Крейцерова соната“.

бои и брань. Ихъ лучшая карьера—смерть, а худшая—острогъ или Сибирь. Само собою разумѣется, что какъ въ той, такъ и въ другой категоріи семьи есть и исключенія.

2) *Семья безграничной власти или самодурства.* Здѣсь деспотизму родителей нѣтъ границъ. На всемъ воспитаніи лежитъ печать «*я хочу*», или «*того требуетъ свѣтъ*» и «*что скажутъ люди*», или «*такъ нужно*». Дѣти системы «*я хочу*» забиты, ограниченны, проводятъ дѣтство въ страхѣ и удовольствіяхъ изъ-подъ палки; въ юности исподтишка смѣются надъ родителями, обманываютъ ихъ, хитростью выманиваютъ у нихъ деньги, прислуживаясь и поддѣлываясь подъ ихъ тонъ, и потомъ скандалятъ. Въ зрѣлые годы стараются наверстать стѣсненіе свободы самой безпорядочной жизнью.

При системѣ «что скажутъ люди» дѣти проводятъ свое дѣтство въ усиленныхъ заботахъ о внѣшности, чинно гуляя въ разныхъ костюмчикахъ, перчаткахъ, съ зонтиками вмѣстѣ съ боннами, гувернерами или гувернантками. Движенія ихъ изящны, но безжизненны; въ нихъ больше дѣланнаго, чѣмъ природнаго. Самомнѣніе, капризъ, жеманство, хитрость и т. п.—вотъ существенныя черты ихъ характера. Юность ихъ проходитъ въ развлеченіяхъ, растрачиваніи здоровья и свѣжести чувства въ душныхъ комнатахъ баловъ, въ раздушенной и офранченной легкомысленной средѣ. Въ зрѣлые годы они часто становятся жертвами собственной умственной и душевной пустоты и рѣдко бываютъ счастливы, такъ какъ ихъ жизнь—это цѣлый рядъ ошибокъ.

Наконецъ дѣти, воспитанныя по принципу «такъ нужно» представляютъ изъ себя несчастныхъ уродовъ. Обладая тѣми или другими взглядами, родители стараются по нимъ создать весь умственный и нравственный обликъ ребенка, не сообразуясь съ его природными данными, наклонностями и пр. Такъ, одни желаютъ видѣть дочь бойкой, веселой барышней, умѣющей занимать и плѣнять своимъ искусствомъ въ музыкѣ, живописи и пр., другіе готовятъ ребенка къ военной карьерѣ, третьи дѣлаютъ изъ него революціонера и т. д. Здѣсь насиліе не физическое, не грубое, но все же насиліе, которое искажаетъ индивидуальность дѣтской натуры. «Такъ нужно». А почему? Потому что я убѣжденъ, что это для тебя необходимо.

3) *Семья безалаберная.* Въ такой семьѣ то примѣняется безграничная власть, произволъ, (даже побои), то малѣйшій капризъ ребенка принимается за законъ, который безусловно исполняется. Испортивъ

характеръ дѣтей полной непослѣдовательностью и отсутствіемъ какой бы то ни было системы, родители, не умѣя и не желая справиться съ ими же самими порожденными недостатками, спѣшатъ сбыть ихъ съ рукъ въ какіе-нибудь институты, корпуса, пансіоны и прочія закрытыя учебныя заведенія.

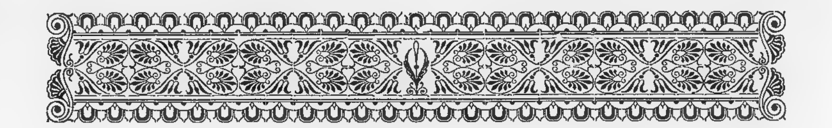
4) Существуетъ, наконецъ, типъ *нормальной семьи*, въ которой родители добросовѣстно по мѣрѣ силъ стремятся къ правильному гармоничному развитію душевныхъ и тѣлесныхъ силъ ребенка, видя въ этомъ главную задачу своей жизни. Конечно, промахи и ошибки встрѣчаются и здѣсь, но важна самая основа семьи, самый характеръ взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей, стремленіе къ возможному улучшенію въ этомъ направленіи.

Изъ этихъ, конечно, приблизительныхъ, типовъ семейнаго склада только послѣдній по справедливости можетъ быть названъ *семьей*. Первый основанъ какъ бы на отсутствіи родителей, второй—на отсутствіи дѣтской личности и господствѣ однихъ родителей, ихъ желаній, въ третьемъ,—дѣти не признаютъ надъ собою родителей, а родители отказываются отъ дѣтей—во всѣхъ этихъ случаяхъ понятіе о семьѣ, какъ о тѣсномъ единеніи родителей и дѣтей, падаетъ само собой. Къ сожалѣнію отрадная форма нормальной семьи встрѣчается у насъ лишь крайне рѣдко, такъ какъ краеугольнымъ камнемъ при воспитаніи являются: примѣръ, выдержка, самонаблюденіе и самообладаніе, что совмѣстимо только у достигшей извѣстнаго умственнаго развитія матери, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которой ребенокъ находится до извѣстнаго возраста.

Сравнивая Францію и Германію съ Россіей мы видимъ, что ни у одной изъ первыхъ двухъ націй нравственная физіономія женщины не находилась подъ такимъ сильнымъ давленіемъ мужского ума и вкуса, какъ у насъ. Въ Россіи ни женщина и ни созданная ею семья не перевоспитала мужчину, какъ это было въ Германіи и Франціи, и не подготовила благопріятной почвы для гуманизма, наоборотъ, съ перваго до послѣдняго времени ея исторіи мужчина развивалъ женщину, прививая ей главнымъ образомъ отрицательныя стороны западной культуры, внѣшній лоскъ, какъ легче воспринимаемый и усвояемый даже при поверхностномъ прикосновеніи къ ней, а не положительныя стороны цивилизаціи, требующія болѣе серіозной и сознательной работы, какъ для воспріятія, такъ, въ особенности для даль-

нѣйшаго ихъ развитія и приложенія къ жизни. Оттого и гуманизмъ нашъ—книжный, а не дѣйствительный; онъ представляетъ лишь отблескъ западнаго гуманизма, перенесеннаго къ намъ безъ надлежащей подготовки для него почвы въ семьѣ; оттого онъ остался у насъ и понынѣ благодарной темой для каѳедры, для громкихъ фразъ, но не вошелъ въ плоть и кровь. *Нашъ гуманизмъ представляетъ нѣчто въ родѣ предмета роскоши и далѣе матеріально обезпеченныхъ классовъ не проникъ.* Слѣдовательно и самому возникновенію у насъ гуманизма благопріятствовало матеріальное обезпеченіе извѣстныхъ классовъ, а не внутренняя, выработавшаяся подъ вліяніемъ матери въ семьѣ, духовная жизнь. Между тѣмъ, прочнымъ можетъ считаться гуманизмъ только тогда, когда онъ зарождается эмпирически, безъ всякой книжной пропаганды въ неимущемъ классѣ и простомъ народѣ, и пускаетъ глубокіе корни въ самой семьѣ. Вотъ этого то у насъ и не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока не будетъ воспитана въ женщинѣ мать—эта основа семьи, государства и націи.

АМЕРИКА

А еще, государь,
Чего не было встарь—
И такіе межъ насъ попадаются,
Что леченіемъ всякимъ гнушаются.
Они звона не терпятъ гуслярнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, что имъ не взвѣсить, не смѣряти,
Все, кричатъ они, надо похѣрити!
Только то, говорятъ, и дѣйствительно,
Что для нашего тѣла чувствительно...
(А. Толстой).

Профессіональное образованіе американки. Несомнѣнно, что положеніе женщины въ Америкѣ, при всѣхъ своихъ странныхъ, ненормальныхъ и непривлекательныхъ сторонахъ, во многомъ представляетъ въ высшей степени отрадное явленіе. Въ то время, какъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ еще сомнѣваются въ правѣ женщинъ на высшее образованіе и даже не признаютъ за ними способности къ высшимъ научнымъ занятіямъ, въ Соединенныхъ Штатахъ этотъ спорный вопросъ разрѣшенъ уже практически. Женщины не устраняются тамъ ни отъ какой отрасли образованія, для нихъ открыты всѣ имѣющіяся школы, не исключая и высшихъ. Обучаясь иногда вмѣстѣ съ мальчиками, дѣвушки отнюдь не уступаютъ имъ въ прилежаніи и въ понятливости. Въ свою очередь и наставницы въ школахъ успѣшно соперничаютъ съ наставниками въ трудолюбіи, педагогическомъ тактѣ и т. п., а иногда обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи такія свойства и способности, какими не обладаютъ въ равной мѣрѣ мужчины [1]).

---

[1]) L'education d. femmes et d'affranchis en Amérique, par *Hippeau* въ Revue.

Америка такъ горячо взялась за организацію низшаго и высшаго женскаго образованія, что въ настоящее время почти всѣ ступени общественной дѣятельности доступны женщинамъ на совершенно равныхъ съ мужчинами правахъ. И здѣсь (какъ и въ Россіи) особаго вниманія заслуживаютъ женщины-медики, составившія себѣ почетную извѣстность въ Америкѣ, гдѣ главная заслуга въ борьбѣ за высшее образованіе женщины принадлежитъ знаменитой женщинѣ-врачу Елизаветѣ Blackwell. Послѣ долгихъ трудовъ и усилій ей удалось въ 1847 году окончить курсъ въ университетѣ, и первый докторскій дипломъ, полученный женщиной въ Новомъ Свѣтѣ, вызвалъ цѣлую сенсацію и переворотъ въ пользу женскаго образованія. Въ томъ же году открыты были въ Бостонѣ женскіе медицинскіе курсы. Примѣру Бостона послѣдовали и другіе города: подобные же курсы появились въ 1850 г. въ Филадельфіи, 1868 г.—въ Нью-Іоркѣ, въ 1870 г.—въ Чикаго. Съ 1871 года американскіе университеты стали принимать и женщинъ, и дѣло высшаго женскаго образованія восторжествовало окончательно. Нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ практикуетъ не меньше 3,000 женщинъ-врачей, которыя пользуются всеобщимъ уваженіемъ и изъ которыхъ многія зарабатываютъ по 20,000 и болѣе долларовъ въ годъ. Изъ 3,000 женщинъ-врачей 450 занимаются практикой въ Нью-Іоркѣ, 580—въ Бруклинѣ, 460 въ Филадельфіи, 375—въ Массачусетѣ, 345—въ Бостонѣ.

Женщины, кромѣ медицины, главнымъ образомъ стремились пріобрѣсти вліяніе въ школьномъ дѣлѣ, и теперь изъ четырехъ комиссаровъ, руководящихъ школьнымъ образованіемъ въ Нью-Іоркѣ, двое—женщины. То же мы видимъ въ Массачусетѣ. На педагогическомъ поприщѣ женщины дѣйствуютъ охотно, и, что еще важнѣе, дѣятельность ихъ даетъ болѣе благотворные результаты въ дѣлѣ первоначальнаго образованія въ народныхъ школахъ, чѣмъ мужская.

Нѣкоторые штаты Америки неоднократно высказывались въ пользу допущенія женщинъ къ участію въ парламентскихъ выборахъ, но взгляды эти до сихъ поръ еще не раздѣляются большинствомъ партій [1]). За исключеніемъ же законодательной дѣятельности, въ Америкѣ почти не осталось профессіи, чуждой и недоступной женщинѣ. До какой степени разнообразна дѣятельность американки, видно изъ слѣдую-

---

[1]) См. „Женскій вопросъ въ Америкѣ“ „Отеч. Зап.“ 1872 г. IV.

щихъ примѣровъ. Лѣтъ 9 тому назадъ миссъ Мери Кунъ, послѣ успѣшно выдержаннаго при морскомъ вѣдомствѣ экзамена, получила званіе капитана корабля «*Elisabeth*», а съ 1884 г. до настоящаго времени миссъ Миллеръ съ полнымъ успѣхомъ занимаетъ такую же должность на кораблѣ «*Saline*».

Американская женщина, какъ мать и гражданка. Наряду съ широкимъ образованіемъ американская женщина и въ другихъ отношеніяхъ пользуется значеніемъ и правами, не существующими въ Европѣ. Вниманіе и уваженіе, не только въ европейскомъ смыслѣ, повсюду окружаютъ ее. Женская личность является тамъ не въ пассивной роли передъ мужчиною: женщина пользуется властью самой выбирать или отвергать мужа; она освобождена отъ черной работы, такъ что женская прислуга въ Америкѣ большая рѣдкость. Диксонъ, представляя эти факты въ своей книгѣ «Новая Америка», въ объясненіе ихъ приводитъ то обстоятельство, что женскій полъ значительно уступаетъ по численности мужскому. Въ нѣкоторыхъ городахъ можно провести нѣсколько дней сряду, не встрѣтивъ женскаго лица. На балахъ половина мужчинъ сидитъ, тогда какъ всѣ дѣвицы танцуютъ. Въ противоположность Европѣ тамъ не женщина, а мужчина — залежавшійся товаръ на рынкѣ супружества. Въ зависимость отъ этого Диксонъ ставитъ съ одной стороны тотъ глубокій и мрачный развратъ, который существуетъ въ большихъ городахъ Америки, съ другой — ту свободу и благоденствіе, которыми пользуется американская женщина въ сравненіи съ европейской и, наконецъ, тѣ различныя броженія, агитаціи и нерѣдко дикія явленія, которыя происходятъ въ жизни американки.

Помимо ученій разныхъ сектъ, старающихся эмансипировать женщину, въ жизни женщинъ тамъ обнаруживаются стремленія и дѣйствія самыя радикальныя: собираются женскіе конгрессы, ведутся безчисленные споры о равноправности, о свободной любви, раздаются голоса противъ обязанности женщинъ воспитывать дѣтей, противъ святости брака, противъ нерасторжимости брачныхъ обѣтовъ, требуютъ для женщинъ всего, дозволеннаго мужчинамъ, начиная съ костюма и кончая мѣстомъ въ законодательномъ собраніи и церковной каѳедрой. Въ подтвержденіе этихъ правъ однѣ изъ американокъ дѣйствительно надѣвали мужской костюмъ, другія являлись и являются кандидатками на представительство и даже на президентство, третьи принимаютъ на себя

пасторскія обязанности, каковы, напримѣръ, Олимпія Броунъ, Селія Борлей и другія; иныя показываютъ примѣръ свободной любви; весьма многія явно сопротивляются назначенію матери, возстаютъ противъ дѣтей, утверждая, что они отнимаютъ у матери время, портятъ красоту, безполезно растрачиваютъ ея жизнь. Диксонъ писалъ, что между женщинами высшихъ классовъ американскаго общества существуетъ очень странный и обширный заговоръ противъ дѣторожденія, приводящій въ результатѣ къ уничтоженію американцевъ, уроженцевъ Америки. Женщины желаютъ быть только товарищами для своихъ мужей—блестящими, умными, вѣрными товарищами—и общественными дѣятелями съ показной стороны. Американская лэди оскорбится, если вы ей пожелаете того, что въ другихъ странахъ пріятно щекочетъ самолюбіе женщины—быть матерью многочисленнаго семейства; бездѣтность замужнихъ женщинъ служитъ знакомъ хорошаго происхожденія.

Особенно сильный напоръ такого множества разнородныхъ факторовъ, разъѣдающихъ основы общественной и семейной жизни, былъ замѣтенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время женскій вопросъ въ Америкѣ принимаетъ характеръ болѣе раціональный и притомъ официальный, хотя все-таки спорный и съ примѣсью мистическихъ началъ. Въ то время, какъ общественное мнѣніе раздѣлилось на партіи, изъ которыхъ однѣ требуютъ широкой полноправности, другія видятъ въ этомъ затаенный замыселъ—разрушить семью, нравственность и дать взамѣнъ этого фриловизмъ [1]), конгрессы женскихъ обществъ начали утрачивать жизненный интересъ и повторяютъ старыя рѣчи, видимо не подвигаясь къ цѣли.

Вредныя послѣдствія несообразности женскаго образованія для ея организма. Относительно вредныхъ для женскаго организма послѣдствій несоразмѣрнаго образованія Америка имѣетъ за собой настолько несомнѣнный долголѣтній опытъ, что гинекологи Новаго Свѣта единогласно взываютъ къ обществу о принятіи мѣръ къ прекращенію зла.

Докторъ Эдуардъ Кларкъ въ Бостонѣ написалъ по этому предмету сочиненіе—«Sex in Education», которое должно бы находиться въ рукахъ всякаго завѣдующаго женскимъ учебнымъ заведеніемъ. Вотъ цитата изъ этой книги. «Мы не говоримъ, что всѣ женщины, получившія степени въ нашихъ коллегіяхъ, болѣзненны, но утверждаемъ,

[1]) Free lovism—полная свобода развода.

что число пострадавшихъ отъ этого женщинъ такъ велико, что возбуждаетъ самыя серіозныя опасенія и требуетъ особеннаго вниманія общества. Если подобный порядокъ вещей продлится еще на полъстолѣтія, возрастая въ той же пропорціи, какъ и въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, то матерей для нашей республики придется искать за океаномъ. Сыновья Новаго Свѣта должны будутъ разыграть въ грандіозныхъ размѣрахъ роль древнихъ римлянъ и сабинянъ».

Докторъ Томасъ, одинъ изъ самыхъ опытныхъ врачей въ Америкѣ, говоритъ: «Къ несчастью дѣятельный, энергичный и честолюбивый духъ американскаго народа побудилъ его ввести методъ образованія, создающій громадную несоразмѣрность между нервною и мышечною системами, и послѣдствія его отзываются въ особенности на женскомъ полѣ, болѣе склонномъ къ утратѣ равновѣсія. Послѣдствія эти—съ одной стороны, быстрое развитіе мозга и нервной системы, скороспѣлыя способности, утонченный и образованный вкусъ, очаровательная живость, а съ другой, болѣзненная впечатлительность, слабость мышечной системы и сильное расположеніе къ болѣзнямъ половыхъ органовъ. Еще прискорбнѣе этого факта тотъ, что матери, сознавая его истину, тѣмъ не менѣе продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи» [1]).

Докторъ Эмметтъ, одинъ изъ первыхъ американскихъ гинекологовъ, пишетъ: «По моему мнѣнію образованіе дѣвицъ не можетъ быть безъ серіозныхъ послѣдствій ведено такими же методами, какъ образованіе юношей, такъ какъ чрезмѣрное напряженіе мозга неминуемо замедляетъ ростъ яичниковъ. Даже сравнительно умѣренныя умственныя занятія слишкомъ часто возбуждаютъ функціональныя разстройства... Я не только вполнѣ соглашаюсь со взглядами доктора Кларка, но нахожу по собственному опыту, что зло обширнѣе, чѣмъ онъ его выставляетъ... Для достиженія высшаго физическаго развитія молодая дѣвушка средняго сословія не должна подвергаться никакому возбужденію за годъ до зрѣлости и года два спустя... Ея одежда, пища и образъ жизни должны находиться подъ такимъ же тщательнымъ наблюденіемъ, какъ у ребенка; умственныя занятія ея должны быть самыя умѣренныя, и она отнюдь не должна заниматься по ночамъ... Когда менструальная функція вполнѣ установилась и не представляетъ ничего ненормальнаго, она можетъ заниматься усиленнѣе, но за-

[1]) „Diseases of Women“ fifth edition. 1880, p. 44.

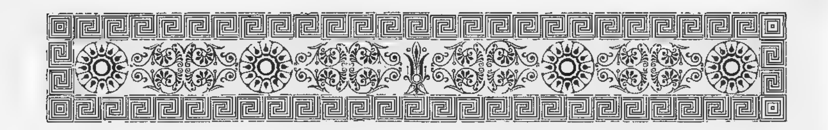
тѣмъ во время регулъ ей необходимо соблюдать тотъ же умственный и физическій покой» [1])

Извѣстный Лоусонъ Тэйтъ (Lawsön Tait), говоря объ этомъ же предметѣ въ Англіи, пишетъ въ своемъ «Discases of the Ovaries» слѣдующее: «Въ послѣднее время развилось желаніе давать женщинамъ совершенно одинаковое образованіе съ мужчинами. Если бы меня стали обвинять въ недостаткѣ либеральности, мнѣ было бы очень легко доказать, что я всегда стоялъ въ первомъ ряду сторонниковъ свободнаго образованія для лицъ обоего пола и всѣхъ сословій и вооружался противъ какого бы то ни было ограниченія. Съ другой стороны, было-бы безполезно скрывать фактъ, что такъ какъ женщины должны отправлять функціи, отъ которыхъ мужчины избавлены, то нельзя ожидать, чтобы онѣ могли съ безопасностью трудиться какъ мужчины и въ то же время надлежащимъ образомъ отправлять свои функціи. Несомнѣнно, что женщины, пользуясь неограниченно этими правами, нанесутъ вредъ не только себѣ, но и цѣлой расѣ, предоставляя размноженіе вида однѣмъ только женщинамъ низшаго уровня... Защитники равноправности женщинъ не должны забывать, что высшее образованіе у мужчины не лишаетъ его возможности быть отцемъ, а, напротивъ, помогаетъ ему въ борьбѣ за существованіе поддерживать свое семейство. Исключительное же образованіе женщины неминуемо поведетъ къ устраненію изъ рядовъ матерей тѣхъ женщинъ, которыя наиболѣе способны производить дѣтей, отличающихся мозговою силою».

Америка, не имѣющая ни исторіи развитія націи ни самой націи, въ европейскомъ смыслѣ слова, представляющая страну, которая и по настоящее время возобновляетъ свои интеллектуальныя силы въ значительной степени притокомъ переселенцевъ извнѣ, не можетъ служить примѣромъ для Россіи, такъ какъ, подобно всякой европейской націи, она можетъ прочно обезпечить будущность своего самостоятельнаго существованія только изъ ядра самой націи. Поэтому останавливаться долѣе на Америкѣ было бы безполезно: она имѣетъ для насъ значеніе только по вышеприведеннымъ отзывамъ американскихъ авторитетовъ по гинекологіи, ибо при томъ широкомъ развитіи, какое получило женское образованіе въ Америкѣ, мнѣнія ихъ представляются въ высшей степени компетентными.

---

[1]) Principles and Practice of Gynaecology, 1880, p. 20.

Краткій обзоръ исторіи развитія женскаго образованія.

Выводы.

Ни вѣритъ на̀ слово онъ никому ни въ чемъ;
Вѣковъ работу предпринявъ съ начала,
Онъ хочетъ все, что намъ преданье завѣщало,
Своимъ изслѣдовать умомъ.
Немножко щекотливо это!
Я самъ вѣдь врагъ авторитета,
Но пообтерся межъ людьми;
Бѣда все отрицать! Въ иное надо вѣрить,
Не то пришлось бы, чортъ возьми,
И самого себя похѣрить!
(А. Толстой.)

Мы видѣли, что первую основу человѣческой семьи положила женщина-мать. Она приручила и сдѣлала домашними молочныхъ животныхъ, первая взялась за хлѣбопашество и озаботилась накопленіемъ хозяйственныхъ запасовъ впрокъ, наконецъ привлеченіемъ мужчины къ дому она образовала первую форму использованія индивидуальной производительности обоихъ половъ для прочнаго существованія семьи и расы, или націи. Это была эпоха матріархата. Съ усложненіемъ соціальныхъ условій жизни, съ участившимися столкновеніями враждебныхъ между собою племенъ, оборонительная сила мужчины пріобрѣла бо́льшую цѣну; защищая въ частности имущество и жизнь своей семьи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ защищалъ и неприкосновенность даннаго рода, общества или государства. Съ бо́льшимъ развитіемъ государственной жизни и государственнаго строя, съ физической силой мужчины пріобрѣтала большее значеніе и его производительная сила, которая все возростала по мѣрѣ развитія и его интеллектуальныхъ способностей. Уже въ эпоху матріархата частое столкновеніе мужчины съ

внѣшнимъ міромъ расширило его умственныя силы настолько, что вскорѣ онъ и въ хозяйственной производительности — по полеводству, скотоводсту и проч. — превысилъ женщину, слѣдовательно умалилъ ея первенствующее значеніе, что повело къ переходу отъ матріархата къ патріархату. Такимъ образомъ водвореніе патріархата совершилось не вслѣдствіе грубой боевой силы мужчины, воспользовавшагося своимъ физическимъ превосходствомъ передъ слабой, сравнительно, женщиной, а главнымъ образомъ благодаря его увеличившейся интеллектуальной производительности, а также и большей физической способности защищаться отъ внѣшняго врага, что естественно возложило на него обязанность быть защитникомъ семьи и государства. Между тѣмъ женщина все болѣе пріобрѣтала значеніе какъ духовный, этическій элементъ семьи, націи и народа.

Спарта видѣла въ женщинѣ только физіологическій аппаратъ для продолженія рода и развивала въ ней лишь тѣлесныя силы, дабы она могла рождать возможно большее количество здоровыхъ дѣтей. Со дня замужества спартанка играла пассивную роль какъ въ семьѣ, такъ и въ соціальномъ строѣ. Достаточно было перваго прикосновенія Спарты съ гнилымъ Востокомъ, чтобы подкосить строго отвлеченную добродѣтель спартанцевъ, установленную закономъ и поддерживаемую строгостью законовъ, а не развитіемъ этической стороны жизни и нравственными основами семьи. Брачныя отношенія спартанцевъ и ихъ нравы пали, а вмѣстѣ съ тѣмъ Спарта утратила свою силу и свое политическое преобладаніе надъ другими городами Греціи.

Аѳины, благодаря своему географическому положенію, содѣйствовавшему развитію торговаго флота и международной торговли, въ противоположность Спартѣ, отличались либеральнымъ, демократическимъ духомъ и образомъ правленія. Республика обращала большое вниманіе на воспитаніе женщины и давала ей, какъ передаетъ Ксенофонтъ (Oeconom. VII. 4), настолько высокое домашнее образованіе, что въ умственномъ развитіи она не уступала мужчинѣ. Общеніе женщинъ съ иностранцами вслѣдствіе обширной международной торговли Аѳинъ еще болѣе содѣйствовало установленію интеллектуальнаго равновѣсія обоихъ половъ, что благотворно отражалось на семьѣ до тѣхъ поръ, пока равновѣсіе это не нарушилось въ пользу мужчины.

Солонъ, возстановившій законодательнымъ порядкомъ имущественныя права женщины и значительно повысившій уровень мужского

образованія, въ послѣднемъ вопросѣ обошелъ женщину, чѣмъ далъ первый толчокъ къ разложенію семьи, а слѣдовательно и государства. Когда образованіе мужчинъ расширилось, а женское осталось на прежней ступени, разница въ интеллектуальномъ развитіи мужа и жены, постепенно возрастая, ослабила духовную и умственную связь брака, которая, наконецъ, свелась къ одному лишь кровному родству. Достаточно припомнить вопросъ Сократа, «съ кѣмъ ты разговариваешь меньше, чѣмъ со своей женой?» чтобы ясно увидѣть, насколько измѣнились семейныя отношенія съ упадкомъ образованія женщинъ. Съ ослабленіемъ же семейныхъ основъ при незначительномъ вліяніи извнѣ, женщина утратила свое прежнее почетное положеніе и перестала быть матерью-гражданкой; семья не могла уже выработать изъ дѣтей честныхъ гражданъ-патріотовъ, что привело къ полному упадку политическаго значенія и интеллектуальной силы націи.

Древній Римъ уже съ первыхъ временъ своего существованія даетъ намъ въ семейной жизни патриціевъ—единственныхъ полноправныхъ гражданъ—строгій идеалъ патріархальной семьи, въ которой отецъ, закономъ облеченный безграничною властью надъ членами семьи, отдаетъ полный почетъ и уваженіе женѣ, хозяйкѣ дома—матронѣ, занимавшей почетное положеніе и въ обществѣ. Отъ Горація мы узнаемъ, что мать нерѣдко сама воспитывала своихъ дѣтей до извѣстнаго возраста дома, и что въ школахъ дѣвочки получали одинаковое съ мальчиками образованіе и учились вмѣстѣ съ ними. (Horacius, I; 6, 76). О посѣщеніи еще V-омъ вѣкѣ до Р. Х. школы зрѣлыми дѣвушками свидѣтельствуютъ разсказы о Виргиніи. Образцомъ образованной римлянки служитъ Корнелія, мать Гракховъ, которая собственнымъ примѣромъ доказываетъ то, что законченное образованіе должно еще болѣе развивать въ человѣкѣ гуманитарныя стремленія и чувство нравственности. Мы знаемъ, что письма ея служили образцомъ римской прозы, а сама она—образцомъ матери; она сама дала воспитаніе и первоначальное образованіе своимъ сыновьямъ,躍 прививъ имъ не только любовь къ наукамъ, но и свою высокую нравственность (которою такъ рѣзко выдѣлялась среди прочихъ римлянокъ того времени, несмотря на свою красоту и привлекательность) и глубокій патріотизмъ. Мы видимъ, что съ древнихъ временъ высшею похвалою взрослому мужчинѣ считалось, если о немъ говорили, что онъ воспитанъ на лонѣ мамери—*in gremio matris educari*.

Римъ, слишкомъ занятый своею политическою жизнью, забылъ позаботиться о дальнѣйшемъ умственномъ развитіи женщины, что и не замедлило дать себя почувствовать при первомъ-же сближеніи римлянокъ съ греческими гетерами, возбудившими въ нихъ соревнованіе въ роскоши и разнузданности и имѣвшими за собою важное преимущество—образованіе и умственное развитіе. Счастливыя войны приносили Риму богатства, которыя еще больше способствовали быстрому растлѣнію нравовъ; уже ко времени Августа безбрачіе и искусственная бездѣтность угрожали націи вымираніемъ; появились разныя законодательныя мѣры къ пресѣченію зла, но онѣ не могли возстановить то, что было подточено въ самомъ корнѣ. Съ упадкомъ или съ отсталостью умственнаго развитія женщины, падаетъ и уваженіе къ ней, что влечетъ разложеніе семьи, а затѣмъ и всего государства. Грецiя распалась въ самую блестящую эпоху развитія промышленности и богатства въ силу паденія семьи и общественныхъ нравовъ. Точно такъ-же и Римъ разлагался при наибольшемъ скопленіи въ немъ богатствъ.

Коренное населеніе Галліи во времена присоединенія ея къ Риму находилось еще на слишкомъ низкой ступени умственнаго развитія, чтобы положительныя стороны римской культуры могли къ нему привиться; за то отрицательныя, деморализующія стороны, какъ-то: свобода нравовъ, расточительность и пр. какъ производившія наибольшій эффектъ, быстро воспринимались галлами и развращали ихъ. Христіанство въ началѣ его распространенія также оказывало, главнымъ образомъ, деморализующее вліяніе, благодаря низкому нравственному уровню духовенства; сущность же новаго ученія оставалась еще недоступной.

Между тѣмъ высокое умственное развитіе женщины въ Италіи перешло и въ южную Францію къ франкскимъ женщинамъ, гдѣ оно, вслѣдствіе полнаго неразвитія мужчинъ, содѣйствовало установленію тѣхъ ненормальныхъ отношеній послѣднихъ къ женщинамъ, которыми характеризуется рыцарство; оно поставило женщину во внѣшней жизни выше мужчины, во внутренней же развило ту обособленную феодальную семейную жизнь, въ которой мать дала первый зачатокъ гуманитарной семьи. Крестовые походы дали мужчинамъ то эмпирическое развитіе, которое интеллектуально приблизило ихъ къ болѣе образованнымъ женщинамъ, благодаря чему явилось извѣстное равновѣсіе и гармонія духовной семейной жизни, послужившія удобной подгото-

вленной почвой для гугенотства, которое быстро распространилось въ южной Франціи.

Въ силу этого интеллектуальнаго равновѣсія обоихъ половъ могли укорениться тѣ строгія правила нравственности, которыя господствовали въ семьяхъ французскихъ гугенотовъ, вліявшихъ своимъ примѣромъ на всю Францію. Благодаря ему же возросла и интеллектуальная производительность гугенотовъ, сдѣлавшихся, такимъ образомъ, не только нравственной, но и производительной силой страны.

Однако возраставшее вліяніе гугенотовъ встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, которое благодаря имъ стало терять свое прежнее значеніе; высокое умственное развитіе гугенотскихъ женщинъ лишало духовенства послушнаго орудія и самой благодарной почвы для распространенія его вліянія на массу. Началось гоненіе на гугенотовъ, усилившееся во времена Франциска I (1535); умственный уровень женщинъ упалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и строгая нравственность. Развратъ, поощряемый клиромъ, вошелъ въ силу и при Генрихѣ II и Екатеринѣ Медичи достигъ своего крайняго предѣла.

Генрихъ IV Нантскимъ эдиктомъ (1598) возвратилъ протестантамъ права, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановилъ и женское образованіе. Въ теченіе около ста лѣтъ, т. е. до изгнанія ихъ изъ Франціи, гугеноты принесли много пользы странѣ, значительно увеличивъ ея народно-хозяйственную производительность и поднявъ притомъ умственный уровень населенія. Плодъ этихъ трудовъ созрѣлъ въ блестящій періодъ царствованія Людовика XIV; но и здѣсь, какъ въ Греціи, плоды, принесенные предшествовавшимъ гармоническимъ интеллектуальнымъ развитіемъ обоихъ половъ, совпали съ первыми признаками нравственнаго разложенія семьи, вызваннаго нарушеніемъ этого умственнаго равновѣсія.

Какъ въ Греціи со смерти Перикла (429) до распаденія Греціи (около 355 г.) прошло почти 74 года, такъ и во Франціи со смерти Людовика XIV (1715 г.) до великой революціи (1789) прошли тѣ же 74 года, и Фрація вступила въ XIX-ое столѣтіе, имѣя женщинъ-матерей, бравшихъ съ бою мѣста передъ гильотинами вмѣстѣ съ гражданами стоявшими во главѣ націи (Barère, Cambon, Marat и др.).

Уже съ начала XVI-аго в. мужское образованіе получило гуманистическое направленіе, при которомъ греческій и латинскій языки

преподавались не случайно, а по строго выработанной программѣ какъ предметы, необходимые для всесторонняго развитія человѣческаго мышленія. Съ тѣхъ поръ мужчина быстро прогрессировалъ въ своемъ интеллектуальномъ развитіи, все болѣе опережая женщину. Уже въ XVII-омъ вѣкѣ во Франціи стали раздаваться голоса, требовавшіе болѣе серіознаго образованія женщины (Fleury, Fenelon); г-жа Ментенонъ дѣлаетъ на практикѣ попытку улучшить женское образованіе въ Maison-Saint-Cyr. Но вновь наступившее ретроградное движеніе опять выдвинуло монастырское воспитаніе дѣвушекъ. Съ революціей закрыты были и имѣвшіяся женскія школы. Только позже опять ввели первоначальное образованіе дѣвушекъ (1848) и наконецъ лишь въ 1882 году было упорядочено среднее образованіе въ размѣрѣ вышеприведенной программы Каммиля Сэ, чѣмъ оно и ограничивается, а далѣе—женщинѣ предоставляется вступить въ жизнь, выйти замужъ или пожалуй вкусить и высшаго образованія, не имѣя для того достаточной подготовки.

Германцы довольно долго сохранили у себя здоровое ядро семейной жизни и появились на историческую сцену народомъ болѣе положительнымъ, чѣмъ галлы и франки. Изъ 22 письма св. Іеронима, въ которомъ онъ даетъ даже краткое педагогическое руководство къ обученію дѣвочки и которое въ 817 году составителями institutio sanctimonialium въ Аахенѣ было объявлено руководствомъ для всѣхъ женскихъ школъ, видно, что уже въ то время сильно заботились о развитіи и воспитаніи германки. Въ X-омъ вѣкѣ, какъ это мы узнаемъ отъ Росвиты, образованная германка свободно владѣла латинскимъ языкомъ, читала на немъ не только книги духовнаго содержанія, но и свѣтскія, иногда даже легкаго направленія. Въ XII-омъ вѣкѣ аристократка-германка достигла апогея женскаго образованія того времени и пользовалась наивысшимъ уваженіемъ; строй жизни дворянства былъ строго патріархальный. Съ XII-аго вѣка, съ замѣной латинскаго языка французскимъ, иначе говоря, съ упадкомъ развитія женщины пало и ея вліяніе на мужчину, ея нравственность и то уваженіе, которымъ искони пользовалась древняя германка.

Съ XII-аго вѣка женская образованность стала падать и перешла въ среду бюргеровъ; въ XIII-омъ вѣкѣ умственное развитіе женщины между бюргерами - патриціями достигло высшей степени и удерживалось на этомъ уровнѣ нѣсколько поколѣній; затѣмъ и оно начало

*

понижаться, замѣняясь модничаньемъ, въ подражаніе аристократіи. Въ періодъ высшаго образованія женщинъ бюргеровъ-патриціевъ, когда всѣ выдающіяся, основательно организованныя монастырскія школы поддерживались, а мѣстами и всецѣло содержались уже не аристократіей, а купечествомъ и бюргерствомъ, народно-хозяйственная производительность Германіи процвѣтала, пользуясь маіоритетомъ въ Ганзейскомъ торговомъ союзѣ во времена его могущества. И здѣсь, какъ у іонянъ въ Греціи, мужчина былъ менѣе книжно образованъ, но благодаря международнымъ торговымъ сношеніямъ развивался эмпирически, что и уравновѣшивало отношенія обоихъ половъ; семья здѣсь представляла нѣчто болѣе гармоничное, чѣмъ у рыцарства; женщина, несмотря на строго патріархальный складъ семьи, удержала за собою глубокое, не одно только внѣшнее уваженіе какъ жена и мать, что и создало ту нѣмецкую семью бюргера-патриція, которая послужила такой благодарной почвой для развитія гуманистической школы. Въ XIV-омъ вѣкѣ эта семья представляла образецъ возможнаго интеллектуальнаго равновѣсія обоихъ половъ и являлась основой экономической жизни и силы Германіи. Уже съ XIV-аго вѣка началось прогрессирующее развитіе мужского образованія и упадокъ развитія женщины, въ силу чего интеллектуальное равновѣсіе половъ постепенно нарушалось и наконецъ почти совершенно исчезло. Въ настоящее время мужчинѣ для развитія его умственныхъ способностей подготовительная школа (гимназія) предлагаетъ строго выработанную законченную систему, между тѣмъ образованіе женщины даже интеллигентнаго класса лишь за послѣднюю четверть вѣка дошло до далеко незаконченной программы (Höhere Töchterschule).

Россія въ своей исторіи не имѣетъ періода строгаго умственнаго развитія женщины и момента интеллектуальнаго равновѣсія и гармоніи половъ, вслѣдствіе чего не было и зарожденія эмпирическаго гуманизма, основаннаго на этомъ равновѣсіи. Въ Россіи, какъ въ семейной, такъ и въ государственной жизни женщина играла совершенно пассивную роль. Первый, получившій умственное развитіе, былъ мужчина, а не женщина. О мужскомъ образованіи и серіозномъ развитіи его умственной дѣеспособности у насъ начали заботиться уже съ прошлаго столѣтія, приведя все нужное въ одну систему, составлявшую законченное цѣлое для полнѣйшаго всесторонняго развитія его интеллектуальныхъ силъ. Женщины высшаго класса только во второй

половинѣ прошлаго вѣка получили первую «школу», въ видѣ женскихъ институтовъ, и лишь 25 лѣтъ тому назадъ образованіе ихъ расширено до программы женскихъ гимназій, къ которымъ иногда прибавленъ одинъ или два педагогическихъ класса.

Въ исторіи всѣхъ государствъ есть моменты, когда мудрые правители пытались установить гармонію и равновѣсіе между сословіями (крестьянствомъ, бюргерствомъ или буржуазіей, аристократіей и духовенствомъ) въ видахъ упроченія экономическаго и политическаго могущества страны. Но всѣ эти попытки оказывались тщетными и оканчивались тѣмъ, что одно какое-нибудь сословіе брало перевѣсъ надъ другими и сначала служило опорой правленію, а потомъ способствовало его паденію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабленію производительныхъ силъ страны. Безплодность подобныхъ попытокъ обусловливалась отсутствіемъ гармоніи и равновѣсія въ интеллектуальномъ развитіи половъ въ каждомъ отдѣльномъ сословіи, безъ чего не могло быть гармоніи и между сословіями. Въ послѣднія 3—4 столѣтія (въ Россіи почти 2 столѣтія) разница въ умственныхъ уровняхъ мужчины и женщины благодаря прогрессированію мужского образованія съ одной и почти полному застою женскаго съ другой стороны, все больше возрастала и привела къ той дисгармоніи въ семьѣ, которая переживается современной Европой и постепенно подтачиваетъ основы семьи и націи.

Цѣлыя столѣтія неустанно работаютъ надъ тѣмъ, чтобы дать мужчинѣ интеллигентнаго класса соотвѣтственное его соціальному положенію строго выработанное умственное развитіе, извѣстное подъ названіемъ гуманистическаго или классическаго образованія; оно состоитъ не въ одномъ преподаваніи древнихъ языковъ, но въ преподаваніи древнихъ языковъ и математики, которые взаимно пополняютъ другъ друга и составляютъ одно педагогическое цѣлое, направленное къ гармоническому развитію всѣхъ сторонъ и оттѣнковъ человѣческаго ума. Въ этой классической (гуманистической) системѣ на низшей ея ступени (т. е. въ младшихъ классахъ) задачи являются въ видѣ ариѳметическихъ примѣровъ и короткихъ фразъ, которые нужно перевести съ родного языка на древній и съ древняго на родной. Въ среднихъ классахъ гимназій умственная работа учениковъ сосредоточивается и изощряется надъ рѣшеніемъ болѣе сложныхъ математическихъ задачъ и надъ пониманіемъ, усвоеніемъ и переводомъ болѣе сложныхъ періодовъ человѣческой рѣчи; наконецъ въ высшихъ классахъ юноши

упражняютъ силу своего ума надъ разрѣшеніемъ тѣхъ проблемъ, которыя даютъ имъ съ одной стороны—стереометрія и аналитическая геометрія, а съ другой—образцовыя произведенія классической литературы. Новые языки не могутъ быть предметомъ концентраціи учебныхъ занятій уже потому, что, будучи сравнительно просты по своему грамматическому строенію, они не представляютъ достаточнаго матеріала для ежедневнаго и систематическаго изученія, для того усидчиваго труда и усерднаго напряженія наблюдательности, какія необходимы для усвоенія стройнаго и гармоничнаго организма обоихъ древнихъ языковъ. Математика является могущественнымъ орудіемъ для развитія формальныхъ логическихъ способностей человѣческаго ума, но не для анализа внутренняго содержанія человѣческой мысли, проявляющейся въ человѣческомъ словѣ. Для этой цѣли необходимо филологическое изощреніе ума, развивающее въ немъ пытливую наблюдательность, обращенную къ облеченной въ слово мысли; этого можно достичь изученіемъ именно древне-классическихъ языковъ, которые по своей полнотѣ, законченности, по способности выражать тончайшіе изгибы человѣческой мысли (*греческій языкъ*) являются поистинѣ первообразомъ всѣхъ европейскихъ языковъ.

Ясное пониманіе чужихъ мыслей и точное выраженіе своихъ—вотъ чего мы вправѣ требовать отъ всякаго интеллигентнаго индивидуума. Но эти два, повидимому, элементарныя качества даются не легко; они пріобрѣтаются лишь посредствомъ долголѣтняго внимательнаго изученія чужихъ мыслей и усерднаго упражненія въ точной передачѣ какъ чужихъ, такъ и своихъ. Безъ этого систематичнаго упражненія и изученія въ человѣкѣ развивается та легкомысленная поверхностность, которая является великимъ зломъ во всякомъ дѣлѣ и которою, къ сожалѣнію, страдаютъ всѣ женщины, такъ какъ не получаютъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ законченнаго развитія мышленія.

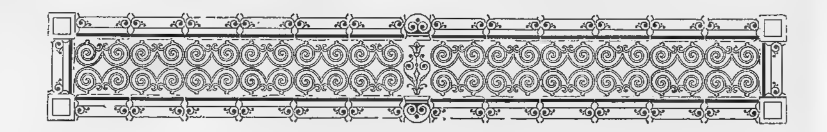
Несмотря на поучительные примѣры исторіи древней Греціи и Рима, гугенотовъ во Франціи и многихъ другихъ моментовъ изъ исторіи экономическаго и культурнаго развитія Франціи и Германіи, слова Сенеки: «*женщина есть безстыдное животное, и если не заняться много ея воспитаніемъ, я вижу въ ней только дикую тварь, неспособную сдерживать свои страсти*» [1]), а также слова Фенелона:

[1]) Эти слова еще въ большей степени могли бы относиться къ мужчинѣ, если

«женщина требуетъ болѣе серіознаго воспитанія, потому что безъ этого немыслимо истинное воспитаніе мужчины» остаются безъ вниманія, не взирая на ихъ глубокое и даже роковое значеніе для всѣхъ націй. Имѣя цѣлый рядъ историческихъ примѣровъ и предсказаній (Сенеки, Катона, Фенелона и др.) мы все-таки и понынѣ повторяемъ ту же непростительную ошибку, устремляя всѣ наши заботы на умственное развитіе мужчины и удѣляя слишкомъ ничтожное вниманіе образованію женщины; мы забываемъ, что подобное отношеніе къ дѣлу должно повести къ полному интеллектуальному разобщенію половъ и, слѣдовательно, къ распаденію семьи въ домашней и политической жизни. Во времена Катона женщины осаждали сенатъ, требуя имущественныхъ правъ; теперь же онѣ (въ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи), не имѣя должной подготовки и развитія, добиваются политическихъ правъ наравнѣ съ мужчиною. Понятно, что всякій здравомыслящій человѣкъ, которому дороги интересы націи и своей родины, долженъ, подобно Катону, сказать: *«Уступите вы этимъ требованіямъ женщинъ теперь, не исправивъ свою ошибку болѣе серіознымъ образованіемъ ея, то она, въ силу своего неразумѣнія какъ звѣрь сорвавшійся съ цѣпи, съ того момента, когда вы ее сдѣлаете полновластной, превзойдетъ васъ въ своей разнузданности, и нація окончательно потеряетъ мать будущихъ гражданъ».*

бы не заниматься серіозно его умственнымъ развитіемъ, которое одно только можетъ обуздывать въ немъ грубые инстинкты, превращающіе его въ дикаго звѣря.

Требуется ли болѣе соотвѣтственное и законченное развитіе женщины.

> Если мужчина одинъ можетъ сдвинуть камень, то вмѣстѣ съ женщиной онъ подвинетъ гору; если женщина одна можетъ создать хижину, то вмѣстѣ съ мужчиной она воздвигнетъ храмъ.

Дѣйствительное состояніе интимной жизни германскаго народа. Исторія культурнаго развитія Франціи, Германіи и Россіи указываетъ, какъ мы видѣли, что въ первыхъ двухъ странахъ, съ упадкомъ серіознаго образованія женщины и отсталости ея въ интеллектуальномъ развитіи отъ мужчины, въ передовыхъ классахъ началось разложеніе семьи, перешедшее затѣмъ и въ массу населенія, притомъ тѣмъ быстрѣе и въ тѣмъ болѣе грубой и циничной формѣ, чѣмъ неразвитѣе данный классъ и чѣмъ болѣе способствуютъ этому разложенію соціальныя условія жизни; по мѣрѣ же паденія семьи подтачивались и основы государственной жизни. Въ Россіи, выросшей сначала подъ вліяніемъ византійскаго аскетизма, а потомъ татарскаго ига, семьи въ строгомъ смыслѣ слова не было до прошлаго столѣтія, когда она начала создаваться съ эмпирическимъ развитіемъ передовыхъ классовъ; но въ то же время Россія заражалась отрицательными сторонами западной культуры, и только одновременное усвоеніе и положительныхъ ея сторонъ удержало Россію отъ полнаго разложенія семьи и государства.

Французы и русскіе ясно сознаютъ эту деморализацію, у нихъ являются выдающіеся умы, серьезно этимъ озабоченные и стремящіеся измѣнить къ лучшему такой порядокъ вещей. Ни французъ, ни рус-

скій не скрываютъ этого ни передъ самимъ собой, ни передъ чужими; они бичуютъ себя и въ литературѣ самымъ безпощаднымъ образомъ. Иначе стоитъ этотъ вопросъ въ Германіи; несмотря на ежедневное проявленіе вопіющихъ доказательствъ полнѣйшей деморализаціи всѣхъ классовъ народа, какъ въ обыденной жизни, такъ и въ судебной хроникѣ, нѣмцы почти поголовно не только увѣряютъ чужихъ, но и сами себя стараются увѣрить, что у нихъ все обстоитъ благополучно, что они—наинравственнѣйшая нація въ мірѣ, что они представляютъ собой образецъ семейнаго очага. Намъ не за чѣмъ останавливаться надъ народами, которые сами сознаютъ свой упадокъ нравственности и серіозно имъ озабочены. Но невольно заглянемъ поглубже въ интимную жизнь націи, которая не только иностранцевъ, но и самое себя старается убѣдить въ своей нравственной высотѣ и превосходствѣ надъ остальными націями, въ своемъ якобы самимъ Провидѣніемъ указываемомъ назначеніи быть разсадникомъ культуры.

Родившись въ Россіи, живя въ Петербургѣ, читая составленныя нѣмцами «Cultur Bilder» изъ жизни германскаго народа, всегда почти начинающіяся съ пристрастныхъ цитатъ Тацита и кончающіяся самовосхваленіемъ, невольно проникаешься представленіемъ о высокой нравственности нѣмецкаго народа и понынѣ. Къ тому же семейная жизнь петербургскихъ и московскихъ нѣмцевъ средняго сословія (купечества и зажиточныхъ мастеровыхъ) дѣйствительно представляетъ почтенный примѣръ нравственно-семейной жизни. Если къ этому присовокупить разницу, которую приходится видѣть въ семейной основѣ нѣмца-колониста и русскаго крестьянина на томъ же Поволжьѣ, то будетъ понятно, что высокое мнѣніе о нравственности нѣмецкой націи должно было сильно укорениться. Правда, иногда являлись диссонансы: свобода нравовъ нѣкоторыхъ нѣмцевъ, напримѣръ, артистовъ-музыкантовъ, (говорю о болѣе интеллигентныхъ) бросалась въ глаза; потомъ поражала та странность, что, по полицейской статистикѣ, главнымъ элементомъ профессіональной проституціи по всей Руси являются нѣмки. Но эти явленія я объяснялъ себѣ простою случайностью: жизнь музыканта-артиста вообще влечетъ за собой нѣкоторую отчужденность отъ семейной жизни, хотя бы жены этихъ господъ были дѣйствительно образцовыми хозяйками и матерями. Что касается проституціи, то изъ всѣхъ иностранцевъ нѣмцы и нѣмки болѣе всего наводнили Россію; являясь сюда главнымъ образомъ въ

качествѣ боннъ и т. п., молодыя дѣвушки легко могутъ пасть, а такъ какъ онѣ къ тому же не отличаются изяществомъ француженокъ, то имъ приходится падать все ниже и ниже и, наконецъ, дойти до профессіональной проституціи.

Объяснивъ себѣ такимъ образомъ эти явленія, я съ полной увѣренностью въ высокой нравственности нѣмецкаго народа, попалъ въ Германію. Изслѣдуя уже болѣе 15 лѣтъ данный вопросъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, пріобрѣтя въ Россіи извѣстный навыкъ, чутье и систему для провѣрки фактовъ и ихъ классификаціи на случайныя и болѣе сложныя, являющіеся уже мѣриломъ общаго состоянія народа, я принялся изучать интимную домашнюю и нравственную жизнь Германіи. Мнѣ пришлось, однако, жестоко разочароваться въ моемъ предвзятомъ мнѣніи о высокой нравственности нѣмцевъ: развратъ, грубая необузданность и пренебрежительное отношеніе къ женщинѣ въ домашней жизни, особенно въ военной средѣ, взглядъ на женщину, какъ на самку, экономку и кухарку составляютъ нормальное явленіе въ подавляющемъ большинствѣ бюргерства такъ же, какъ и полное отсутствіе семейной жизни особенно въ виду того, что мужъ все свободное отъ занятій время проводитъ въ пивной. Голый развратъ въ низшемъ классѣ германскаго народа, часто превосходящій своею реальною циничностью даже болѣе будто бы развратныхъ французовъ и т. п.—все это скоро убѣдило меня, что нѣмцы, когда то дѣйствительно нравственный народъ, теперь превзошли всѣхъ въ потрясеніи семейныхъ нравственныхъ основъ, этого фундамента каждой націи. Безчисленные процессы въ родѣ присужденія пастора въ одной изъ провинцій на 15 лѣтъ въ «Zuchthaus» за развратную жизнь даже съ малолѣтними (Берлинъ, 1883—84), осужденіе матери за супружеское сожительство съ роднымъ 22-хъ лѣтнимъ сыномъ, отцовъ за изнасилованіе и сожительство съ родными дочерями, дѣвочками 14, 15 и 16 лѣтъ (Берлинъ, Бреславль, Лейпцигъ); процессы о правильно организованномъ занятіи вытравленіемъ плода, въ которомъ участвовали женщины всѣхъ классовъ (Лейпцигъ 1890—91 г., Берлинъ 1891 г. и др.) и много другихъ—служатъ этому гласнымъ подтвержденіемъ, не говоря уже о многихъ фактахъ частной жизни, обнаруженныхъ мною лично.

17-го февраля 1891 г. мнѣ привелось прочитать въ Дрезденѣ въ «Literarische Verein'ѣ» рефератъ: «Die Entwickelung der socialen Stel-

lung des Weibes in Russland». По окончаніи засѣданія многіе изъ членовъ этого почтеннаго общества послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, касавшихся моего реферата, обратились ко мнѣ съ просьбой высказать откровенно мое мнѣніе о нѣмцахъ и впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ своего пребыванія въ Германіи. Я сказалъ то же, что говорю теперь и, несмотря на полную объективность выводовъ, вызвалъ въ почтенныхъ членахъ общества взрывъ негодованія—не безнравственностью ихъ націи, а тою будто бы безцеремонностью, съ которой я выразилъ свой чисто субъективный, по ихъ мнѣнію, взглядъ, основанный на вкоренившейся въ русскихъ враждѣ къ нѣмцамъ. Мои увѣренія, что я ѣхалъ сюда въ надеждѣ встрѣтить высокую нравственность вообще и высокую семейную жизнь въ частности, цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ Берлина, Бреславля, Лейпцига и другихъ городовъ, которые я приводилъ въ подтвержденіе своихъ выводовъ—не помогли. Напротивъ, главнымъ образомъ мнѣ ставилось въ укоръ, что я строилъ свои выводы на судебной хроникѣ большихъ городовъ, представляющихъ собою всегда концентрацію всякаго зла, а потому не могущихъ служить мѣриломъ народной жизни.

Ложное мнѣніе, будто большіе германскіе города являются исключеніемъ изъ общей жизни націи, распространено вездѣ, такъ что необходимо на немъ остановиться. Относительно судебной хроники оно не выдерживаетъ критики уже потому, что большинство процессовъ только разбирается въ большихъ городахъ, какъ центрахъ цѣлаго, иногда довольно обширнаго круга, между тѣмъ какъ самыя преступленія происходятъ, быть можетъ, среди сельской природы. Такъ, напримѣръ, вышеупомянутый пасторъ, присужденный Берлинскимъ судомъ къ 15 годамъ «Zuchthaus», жилъ въ провинціи, а не въ Берлинѣ; обвиняемые по лейпцигскому процессу о вытравленіи плода принадлежали ко всѣмъ слоямъ общества и состояли изъ обитателей не только Лейпцига, но даже отдаленныхъ отъ него мѣстностей и т. д. Слѣдовательно судебная хроника большихъ городовъ является отраженіемъ нравственнаго состоянія и всей націи.

Насколько городская жизнь въ особенности въ Германіи, вслѣдствіе почти повальнаго стремленія сельскаго населенія въ города, все больше сливается съ сельскою, лучше всего показываютъ цифровыя данныя о приростѣ городского населенія на счетъ сельскаго.

Въ началѣ текущаго вѣка Лондонъ насчитывалъ около 1 милл. жите-

лей, Берлинъ лишь 173,440 жителей. Съ 1861—1885 г. населеніе Германіи возросло съ 38.137,410 на 46.855,704 жителя. Къ переписи 1885 г. приростъ населенія противъ 1880 г. увеличился:

въ большихъ городахъ на		24,1%
» среднихъ	» »	21,7 »
» малыхъ	» »	16,4 »
» мелкихъ провинціальныхъ городахъ на		8,1 »

Въ мѣстечкахъ и деревняхъ шло на убыль.

1-го декабря 1890 г. числилось:			Приростъ противъ 1885 г.
въ Берлинѣ	1.574,485	жит.	19,7%
» Мюнхенѣ	345,152	»	23,1 »
» Лейпцигѣ	355,485	»	21,8 »
» Магдебургѣ	201,913	»	26,5 »

Въ городахъ съ болѣе 100,000 жителей 6.045,729 противъ 5.185,887 жителей въ 1885 г.

Въ промежутокъ народной переписи въ годахъ:	Естественный приростъ всего населенія составлялъ:	Приростъ въ городахъ составлялъ:
1861—64	8,3%	35,7%
1864—67	4,3 »	22,0 »
1867—71	6,1 »	28,0 »
1871—75	10,4 »	32,1 »
1875—80	12,6 »	25,3 »
1880—85	9,9 »	24,2 »

Эти цифры [1]) ясно доказываютъ, что, говоря о жизни націи вообще, было бы ложно ставить города въ исключительное положеніе сравнительно съ общей жизнью народа.

Стоитъ только моимъ почтеннымъ дрезденскимъ опонентамъ или вообще гордому національной нравственностью нѣмцу взять въ руки, напримѣръ, «Sachs. Arb. Zeit.» за 1889 г. или прочесть отчетъ о рефератѣ, читанномъ осенью 1889 года помѣщикомъ Dr. v. Wächter'омъ въ мѣстномъ обществѣ городка Гримма (8,000 жит.) о нравственномъ состояніи сельскаго населенія, въ которомъ считается уже за рѣдкость

[1]) Заимствованы изъ Wiener Neue Freie Presse 1891 г. 10—22 февр.

встрѣтить 17-ти лѣтнюю дѣвушку не павшей,—и они убѣдятся, что какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, настало уже полное разложеніе семейныхъ основъ и нравственныхъ началъ [1]).

Проституція какъ профессія на международномъ рынкѣ. Послѣ всего, сказаннаго о нравственномъ уровнѣ германской націи, становится понятнымъ и громадное преобладаніе нѣмокъ въ спискахъ проститутокъ въ Россіи. Это не случайно на чужой сторонѣ павшія жертвы, а такъ сказать, цеховыя ремесленницы, уже у себя дома обратившіяся къ проституціи, какъ къ единственному, обезпечивавшему ихъ ремеслу вслѣдствіе неимовѣрной конкуренціи, которую онѣ даже въ рукодѣліи встрѣчаютъ въ потайной работѣ несостоятельныхъ женщинъ высшаго бюргерскаго круга. Не находя достаточнаго спроса у себя на родинѣ, проститутки двинулись за ея предѣлы и не въ одну только Россію. Книга *W. Joest*—«Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien» знакомитъ насъ съ тѣмъ путемъ, который совершаютъ нѣмки-проститутки, идя на заработокъ.

---

[1]) Такъ, напр., въ одномъ изъ №№ „Sächs. Arb. Zeit." за 1889 г. описывается слѣдующій фактъ, случившійся въ Дрезденѣ и не составляющій исключенія. „Eine gebildete junge Dame, infolge eines Lungenleidens längere Zeit ausser Stellung, suchte nach Gesundung Stellung irgend- welcher Art; sie war Gouvernante. Es wollte sich augenblicklich nichts passendes finden, deshalb sie gesonnen war, die erste Stellung irgend welcher Art, die sich biete, anzunehmen. Sie stellte sich zunächst bei Herr... vor. Da sie mehrere Sprachen fertig spricht, hätte sie auch ankommen können, aber der Lohn von monatlich dreissig Mark (приблизительно 14 руб.) schien ihr zu gering, um damit auskommen zu können. Sie erklärte dieses Herrn...... und derselbe gab ihr zur Antwort, dass seine Mädchen meistens soviel gar nicht bekämen, sondern 15—20 Mark höchstens. Sie kämen aber alle recht gut durch, indem Jede einen *guten Freund* habe, der nachhülfe. In derselben Weise hat sich auch Herr..... ausgesprochen".

Корреспонденція изъ Гримма гласитъ: „*Grimma*. Der Rittergutsbesitzer Dr. v. Wächter auf Röcknitz hat kürzlich in einer Diözesan-Versammlung, welche hierselbst statt fand, einen Vortrag gehalten über die geschlächtliche Unsittlichkeit in unseren Landgemeinden und dabei die hiesigen Verhältnisse nicht gerade rosig geschildert. Mit grosser Offenheit erkannte der Vortragende bei dieser Gelegenheit an, dass vielfach auch die Arbeitgeber, *selbst die Verheiratheten* mit ihrem weiblichen Gesinde in sehr intimen Beziehungen stehen, deren Folge dann entweder durch Zahlung von Geld beglichen oder durch ein Verbrechen dem Auge der Welt entzogen würden. Leider dürfe man es sich nicht verhehlen, dass die Unsittlichkeit in der Langemeinde nicht allein durch Mädchen, die als Ammen in der Stadt das Gift in sich aufgenommen haben und durch Burschen, die es beim Militärdienst kennen gelernt, gross gezogen werde, sondern dass leider auch durch die *gebildeten Kreise*, durch Verwalter auf den Rittergütern und durch Offiziere bei Gelegenheit der Truppenübungen die Sittenlosigkeit auch auf das Land hinausgetragen werde. Wie Herr Dr. v. Wächter mittheilte, soll es thatsächlich *hier auf dem Lande* nur wenig Mädchen geben, die 17 Jahre alt werden, ohne gefallen zu sein". (Bebel, 154 и 155).

Изъ Гамбурга онѣ направляются въ Южную Америку, въ Ріо-де-Жанейро, гдѣ и остается нѣкоторая ихъ часть; наибольшая же слѣдуетъ въ Монтевидео и въ Буэносъ-Айресъ; небольшое количество доходитъ до Вальпорайзо. Другой путь изъ Германіи ведетъ въ Сѣверную Америку, гдѣ, не имѣя возможности конкурировать съ мѣстными проститутками, нѣмки не остаются, а спускаются по Миссисипи до Нью-Орлеана и на западъ до Калифорніи. Отсюда товаръ этотъ отправляется до Панамы; Куба, Западная Индія и Мексика получаютъ его изъ Нью-Орлеана. Другія нѣмецкія дѣвушки, посвятившія себя этой профессіи, идутъ подъ именемъ богемокъ («Böhminnen») изъ Германіи черезъ Альпы въ Италію, оттуда южнѣе—въ Александрію, Суэзъ, Бомбей, Калькутту до Сингапура, даже до Гонконга и Шангая. Голландская Индія, Японія и восточная Азія—плохіе рынки для этого живого товара, такъ какъ голландцы въ своихъ колоніяхъ не терпятъ такого рода женщинъ, а въ Японіи туземки болѣе удовлетворяютъ вкусамъ японцевъ и дешевле привозныхъ нѣмокъ; кромѣ того послѣднія встрѣчаютъ тамъ сильную конкуренцію въ лицѣ американокъ изъ Санъ-Франциско. Россія снабжается этимъ товаромъ преимущественно изъ восточной Пруссіи, Помераніи и Польши, откуда онъ сначала привозится въ Ригу, здѣсь сортируется и выбирается петербургскими и московскими комиссіонерами, а затѣмъ отправляется въ большомъ количествѣ въ Нижній-Новгородъ и черезъ Уралъ въ Ирбитъ и самую отдаленную часть Сибири. «Я встрѣтилъ нѣмку-проститутку—говоритъ *Joest*—даже въ Читѣ» (Забайкальской области).

Давъ подробную картину той сѣти, которою нѣмка-проститутка, какъ спеціалистка этого позорнаго промысла, покрываетъ всю землю, Joest обращается къ своимъ соотечественникамъ-нѣмцамъ со слѣдующими словами: «Man ereifert sich in unserm moralischen Deutschland oft über den Sklavenhandel, den irgend ein westafrikanischer Negerfürst treibt oder über die Zustände in Kuba und Brasilien und sollte sich lieber doch des Balkens im eigenen Augen erinnern, denn in keinem Lande wird mit weissen Sklavinnen in solcher Weise gehandelt, aus keinem Lande wird so viel dieser lebenden Waare exportirt, wie gerade aus Deutschland und Oesterreich... Dieser grossartige Handel ist volkommen organisirt, er wird durch Agenten und Handlungsreisende vermittelt, und wenn das Auswärtige Amt des Deutschen Reiches einmal

hierüber Berichte seiner Konsuln verlangen würde, so liesen sich recht interessante statistische Tabellen feststellen». (Bebel, 151).

Salonprostitution. Почти каждый разъ, когда въ салонахъ высшаго круга заходила рѣчь о натуралистической школѣ, мнѣ приводили «Крейцерову Сонату». гр. Толстого и какъ будто по уговору указывали на слѣдующія слова:—«Братъ Трухачевскаго, я помню, разъ на вопросъ о томъ, посѣщаетъ ли онъ публичные дома, сказалъ, что порядочный человѣкъ не станетъ ходить туда, гдѣ можно заболѣть, да и грязно и гадко, когда всегда можно найти порядочную женщину». И каждый разъ это указаніе сопровождалось стереотипной фразой: «da müssen sie doch zugeben, dass wir Deutsche euch Russen in moralischer Beziehung weit überragen». Согласиться съ этимъ я не могъ, конечно, зная слишкомъ хорошо всю тину разврата высшаго общества Германіи, но, чтобы не быть субъективнымъ и не указывать прямо на личности, приходилось отмалчиваться, пока меня не выручила въ этомъ отношеніи книга М. Ф. Змигродскаго.

Михаилъ фонъ-Змигродскій (Michael v. Zmigrodzki), аристократъ (нѣмецъ) въ своей книгѣ «Die Mutter bei den Völkern des Arischen Stammes (Eine Anthropologisch-Historische Skizze)», представляющей серіозный научный трудъ совершенно объективнаго характера, на стр. 338 и 339 говоритъ: «Es geschieht folgendermassen: die obengeschilderten socialen Umstände lassen nicht den jungen Mann in entsprechendem Alter heirathen. Der Materialismus führt ihn zu den Weibern aus dem Proletariat, die sich ihm aus Hungernoth preisgeben.—Nach Jahren heirathet er aber mit geschwächten Kräften.—Wenn er ein verständlicher Mann ist, ist noch gut, aber wenn er ein Egoist ist und in den früheren Jahren lüstern geworden ist, dann wird er seine Frau missbrauchen. Jeder Arzt wird es bezeugen, dass in solchem Falle bei dieser Frau eine nervöse Lüsternheit sich entwiekelt und sie ihrem Manne entgegen gewöhnlich eine Abneigung fasst, die manchmal bis zum Hasse steigt. Wenn nun in der Nähe ein junger Mann steht, der noch nicht heirathen kann, der die Ehekeuschheit eine Dummheit nennt und die Strassenprostitution wegen der Lustseuche fürchtet? Vergessen wir dabei nicht, dass auch jene Frau nicht grundsätzlich, sondern nur schöngeisterisch erzogen ist, bei welchem Abrichten man gewöhnlich sagt: «lerne! lerne! denn sonst wirst Du nicht in der Gesellschaft gefallen».—

Denken wir jene Frau unthätig, nur Salonleben führt... dann ist der Ehebruch nur eine Zeitfrage.

«So ist der Weg, auf welchem sich die Salonprostitution entwickelte, die schon in das Familienleben unserer Intelligenzkreisen recht tief gegriffen hat. Ja! viel tiefer, als es auf den ersten Blick zu sein scheint».

Повторяю еще разъ, это говоритъ нѣмецъ патріотъ, аристократъ до мозга костей въ серіозномъ научномъ трудѣ. Прочтите внимательно «Крейцерову сонату»—и вы увидите, что слова фонъ-Змигродскаго являются какъ бы главнымъ экстрактомъ, квинтъ-эссенціей «сонаты», и если бы только книга фонъ-Змигродскаго не вышла въ Мюнхенѣ вторымъ изданіемъ въ 1886 году, т. е. когда о «Крейцеровой сонатѣ» не было еще и помина, то можно было бы подумать, что авторъ списывалъ не съ германской интеллигенціи, а съ «Крейцеровой сонаты», только въ болѣе краткихъ словахъ и очертилъ еще болае рѣзкими штрихами, чѣмъ это сдѣлалъ гр. Толстой.

Бюргерство. Ни одно сословіе въ Германіи не кичится такъ своею нравственностью, домовитостью и семейностью, какъ бюргеръ-патриціи. На всѣ вышеприведенные доводы онъ навѣрное отвѣтилъ бы; да, это касается низшаго класса и высшаго общества, а мы, бюргерство, спасшее въ свое время Германію отъ полнаго нравственнаго разложенія, сохранивъ въ своемъ сословіи основу строго-нравственной семьи — мы и теперь составляемъ золотую средину, то здоровое ядро націи, на которомъ зиждется весь государственный строй. Да, нѣсколько вѣковъ тому назадъ это было дѣйствительно такъ, и бюргерство имѣло полное право считать корнемъ слова «Bürger» не Burg» (отъ котораго оно въ дѣйствительности происходитъ еще въ IV-омъ ст.), а «Bürgerschaft», «Bürge», такъ какъ въ то время, лѣтъ 200 и даже 100 тому назадъ, германскій бюргеръ представлялъ собою единственную поруку («Bürgerschaft») того, что нація въ этомъ сословіи сохраняетъ еще здоровое ядро. Теперь же это дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ.

Низшій классъ чувствуетъ и сознаетъ свою деморализацію, и мы видимъ въ немъ стремленіе къ устраненію вызывающихъ ее причинъ, изъ которыхъ главной и самой сильной безспорно является *нужда*; къ тому же здѣсь между обоими полами существуетъ еще нѣкоторое равновѣсіе въ интеллектуальномъ развитіи. Послѣднее замѣчается и въ высшемъ сословіи, гдѣ женщины нерѣдко получаютъ довольно хорошее, хотя поверхностно-салонное образованіе, а мужчина—военный

или дипломатъ (послѣдній въ большинствѣ случаевъ обязанъ своей карьерой не столько уму, строгому образованію или особеннымъ дипломатическимъ способностямъ, сколько вліянію и связямъ женщинъ) стоитъ не многимъ выше женщины своего круга по образованію. Такимъ образомъ особеннаго неравенства въ умственномъ развитіи не чувствуется; весь вопросъ заключается въ томъ, насколько благородная страсть къ лошадямъ, собакамъ и женщинамъ въ состояніи нарушить семейную жизнь.

Бюргерство находится въ совершенно иныхъ условіяхъ. Умственное развитіе мужчины постоянно прогрессировало, женское оставалось въ застоѣ; поэтому интеллектуальное равновѣсіе между супругами здѣсь отсутствуетъ. Нѣмецъ-бюргеръ не заботился о томъ, чтобы воспитать въ женщинѣ посредствомъ школы подходящую ему умственную силу. И теперь, собираясь жениться онъ ищетъ не подругу жизни, не хозяйку дома (eine Frau des Hauses), а хорошую ключницу (eine gute Hausfrau) и самку — ein liebes Weibchen; здѣсь это слово положительно слѣдуетъ понимать въ смыслѣ самки—у животныхъ самка тоже называется «das Weibchen». Духовная связь въ бракѣ большею частью отсутствуетъ, не говоря уже о бракахъ по расчету (Vernunfts-Heirath) или по газетнымъ публикаціямъ такого рода: «Я, здоровый, недурной наружности мужчина такихъ то лѣтъ, имѣю такое то занятіе, за неимѣніемъ дамскаго знакомства, но желая вступить въ бракъ, прибѣгаю къ этому пути (газетному объявленію); дѣвицы или вдовы приблизительно такихъ то лѣтъ и съ такимъ то капиталомъ найдутъ во мнѣ хорошаго мужа». Понятно, что здѣсь о семьѣ, о прочныхъ семейныхъ началахъ не можетъ быть и рѣчи. Мужъ, не находя дома душевнаго отдыха, идетъ въ пивную; жена, остающаяся цѣлыми вечерами дома, погрязаетъ въ своихъ бабьихъ мелочахъ, сплетняхъ и Kaffee Kränzchen въ обществѣ ей же подобныхъ.

Какъ русскій интеллигентный человѣкъ бѣжитъ отъ семьи въ большинствѣ случаевъ потому, что не находитъ въ семьѣ того, чего искалъ, такъ какъ вмѣсто спокойной домашней жизни встрѣчаетъ утомительную борьбу съ нелѣпостями, притязаніями, раздутымъ самолюбіемъ и всею «нервною дрянью» безтолково-эгоистичной натуры, такъ и о почтенномъ нѣмецкомъ бюргерѣ истина гласитъ: «gewahrt nun die Frau, dass der Mann vielleicht Ausflüchte gebrauchte, um aus dem Hause zu kommen, um sein Unterhaltungsbedürfniss zu befriedigen, das häufig höhe-

ren Anforderungen nicht entspricht, aber zu Hause nicht einmal befriedigt werden kann, so ist eine neue Ursache zu chelischen Zerwürfnissen vorhanden». (Bebel, 111).

Сѣверная Германія и портовые города, какъ Гамбургъ, Штетинъ, Любекъ и Бременъ въ данномъ случаѣ составляютъ сравнительно счастливыя исключенія; хотя публичный развратъ проявляется здѣсь быть можетъ въ еще болѣе буйной и откровенной формѣ, чѣмъ въ остальной Германіи, семейныя основы все-таки въ значительной степени менѣе подточены.

Одинъ германскій юристъ въ газетѣ «Germania» (янв. 1891 г.) жалуется на усиливающуюся въ германскомъ обществѣ деморализацію и на постепенно учащающіеся разводы. Въ Бранденбургскомъ Kammergericht'ѣ цѣлое отдѣленіе занимается исключительно бракоразводными дѣлами и буквально завалено ими. Наибольшее число разводовъ приходится на средніе и высшіе классы общества. Въ Берлинѣ 754 совершонныхъ развода въ 1884 году распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

По случаю супружеской невѣрности одной изъ сторонъ	238	разв., что	=31,57%
По случаю бѣговъ и укрывательства одного изъ супруговъ	210	» »	=27,85%
По случаю истязанія жены	36	» »	= 4,77%
По случаю грубаго оскорбленія чести	17	» »	= 2,12%
По обоюдному желанію	163	» »	=21,62%
По требованію одной изъ сторонъ	10	» »	= 1,32%
	674	или	89,25%
По случаю сумасшествія	44	» »	= 5,85%
По болѣзни	9	» »	= 1,23%
?	27	» »	= 3,68%
	80	или	10,75%

Слѣдовательно изъ 754 разводовъ 80 или 10,75% состоялось по независящимъ отъ супруговъ обстоятельствамъ, а 674 или 89,25% вслѣдствіе того, что сошедшимся на всю жизнь людямъ совмѣстная жизнь, въ силу образовавшейся между ними нравственной пропасти отъ несоотвѣтственнаго развитія женщины, сдѣлалась невыносимой.

Но далеко не всѣмъ дѣвушкамъ, даже дочерямъ почтенныхъ родителей-бюргеровъ, удается выйти замужъ; многимъ изъ нихъ это совсѣмъ не выпало на долю, замужнія же — овдовѣли или развелись, и вотъ изъ этихъ сиротъ, дѣвъ, вдовъ и разведенныхъ женъ, не имѣющихъ собственныхъ средствъ и не получившихъ подходящаго образованія для дальнѣйшей борьбы за существованіе — ибо Höhore Töchterschule этого имъ не даетъ—образуется тотъ контингентъ женщинъ, которыя, хотя и пользуются у своихъ родныхъ готовымъ помѣщеніемъ и столомъ, бросаются на рукодѣліе, т. е. на работу, по праву принадлежащую женщинамъ низшаго класса, которую послѣднія изучали какъ мастерство для своего пропитанія. Такимъ образомъ женщины высшаго класса отбиваютъ у нихъ этотъ заработокъ, продавая свои издѣлія за полъцѣны противъ ея стоимости. И это не изъ нужды, а лишь по прихоти. И у такихъ «edlen Bürgerinnen», а иногда и «edlen Fräuleinen», «gnädigen Fräuleinen» хватаетъ безстыдства или неразумія поступать въ члены ферейновъ для борьбы съ проституціей, куда онѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства вносятъ ежегодно 10 марокъ, укравъ у дѣйствительно нуждающихся женщинъ сотни марокъ въ годъ и способствуя этимъ распространенію ужаснаго промысла, къ которому прибѣгаютъ послѣднія, какъ къ единственному средству прокормить дѣтей. Могутъ ли помочь всѣ проповѣди съ церковной кафедры, всѣ ферейны для противодѣйствія разврату, пока проповѣдники не убѣдятъ благородныхъ воровъ, что они отнимаютъ насущный кусокъ хлѣба у голодныхъ и не изъ нужды, а ради того, чтобы сшить себѣ лишнее бальное платье. И дѣйствительно, дамы, какъ бы чувствуя всю безчестность своего заработка, сохраняютъ свою работу въ тайнѣ, и если кто-нибудь застанетъ ихъ за подобнымъ занятіемъ, онѣ объясняютъ, что это дѣлается для кузины, тетушки или другихъ родственниковъ.

Зимою 1885 года въ берлинскій судъ была потребована мать четырехъ дѣтей, гдѣ ей заявили, что отъ нея должны быть отняты дѣти, такъ какъ она вступила въ ряды проститутокъ. «Какъ!—воскликнула несчастная,—вы хотите отнять у меня моихъ дѣтей, вы, негодяи, сколько васъ тамъ ни есть! Да вѣдь ради дѣтей моихъ собственно я и стала проституткой, чтобы имѣть возможность прокормить ихъ и посылать въ школу, чтобы они не сдѣлались такими же, какъ я. И за это то и хотите взять ихъ у меня, вы, которые нисколько не лучше меня? Ну, такъ ужъ лучше я сама всѣмъ имъ перерѣжу горло!» Этотъ

случай произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и я сталъ слѣдить не только за подобными процессами, но и за дальнѣйшей участью матерей, у которыхъ отнимали ихъ дѣтей. Въ теченіе 1885—86 г. мнѣ удалось прослѣдить 9 совершенно однородныхъ случаевъ (4 въ Берлинѣ, 3 въ Лейпцигѣ и 2 въ Брауншвейгѣ); изъ этихъ девяти матерей въ продолженіе того же года 6 кончило самоубійствомъ, а 3 попали въ домъ умалишенныхъ. Нужно присутствовать на судѣ и видѣть этихъ женщинъ, чтобы понять, какую борьбу пришлось имъ выдержать, испытавъ всѣ возможныя средства, чтобы честнымъ ручнымъ трудомъ прокормить своихъ дѣтей, и наконецъ рѣшиться на такой поступокъ.

Одинъ нѣмецкій юристъ, разсматривая въ серіозной статьѣ женщину, какъ уголовную преступницу («Das Weib als Verbrecher». Wiener Neue Freie Presse, 1890, № 9452) говоритъ: «Наблюденія надъ женщиной, какъ уголовной преступницей, и мотивы преступленія кромѣ психологическаго имѣютъ еще громадное значеніе для жизни націи. На женщинѣ зиждется нравственное воспитаніе будущаго поколѣнія, и если уже наше время проявляетъ нравственное загрубѣніе, то причина тому кроется ни въ чемъ иномъ, какъ въ упущеніи, сдѣланномъ въ воспитаніи женщины. Необходимо въ скоромъ времени приступить къ коренному измѣненію женскаго образованія. Одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ выводовъ, который даетъ намъ по этому вопросу уголовная статистика, тотъ, что женщина всѣхъ сословій тѣмъ менѣе способна на извѣстное преступленіе, чѣмъ выше ея интеллектуальное развитіе и интеллектуальное развитіе того круга, въ которомъ она вращается. И это именно развитіе женщины мы должны имѣть въ виду какъ вопросъ, стоящій на первой очереди и неимовѣрной важности; все остальное—уже мѣры второстепенныя».

Чѣмъ является Германія для соціалдемократовъ. Кто слѣдитъ за дѣйствіями соціалдемократовъ, за ихъ главными сходками, рѣчами и проч., тотъ замѣтитъ, что соціалдемократы всего свѣта смотрятъ на Германію какъ на ту именно страну, гдѣ только и въ состояніи развиться предполагаемая сила соціализма, которая распространится по всему міру, уничтожитъ все, что будетъ противодѣйствовать новому порядку вещей. Невольно возникаетъ вопросъ, почему Германія, а не какая-нибудь другая страна представляется имъ такою благодарною почвою? На это многіе нѣмцы съ наивной гордостью отвѣчаютъ вамъ:— это очень понятно: ни одна нація не прошла такой строгой школы

дисциплины, какъ нѣмцы въ военной службѣ, а потому въ этомъ вопросѣ только въ Германіи скорѣе всего и можетъ зародиться истинная разрушительная сила соціализма.

И тутъ нѣмцы такъ увлекаются своимъ будто бы военнымъ превосходствомъ, что не видятъ истинной причины, заставляющей соціалдемократовъ возлагать такую надежду и увѣренность на Германію. Соціалдемократы обладаютъ такимъ же тонкимъ чутьемъ, какъ и іезуиты и берутъ дѣло глубже, чѣмъ внѣшняя дисциплина. Не дисциплинированность народа, а отсутствіе у него семьи и дошедшая до крайняго предѣла ненормальность положенія женщины указываетъ имъ, что нигдѣ они не найдутъ столь благодарной почвы, такъ какъ нигдѣ—ни въ Италіи, ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ Англіи — не разложилась и не упала семья до такой степени, какъ здѣсь. То, что нѣмецъ и до сихъ поръ считаетъ семьей и семейной жизнью въ дѣйствительности есть только домоводство съ ключницей во главѣ, и не воспитаніе дѣтей, а лишь — дѣтоводство. А положеніе женщины, особенно интеллигентнаго класса и бюргерства становится все ненормальнѣе, вооружая противъ нея низшіе классы, которымъ онѣ подчасъ становятся безчестными конкурентами.

Все это даетъ соціалдемократамъ полную увѣренность, что при такомъ разложеніи семейныхъ основъ (а слѣдовательно и государственнаго строя) они, обостривъ еще болѣе ненормальныя отношенія обоихъ половъ и отношенія разныхъ сословій между собою, сокрушатъ міръ и утвердятъ свое ученіе и свой порядокъ. Это подтверждаютъ лучше всего ихъ сочиненія, которыя теперь потеряли уже всякое научное значеніе, ибо пишутся почти со спеціальной цѣлью—подготовить почву для соціализма въ женщинѣ. Примѣромъ можетъ послужить намъ книга извѣстнаго нѣмецкаго соціалдемократическаго вожака Бебеля «Die Frau u. der Sozialismus» бездарная и не научная, но тѣмъ не менѣе выдержавшая въ 1891 году уже 9-ое изданіе и именно благодаря указанной цѣли — увлечь нѣмку ученіемъ соціалистовъ, что и достигнуто съ полнымъ успѣхомъ. Нѣкоторыя мѣста этой книги приводятъ нѣмокъ даже въ экстазъ, какъ, напр., стр. 128 — «Aber die Frauen werden begreifen, in wie hohem Grade sie auch bei der Gestaltung unserer militärischen und politischen Verhältnisse interessirt sind. Das sind alles Fragen, welche die Frau so viel interessiren als den Mann». Или стр. 156—«Hätten die Frauen in der Gesetzgebung ein

Wort mitzusprechen, nach dieser Richtung würde Manches anders». Стр. 174—«Aber wenn die neuen Ideen gut und vernünftig sind, wenn sie auch den Zuständen als nothwendige Konsequenz erwuchsen, werden sie an Verbreitung gewinnen und die Minorität wird schliesslich zur Majorität. So erging es allen neuen Ideen im Laufe der Geschichte und die Idee des Sozialismus, mit welcher die wirkliche und volle Emanzipation der Frau in innigster Beziehung steht, zeigt dasselbe Schauspiel». Стр. 180—«Die Frauen selbst drängen, wenn auch zunächst nur in einer Minorität und noch nicht mit volkommen klaren Zielen weiter. Sie wollen ihre Kräfte nicht blos auf dem gewerblichen und industriellen Gebiete mit jenen des Mannes messen können, sie wollen nicht blos eine freiere unabhängigere Stellung in der Familie einnehmen, sie wollen insbesondere auch ihre geistige Fähigkeiten in höheren Lebensstellungen anwenden. Die grosse Mehrzahl der Männer glaubt in allem Ernst, die Frauen müssten und würden stets geistig untergeordnet bleiben *und dieses Vorurtheil muss zerstört werden*». Стр. 198—«Die Frauen müssen, Kraft des in ihnen lebenden Naturtriebes nach Vervollkommnung den Weltkampf mit dem Manne auch auf geistigem Gebiete aufnehmen und sie haben nicht erst zu warten, bis es den Männern beliebt, ihre, der Frauen Gehirnfunctionen zu entwickeln». На стр. 347 говорится:—«Der Kampf der neuen Welt wider die alte ist entbrannt. Es treten Massen auf die Bühne, es wird mit einer Fülle von Intelligenz gekämpft, wie die Welt noch keinen Kampf gesehen, kein zweites Mal einen ähnlichen Kampf mehr sehen wird. Denn es ist der *letzte* soziale Kampf. Das 19 Jahrhundert wird schwerlich zu Ende gehen, ohne das dieser Kampf so gut wie entschieden ist».

Подобными хлесткими, звонкими, но безсмысленными фразами переполнена вся книга; но какъ капля по каплѣ точитъ камень, такъ и эти пріятно щекочущія ухо идеи дѣйствуютъ на неразвитую нѣмку, жаждущую не серіознаго образованія, а какой-то высшей эмансипаціи безъ основного фундамента, и подрываютъ основу государственнаго строя Германіи, направляя женщину на ложный путь эмансипаціи вмѣсто того, чтобы дать ей основательное образованіе. При этомъ я долженъ замѣтить, что закрытіе медицинскихъ и высшихъ курсовъ въ Петербургѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опять усилившійся наплывъ нашихъ

русскихъ студентокъ въ иностранные университеты соціалистическіе листки привѣтствовали съ особымъ удовольствіемъ.

Россія. Изъ представленной здѣсь картины дѣйствительной, домашне-интимной жизни германскаго народа, мы видимъ, что она стоитъ нисколько не выше, а быть можетъ и ниже, чѣмъ во Франціи, Россіи и другихъ странахъ; разница лишь въ томъ, что благодаря нѣкоторой близорукости нѣмцевъ, ихъ системѣ «не выносить сора изъ избы» и стушевывать свои недостатки передъ другими, а также громаднымъ затратамъ на содержаніе особой «*Sittenpolizei*», слѣдящей за тѣмъ, чтобы малѣйшее проявленіе признаковъ нравственнаго растлѣнія было подавлено, скрыто—не только чужому, но и самимъ нѣмцамъ кажется, что у нихъ все лучше, чѣмъ у другихъ. Удалите хоть на время эту «Sittenpolizei» (которая, между прочимъ, можетъ скрыть общую деморализацію отъ огласки, но не уничтожить ее, что въ состояніи сдѣлать только развитіе женщины), снимите съ глазъ нѣмца тѣ шоры, которыя онъ, какъ пугливая лошадь, себѣ надѣлъ, и пусть онъ станетъ хоть немножко откровеннѣе—и не только чужіе, но и сами нѣмцы должны будутъ сознаться въ тѣхъ страшныхъ результатахъ, до которыхъ довело Германію разрушеніе нравственныхъ семейныхъ началъ благодаря отсутствію равновѣсія въ интеллектуальномъ развитіи половъ.

Представленная мною картина дѣйствительнаго состоянія германскаго народа можетъ послужить предостереженіемъ и для насъ, русскихъ; изъ этого примѣра очевидно, кудя стремимся и мы, если своевременно не озаботимся объ укрѣпленіи нашихъ семейныхъ основъ путемъ урегулированія экономической жизни народа и болѣе цѣлесообразнаго, законченнаго развитія женщины.

Оглянувшись въ предѣлахъ нашего отечества мы увидимъ, что и теперь, при малонаселенности Россіи, когда о той дѣйствительной борьбѣ за существованіе, какая происходитъ на Западѣ, а особенно въ Германіи, у насъ и понятія не имѣютъ, въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ встрѣчается та же «Salonprostitution» отчасти изъ-за одного лишь удовлетворенія половой распущенности и болѣзненнаго чувства самолюбія, а иногда и съ корыстной цѣлью или изъ нужды. Въ нашемъ рабочемъ классѣ мы находимъ ту же поголовную проституцію изъ-за куска хлѣба не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Достаточно взглянуть на жизнь бѣжецкихъ швей, шьющихъ холщевые мѣшки. Близъ Бѣжецка (Тверской губ.) въ Ямской слободѣ

этимъ промысломъ занимаются всѣ женщины начиная съ 12-ти лѣтняго возраста, при чемъ взрослая и ловкая швея зарабатываетъ въ день отъ 20—30 коп. и то только въ извѣстное время года. На вопросъ, какъ же онѣ существуютъ, въ каждомъ домѣ получите беззастѣнчивый отвѣтъ: «да вѣдь каждая изъ насъ, молодыхъ (съ 16-ти лѣтъ) принимаетъ гостей и къ намъ много ихъ наѣзжаетъ; особенно мы любимъ принимать купчиковъ: они и платятъ лучше, и вина и разныхъ сластей много привозятъ, да и обходительнѣе нашихъ бѣжецкихъ». Иначе говоря, вся слобода, не находя себѣ достаточнаго заработка отъ своего ремесла, занимается сплошной проституціей.

Что же касается жизни нашего чиновничества, интеллигентнаго класса, салоновъ и гостиныхъ какъ великосвѣтскихъ, такъ и другихъ въ столичныхъ, университетскихъ и портовыхъ городахъ, то она слишкомъ хорошо извѣстна и такъ, чтобы на ней останавливаться; а кому неизвѣстна, тотъ можетъ съ нею познакомиться изъ «Писемъ о женщинахъ» В. Авсѣенко. Понятно, что съ обостреніемъ экономической жизни, съ усложненіемъ борьбы за существованіе подобный порядокъ вещей можетъ только прогрессировать, если своевременно не будутъ приняты мѣры для возстановленія прочной основы народной жизни.

Законченность развитія женщины низшаго класса. Въ натурѣ человѣка лежитъ свойство скорѣе замѣчать чужіе недостатки, нежели собственные, что относится не только къ частной жизни, но и къ отношеніямъ разныхъ сословій и національностей. Въ силу этого свойства человѣка и нѣмецкіе бюргеры-патриціи и патріоты обратили серіозное вниманіе на прогрессирующую деморализацію низшаго класса; они распознали, что причина этого лежитъ главнымъ образомъ въ недостаточномъ общемъ и профессіональномъ развитіи женщины, и энергично взялись за учрежденіе общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школъ для дѣвушекъ, сдѣлавъ посѣщеніе ихъ обязательнымъ до извѣстнаго возраста. Результатъ, несмотря на то, что дѣло это сравнительно еще ново, уже и теперь очевидно благопріятный. Французы взялись за поднятіе интеллектуальныхъ силъ своего народа позже нѣмцевъ, но поставили этотъ вопросъ значительно шире, обучая женщинъ большему числу ремеселъ (понятно, что каждая женщина изучаетъ какое-нибудь одно избранное ею ремесло), нежели нѣмцы, которые до сего времени и въ своихъ профессіональныхъ школахъ дальше рукодѣлія не пошли. Франція стремится къ распро-

страненію профессіональныхъ школъ по всѣмъ отраслямъ, наиболѣе подходящимъ къ женщинѣ и сообразнымъ съ ея природой, слѣдовательно дающимъ ей больше гарантіи и въ томъ, что она безъ всякихъ покровительственныхъ мѣръ естественнымъ путемъ вытѣснитъ со временемъ мужчину, въ силу большей производительности въ данномъ направленіи. Въ Германіи заслуживаютъ особаго вниманія уже упомянутые курсы домоводства для дочерей рабочаго класса. Изъ 3 и 4 главы намъ извѣстно, что въ обоихъ этихъ государствахъ (Франціи и Германіи) кромѣ низшихъ профессіональныхъ школъ, предназначенныхъ для дѣвушекъ изъ простого класса и содержащихся на общественныя средства, учреждены и все болѣе распространяются женскія профессіональныя школы и для интеллигентнаго класса, каковы, напр., коммерческая школа въ Ліонѣ, коммерческіе курсы въ Парижѣ и пр.

Къ стыду нашему ничего подобнаго у насъ нѣтъ, и въ распространеніи общеобразовательныхъ школъ для низшаго класса мы далеко отстали отъ упомянутыхъ выше странъ. Но починъ за послѣднее время уже сдѣланъ, и будемъ надѣяться, что и въ этомъ отношеніи мы сравняемся съ другими. Насколько же покуда общее, не говоря уже о профессіональномъ, образованіе дѣвочекъ стоитъ ниже, чѣмъ на Западѣ, лучше всего намъ показываетъ слѣдующая параллель, проведенная между Петербургомъ и прочими европейскими городами. По быстротѣ же роста школъ и количеству расхода на это дѣло Петербургъ занимаетъ безспорно первое мѣсто въ ряду другихъ русскихъ городовъ и земствъ; но какое мѣсто нужно ему отвести между другими европейскими городами по количеству расходовъ на школьное дѣло? Въ 1885 году въ Петербургѣ расходъ этотъ составлялъ въ среднемъ выводѣ по 47 коп. на 1 жителя, въ Вѣнѣ—3 р. 96 к., въ Берлинѣ—3 р. 57 к., въ Парижѣ—3 р. 30 к., въ Пештѣ—2 р. 18 к., въ Стокгольмѣ—1 р. 91 к., въ Копенгагенѣ—1 р. 87 к. на жителя. Такимъ образомъ расходъ городского управленія въ Петербургѣ на школы отъ 8½ до 4 разъ меньше чѣмъ въ другихъ столичныхъ городахъ. Для полноты и большей наглядности проведенной параллели необходимо еще принять въ расчетъ процентное отношеніе школьнаго бюджета къ другимъ городскимъ расходамъ. Въ Петербургѣ расходъ на школы составляетъ 5,6% по отношенію ко всѣмъ другимъ расходамъ, въ Берлинѣ—24,9%, въ Вѣнѣ—13,7%, въ Копенгагенѣ—

12,6%, въ Пештѣ—10,5%, въ Парижѣ—7,2%, въ Стокгольмѣ – 7,2%. Языкъ цифръ такъ выразумителенъ и простъ, что дальнѣйшія разсужденія совершенно излишни.

Интеллигентный классъ. Иначе обстоитъ школьный вопросъ для женщинъ интеллигентнаго класса; мало заботившись о законченности женскаго развитія въ низшемъ и среднемъ классѣ, мы уже въ 60-хъ годахъ выступили съ нашими женскими училищами, переименованными и переорганизованными въ 1870 году въ женскія гимназіи и прогимназіи. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ самостоятельно, законченнѣе и ранѣе, чѣмъ во Франціи и Германіи, вслѣдствіе чего эти учрежденія, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, все-таки значительно отличаются отъ многихъ другихъ, возникшихъ отчасти изъ подражанія, большей характерностью и бо̀льшимъ соотвѣтствіемъ съ характеромъ націи. Въ этомъ вопросѣ мы во многомъ опередили и Францію, и Германію; первую потому, что у насъ введены болѣе строгія и серіозныя требованія въ гимназіяхъ и онѣ не имѣютъ характера школы для будущихъ «дамъ», какъ это отчасти можно сказать про французскіе женскіе лицеи; вторую—несравненно полнѣйшей программой чѣмъ въ германскихъ Höheren Töchterschulen, гдѣ и теперь еще говорятъ: «ein Mädchen braucht nicht mehr zu lernen um einen Haushalt zu führen» или, другими словами, заботятся лишь о томъ, чтобы эти общеобразовательныя знанія отнюдь не переступили той границы, за которою женщина можетъ перестать быть ключницей. Во взглядѣ на расширеніе общеобразовательнаго и профессіональнаго ценза Франція сильно опередила Германію, такъ какъ интеллигентная буржуазія пришла къ сознанію, что и въ ея кругѣ только съ развитіемъ женщины можетъ быть возстановлена твердая основа семьи и парализовано разложеніе нравовъ. Такой фактъ общественнаго самосознанія привелъ къ тому, что правительство во Франціи начинаетъ затрачивать на женское образованіе бо̀льшія средства и даетъ право ожидать болѣе существеннаго успѣха для народа, чѣмъ это возможно при помощи «Sittenpolizei», которая въ «приличные» гостиныя и салоны, конечно, не заглядываетъ.

Не находя въ женскихъ лицеяхъ и вообще въ среднемъ образованіи по программѣ, установленной во Франціи закономъ 1882 года, ничего, что̀ бы мы могли заимствовать, въ силу разнороднаго характера національностей и экономическихъ условій, мы должны брать

съ французовъ примѣръ въ той энергіи, съ которой они приступили къ выработкѣ и осуществленію болѣе законченнаго развитія женщинъ интеллигентнаго класса, какъ въ общеобразовательномъ, такъ и въ профессіональномъ образованіи, убѣдившись, что могущество націи заключается не въ одной только вооруженной силѣ, а главнымъ образомъ въ интеллектуальной производительности, обусловливающей и прочную экономическую будущность націи.

Требуется-ли при воспитаніи, а слѣд. и при образованіи дѣвушки изъ интеллигентнаго класса имѣть въ виду и подготовку ея для борьбы за существованіе? Каждый, кто только не отворачивается умышленно отъ дѣйствительной жизни, оглянувшись кругомъ долженъ сознаться, что въ настоящее время дѣвушка интеллигентнаго класса все болѣе и болѣе ставится въ зависимость отъ степени своего образованія и личной способности успѣшно конкурировать съ другими въ борьбѣ за существованіе. Тѣ времена, когда громадное большинство молодыхъ дѣвицъ, получившихъ поверхностное, свѣтское воспитаніе, жили спокойно въ ожиданіи жениха, а затѣмъ ту же беззаботную жизнь продолжали уже въ качествѣ барынь, безвозвратно прошли. Вслѣдствіе поразительной неспособности русскаго мужчины-барича, такъ называемаго интеллигента, къ личной интеллектуальной производительности, при его самомнѣніи и азіатской расточительности у насъ въ обществѣ выработалась халатность, безалаберность, нерасчетливость, привычка жить на показъ. Отцы предшествовавшихъ поколѣній, въ большинствѣ случаевъ также не обладая большой производительностью, низвели свой имущественный цензъ до того минимума, при которомъ дать дѣвушкѣ обезпеченіе въ видѣ приданаго, стало весьма рѣдкимъ явленіемъ. Эта роскошь изъ высшаго класса перешла въ болѣе низшіе, которые выработали въ себѣ эту интеллектуальную производительную силу эмпирически, въ теченіе цѣлыхъ поколѣній въ суровой борьбѣ за существованіе. Въ настоящее время женщину изъ интеллигентнаго круга, не обладающую наслѣдственнымъ состояніемъ и не получившую серіознаго образованія, даже и замужество мало обезпечиваетъ, такъ какъ всегда возможна катастрофа, и она очутится даже съ дѣтьми предоставленной собственнымъ своимъ силамъ, если не захочетъ быть въ тягость другимъ и принять вспомоществованіе отъ мужниныхъ или своихъ родственниковъ и воспользоваться благосклоннымъ вниманіемъ какого-нибудь старичка-любителя.

Не имѣя точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ незамужнихъ женщинъ въ Россіи, я привожу здѣсь свѣдѣнія о томъ же въ Пруссіи, такъ какъ тамъ женщина въ этомъ отношеніи находится въ несравненно болѣе счастливомъ положеніи относительно вступленія въ бракъ, и, слѣдовательно, число незамужнихъ женщинъ ни въ какомъ случаѣ не меньше сравнительно, чѣмъ у насъ.

По народной переписи 1 декабря 1885 г. въ Пруссіи числилось:

Мужескаго пола	13.893,604 души
Женскаго пола	14.424,866 »

Изъ 14.424,866 душъ женскаго пола числилось:

Моложе 20-ти лѣтняго возраста. . . .	4.545,239 »
Старше » » »	9.879,627 »

Изъ нихъ:	замужнихъ было	4.796,510 д.	или	$48\frac{1}{2}$ %
	вдовъ и разведенныхъ . .	1.271,378 »	»	13 %
	незамужнихъ	3.811,739 »	»	$38\frac{1}{2}$ %

Если даже предположить, что изъ этихъ 5.083,117 незамужнихъ, разведенныхъ и вдовъ только 10% принадлежитъ къ интеллигентному классу, изъ которыхъ лишь половина пользуется обезпеченіемъ (взятый мною процентъ навѣрное значительно выше дѣйствительнаго числа обезпеченныхъ женщинъ), то и тогда въ Пруссіи, при 9.879,627 взрослыхъ женщинъ всѣхъ сословій, 254,155 женщинъ и дѣвушекъ интеллигентнаго класса принуждены сами заботиться о своемъ существованіи и жить своимъ трудомъ, что, никакъ не въ меньшей, а скорѣе въ большей степени относится и къ Россіи.

Если дѣвушкѣ интеллигентнаго класса одновременно съ общимъ образованіемъ, необходимымъ для подготовки въ ней качествъ достойной матери и подходящей для развитого мужчины жены, не будетъ дано соотвѣтственное профессіональное образованіе, которое обезпечило бы ей успѣхъ въ борьбѣ за существованіе, то она, въ случаѣ необходимости разсчитывать только на свой личный трудъ, принуждена будетъ жить на средства родныхъ и нерѣдко быть имъ въ тягость или же сдѣлаться содержанкой. Обладающая силой воли, здравымъ смысломъ и хорошимъ здоровьемъ, дѣвушка при подобныхъ обстоятельствахъ въ лучшемъ случаѣ снизойдетъ до труда женщинъ средняго и

низшаго класса; тогда повторится у насъ то, что теперь видимъ въ Германіи: у женщинъ низшаго сословія явится конкурентка, цѣна на работу понизится, и, за неимѣніемъ другихъ средствъ къ существованію, онѣ вынуждены будутъ обратиться къ проституціи. Результатомъ этого очевидно явится вражда низшихъ классовъ къ высшимъ, отнимающимъ у нихъ единственный честный заработокъ.

Вотъ тѣ уважительныя причины, въ силу которыхъ, заботясь о правильной постановкѣ общеобразовательной школы для дѣвушки интеллигентнаго круга, необходимо подумать и о развитіи въ ней производительныхъ силъ, чтобы, въ случаѣ надобности, она могла обезпечить себя и свою семью соотвѣтствующимъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что одно другому не только не мѣшаетъ, но взаимно пополняетъ другъ друга. Кто самъ не умѣетъ работать, тотъ и другого не только не научитъ, но даже не пріучитъ работать. Мать, у которой интеллектуальныя производительныя силы не развиты, не будетъ въ состояніи привить своимъ дѣтямъ любовь и уваженіе къ труду и серіозный взглядъ на жизнь.

Страсть къ нарядамъ. Отчего женщинамъ невыносимо равенство даже въ костюмахъ? Оттого, что въ нихъ самихъ нѣтъ всеуравнивающаго общеобразовательнаго развитія, удерживающаго отъ показныхъ эффектовъ, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать женщины ничѣмъ не одаренныя, не обладающія знаніями, дающими имъ извѣстное преимущество передъ остальными, но желающія выдѣлиться изъ общей массы имъ подобныхъ. Притомъ вкусъ женщины часто развитъ не въ сторону удовлетворенія строгому понятію эстетики, а направленъ на утонченное раздраженіе чувственности. Подобное соперничество часто принимаетъ острый, даже эпидемическій характеръ; чѣмъ равномѣрнѣе природныя данныя, тѣмъ болѣе изощряются конкурирующія въ искусственныхъ украшеніяхъ своей внѣшности и въ изысканіи средствъ для ихъ пріобрѣтенія. Состязаніе въ нарядахъ доходитъ до страсти, разоряющей самихъ женщинъ или близкихъ имъ людей, способствуетъ деморализаціи общества и упадку производительныхъ силъ народа, (какъ это было, напр., во Франціи въ эпоху, предшествовавшую революціи). Подобное соперничество женщинъ въ нарядахъ мы видимъ не только передъ мужчинами, но и другъ передъ другомъ, и это вызывается именно недостаткомъ той регулирующей основы, т. е. серіознаго направленія и потребнаго запаса знаній, которое создается только правильной постановкой женскаго образованія.

Мать и семья для подростающаго поколѣнія. Необузданная, взбалмошная любовь (или вѣрнѣе — себялюбіе) молодой матери является всегда сильнѣйшей пагубой для ребенка. Большинство матерей настоящаго а быть можетъ и будущихъ поколѣній воспитаны и воспитываются въ самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, развивающихъ въ нихъ присущія ихъ средѣ слабости, какъ-то: своеволіе, необузданность характера, себялюбіе даже въ отношеніи своего ребенка, любовь къ выѣздамъ, къ толпѣ поклонниковъ, ухаживающихъ за ней нерѣдко на глазахъ ребенка и т. п. Женщина, страстно любящая своего ребенка, ласкающая его безсмысленно, до безумія, притупляетъ въ немъ цѣну ласки и не даетъ ему чувствовать ее во всей ея благотворной силѣ. Съ другой стороны, не обладая достаточной силой воли, чтобы отрѣшиться отъ своихъ прихотей и привычекъ, она неминуемо прививаетъ ихъ ребенку, тормозя такимъ образомъ, правильное его развитіе.

Женщина въ жизни народа и для его интеллектуальныхъ производительныхъ силъ то же, что солнечный лучъ въ животной и растительной природѣ. Я сравниваю здѣсь женщину съ солнцемъ не какъ поэтъ, желающій ей польстить и облечь въ этотъ блестящій нарядъ, а какъ матеріалистъ, проводящій параллель между двумя производительными силами. Въ природѣ изобиліе животныхъ и растеній встрѣчается только тамъ, гдѣ солнце наиболѣе сильно проявляетъ свою животворящую силу; но только при извѣстномъ количествѣ солнечнаго тепла растеніе развивается нормально, крѣпнетъ и становится украшеніемъ своего рода; предоставьте не только молодое, но и совершенно развившееся растеніе дѣйствію полуденнаго зноя въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, безъ урегулированія силы тепла (въ природѣ такое урегулированіе происходитъ вечеромъ, ночью и утромъ) — и растеніе погибнетъ.

Точно такую же роль въ жизни человѣчества играетъ любовь женщины и матери: подъ вліяніемъ высокаго развитія женщины крѣпнетъ и растетъ нравственная сила и интеллектуальная производительность націи. Но сильное дѣйствіе душевной жизни женщины по отношенію къ своему ребенку и мужу можетъ быть благодѣтельно только тогда, когда оно будетъ урегулировано ея разумомъ, сообразно съ дѣйствительными потребностями жизни, чередуясь съ болѣе спокойной теплотой, какъ чередуется полуденный жаръ съ вечернимъ тепломъ и утренней прохладой. Иначе и здѣсь отъ безразсудной и необузданной люб-

ви женщины ребенокъ, какъ растенiе, погибнетъ отъ малѣйшаго холоднаго дуновенiя жизни, а мужъ постепепно утрачиваетъ свою интеллектуальную производительную силу и слабѣетъ; если же мужчина представляетъ сильную энергичную натуру, то этотъ зной сдѣлается ему невыносимымъ, и онъ начнетъ избѣгать его, искать менѣе знойнаго, но болѣе *нормальнаго* и *прочнаго* душевнаго тепла. Къ тому же и сила душевной жизни женщины имѣетъ извѣстный предѣлъ, который тѣмъ быстрѣе подходитъ, чѣмъ безразсуднѣе и сильнѣе расходуется чувство.

Итакъ, любовь женщины—матери, жены, дочери—это высшее въ человѣкѣ чувство, является могущественной силой, но для превращенiя ея въ благотворный лучъ требуется выдержка, характеръ, умѣнiе сознавать свои недостатки и бороться съ ними, а выработать все это можетъ только школа, дающая серiозное и законченное развитие женщинѣ.

Изъ исторiи культурнаго развитiя Германiи мы видѣли, что благодаря строго гуманистическому развитiю женщины въ X – XIII-омъ вв. гуманизмъ эмпирически вошелъ въ основу семейныхъ началъ, вслѣдствiе чего и созданная гуманистическая школа проникла здѣсь въ плоть и кровь народа глубже, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Впослѣдствiи вѣковое влiянiе Италiи, Францiи и Испанiи, а также совершенно разложившагося Востока пошатнуло гуманистическую основу германской семьи, и нацiя, какъ мы видѣли, поддалась деморализацiи, какъ и ея предшественники въ исторiи цивилизацiи Европы. Но, какъ въ пораженномъ язвою тѣлѣ не всѣ части подвергаются зараженiю одновременно, и болѣе отдаленныя отъ язвы остаются нѣкоторое время неповрежденными, такъ и здѣсь мы встрѣчаемъ незначительные оазисы, въ которыхъ, благодаря ихъ большей изолированности отъ растлѣвающихъ влiянiй, уцѣлѣла еще семья со строго гуманистическими началами во всемъ строѣ и направленiи этической жизни. Но въ Германiи это составляетъ во всякомъ случаѣ большую рѣдкость. Чаще можно встрѣтить такую нормальную семейную жизнь въ Англiи въ извѣстномъ классѣ и въ нашемъ Прибалтiйскомъ краѣ.

Вотъ отчего классическое образованiе такъ процвѣтаетъ въ Англiи и даетъ тамъ такiе блестящiе плоды, несмотря на то, что англичане не облегчаютъ и не ломаютъ своей учебной системы и до сихъ поръ крѣпко держатся преданiй добрыхъ дѣдовскихъ временъ, сохраняя въ

своихъ *public schools* геометрію Эвклида или латинскія и греческія версификаціи. Оттого и у насъ въ Остзейскихъ провинціяхъ при условіяхъ, одинаковыхъ со всѣми русскими гимназіями, успѣхи по древнимъ языкамъ гораздо выше и совсѣмъ не слышно жалобъ на классицизмъ. Всѣ образованные остзейцы искони проходятъ строго-классическую школу, и семья ихъ зиждется еще на старой гуманистической основѣ, прививающейся эмпирически отъ поколѣнія къ поколѣнію; оттого то и дѣтямъ своимъ они отъ колыбели внушаютъ къ этой школѣ любовь и уваженіе, а не вражду и пренебреженіе, какъ это, къ сожалѣнію, заурядъ бываетъ у насъ, русскихъ, въ громадномъ большинствѣ не имѣющихъ гуманистическихъ началъ въ семейныхъ своихъ основахъ.

Эти начала вносятся въ семью главнымъ образомъ не книжнымъ гуманизмомъ мужчины, а гуманизмомъ матери. Послѣдній можетъ выработаться въ ней или эмпирически, наслѣдственностью гуманистическихъ семейныхъ основъ, или благодаря школѣ со строго-законченнымъ гуманистическимъ образованіемъ. Прививая своему ребенку съ раннихъ лѣтъ любовь и уваженіе къ классической школѣ женщина поможетъ ему сознательно воспринять ее и преодолѣть тѣ, часто непреодолимыя затрудненія, которыя представляетъ классическое образованіе для юноши изъ семьи, основанной на антигуманистическихъ началахъ и стремленіяхъ.

Усложнившіяся условія въ борьбѣ за существованіе породили различные виды реалистическихъ и матеріалистическихъ доктринъ, преслѣдующихъ узкія утилитарныя цѣли и вытѣсняющихъ гуманистическое направленіе умственнаго развитія подростающаго поколѣнія. Вслѣдствіе этого гуманизмъ долженъ быть положенъ въ основу образованія интеллигентной женщины, чтобы онъ пустилъ глубокіе корни въ воспитаніе и не утратилъ своего высокаго назначенія въ развитіи умственной и этической жизни націи даже тогда, когда въ силу реальной борьбы за существованіе классическая школа въ образованіи мужчины уступитъ мѣсто реальной.

Все вышеприведенное даетъ ясное понятіе о томъ, чего мы должны требовать отъ образованія дѣвушки интеллигентнаго класса, чтобы имѣть право назвать его вполнѣ серіознымъ, законченнымъ и дающимъ ей такой запасъ научной подготовки, который выработалъ бы изъ нея «*женщину*», «*мать*», могущую создать «*семью*», и далъ бы возможность, въ случаѣ нужды, успѣшно конкурировать въ борьбѣ за

существованіе. Установивъ такимъ образомъ, что должно разумѣть подъ именемъ законнаго образованія интеллигентной женщины, мы естественно приходимъ къ вопросу: даютъ ли наши женскія учебныя заведенія это законченное образованіе? Не касаясь высшаго женскаго образованія, такъ какъ оно у насъ еще не сформировалось окончательно, а говоря лишь о *женскихъ гимназіяхъ* смѣло можно отвѣтить *отрицательно*. Но не потому наши гимназіи не даютъ этого законченнаго образованія, чтобы программы ихъ были несостоятельны, а потому, что онѣ имѣютъ своею задачею дать лишь общее основаніе, дальнѣйшая же обработка и пополненіе даннаго гимназіей матеріала по справедливости принадлежитъ слѣдующему за ней учебному заведенію. Повторяю еще разъ, что при самомъ строгомъ анализѣ нашихъ женскихъ гимназій нельзя не признать ихъ наиболѣе соотвѣтствующими условіямъ нашей жизни и болѣе цѣлесообразными, чѣмъ, напр., французскіе лицеи и нѣмецкія Höhere Töchterschulen, а если я выше упоминалъ объ ихъ «недостаткахъ», то это касалось исключительно нѣкоторыхъ частностей программы и преподаванія Закона Божія. На этомъ мы и остановимъ на нѣкоторое время наше вниманіе.

Женское воспитаніе съ физіологической точки зрѣнія и наши женскія гимназіи. Уже много лѣтъ всѣ выдающіеся гинекологи съ американскими во главѣ доказываютъ тотъ вредъ для организма женщины, который неизбѣженъ, если ее подвергнуть въ молодые годы такому же напряженію школьной жизни, какому подвергается мальчикъ и юноша въ томъ же возрастѣ. Американскіе гинекологи, какъ мы знаемъ изъ главы объ Америкѣ, положительно предсказываютъ, что, судя по тому вреду, который уже и теперь очевиденъ отъ одинаковаго образованія обоихъ половъ, черезъ 50, а много—черезъ 100 лѣтъ Америкѣ придется запасаться матерями въ Европѣ.

На X международномъ медицинскомъ конгрессѣ 1890 года въ Берлинѣ этотъ важный вопросъ, вызывающій такъ много толковъ вездѣ въ Европѣ, ярко освѣщенъ въ строго-научномъ докладѣ стокгольмскаго профессора Акселя Кея «О развитіи зрѣлости и отношеніяхъ ея къ болѣзненнымъ явленіямъ у школьнаго юношества». Изъ этого изслѣдованія мы видимъ, что среди 3,072 учащихся въ 35 женскихъ школахъ болѣзненность представляется ужасающей. Всѣ эти учащіяся принадлежатъ къ достаточному классу. Изъ нихъ 61% больныхъ или страдающихъ хроническими недугами, 36%—блѣдной немочью,

столько же — головными болями, по крайней мѣрѣ 10% искривленіями спины и т. д. Заслуживаетъ вниманія, что у шведскихъ дѣвочекъ состояніе здоровья сильно ухудшающагося въ послѣдній годъ до періода зрѣлости и въ началѣ его, затѣмъ едва замѣтно улучшается. По словамъ проф. Кея это объясняется системой женскаго воспитанія и организаціей женскихъ школъ по строгому образцу мужскихъ.

Половое развитіе женщины обусловливаетъ начало цѣлаго ряда періодическихъ перемѣнъ, физіологическихъ и анатомическихъ, которыя будутъ продолжаться въ теченіе всей ея половой жизни. Эти перемѣны обыкновенно устанавливаются медленно и могутъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергаться нарушеніямъ, влекущимъ за собой серіозный и часто неисправимый вредъ для организма женщины въ будущемъ; онѣ не ограничиваются специальными органами, но обнимаютъ собою весь организмъ, въ виду чего дѣвушка не можетъ безъ вреда для себя, для расы или націи подвергаться такому же умственному напряжанію какъ юноша—напряженію, при которомъ игнорируется необходимость періодическаго покоя для тѣла и ума.

Считаю нужнымъ напомнить здѣсь о томъ, что происходитъ при каждомъ менструальномъ періодѣ. Въ продолженіе почти одной недѣли изъ четырехъ совершаются характерныя отправленія, называемыя регулами, которыя сами по себѣ оказываютъ на время ослабляющее вліяніе, хотя въ здоровомъ организмѣ природа находитъ средства скоро опять возстановлять силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается замѣтное разстройство въ тазу, влекущее за собой измѣненія въ вѣсѣ, формѣ и положеніи матки. Сверхъ того, при этомъ происходятъ нѣкоторыя перемѣны въ тканяхъ, не вполнѣ еще извѣстныя, но оканчивающіяся отслаиваніемъ внутреней маточной оболочки—словомъ мы встрѣчаемъ здѣсь нѣчто въ родѣ выкидыша. Эти измѣненія сопровождаются въ большинствѣ случаевъ болью или непріятными ощущеніями, которыя считались бы симптомами болѣзни, если бы не происходили періодически и не составляли физіологическаго явленія. Отъ всякаго рода напряженія эти симптомы ожесточаются и мѣшаютъ сосредоточенію ума на какомъ-либо предметѣ. У молодыхъ дѣвушекъ, *лѣтъ отъ 13 до 18, они усиливаются отъ малѣйшихъ причинъ, при чемъ можетъ также произойти остановка регулъ. Всякое такое ожесточеніе симптомовъ или прекращеніе регулъ, будучи запущено, можетъ сдѣлаться хроническимъ и повести къ многочисленнымъ болѣзнямъ.*

Если мы обратимся къ головѣ, къ физiологiи мозга и его дѣятельности при умственномъ развитiи человѣка (безъ различiя половъ), то увидимъ, что прiобрѣтенныя нами знанiя оставляютъ въ мозгу свои слѣды и служатъ основанiемъ активной психической дѣятельности. Чѣмъ болѣе сохраняется прежнихъ слѣдовъ, тѣмъ обдуманнѣе, основательнѣе будутъ произвольныя дѣйствiя—и наоборотъ. Казалось бы поэтому, что чѣмъ болѣе знанiй у кого-либо, тѣмъ разумнѣе будетъ его произвольная дѣятельность. Но въ дѣйствительности рѣдко бываетъ такъ, если знанiя прiобрѣтены въ большомъ количествѣ еще въ юности до полнаго развитiя самого мозга. Только немногiя высокоодаренныя натуры способны при обилiи знанiй сохранить самостоятельность своихъ сужденiй и дѣйствiй; большинство же будетъ повторять лишь чужiя мнѣнiя и казаться умными до тѣхъ поръ, пока они дѣйствуютъ по книгѣ. Къ величайшему сожалѣнiю въ нашей интеллигенцiи встрѣчается не мало такихъ многознающихъ личностей, не способныхъ къ самостоятельному мышленiю.

Такое странное, съ перваго взгляда, явленiе находитъ себѣ физiологическое объясненiе въ томъ, что сосудистыя мышцы мозга, подобно всякимъ мышцамъ, утомляются не только вслѣдствiе работы, но и вслѣдствiе частаго возбужденiя. Прiобрѣтенiе знанiй сопряжено съ возбужденiемъ воспринимающаго отдѣла психическихъ центровъ; отсюда возбужденiе передается и на сосудистыя мышцы активнаго отдѣла, которыя отъ частаго возбужденiя утомляются, что, конечно, неблагопрiятно отражается и на самомъ развитiи активнаго отдѣла, такъ что послѣднiй остается у нихъ не вполнѣ развитымъ. *Во всякомъ случаѣ въ юности не должно обременять множествомъ знанiй: недостатокъ послѣднихъ можетъ быть пополненъ впослѣдствiи, но задержанное развитiе мозга не можетъ быть исправлено вполнѣ, такъ какъ въ послѣдующiе годы питанiе совершается съ меньшей энергiей, чѣмъ въ болѣе молодые.*

Если ко всему сказанному добавить ту громадную роль, какую у каждой прилежной и добросовѣстной ученицы играютъ неразлучныя по большей части съ усердной школьной работой ощущенiя: какъ то волненiе, страхъ, ожиданiе, которыя даже взрослаго человѣка изнуряютъ болѣе, чѣмъ всякая физическая и умственная работа, а тѣмъ болѣе разрушительно влiяютъ на организмъ дѣвочки начиная съ 13 г., то тѣ требованiя, которымъ должна отвѣчать правильная постановка

*

женскаго образованія съ физіологической точки зрѣнія, ясно вытекаютъ сами собой.

Хотя Ученый Комитетъ при составленіи программы и объема предметовъ и старался по внѣшности приравнять ихъ по возможности къ программѣ мужскихъ реальныхъ училищъ, однако въ объемѣ проходимыхъ предметовъ считался съ природою женскаго организма. Вслѣдствіе этого женская гимназія, однородная по внѣшней программѣ съ мужскими реальными училищами, по дѣйствительному объему положительныхъ знаній значительно уступаетъ имъ, какъ это въ интересахъ здоровья учащихся и должно быть. Но этимъ учащіяся еще не гарантированы отъ вреднаго вліянія неудачнаго распредѣленія предметовъ по классамъ и въ особенности—ежегодныхъ переводныхъ экзаменовъ. Распредѣленіе предметовъ нельзя признать удачнымъ, такъ какъ исторія и естествовѣдѣніе впервые вводятся въ программу съ IV кл., т. е. какъ разъ съ 13—14-ти лѣтняго возраста, слѣдовательно передъ самымъ вступленіемъ въ періодъ зрѣлости; между тѣмъ оба предмета требуютъ для своего воспринятія усиленной умственной дѣятельности. Нельзя не признать, что съ физіологической точки зрѣнія правильнѣе было бы оба эти предмета начать уже съ VII класса въ 10—11-ти лѣтнемъ возрастѣ учащихся, подготовивъ такимъ образомъ умственную дѣятельность дѣвочки и облегчивъ ей этимъ работу въ послѣдующіе годы, а взамѣнъ этого исключить въ младшихъ трехъ классахъ (VII—IV) второй иностранный языкъ (нѣмецкій) и ввести его съ IV класса, такъ какъ начальное изученіе языка болѣе механическая работа.

Второе зло нашихъ женскихъ гимназій—это ежегодные переводные экзамены; вслѣдствіе переживаемыхъ въ это время волненій, вредно отзывающихся на организмѣ молодыхъ дѣвушекъ, особенно съ 13-ти лѣтняго возраста, они заслуживаютъ самаго строгаго порицанія тѣмъ болѣе, что при правильной постановкѣ школьнаго дѣла каждый учитель-педагогъ безъ всякаго экзамена въ состояніи съ точностью опредѣлить дѣйствительный успѣхъ каждой ученицы по ея балламъ и ея правоспособность къ переводу въ другой классъ. Правильнѣе всего съ физіологической точки зрѣнія — переводить изъ класса въ классъ до старшаго всѣхъ обязательно и только самымъ слабымъ, если директоръ сочтетъ нужнымъ, совѣтовать остаться еще на годъ въ классѣ; остальнымъ же съ извѣстнаго возраста предо-

ставить лично переговорить съ директоромъ гимназіи и рѣшить, перейти ли въ слѣдующій классъ или остаться еще въ томъ же. По той же причинѣ экзамены для перевода въ слѣдующій классъ, въ видѣ репетиціи пройденнаго въ предшествовавшемъ, должны быть допускаемы лишь осенью, т. е. тотчасъ послѣ лѣтнихъ каникулъ. При такомъ распредѣленіи переводныхъ испытаній подготовка къ нимъ въ каникулярное время не сопряжена съ обязательными занятіями въ менструальное время и съ тѣми тревогами и волненіями, которыя неизбѣжны при подготовкѣ къ экзаменамъ въ сравнительно короткій срокъ. Кромѣ того, такая организація была бы правильнѣе и въ томъ отношеніи, что давала бы учителю мѣрило интеллектуальныхъ силъ новаго класса. Вотъ все, что можно возразить противъ нашихъ гимназій съ физіологической точки зрѣнія.

Законъ Божій. Въ объяснительной запискѣ къ программѣ, при указаніи на двоякую цѣль преподаванія Закона Божія, сказано: «Первая изъ нихъ заключается въ ознакомленіи учениц съ догматическою и историческою стороною религіи, а вторая, *наиболѣе важная*, въ развитіи нравственно-религіознаго чувства». Относительно послѣдняго Ученый Комитетъ въ той же объяснительной запискѣ говоритъ: «Что касается второй цѣли, заключающейся въ развитіи нравственно-религіознаго чувства, то она, конечно, одними уроками, какъ бы они ни были удовлетворительны въ педагогическомъ отношеніи, достигнута быть не можетъ. *Для этого нужны не уроки, а живое дѣйствіе на нравственную природу дѣтей*, и въ этомъ отношеніи бесѣда или даже одно теплое слово законоучителя можетъ иногда сдѣлать болѣе, чѣмъ самое подробное богословское объясненіе того или другого факта изъ исторіи или догматики. Указывать, какъ слѣдуетъ вести эти бесѣды, Ученый Комитетъ не считаетъ возможнымъ (это дѣло личности); но желая, чтобы ученицы пользовались возможно часто такими бесѣдами, онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать обязательнымъ въ трехъ старшихъ классахъ чтеніе и изъясненіе Евангелія, помимо тѣхъ занятій, которыя составляютъ содержаніе курса каждаго класса въ отдѣльности.

«Не говоря уже о томъ, что это занятіе даетъ ученицамъ возможность полнѣе усвоить тѣ истины, которыми долженъ жить каждый христіанинъ, оно для законоучителя, конечно, послужитъ ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ для христіанскаго воспитанія его слушательницъ».

Трудно дать болѣе ясное опредѣленіе и лучше выразить всю важность назначенія законоученія, чѣмъ это сдѣлано въ словахъ Ученаго Комитета. Дѣйствительно, что можетъ быть необходимѣе развитія нравственно-религіознаго чувства въ дѣвушкѣ, будущей матери, отъ степени котораго зависитъ дать достойныхъ честныхъ гражданъ государству или наоборотъ. А между тѣмъ каковы наши законоучители? О. Ремезовъ, поучающій съ церковной каѳедры, что: «свой праздникъ мы, православные христіане, начали молитвой, служеніемъ Богу, а закончили *служеніемъ діаволу*, закончили невиданнымъ еще въ Одессѣ зрѣлищемъ—*состязаніемъ на велосипедахъ*, устроенномъ городскимъ общественнымъ управленіемъ» [1]), и ему подобные не составляютъ исключенія. Сколько въ этомъ, казалось бы, незначительномъ каламбурѣ пастыря Архангело-Михайловской церкви въ Одессѣ и законоучителя элемента, дѣйствующаго разлагающимъ образомъ на нравственно-религіозное чувство дѣвушки! Ни одинъ ребенокъ изъ маломальски интеллигентной семьи, конечно, не согласится съ тѣмъ, что его братъ или отецъ, нерѣдко катающійся на велосипедѣ по совѣту врача для укрѣпленія разстроеннаго здоровья, занимается «служеніемъ діаволу», и выведетъ не лестное для пастыря и роняющее его авторитетъ мнѣніе. При такихъ условіяхъ законоученіе является силой, не вкореняющей нравственно-религіозное чувство, а скорѣе его подрывающей.

Прислушайтесь къ разговорамъ дѣвочекъ при выходѣ изъ школы послѣ урока Закона Божія, и васъ невольно поразитъ то, въ большинствѣ случаевъ, неуваженія именно къ личности законоучителя, которое менѣе всего желательно. Было бы несправедливо винить въ этомъ домашнюю обстановку дѣтей: по большей части причиною является полное отсутствіе основательнаго филологическаго образованія въ священникѣ, дѣлающее его неспособнымъ къ той роли опытнаго педагога съ основательною филологическою подготовкою, которую онъ долженъ играть больше, чѣмъ какой-либо другой учитель; только серіозно образованный законоучитель можетъ принести ожидаемую пользу, а не вредъ, внушить сознательную вѣру, а не безвѣріе.

---

[1]) Это взято дословно изъ поученія Св. Архангела-Михаила церкви о. Ремезова, которое онъ произнесъ въ церкви 26 авг. 1890 г. по поводу празднованія дня основанія Одессы и которое было напечатано въ „Одесскомъ Листкѣ“ (28—31 авг.) и перепечатано др. газетами.

Слишкомъ важенъ этотъ предметъ въ образованіи будущей матери-гражданки, чтобы не позаботиться о правильной постановкѣ законоученія въ гимназіяхъ путемъ строгаго образованія и филолого-педагогической подготовки богослововъ. Мать, не чтящая Закона Божія, не въ состояніи привить своему ребенку уваженіе и къ закону гражданскому и законодателю.

Университетское образованіе женщины. Временное прекращеніе доступа женщинъ къ высшему образованію въ Россіи вызвало вновь движеніе русскихъ женщинъ въ заграничные университеты. Въ началѣ января 1890 г. (1—10 янв.) въ мюнхенскихъ «Neuesten Nachrichten» была помѣщена чрезвычайно дѣльная статья о громадномъ наплывѣ ихъ въ швейцарскіе и парижскій университеты: въ ней строго разбираются типы нашихъ студентокъ, которыя въ общемъ представляются элементомъ, заслуживающимъ полнаго уваженія тѣмъ болѣе, что имъ приходится бороться со всякими бѣдствіями и лишеніями. Статья заканчивается слѣдующими словами: «Manche von diesen vorträfflichen jungen Mädchen gehen in der Fremde zu Grunde. Namentlich ist Paris verhängnissvoll für sie. Abgesehen von der Verführung, der wohl nur wenige unterliegen, ist es hauptsächlich die Winterkälte, welche zahlreiche Opfer fordert. Es klingt seltsam, dass alle Russen im Auslande, und speciell in Paris, sich über die Kälte beklagen. Aber wer die Heizeinrichtungen und die Schutzmittel gegen Kälte in Russland kennt, der findet diese Klagen gerechtfertig... Ist es auch für viele junge Russinnen von grossem Nutzen, im Auslande zu studiren, so darf man doch nicht übersehen, dass namentlich die Unbemittelten durch den Aufenthalt in der Fremde grosse Opfer bringen und dass nur die Unmöglichkeit, sich in der Heimath genügende Kenntnisse zu erwerben, diese Jugend zwingt, in die Fremde zu ziehen. Russland müsste unbedingt Sorge tragen, dass diese Nothwendigkeit beseitigt wird. Aber man hält es für nützlicher, die Zahl der Studirenden im eigenen Lande zu beschränken, obschon der Mangel an intelligenten Kräften, namentlich auf dem Lande, sich überall empfindlich geltend macht... Die Furcht vor der nihilistischen Propaganda ist grösser, als die Überzeugung von der Nothwendigkeit der Förderung solcher aufopferungsfähigen Kräfte und deshalb zieht es die russische Regierung vor, die Ausbildung der weiblicher Jugend im eigenen Lande zu erschweren. Daher müssen so viele russische Mädchen, die ihrem Lande nützen wollen, trotz aller Entbehrungen und Leiden, die

ihnen dort bevorstehen, in die Fremde ziehen, um sich diejenigen Kenntnisse zu erwerben, die ihnen ihre Heimath nicht bieten kann—nich bieten will».

Статья эта вслѣдствіе своего строгаго характера и полнаго отсутствія всякаго пристрастія и сенсаціоннаго пошиба, представляя лишь серіозное изслѣдованіе положенія нашихъ русскихъ студентокъ въ заграничныхъ университетахъ, произвела сильное впечатлѣніе; не было ни одного соціалдемократическаго органа, который не воспользовался бы ею въ свою пользу. Но вотъ выписка изъ благонамѣреннаго органа, «Sächsische, Mitteldeutsche u. Oberlausitzer Arbeits-Zeitung»; въ приложеніи «Nach der Arbeit» № 2 приводятся выдержки изъ упомянутой мюнхенской статьи, которымъ предшествуетъ слѣдующее введеніе: «Eine der bemerkenwertesten Erscheinungen im russischen Gesellschaftsleben der letzten Jahre ist der wieder auffallend stark entwickelte Drang der weiblichen Jugend nach wissenschaftlichen Ausbildung. Man würde sehr irren, wenn man diesen Bestrebungen, wie es so häufig geschieht, unlautere Beweggründe oder staatsfeindliche Neigungen unterlegen wollte. Im Gegentheil, die meisten dieser jungen Mädchen, welche sich in Frankreich und der Schweiz zu den Universitäten drängen, sind von den lautesten Absichten erfüllt; sie wollen durch Erlangung von Kenntnissen nur ihren Gesichtskreis erweitern, ihre Unabhängigkeit erringen und ihrem Lande und Volke nach besten Kräften nützen».

Ясно, что движеніе прогресса въ жизни націи сильнѣе всякихъ препятствій. Какъ рѣка при естественномъ своемъ теченіи и разумномъ приложеніи его силы оказываетъ благотворное вліяніе на орошаемую мѣстность и приводитъ въ движеніе мельничное колесо, а при неумѣломъ пользованіи ею прорываетъ искусственныя преграды и становится разрушительнымъ потокомъ, такъ и избытокъ молодыхъ силъ, не находя у себя дома разумнаго урегулированія при помощи правильнаго законченнаго образованія пробиваетъ себѣ путь сначала въ видѣ тонкой струи, а потомъ, быть можетъ, и—разрушительнаго потока.

Это—далеко не маловажное обстоятельство для государства. Покойный министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой неоднократно высказывался противъ высшаго женскаго образованія, но въ 1878 году, во всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу учрежденія Высшихъ женскихъ курсовъ призналъ «учрежденіе ихъ въ нѣкото-

рыхъ университетскихъ городахъ полезнымъ и необходимымъ, дабы прекратить наплывъ русскихъ женщинъ въ заграничные университеты, давъ имъ возможность получить высшее образованіе въ предѣлахъ Россіи». Дѣйствительно, съ открытіемъ Высшихъ женскихъ курсовъ этотъ наплывъ сократился до минимума; съ послѣдовавшимъ же спустя нѣсколько лѣтъ закрытіемъ Высшихъ и Медицинскихъ курсовъ — усилился вновь.

Поэтому нельзя не привѣтствовать съ особенною радостью снова входящее въ силу высшее женское образованіе, которымъ государство обезпечиваетъ себѣ какъ умственную и нравственную, такъ и экономическую и политическую будущность.

Значеніе университетскаго образованія для женщины и націи. Всякое университетское образованіе, проходится ли оно для пріобрѣтенія болѣе дѣйствительнаго орудія для борьбы за существованіе или же съ цѣлью дать себѣ самому бо̀льшую полноту жизни или, наконецъ, съ чисто научными цѣлями — является не общимъ, а высшимъ профессіональнымъ образованіемъ, въ которомъ никакое различіе половъ допускаемо быть не должно. Слѣдовательно у женщины отъ всякаго университетскаго образованія въ значительной степени увеличится запасъ спеціальныхъ прикладныхъ и теоретическихъ знаній. Однако окончивъ университетъ она не станетъ ближе къ дѣйствительной жизни и не пріобрѣтетъ большей способности быть достойной матерью, если предшествовавшая школа не дала ей необходимой для этого подготовки. Напротивъ того, женщина, не достигшая этой общеобразовательной законченности и умственной зрѣлости, благодаря университетскому образованію еще больше оторвется отъ дѣйствительной жизни, и хотя нація пріобрѣтетъ въ ней университетски профессіонально образованную единицу, за то потеряетъ достойную мать и основу семьи въ глубокомъ значеніи этого слова. Наоборотъ, получивъ законченное подготовительное образованіе, женщина вынесетъ лишь пользу отъ четырехъ или пяти лѣтъ университетскаго образованія и займетъ почетное мѣсто въ семьѣ и государствѣ, какъ хорошая мать и достойная уваженія гражданка.

До настоящаго времени сильно распространено ложное мнѣніе, будто всякое высшее образованіе, будь оно пріобрѣтено въ университетѣ или частнымъ образомъ, уничтожаетъ въ женщинѣ женственность, лишаетъ ее способности быть хорошей женой и матерью и

что женщины не способны воспринять въ той мѣрѣ и такъ широко высшія науки, какъ мужчины. Въ первомъ случаѣ ссылаются обыкновенно на частные случаи и литературные типы «*синяго чулка*»; во второмъ—въ особенности врачи, видящіе въ женщинѣ серіознаго конкурента—указываютъ, напр., на то, что, при одинаковой, а иногда и большей, чѣмъ у мужчинъ практикѣ, по извѣстнымъ симптомамъ болѣзни женщины-врачи допускали одинъ или два вида возможной болѣзни, а мужчины—одну изъ четырехъ, при чемъ оказывался правымъ, по большей части, мужчина; подобный же недостатокъ обобщенія замѣчался и по другимъ отраслямъ знанія. Не отрицая справедливости этихъ фактовъ, какъ и того, что «синіе чулки» встрѣчаются, къ сожалѣнію, не рѣдко, слѣдуетъ искать причину не въ особенностяхъ женской природы, а въ подготовительномъ образованіи женщинъ.

Какъ уже было сказано, университетское образованіе само по себѣ даетъ только запасъ высшихъ знаній, умѣнье же примѣнить ихъ въ жизни и воспользоваться ими въ болѣе или менѣе широкой степени, въ значительной мѣрѣ и даже преимущественно зависитъ отъ общеобразовательной подготовки человѣка къ университету; и вотъ, если мы проведемъ параллель между нашимъ мужскимъ классическимъ образованіемъ (только такое предназначено давать матеріалъ для университета) и гимназическимъ образованіемъ женщины, то будетъ ясно, гдѣ кроется причина всѣхъ этихъ фактовъ, такъ настойчиво и безцеремонно приписываемыхъ лишь неспособности женскаго ума къ воспріятію наукъ такъ широко, какъ это въ состояніи *иной* мужчина. Въ то время, какъ мужское предварительное образованіе состоитъ изъ строго обдуманной, основательно выработанной системы классическаго образованія, располагающей такими могучими, спеціально для расширенія умозрѣнія и развитія самостоятельности мышленія предназначенными рычагами, какъ два древнихъ классическихъ языка и математика,—въ женскихъ гимназіяхъ это отсутствуетъ и впослѣдствіи не дополняется. А если женщина, желая поступить въ университетъ, и займется короткое время изученіемъ латинскаго языка и дополнительной математикой, то это дѣла не улучшитъ, такъ какъ эти предметы проходятся по необходимости, кое какъ, а не преподавались систематично въ видахъ развитія и изощренія умственныхъ способностей.

Женщина, получившая полное законченное предварительное обра-

зованіе и затѣмъ пройдя университетскій курсъ, получаетъ для націи двойное значеніе. Во-первыхъ, она представляетъ самостоятельную личность, которая въ случаѣ нужды, не спускаясь въ сферу низшихъ заработковъ и не вступая, такимъ образомъ, въ конкуренцію съ женщинами низшихъ классовъ, всегда найдетъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Второе значеніе—чисто нравственное и чрезвычайно важное—состоитъ въ томъ, что родомъ заработка женщины сравнительно съ мужскимъ въ одномъ и томъ же классѣ общества устанавливаются и отношенія мужчины къ женщинѣ, степень уваженія къ ея полу.

Стоитъ только прослѣдить семейныя отношенія крестьянъ различныхъ губерній при разныхъ занятіяхъ обоихъ половъ, и намъ не трудно будетъ убѣдиться въ справедливости этого положенія. Такъ, напр., во Владимірской губерніи главный заработокъ крестьянъ составляютъ отхожіе промыслы (ткацкія, прядильныя и ситценабивныя фабрики), слѣдовательно работа легкая, ручная; баба же, оставаясь дома, пашетъ, обрабатываетъ поле и ведетъ хозяйство, т. е. выполняетъ работу несравненно болѣе тяжелую чѣмъ мужчина. И мы видимъ, что отношенія мужчины къ женщинѣ, какъ въ обыденной жизни, такъ и по обычному праву гораздо грубѣе и унизительнѣе для послѣдней, чѣмъ у крестьянъ-землекоповъ Смоленской губерніи, въ которой мужъ уходитъ на заработокъ по граборскимъ (землекопнымъ) работамъ, болѣе изнурительнымъ и тяжелымъ, чѣмъ хозяйственныя, и здѣсь лежащія на женщинѣ. Такое явленіе мнѣ приходилось наблюдать при моихъ изслѣдованіяхъ не только въ Россіи и между низшими классами, но и въ другихъ странахъ и слояхъ общества. *Чтобы женщина пользовалась должнымъ уваженіемъ въ народѣ, чѣмъ измѣряется и его собственная нравственная сила, она во всѣхъ классахъ общества по интеллектуальной своей производительности не должна стоять ниже мужчины*; только тогда и мыслимо прочное равновѣсіе между обоими полами.

Дополнительные курсы для женщинъ на аттестат зрѣлости. Какъ мы уже знаемъ, женская гимназія, по объему даваемыхъ знаній, уступаетъ мужской настолько, что въ *умственномъ развитіи* и знаніяхъ, необходимыхъ для успѣшнаго усвоенія университетскаго курса, въ ея программѣ существуетъ пробѣлъ именно въ отсутствіи законченной системы умственнаго развитія. Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы про-

грамму женскихъ гимназій по объему знаній сравнять съ мужскими, эта была бы слишкомъ пагубная мѣра, хотя до мысли о ней дошли многіе въ Австріи, Италіи и отчасти въ Германіи. Припомнивъ примѣръ, который даетъ намъ Америка, слова американскихъ гинекологовъ и докладъ профессора Кея, а также все вышесказанное относительно женскаго образованія съ физіологической точки зрѣнія, мы поймемъ, что подобное уравненіе невозможно, если только мы не пожелаемъ собственными руками подорвать основу, на которой зиждется вся будущность націи, отнявъ у нея здоровую и способную къ производительному труду мать и гражданку. Сама жизнь показываетъ намъ, что нѣтъ такого искусства или науки, которыя бы женщина не была въ состояніи усвоить, если только предварительное общеобразовательное ея развитіе закончено безъ ущерба для ея здоровья. Но для достиженія послѣдняго немыслимо дѣвушку до 17—18-ти лѣтняго возраста обременять большимъ объемомъ знаній; это должно быть дополнено позже, составляя, такимъ образомъ, одну законченную систему умственнаго развитія женщины.

Помимо ущерба для здоровья женская гимназія не можетъ дать законченнаго общеобразовательнаго развитія еще и потому, что 16—17-ти лѣтней дѣвушкѣ невозможно преподать многаго, уже доступнаго въ 18 — 20 лѣтъ при соотвѣтствующей предварительной подготовкѣ.

Для примѣра возьмемъ хотя бы литературу. Мужчина читаетъ романы или вообще беллетристическія произведенія для отдыха, при чемъ они имѣютъ для него и извѣстное воспитательное значеніе, не оказывая, однако, существеннаго вліянія на дальнѣйшіе его поступки. Между тѣмъ женщина не только въ значительной мѣрѣ воспитываетъ на нихъ себя, но нерѣдко и своихъ дѣтей, безсознательно передавая имъ многое изъ того, что произвело на нее большее впечатлѣніе; здѣсь каждое чтеніе воспринимается совсѣмъ иначе и потому требуетъ болѣе серіозной подготовки, чтобы оно не послужило во вредъ. Но понятно, что разъяснять даже самой благоразумной дѣвушкѣ въ 16—17 лѣтъ значеніе реалистической школы, съ цѣлью предохранить ее отъ пагубнаго вліянія на незрѣлый умъ этого направленія въ литературѣ, не рѣшится въ гимназіи ни одинъ педагогъ; между тѣмъ въ 18—20-ти лѣтнемъ возрастѣ это уже возможно. То же самое относится и къ педагогикѣ; и здѣсь приходится въ гимназіи умалчивать обо

многомъ, между тѣмъ недостатокъ знаній по физіологіи человѣка нерѣдко имѣетъ роковое значеніе для женщины, какъ въ личномъ самовоспитаніи, такъ и въ воспитаніи дѣтей. Ясно, что окончившая гимназію дѣвушка не можетъ, по незаконченности своего умственнаго развитія, считаться зрѣлой для вступленія въ жизнь, какъ женщина и будущая мать.

Итакъ, повторяю еще разъ: дѣйствующая нынѣ женская гимназія при всей правильности ея постановки не даетъ и не можетъ дать дѣвушкѣ интеллигентнаго класса вполнѣ законченнаго развитія ни для вступленія въ жизнь, ни для дальнѣйшаго университетскаго образованія. Строгій анализъ того недочета въ программѣ, который требуется пополнить для того, чтобы не только на одной бумагѣ въ видѣ диплома, но и въ дѣйствительной жизни дать право на полную зрѣлость въ общеобразовательномъ развитіи, приводитъ къ заключенію, что для этого потребуется еще цѣлый трехлѣтній курсъ, приведенный въ строгую систему и составляющій одно законченное цѣлое. Существующія въ настоящее время при нѣкоторыхъ гимназіяхъ дополнительные спеціальные педагогическіе классы не соотвѣтствуютъ вышеозначенной цѣли.

Многіе быть можетъ возразятъ, что не за чѣмъ учреждать отдѣльные трехгодичные курсы, когда проще въ 7-ми класснымъ гимназіямъ добавить еще 3 старшихъ класса. Но въ данномъ случаѣ приходится считаться съ дѣйствительной жизнью и съ сложившимися условіями, дабы школа имѣла успѣхъ и благотворно вліяла на дальнѣйшее развитіе націи. Въ виду этого съ педагогической точки зрѣнія лучше, если гимназическое образованіе будетъ заканчиваться какъ и теперь, а дополнительные три года ученія проходились бы уже взрослою дѣвушкою не подъ впечатлѣніемъ классной школьной скамьи и гимназическаго «урока», а при полномъ сознаніи, что она съ этой школьной скамьи перешла фактически въ школу, вводящую ее въ дѣйствительную жизнь; что это уже не та школа, въ которой учится и ея 9—10-ти лѣтняя сестра и пр., а курсы на аттестатъ зрѣлости уже какъ женщины; что здѣсь не уроки съ заданной на завтра работой, а «лекціи», читаемыя профессорами и выдающимися филологами. Кстати и послѣднимъ придется поработать надъ этими лекціями гораздо болѣе, чѣмъ надъ университетскими. Вотъ эта то разница—наглядно внушитъ дѣвушкѣ, что ей предстоитъ серіозное дѣло, требующее отъ нея

самаго строгаго къ нему отношенія, при которомъ только и мыслимо достичь хорошихъ результатовъ.

Но при настоящихъ условіяхъ жизни далеко не каждая натура воспріимчива къ гуманистической школѣ; часто сама жизненная обстановка, въ которой дѣвочка выросла, вырабатываетъ въ ней то реалистическое направленіе, которое впослѣдствіи и гуманистическая школа не въ силахъ изгладить и скорѣе можетъ послужить во вредъ, чѣмъ въ пользу субъекта. Это обстоятельство заставляетъ дополнительные курсы на аттестатъ зрѣлости раздѣлить на два отдѣленія: на классическое и на реальное. Въ послѣднемъ реальныя науки должны замѣнить, въ смыслѣ расширенія умственнаго кругозора и подготовки ума къ самостоятельности мышленія, классическую часть. Вдаваться въ подробную разработку программы и объема преподаваемыхъ предметовъ на подобныхъ дополнительныхъ курсахъ — здѣсь не мѣсто; нижеприведенныя двѣ таблицы отчасти могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, что я понимаю подъ этими курсами.

Дополнительные классическіе курсы.

Всѣ предметы обязательны.	Число часовъ въ недѣлю. I курсъ.	II курсъ.	III курсъ.	Всего.
1) Законъ Божій	1	1	1	3
2) Миѳологія	2	—	—	2
3) Этика и ученіе о нравственности	—	1	2	3
4) Ученіе о государственномъ строѣ, государственномъ правѣ, и законодательствѣ	—	—	2	2
5) Исторія народовѣдѣнія и географія	3	2	2	7
6) Народное хозяйство и статистика	—	—	2	2
7) Естествовѣдѣніе	2	2	2	6
8) Физіологія (лекторъ женщина-врачъ, долженъ быть опытнымъ и знающимъ лекторомъ)	2	—	—	2
9) Психологія	—	2	—	2
10) Педагогика	2	1	1	4
11) Гигіена взрослаго человѣка и ребенка (лекторъ — та же женщина-врачъ)	—	2	1	3
12) Гимнастика	2	2	2	6
13) Мамематика	2	3	2	7
14) Латинскій языкъ	6	6	6	18
15) Греческій языкъ	4	4	2	10
16) Французскій языкъ	2	2	2	6
17) Англійскій или нѣмецкій языкъ	2	2	2	6

Всѣ предметы обязательны.	Число часовъ въ недѣлю. I курсъ.	II курсъ.	III курсъ.	Всего.
18) Классическая литература и искусство. .	2	2	3	7
19) Новая литература, включая натуралистическую школу.	2	2	2	6
20) Русская словесность	2	2	2	6
Всѣхъ часовъ .	36	36	36	108

Программа женскаго коммерческаго училища реальнаго отдѣленія.

Всѣ предметы обязательны.	Число часовъ въ недѣлю I клас.	II клас.	III клас.	Всего.	Въ обоихъ спеціальныхъ классахъ С.-Петерб. коммерч. училища.	Петровскаго коммерческ. училища.
1) Законъ Божій	1	1	1	3	3	2
2) Физика и Химія	3	2	1	6	5	7
3) Физіологія и гигіена . . .	1	1	1	3		
4) Психологія	2	—	—	2		
5) Педагогика	1	1	—	2		
6) Этика и ученіе о нравствен.	—	—	1	1 } 19		
7) Литература классическая и искусство	2	1	—	3		
8) Литература новая, натуралистической школы	—	1	1	2		
9) Гимнастика	2	2	2	6		
Языки:						
10) Русскій	2	2	2	6	5	4
11) Французскій или нѣмецкій .	4	4	4	12 } 30	6 } 17	6 } 16
12) Англійскій	4	4	4	12	6	6
Предметы спеціальные:						
13) Исторія: общая, культуры и торговли.	2	2	3	7	—	5
14) Географія: общая, математ., коммерческ. и статистика. .	2	3	2	7	3	7
15) Политическая экономія. . .	—	2	2	4	3	4
16) Законовѣд. и торговое право	2	3	2	7	7	4
17) Товаровѣдѣніе	—	2	2	4 } 46	5 } 30	5 } 29
18) Коммерческое вычисленіе. .	2	2	2	6	4	4
19) Бухгалтерія	1	2	2	5	5	
20) Торговая корреспонденція .	1	1	2	4	3	—
21) Технологія	—	—	2	2	—	—
22) Чистописаніе	2	—	—	2	—	—
23) Рисованіе	2	—	—	2		—
Всѣхъ часовъ . .	36	36	36	108		

Предлагаемая мною программа трехгодичнаго курса реальнаго отдѣленія, если только она во всѣхъ своихъ частяхъ будетъ проведена строго выдержанно профессорами, взявшимися за дѣло не изъ-за одного лишь высокаго лекторскаго гонорара, а людьми всецѣло посвятившими себя этому серіозному дѣлу, поставившими себѣ задачей— доказать результатами дѣйствительную правоспособность его, имѣетъ несравненно большее образовательное значеніе для достиженія зрѣлаго развитія женщины, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Кромѣ всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ приведенной программы, большое общеобразовательное значеніе пріобрѣтаетъ, помимо исторіи общей и культуры, исторія развитія торговли и промышленности, которыя при разумной ихъ постановкѣ, являются той же исторіей культурнаго развитія народа и развитія мірового хозяйства; то же относится и къ коммерческой географіи и политической экономіи при правильной ихъ разработкѣ. Въ то же время, если программа выполняется какъ слѣдуетъ, со строгимъ пониманіемъ и проведеніемъ ея основного значенія, роль коммерческаго вычисленія, бухгалтеріи и торговой корреспонденціи въ значительной степени аналогична здѣсь съ ролью математики при классическомъ образованіи, способствуя, кромѣ того, и отчетности въ своихъ дѣйствіяхъ въ жизни. Между тѣмъ правильно поставленная политическая экономія, законовѣдѣніе и торговое право въ значительной степени вырабатываютъ болѣе логичную основу и послѣдовательность не только во взглядахъ, но и на практикѣ въ самой жизни, не говоря уже о предпріятіяхъ.

Можетъ зародиться мысль: разъ мы говоримъ о коммерческомъ образованіи женщины, то не является-ли соединеніе этой спеціальной цѣли съ цѣлью общеобразовательной тѣмъ тормазомъ, изъ-за котораго дѣвушка должна затратить еще цѣлыхъ 3 года, тогда какъ, взявъ лишь спеціальные предметы и языки, можно было бы сократить курсъ обученія всего до $1^1/_2$ лѣтъ. На это существуетъ лишь одинъ отвѣтъ.

Никакія сокращенія въ программѣ не должны быть допускаемы, разъ мы желаемъ изъ дѣвушки интеллигентнаго круга выработать вполнѣ жизнеспособную величину, равную величинѣ, вырабатываемой мужскими коммерческими училищами при правильной ихъ постановкѣ, величину самостоятельную, не теряющую своего общественнаго положенія, и не хотимъ впасть относительно женскаго коммерческаго образованія въ ту ошибку, какая явно замѣтна въ Германіи и во

Франціи. Женскіе коммерческіе курсы съ программами на $1^1/_2$ и даже на 1 годъ оказываютъ самое растлѣвающее вліяніе на дѣвушку интеллигентнаго класса, соблазняя ее краткимъ срокомъ ученія для достиженія кажущагося солиднаго заработка, но въ дѣйствительности давая лишь самый скудный запасъ спеціальныхъ свѣдѣній, недостаточныхъ для развитія въ ней конкурентно-способности, безъ всякаго воспитательнаго значенія, столь важнаго для расширенія кругозора и для выработки правильности дѣйствій и въ дѣловой жизни. Это заставляетъ несчастныхъ дѣвушекъ, сначала по профессіи—простыхъ приказчицъ, вращаться на болѣе низкихъ ступеняхъ соціальнаго положенія, получая жалованія не болѣе 40—60 франковъ въ мѣсяцъ съ прямымъ расчетомъ, что остальное, необходимое для скромнаго даже существованія, долженъ пополнить ея «bon ami»; а затѣмъ, не вынося этого, не соотвѣтствующаго всей ея предыдущей жизни, положенія, искать себѣ средства для болѣе обезпеченной жизни болѣе выгоднымъ, но безчестнымъ путемъ, конкурируя подпольно съ профессіональными проститутками.

Внимательно всматривающійся въ предлагаемую мною программу трехгодичнаго курса реальнаго отдѣленія можетъ обратиться съ вопросомъ: почему же для женскаго коммерческаго образованія необходимо спеціальныхъ три года, тогда какъ въ нашихъ мужскихъ коммерческихъ училищахъ только два годичныхъ спеціальныхъ класса? почему я для женщинъ ставлю за этотъ періодъ 46 часовъ спеціальныхъ предметовъ въ недѣлю, тогда какъ въ мужскихъ коммерческихъ училищахъ довольствуются 29—30 часами въ недѣлю?

Сравнивая постановку этого дѣла у нашихъ западныхъ соперниковъ съ постановкой нашихъ мужскихъ коммерческихъ училищъ, я не могу признать послѣднюю правильной и отвѣчающей требованіямъ, считая необходимымъ увеличить сумму преподаваемыхъ спеціальныхъ предметовъ и расширить ихъ преподаваніе до 3-хъ лѣтъ, начиная уже съ V класса.

Но даже признавъ теперешнюю постановку нашего мужского коммерческаго образованія правильной, мы должны считаться съ той мелочностью, которая прививается дѣвушкѣ съ ранняго возраста дома и затѣмъ въ общественной жизни, мелочностью, вошедшей часто въ плоть и кровь, ставшей второй натурой женщины. Въ виду этого, желая выработать изъ дѣвушки вполнѣ зрѣлое существо для жизни и профессіониста

не поверхностнаго пошиба, а вполнѣ подготовленнаго конкурировать съ мужчиной въ борьбѣ за существованіе, не теряя притомъ въ ней женщину и не понижая ея соціальнаго положенія, предложенная программа является тѣмъ предѣломъ количества общеобразовательныхъ и спеціальныхъ знаній, ниже котораго мы опуститься не можемъ, не вызывая тѣхъ же отрицательныхъ послѣдствій, какія выразились въ дѣятельности частныхъ женскихъ коммерческихъ курсовъ во Франціи и Германіи.

Какъ при гуманитарномъ развитіи человѣка въ классической гимназіи основу составляетъ преподаваніе древнихъ языковъ и математики, взаимно другъ друга дополняющихъ, образуя одно педагогическое цѣлое, направленное къ гармоническому развитію всѣхъ сторонъ и оттѣнковъ человѣческаго ума, такъ при реальномъ развитіи въ основу можетъ лечь коммерческое образованіе съ естествознаніемъ, капитально разработанной исторіей (общей, культуры и торговли) и политической экономіей.

Въ классической гимназіи эта педагогическая цѣльность достигается только при строгой постепенности, и только тогда классическая система оправдываетъ свое назначеніе. Лишь тотъ, кто прошелъ этотъ строго логическій путь, будетъ достаточно развитымъ и гуманитарно подготовленнымъ. Человѣкъ, который въ возможно краткій срокъ, въ какіе нибудь $1-1^1/_2$ года наскоро обучился древнимъ языкамъ, наглотался классиковъ и математическихъ формулъ и сдалъ экзаменъ, не будетъ на одномъ уровнѣ съ первымъ. Разница между ними громадная: первый — развитой человѣкъ, второй — лишь субъектъ, нахватавшійся верховъ.

То же самое относится и къ реальному образованію съ коммерческой основой. Дѣвушка съ коммерческимъ образованіемъ можетъ быть признана вполнѣ зрѣлой жизнеспособной единицей только тогда, когда ей вложена коммерческая основа совмѣстно съ естествознаніемъ въ видѣ законченнаго педагогическаго цѣлаго со строгой постепенностью. Тогда только мы будемъ имѣть дѣло съ матеріаломъ, представляющимъ собою удобовоспріимчивую и плодородную почву для усвоенія самой жизни и дѣла.

Значеніе греческаго языка. Изъ програм. класс. дополн. курсовъ ясно вытекаетъ то значеніе, которое долженъ имѣть греческій языкъ. Включеніе его въ программу дополнительныхъ курсовъ необходимо не изъ желанія соперничать съ мужскими гимназіями, а единственно по-

тому, что безъ процесса изученія греческаго языка не можетъ быть достигнуто то полное умственное развитіе женщины, не имѣя котораго она является чѣмъ-то въ родѣ мотылька, порхающаго въ области науки съ одного яркаго цвѣтка на другой, блистая передъ зрителями въ ясные солнечные дни и безслѣдно исчезая или же, смотря по породѣ, становясь несносно навязчивымъ въ пасмурные дни, а не тою полезною пчелкою, которая въ ясные дни собираетъ медъ, а въ пасмурные трудится въ ульѣ.

Къ сказанному въ «Краткомъ обзорѣ» о значеніи греческаго языка въ умственномъ развитіи человѣка добавимъ еще, что творенія древнихъ эллиновъ отличаются въ одно и то же время какъ высшею красотою, такъ и изумительно ясной простотой, а потому они болѣе, чѣмъ творенія какихъ-либо другихъ народовъ, имѣютъ всѣ необходимыя данныя для эстетическаго воспитанія молодыхъ умовъ, давая какъ вполнѣ доступные ихъ пониманію, такъ и вполнѣ законченные въ своемъ совершенствѣ образцы изящнаго. По этимъ образцамъ мы знакомимся съ незыблемыми законами художественнаго творчества; они даютъ на всю жизнь единственно вѣрное мѣрило для критической оцѣнки художественныхъ и литературныхъ произведеній всѣхъ другихъ временъ и народовъ.

Латинскій языкъ. Латинскій языкъ включается какъ предметъ необязательный съ цѣлью дать возможность его изученія желающимъ посвятить себя высшему образованію, такъ какъ есть факультеты, гдѣ безъ знанія его нельзя обойтись. Если въ женскихъ гимназіяхъ преподаваніе французскаго языка поставлено правильно, то онъ, какъ происшедшій изъ латинскаго, значительно облегчитъ изученіе послѣдняго. Въ три года, при шести часахъ въ недѣлю и при разумномъ преподаваніи, латинскій языкъ можетъ быть усвоенъ вполнѣ основательно, такъ что при дальнѣйшемъ университетскомъ образованіи въ этомъ отношеніи не можетъ ощущаться пробѣла.

Педагогика въ гимназіи. На первый взглядъ можетъ показаться излишнимъ преподаваніе педагогики въ старшемъ классѣ гимназіи, когда она такъ обстоятельно будетъ проходиться потомъ на дополнительныхъ курсахъ. Оно и въ дѣйствительности такъ, тѣмъ болѣе, что педагогика, которую можно пройти въ теченіе одного года съ 16—17-ти лѣтней дѣвушкой безъ надлежащаго понятія о физіологіи человѣка и психологіи, съ педагогикой дополнительныхъ курсовъ ничего

общаго не имѣетъ. Тѣмъ не менѣе она необходима въ гимназической программѣ, такъ какъ не всѣ оканчивающія гимназію въ состояніи будутъ продолжать свое образованіе на дополнительныхъ курсахъ. Строго говоря, при правильной постановкѣ этого дѣла, если бы проектируемые здѣсь курсы осуществились, ограниченіе образованія однимъ гимназическимъ курсомъ должно бы считаться явленіемъ ненормальнымъ. Для неимѣющихъ возможности (по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ) дотянуть до аттестата зрѣлости (на дополнительныхъ курсахъ) существуютъ прогимназіи и будутъ существовать соотвѣтствующія имъ профессіональныя школы, заканчивающія образованіе такихъ дѣвушекъ.

Окончившія дополнительные курсы помимо аттестата зрѣлости достигаютъ еще извѣстной профессіональной законченности (какъ это показываютъ обѣ таблицы). Классическій отдѣлъ кромѣ законченнаго *общеобразовательнаго развитія* посвятившимъ себя литературѣ, живописи, музыкѣ и пр. даетъ и полное законченное образованіе на званіе учительницы съ правами равными правамъ учителя, получившаго образованіе въ семинаріи перваго разряда. Отдѣлъ реальный даетъ законченное образованіе на высшіе должности: бухгалтера, корреспондента и учительницы по реальнымъ и спеціально коммерческимъ наукамъ.

Значеніе женскихъ дополнительныхъ курсовъ на аттестатъ зрѣлости для живописи, литературы и музыки. Мужчина, поглощенный борьбой за существованіе, въ громадномъ большинствѣ привыкъ смотрѣть на женщину лишь какъ на орудіе для наслажденія, не признавая за нею общечеловѣческихъ стремленій и тѣхъ заслугъ въ сферѣ интеллектуальной дѣятельности, какихъ она и теперь успѣваетъ достигнуть, а видя лишь тѣ стороны, которыя способствуютъ возбужденію и удовлетворенію его деспотически - животныхъ инстинктовъ. Изъ дѣйствительной жизни онъ перенесъ такой, оскорбляющій человѣческое достоинство женщины, взглядъ въ литературу и живопись. Развращенный чуть не со школьной скамьи мужчина берется за перо или кисть съ намѣреніемъ создать нѣчто художественное и высокое, но на дѣлѣ, подъ вліяніемъ, въ добавокъ, моднаго натуралистическаго направленія въ искусствѣ и жажды къ наживѣ, поддѣлываясь подъ вкусы публики, сводитъ эти благія намѣренія къ повторенію разныхъ «Саффо» Додэ или «Нана» Золя въ болѣе опошленномъ и грязномъ

видѣ и съ отсутствіемъ выдающагося могучаго таланта этихъ классиковъ натуралистической школы. Въ живописи, вмѣсто Венеры Тиціана и тому подобныхъ твореній, изображающихъ тѣ идеальныя формы и тотъ колоритъ, которые только и могутъ дать отдыхъ зрѣнію нормальнаго, не развращеннаго человѣка, а черезъ то—и мозговой дѣятельности и всей нервной системѣ, поднимая его духовныя силы—художникъ даетъ нѣчто, превосходящее даже «Nana» Сухоровскаго, въ видѣ парижанки въ той позѣ, съ той наглой зазывающей улыбкой и колоритомъ тѣла, который возбуждаетъ чувственность мужчины, начиная со сластолюбивыхъ старичковъ и кончая юношествомъ. На человѣка, уцѣлѣвшаго отъ всеобщей заразы, именуемой натуралистическимъ направленіемъ и реализмомъ, подобное произведеніе окажетъ непріятное отталкивающее впечатлѣніе и вмѣсто отдыха вызоветъ возмущеніе и утомленіе всей нервной системы и умственной дѣятельности. Такимъ образомъ, современное искусство лишь содѣйствуетъ, въ большинствѣ случаевъ ослабленію умственной и душевной энергіи, а слѣдовательно и интеллектуальныхъ производительныхъ силъ націи и растравляетъ уже образовавшуюся язву нравственнаго упадка въ молодомъ поколѣніи.

Подъ предлогомъ натурализма мы низвели живопись до того, что иногда трудно рѣшить, гдѣ кончается она и начинается порнографическое искусство. Для примѣра укажу на картину Генриха Піотковскаго «Драма въ гостиницѣ», которая была выставлена весною 1890 года въ Варшавѣ.

При въѣздѣ въ городъ невольно бросались въ глаза расклеенныя объявленія о выставкѣ картины Піотковскаго въ Европейской гостиницѣ. Остановившись въ этой гостиницѣ, заглянулъ я и на выставку. Народу было много, и всѣ толпились въ одномъ углу передъ «сенсаціоннымъ» произведеніемъ Піотковскаго. Картина изображаетъ грязный, темный номеръ провинціальной гостиницы; на постели полулежитъ барынька, раздѣтая до корсета; около нея стоитъ оборотившись къ двери юноша съ идіотскимъ, трусливымъ выраженіемъ лица, у дверей, тоже въ комнатѣ, мужъ барыньки прицѣливается револьверомъ въ юношу; содержатель гостиницы и коридорный отводятъ вооруженную руку, за этой групой съ любопытными лицами толпятся: горничная, корридорный и другіе зрители.

Я ушелъ съ выставки подъ тяжелымъ удручающимъ впечатлѣніемъ,

не зная точно, что подѣйствовало непріятнѣе: внесеніе ли въ живопись этой вонючей грязи, съ которой мы освоились до того, что не замѣчаемъ ея ужаса, или же эта толпа приличной на видъ публики, которая осаждала картину, высказывая одобрительныя реализму и вѣрности изображенія мнѣнія. Убѣдившись въ послѣднемъ, я рѣшилъ зайти на выставку въ день, назначенный для избранной публики. Но, увы, несмотря на то, что это было уже 6 недѣль спустя послѣ перваго моего посѣщенія, прочія картины оставались безъ вниманія, и всѣ по-прежнему толпились передъ «Драмой въ гостиницѣ», дѣлая невозможныя замѣчанія, доказывавшія, что зрителей интересуетъ въ картинѣ не живопись, а тенденція скабрезнаго пошиба. Гадко было видѣть передъ этой картиной старичковъ и золотую молодежь, разсматривающихъ сальную сцену съ полураздѣтой барынькой со свойственной имъ въ подобныхъ случаяхъ улыбкой. Больно было видѣть здѣсь подростающее поколѣніе нашей интеллигенціи, юношей (гимназистовъ старшихъ классовъ) и дѣвушекъ даже моложе 16-ти лѣтняго возраста съ ихъ гувернантками, которыя какъ наемницы забывали довѣренныхъ имъ дѣтей и видимо отдавались личнымъ ощущеніямъ, соотвѣтствующимъ сюжету картины. Если я остановился такъ долго на этомъ случаѣ, то именно потому, что онъ представляетъ въ настоящее время не исключеніе, а заурядное явленіе въ нашей живописи, не исключая даже и талантливыхъ художниковъ. Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о возрожденіи живописи, если только женщина не внесетъ и здѣсь своего нравственнаго вліянія и не дастъ толчокъ къ болѣе строгому направленію живописи.

Натуралистическая школа—прямая противоположность искуственно измышленной фантастической школѣ, являющейся плодомъ человѣческой фантазіи, соединенной съ даромъ изображенія. Въ живописи и вообще въ искусствѣ натуралистическою, въ строгомъ смыслѣ этого слова, школою слѣдуетъ признать ту, которая стремится быть вѣрной природѣ и копировать непосредственно творенія природы безъ всякихъ прикрасъ и измышленій. И безспорно, много разумнѣе изображать на полотнѣ непосредственно твореніе Божіе, чѣмъ творенія Гёте, Шиллера, Пушкина и т. п. Списывать отъ кого-либо изъ этихъ геніальныхъ людей—значитъ списывать уже съ измѣненной копіи, а не съ оригинала, и несравненно менѣе благодарно, чѣмъ съ творенія самого Господа. Только и единственно въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать

натуралистическую школу, а не въ смыслѣ приравниванія живописи къ порнографическому искусству или обращенія въ новую форму обличеній самыхъ грязныхъ сторонъ человѣческой жизни. Живопись, какъ и музыка лишь до тѣхъ поръ оправдываетъ свое назначеніе, пока она развиваетъ этическую сторону человѣка, дѣйствуетъ на его духовную природу. Съ момента, когда живопись и музыка теряютъ это значеніе, онѣ начинаютъ дѣйствовать обратно, притупляя этику и возбуждая чувственно-физіологическую сторону человѣка, а тѣмъ самымъ способствуютъ деморализаціи народа.

У насъ до послѣдняго времени женщина интеллигентнаго круга занималась живописью почти исключительно какъ диллетантъ; стараясь и здѣсь подражать мужчинѣ, она перешла на такъ называемую натуралистическую почву (въ смыслѣ ложно-реальнаго направленія), копируя въ Академіи Художествъ преимущественно Неровскіе и имъ подобные оригиналы. Вся провинція завалена ихъ снимками, что принесло немалый вредъ распространенію правильныхъ эстетическихъ занятій и требованій отъ живописи. Кромѣ того, очень часто все занятіе живописью, музыкой и проч. искусствами сводится къ легкомысленной забавѣ, кажущейся по своему характеру невинной, но, на самомъ дѣлѣ, имѣющей то глубоко пагубное (безнравственное въ воспитательномъ отношеніи) значеніе, что въ тѣхъ натурахъ, въ которыхъ былъ въ корнѣ зародышъ серіознаго пониманія и дара истиннаго искусства, онъ заглохъ или, что еще хуже, исказился, превратившись въ милое средство для удовлетворенія мишурнаго самолюбія, отнявъ, такимъ образомъ, большую производительную силу въ живописи, музыкѣ и проч. Если женщина по природнымъ дарованіямъ стремилась къ серіозному направленію въ искусствѣ, она не имѣла возможности дать то, что дала бы, получивъ до профессіональнаго болѣе полное и законченное общее образованіе, которое развило бы въ ней сознательное отношеніе къ искусству и его пониманіе. Такимъ образомъ не мало молодыхъ талантовъ, искавшихъ болѣе серіознаго примѣненія своихъ силъ, мы сами искусственно и самымъ уродливымъ образомъ направили на медицинскіе и прочіе высшіе женскіе курсы благодаря тому, что не создано по всѣмъ ступенямъ женскаго образованія ни одной законченной системы. Вслѣдствіе этого и женщина у насъ, подражая мужчинѣ и слѣдуя реалистическому вѣянію болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, вдалась въ

упорное и крайне нелогичное отрицанiе изящнаго въ жизни, отвернулась отъ эстетики и, не побывавъ еще въ храмѣ искусства, побѣжала въ анатомическiй театръ. [1]).

Все, сказанное о примѣненiи женскихъ силъ въ живописи всецѣло относится и къ музыкѣ. Лучшiй примѣръ этого даетъ намъ сама жизнь. Какая масса женщинъ по окончанiи гимназiи отдается музыкѣ не только ради заработка, но и изъ любви къ ней, для наполненiя жизни; число женщинъ, занимающихся музыкой и преданныхъ ей, гораздо больше чѣмъ мужчинъ, а между тѣмъ, какъ мало между ними серiозныхъ любительницъ и знатоковъ музыки въ сравненiи съ мужчинами. Прослѣдите строже этотъ вопросъ, и вы поневолѣ придете къ заключенiю, что это зависитъ не отъ природы женщины, какъ это думаютъ многiе, а единственно и всецѣло отъ того, что мужчина уже системой классическаго воспитанiя вводится въ болѣе строгое и истинное пониманiе эстетики, чего женщина изъ своей гимназiи не выноситъ; оттого и отношенiя ея къ музыкѣ, несмотря на болѣе воспрiимчивую натуру, остается болѣе поверхностнымъ, болѣе чувственнымъ и менѣе серiознымъ, чѣмъ у мужчины. Не даромъ же Солонъ, этотъ мудрый законодатель и педагогъ древности, считалъ музыку дополненiемъ духовнаго образованiя мужчины лишь послѣ законченнаго умственнаго его развитiя. Никакими одиночными лекцiями въ консерваторiи, какъ въ высшемъ профессiональномъ музыкальномъ заведенiи, нельзя выработать въ женщинѣ эту основательность въ музыкѣ, если предварительно не подготовить ее къ нимъ полной и законченной общеобразовательной системой развитiя, какъ это для даннаго случая представляетъ классическое отдѣленiе вышеупомянутыхъ дополнительныхъ курсовъ на аттестатъ зрѣлости.

---

[1]) Раздраживъ женщину ложнымъ и неполнымъ образованiемъ и сознавъ всю неправильность постановки вопроса, мы закрыли не только медицинскiе, но и другiе высшiе женскiе курсы, не создавъ ничего болѣе цѣлесообразнаго взамѣнъ, что вызвало возбужденiе и негодованiе среди женщинъ, серiозно стремящихся къ основательному образованiю. Въ такомъ состоянiи возбужденiя и ожиданiя находится у насъ масса молодыхъ силъ, окончившихъ средне-учебныя заведенiя, оторванныхъ отъ патрiархальности семьи и выброшенныхъ, такимъ образомъ, въ жизнь безъ всякой солидной и законченной умственной подготовки, которая одна только можетъ снова возвратить ихъ семьѣ и выработать интеллектуальную производительную силу, чтобы дать обществу конкурентоспособныхъ членовъ. Понятно, что подобная новая крупная ошибка въ этомъ направленiи дастъ опять сильно отрицательный результатъ въ ущербъ цѣлому поколѣнiю нацiи.

Беллетристическая литература въ рукахъ мужчины все болѣе и болѣе превращается въ ремесло съ болѣе или менѣе цѣнной научной или тенденціозной подкладкой. Такое вырожденіе беллетристики и поэзіи находитъ теперь не мало защитниковъ, указывающихъ, что иначе и не должно быть, что это и есть прогрессъ литературы, что она изъ чего то отвлеченнаго стала жизненной, создавъ и для себя натуралистическую школу, которая и пробиваетъ себѣ дорогу какъ въ романахъ, такъ и въ поэзіи. Это ложь. Изъ устъ многихъ это—ложь безсознательная, а у многихъ—вполнѣ сознательная, имѣющая цѣлью матеріальную выгоду. Каждый разумный человѣкъ долженъ порицать всякую неестественность, фальшь, оторванность отъ дѣйствительной жизни въ литературѣ, какъ въ беллетристикѣ, такъ и въ поэзіи, и привѣтствовать всякій шагъ въ пользу реальнаго въ ней направленія—реальнаго въ томъ смыслѣ, какъ мною высказано выше по поводу живописи, а не въ смыслѣ обнаженія однѣхъ лишь грязныхъ сторонъ жизни съ цѣлью яко бы возбужденія въ читателяхъ отвращенія къ житейской грязи и пошлости.

Эта наглая ложь, которою прикрывается большинство нашихъ писателей натуралистической школы, въ сущности не что иное, какъ стремленіе сдѣлать изъ литературы выгодный заработокъ, давая продуктъ, который благодаря не талантливости автора, а лишь хитро скомбинированному сюжету, какъ товаръ вызывающій большій спросъ, скорѣе находитъ себѣ издателя. Пока у насъ громадное большинство писателей были люди состоятельные, изъ среды нашихъ баричей, литература никакимъ особымъ тенденціямъ, въ ущербъ литературной силѣ, не поддавалась; у насъ явились такіе выдающіеся таланты, какъ Гоголь, Достоевскій, Гончаровъ, Толстой, Тургеневъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и другіе. Но матеріальное обезпеченіе изъ дома изсякло, служба требуетъ болѣе напряженной работы и если и доставляетъ хорошій доходъ, то отнимаетъ время и силы, не давая простору литературнымъ дарованіямъ, слѣдовательно остается заниматься литературой, какъ профессіей. Становясь, такимъ образомъ, продуктомъ, который для пріобрѣтенія покупателя (издателя) долженъ соотвѣтствовать вкусамъ публики, чего по настоящему реальному направленію достичь абстрактной силой литературнаго таланта не мыслимо, а возможно лишь тенденціозностью, литература и приняла это ложное направленіе, вредное для юношества, которое въ значительной степе-

ни находится подъ ея вліяніемъ. Уже Некрасовъ далъ намъ печальный примѣръ, превративъ поэзію въ обличительную и тенденціозную публицистику, какъ болѣе удовлетворявшую настроенію общества, а, слѣдовательно, приносившую и больше матеріальныхъ выгодъ автору, для котораго поэтическій талантъ былъ единственнымъ средствомъ для заработка; это превратило Некрасова изъ врожденнаго поэта въ выдающагося стихотворца тенденціознаго характера. Сравнивая Некрасова съ А. Толстымъ мы видимъ, что у перваго поэтическій даръ, подъ вліяніемъ голоднаго брюха, выродился въ тенденціозное стихотворство, конечно значительной силы, а второй — сытый баричъ — несмотря на тотъ же холерическій темпераментъ и ядовитость, сохранилъ всю силу поэтическаго таланта, вылившагося въ форму чистой морали или ѣдкой сатиры и ироніи безъ всякой примѣси тенденціозности.

Въ погонѣ за заработкомъ мы совершенно забыли о воспитательномъ значеніи литературы для націи, а знаемъ ее теперь только, какъ товаръ, либо высоко оцѣниваемый и пользующійся громаднымъ спросомъ, куда относятся вмѣстѣ съ произведеніями выдающихся силъ натуралистической школы разныя книжки низшаго разряда—банальныя и сальныя въ родѣ: «Подробное описаніе первой ночи», «Тайны будуара молодой красавицы» и т. п., распространяемыя между мелкимъ мѣщанствомъ и купечествомъ и выдерживающія нерѣдко 20 и болѣе изданій,—либо товаръ малоцѣнный; къ послѣднему принадлежитъ бóльшая часть нашей текущей беллетристики, которая читается съ трудомъ, потому что не доставляетъ отдыха, такъ какъ даже и при талантливости автора слишкомъ просвѣчиваетъ нужда, необходимость написать столько то страницъ для полученія такого то гонорара на прожитіе.

Мнѣ могутъ бросить вызывающій вопросъ: развѣ выдающіяся силы натуралистической школы не имѣютъ громаднаго воспитательнаго значенія? Мой отвѣтъ на него: для отживающаго поколѣнія — да, но и только. Я говорю, конечно, о современныхъ корифеяхъ натуралистической школы, принявшихъ совершенно другое (модное) направленіе въ сравненіи со старой школой натуралистовъ, къ которымъ принадлежалъ и которыхъ такъ вѣрно охарактеризовалъ Викторъ Гюго. Дѣйствительно, на кого же могутъ оказывать благотворное воспитательное значеніе романы Зола, кромѣ людей уже созрѣвшихъ, получившихъ

извѣстное, законченное развитіе и съ установившимися уже вполнѣ сознательными взглядами на жизнь. А много ли такихъ изъ всего числа читающихъ Зола? На подавляющее же большинство современная школа натуралистовъ должна имѣть гибельное вліяніе.

Для прошлаго подростающаго поколѣнія—не дѣтей, а юношества и молодыхъ людей до 30-ти лѣтняго возраста—имѣлись произведенія Достоевскаго, Гончарова, А. Толстого, Л. Толстого (до перехода его къ натуралистической школѣ) и др., на которыхъ оно и воспитывалось еще въ семидесятыхъ годахъ. Безспорно, авторы эти, какъ представители классической русской литературы, и теперь сохранили всю силу и обаяніе могучихъ литературныхъ талантовъ, но они уже не могутъ возбуждать теперь тотъ животрепещущій интересъ въ читающей молодежи, какой имѣли еще лѣтъ 10 тому назадъ, такъ какъ охватываютъ и отражаютъ, главнымъ образомъ, вѣянія лишь извѣстнаго недолгаго періода. Поэтому ограничиваться для литературнаго воспитанія настоящаго и цѣлаго ряда поколѣній одними лишь упомянутыми классиками было бы такъ же ложно, какъ считать, напр., психологію не періодической, а положительной и вполнѣ законченной наукой съ законченными выводами, на которыхъ можно было бы установить воспитаніе юношества на нѣсколько поколѣній впередъ.

И здѣсь ожидать возрожденія прежняго воспитательнаго вліянія литературы на молодое поколѣніе отъ мужчины—тщетно. Борьба за существованіе, усложнившаяся теперь настолько, что коснулась всѣхъ классовъ безъ исключенія, вырабатываетъ въ мужчинѣ болѣе реальное направленіе, болѣе матеріалистическій складъ ума, чѣмъ это было еще 30—40 лѣтъ тому назадъ; поэтому даже и въ случаѣ болѣе выдающагося природнаго таланта въ мужчинѣ, мы будемъ ближе къ истинѣ, если скажемъ, что возобновленія воспитательнаго значенія литературы слѣдуетъ ожидать отъ женщины, которая при настоящемъ складѣ жизни, при нормальныхъ ея условіяхъ, менѣе сталкивается непосредственно съ невзгодами въ борьбѣ за существованіе, вслѣдствіе чего въ ней скорѣе еще возможно найти отсутствіе погони за рублемъ къ извѣстному сроку и тотъ покой, который необходимъ для созданія высоко художественнаго, обладающаго сильнымъ воспитательнымъ значеніемъ для націи произведенія.

На это, конечно, возразятъ: почему же до сихъ поръ женщина не дала ничего подобнаго? Почему даже лучшія произведенія женщинъ

страдаютъ отсутствіемъ сильныхъ, строго выдержанныхъ характеровъ, которымъ вышеупомянутыя произведенія нашихъ классиковъ и обязаны своимъ воспитательнымъ вліяніемъ? Это еще далеко не доказываетъ неспособности женщины возвыситься до той силы природнаго дарованія, какую проявляетъ мужчина. Напротивъ, принимая во вниманіе то незаконченное образованіе, которое въ настоящее время получаетъ женщина, и то, что она дала намъ до сихъ поръ въ литературѣ (не говоря уже объ Англіи и Германіи), мы должны признать за ней полное равенство природныхъ данныхъ съ мужчиной. Но слишкомъ мало обладать однимъ лишь талантомъ, чтобы произвести наивысшій эффектъ.

Силачъ, не развившій въ себѣ ловкости, необходимой для наибольшаго использованія всей своей силы, менѣе поразитъ насъ и произведетъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ менѣе сильный человѣкъ, обладающій этою ловкостью. Точно такъ же писатель-мужчина могъ пользоваться своимъ талантомъ во всей его силѣ именно благодаря тому, что вся система его образованія являлась той гимнастикой мышленія, которая единственно въ состояніи выработать пріемъ для наибольшаго использованія эффекта его таланта; между тѣмъ женщина, не обладая необходимой умственной подготовкой, и не могла дать намъ ничего такого, что послужило бы мѣриломъ всего природнаго ея дарованія. То, что до сихъ поръ вышло изъ-подъ пера женщины, какъ болѣе выдающіяся литературныя произведенія, есть тотъ самородокъ благороднаго металла, который пробился самостоятельно и представляется намъ въ необработанномъ видѣ. Дайте средства къ обработкѣ этого благороднаго металла въ видѣ законченной системы развитія мыслительныхъ способностей въ женскомъ образованіи, — тогда только и будетъ возможно дѣлать сравненія.

Наши маменьки. Многія изъ нашихъ маменекъ, узнавъ о посягательствѣ на продленіе ученія дѣвушки интеллигентнаго класса до 19—20-ти лѣтняго возраста, конечно, завопятъ, а болѣе честныя и откровенныя изъ нихъ спросятъ: да когда же имъ веселиться, если онѣ будутъ учиться до 19—20 лѣтъ! вѣдь такъ и въ старыхъ дѣвахъ можно, пожалуй, засидѣться! Пора, наконецъ, понять этимъ маменькамъ, что дѣйствительная жизнь не довольствуется показнымъ, мишурнымъ эффектомъ. Пора имъ понять, что «*мило*» поющая, легко и плавно танцующая и «*мило*» рисующая дѣвушка—безспорно привлекательное существо, но для дѣйствительной жизни она не что иное, какъ привлекательный

по своей внѣшней красотѣ ландшафтъ съ неплодородной почвой: понятно, что каждый серіозный и благоразумный мужчина предпочтетъ быть зрителемъ этой очаровательной по виду природы, но не ея обладателемъ.

Другія маменьки, озабоченныя больше хозяйственной частью, спросятъ: когда же дочери пріучатся къ дому, къ хозяйству, къ будущимъ обязанностямъ жены и матери, если она лишь въ 19—20 лѣтъ закончитъ свое общеобразовательное развитіе? Этимъ вопросомъ каждая мать сама себя выдаетъ, доказывая полную свою педагогическую несостоятельность. Если она всей постановкой домашней жизни и домашняго воспитанія дочери до школы и въ свободное отъ школы каникулярное время не успѣла и не сумѣла привить ей домовитость и хозяйственность, то раннее окончаніе гимназіи или института не поможетъ; напротивъ, полное законченное образованіе уже въ силу большаго развитія разсудочности дѣлаетъ дѣвушку серіознѣе и болѣе способной пополнить эти недочеты дѣтскаго ея воспитанія.

Пора, наконецъ, понять матерямъ, что по всему современному складу жизни первые курсы домоводства лежатъ на ихъ обязанности, а не на школѣ; поэтому и за дальнѣйшее въ этомъ отношеніи воспитаніе дѣвушки отвѣчаетъ, конечно, мать. Первый идеальный курсъ домоводства и будущихъ материнскихъ заботъ ребенокъ проходитъ подъ руководствомъ матери въ *«занятіяхъ»* съ куклой. Да, въ *занятіяхъ* съ куклой, потому что это величайшій проступокъ матери передъ ребенкомъ и передъ обществомъ — смотрѣть на занятіе съ куклой, какъ на пустую забаву, какъ на безсмысленную игру, выдуманную лишь для того, чтобы чѣмъ-нибудь занять докучливаго ребенка, если маменька занята болѣе для нея пріятнымъ и забавнымъ. Въ *занятіяхъ* съ куклой ребенокъ съ раннихъ лѣтъ, самъ не замѣчая этого, эмпирически пріучается къ порядку въ вещахъ, начиная съ укладки и сбереженія кукольныхъ платьевъ; къ домоводству, къ чистотѣ, къ заботѣ о другомъ существѣ и къ распредѣленію своего времени, занимаясь кухонькой, кукольной комнаткой, ухаживая за самой куклой. На этой первой основѣ, которую мать влагаетъ въ дѣвочку съ младенческихъ лѣтъ, воздвигается все зданіе развитія дѣвушки, заканчиваясь полной, строгой общеобразовательной школой. Воспользовалась мать куклой разумно, сдѣлавъ изъ нея привлекательное для ребенка занятіе—и три года дополнительныхъ курсовъ на аттестатъ зрѣлости какъ бы въ теоріи завершатъ начатое

матерью въ дѣтскомъ возрастѣ, развивъ разумъ для сознательнаго воспріятія въ жизни того, что въ дѣтствѣ было усвоено эмпирически при занятіяхъ съ куклой. Наоборотъ, забавлялась маменька и поручала ребенка нянькѣ, а вмѣсто «*занятій*» съ куклой допускала игры въ свадьбу и пр. — тогда, понятно, никакая школа не будетъ виновата, если и подростающей дѣвочкѣ вмѣсто изучаемаго предмета будетъ мерещиться уланчикъ или цѣлая свадьба. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ серіозное законченное образованіе, поглощающее вниманіе дѣвушки до 19—20-ти лѣтняго возраста — единственное дѣйствительное средство.

Неужели родители, воспитывающіе свою дочь почти спеціально для танцевъ и вкореняющіе ей убѣжденіе, что единственная радость и наслажденіе жизни—это танцы, балъ съ возможно большимъ числомъ кавалеровъ, неужели такіе родители (а такихъ, къ сожалѣнію, и въ настоящее время еще слишкомъ много) не видятъ сами, что танцы уже устарѣли, не потому, чтобы на ихъ просто прошла мода, а потому, что они не соотвѣтствуютъ серіозному настроенію настоящей жизни, все больше захватываемой борьбой за существованіе. Мода на балы, напротивъ, въ силу извѣстныхъ причинъ поддерживается въ настоящее время болѣе, чѣмъ это отвѣчаетъ дѣйствительной жизни. Взгляните на любой балъ въ интеллигентномъ кругу — и васъ поразитъ преобладаніе танцующихъ дамъ надъ числомъ танцоровъ; кавалеры танцуютъ либо по службѣ, либо изъ какихъ-нибудь другихъ корыстныхъ побужденій, но почти никогда изъ желанія повеселиться, какъ это было еще не такъ давно, когда мужчины извѣстнаго круга не имѣли почти и понятія о борьбѣ за существованіе; тогда и танцоровъ было больше, чѣмъ дамъ. Теперь жалуются, что даже молодые люди не танцуютъ, а садятся за карты. Но вѣдь карты существовали и раньше, а вслѣдствіе большей матеріальной обезпеченности игра велась болѣе азартная, слѣдовательно и болѣе завлекательная; тѣмъ не менѣе тогда и у молодыхъ и у среднихъ лѣтъ мужчинъ хватало охоты и на танцы, и на картежную игру. Да и самый характеръ послѣдней не дисгармонировалъ съ веселымъ, одушевленнымъ баломъ. Теперь наоборотъ игра въ карты пріобрѣла серіозный характеръ, основанный на математическомъ расчетѣ, и это не случайно, а именно въ зависимости отъ болѣе серіознаго, положительнаго направленія всей жизни.

Такимъ образомъ балы потеряли кавалеровъ, и дамы уже не могутъ привлечь ихъ однимъ искусствомъ танцовать.

Но остановимся нѣсколько надъ вопросомъ: дѣйствительно, не слишкомъ ли мы деспотичны и безжалостны, требуя болѣе основательнаго образованія въ видахъ развитія въ ней интеллектуально производительной силы для націи и не вдаваясь въ то, будетъ ли легче и лучше отъ этого лично самой дѣвушкѣ. Вопросъ этотъ въ значительной степени разрѣшается въ положительномъ смыслѣ уже тѣмъ, что развитой человѣкъ только тогда можетъ считать свою жизнь полной, когда онъ не въ силу лишь своего личнаго самомнѣнія, но и благодаря фактической дѣятельности можетъ назвать себя полезнымъ членомъ семьи, общества, націи. Вникнемъ же въ самую сущность личной жизни женщины. Въ настоящее время какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ вслѣдствіе неосторожныхъ разговоровъ взрослыхъ въ присутствіи подростающей дѣвочки, ей прививается убѣжденіе, что счастье жизни заключается во внѣшнихъ радостяхъ съ раннимъ замужествомъ во главѣ. Предположимъ, что, въ лучшемъ случаѣ, дѣвушка съ живой натурой и поверхностнымъ отношеніемъ къ жизни выходитъ замужъ за состоятельнаго человѣка, который обожаетъ ее и доставляетъ полное удовлетвореніе всѣхъ ея желаній. Какъ долго можетъ продолжаться это счастье? Если она вскорѣ по выходѣ изъ гимназіи, лѣтъ 17-ти, вступила въ свѣтъ, то подобная безцѣльная ничѣмъ не омрачаемая жизнь продлится лѣтъ 8, потомъ еще лѣтъ 5, но уже нѣсколько тусклѣе, а затѣмъ, когда и наружность начнетъ измѣнять, жизнь по своей пустотѣ становится въ большинствѣ случаевъ для нея самой невыносимой, а съ подростаніемъ дѣтей — и вовсе разбитой. И это въ лучшемъ случаѣ, когда у женщины, взятой нами въ примѣръ, вслѣдствіе окружающей ее съ малолѣтства среды и ложнаго направленія воспитанія сила мышленія парализована настолько, что она не въ состояніи сознательно отнестись къ себѣ и понять всю безцѣльность жизни; въ случаѣ пробужденія сознанія это будетъ несчастнѣйшее существо.

Взгляните, сколько семействъ живетъ у насъ врозь или въ полномъ несогласіи. Если глубже вникнуть въ причины, породившія рознь, то въ громадномъ большинствѣ онѣ у насъ, какъ и при разводахъ въ Германіи, заключаются въ раннемъ выходѣ жены замужъ. Сколько несчастныхъ и разумныхъ женщинъ, довѣряя вамъ свое несчастіе, жалуясь на невыносимыя условія семейной жизни, на вопросъ—кто-жъ

заставлялъ ихъ выходить за человѣка, который никогда и не могъ быть подходящимъ мужемъ, дадутъ отвѣтъ: «да развѣ я могла тогда понимать и отличать людей, вѣдь мнѣ было всего 17 лѣтъ»! И дѣйствительно странно: мы позаботились охранить подростающее поколѣніе отъ имущественнаго разоренія закономъ, по которому дѣвушка считается имущественно совершеннолѣтней лишь послѣ 21 года; лишь съ этого возраста она такъ же, какъ и мужчина, получаетъ право распоряжаться своимъ состояніемъ. А распоряжаться всей своей будущей жизнью мы предоставляемъ ей уже съ 17 лѣтъ и сами воспитываемъ ее такъ, чтобы она какъ можно скорѣе расточила самую цѣнную часть своей жизни—молодость! Разумѣется, нельзя въ этомъ отношеніи охранить женщину никакими законодательными мѣрами: единственнымъ средствомъ является то же полное, законченное образованіе дѣвушки, кончающееся къ 19—21-му году.

Какъ часто не только въ низшихъ, но и въ интеллигентныхъ классахъ слышишь, что школа никогда не можетъ дать молодой матери того, что даютъ ей совѣты опытной матери. Больно слышать подобное заблужденіе, слишкомъ распространенное у насъ еще и въ настоящее время и подтачивающее основу націи. Опытъ и совѣты матери для молодой женщины, не обладающей достаточной умственной подготовкой для критическаго къ нимъ отношенія,—не только безполезны, но, въ большинствѣ случаевъ, положительно вредны, какъ по отношенію самой молодой женщины, такъ и ея ребенка: давая совѣты своей замужней дочери, не имѣя сама основныхъ познаній по физіологіи и педагогикѣ, мать руководствуется лишь единичными, чисто субъективными выводами (часто совсѣмъ неподходящими къ данному случаю), да развѣ еще совѣтами своихъ тетушекъ и сестрицъ, т. е. въ сущности передаетъ своей замужней дочери всѣ отрицательныя, пагубныя стороны своего невѣдѣнія.

А сколько восторговъ вызываетъ необузданная любовь и телячья нѣжность молодой матери къ своему ребенку во всѣхъ бабушкахъ, тетушкахъ, маменькахъ, радостно поощряющихъ эти чисто животные материнскіе инстинкты! онѣ и не подозрѣваютъ, что нѣжное, все извиняющее, всему потворствующее воспитаніе, неспособное выработать въ ребенкѣ самообладаніе, терпѣніе и самопожертвованіе, воспитаніе, гдѣ интересы родителей или окружающихъ постоянно приносятся въ жертву дѣтямъ и притомъ открыто, очевидно для послѣднихъ, развиваетъ въ

ребенкѣ необузданность желаній, привычку къ быстрому удовлетворенію всякаго даже каприза и готовитъ ему печальную будущность вообще, а относительно половой дѣятельности въ особенности. Задумывались ли когда-нибудь всѣ эти «опытныя» руководительницы надъ тѣмъ, какое огромное воспитательное значеніе имѣетъ для ребенка окружающая его среда и какъ сильно она вліяетъ на раннее или позднее развитіе половой зрѣлости и силу напряженія полового чувства. Картины на коробочкахъ, изображающія любовныя сцены, двумысленные разговоры взрослыхъ, жесты, интимныя сцены между супругами легко запечатлѣваются воспріимчивымъ ребенкомъ и оставляютъ неизгладимые слѣды въ его памяти, которая у здоровыхъ дѣтей начинаетъ развиваться на 4-омъ году отъ рожденія, въ періодъ наиболѣе быстраго роста и увеличенія въ вѣсѣ головного мозга.

Часто повторяясь, подобные моменты невольно направляютъ умъ ребенка на изслѣдованіе неизвѣстной ему половой сферы помощью чтенія, разговоровъ со сверстниками, съ прислугой, путемъ подсматриванія, подслушиванія и т. д. и тѣмъ постоянно раздражаютъ половое чувство, способствуютъ быстрѣйшему его развитію и доводятъ его до большого напряженія. Разъ поразившая ребенка картина или сцена, не понятая имъ въ началѣ, не оказывая, повидимому, никакого прямого развращающаго на него вліянія, по мѣрѣ накопленія его свѣдѣній относительно полового отправленія, все ярче и рельефнѣе возстановляется въ его памяти, сильнѣе возбуждаетъ его воображеніе, усиливаетъ половое влеченіе и часто служитъ причиною тайнаго порока или ранняго совокупленія, что приводитъ къ половому излишеству, которое не остается безъ вліянія на нервную систему и особенно на головной мозгъ, предрасполагая къ тяжелой и неизлѣчимой болѣзни головного мозга, такъ называемому *«паралитическому слабоумію»*, извѣстному въ публикѣ подъ именемъ *«размягченія мозга»*.

Тайный порокъ у дѣтей, *рожденныхъ здоровыми*, при совмѣстномъ вліяніи другихъ условій, дѣйствующихъ угнетающимъ образомъ на развитіе организма, можетъ служить одною изъ многихъ причинъ, способствующихъ пониженію умственныхъ силъ, притупленію памяти, развитію истеріи и т. п. Наконецъ, у юношей здоровыхъ, находящихся въ самыхъ благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, т. порокъ можетъ вызвать общее разстройство нервной системы, часто обусловливаетъ спинно-мозговую нейрастенію, выражающуюся своеобразнымъ измѣне-

ніемъ характера, раздражительной слабостью и другими явленіями, указывающими на преждевременное истощеніе нервной системы, что отражается и на всемъ организмѣ и дѣлаетъ его болѣе воспріимчивымъ ко всякаго рода заболѣваніямъ [1]).

Много ли изъ нашихъ маменекъ, увѣряющихъ, что ихъ личная опытность—лучшее руководство для замужней дочери, обладаютъ должными свѣдѣніями и понятіями обо всемъ этомъ, чтобы предупредить молодую мать о столь пагубномъ вліяніи неумѣстной ласки и безразсудной любви къ ребенку? Мы едва ли ошибемся, давъ отрицательный отвѣтъ. А между тѣмъ огромная доля отрицательныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ нашемъ юношествѣ и приписываемыхъ яко бы изнуряющему вліянію классической системы, а также возрастающее число самоубійствъ среди учащейся молодежи въ значительной степени является послѣдствіемъ этого невѣжества маменекъ, неумѣлаго воспитанія дѣтей въ малолѣтствѣ, чѣмъ и можно объяснить столь эпидемическій характеръ появленія тайнаго порока между нашимъ юношествомъ, воспитывающимся дома, а не въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Понять все это и основательно усвоить изъ книжекъ молодая мать не можетъ, не получивъ предварительно законченнаго основного образованія; послѣдній годъ (20—22 лѣтній возрастъ) упомянутыхъ подготовительныхъ курсовъ въ значительной степени познакомилъ бы ее съ этимъ вопросомъ, не въ видѣ чего то отдѣльнаго, а какъ неотъемлемая часть педагогики. Только такимъ путемъ, въ строгой системѣ взрослая дѣвушка въ состояніи будетъ усвоить себѣ всю важность серіознаго отношенія къ своимъ будущимъ материнскимъ обязанностямъ и только тогда она будетъ въ состояніи дѣйствовать самостоятельно и разсудительно, воспитывая тѣлесно и душевно здоровыхъ гражданъ.

Очень часто приходится слышать: «Х. вышла замужъ, она такъ еще молода что мужъ воспитаетъ ее, и они будутъ счастливы». Женщина, получившая основательную умственную подготовку, можетъ перевоспитать своего мужа къ лучшему; но мужчинѣ, который долженъ своимъ трудомъ пропитать себя и семью, некогда заниматься воспитаніемъ жены; если она вышла за него 17-ти лѣтнимъ ребенкомъ

---

[1]) См. В. М. Тарновскаго (проф. Имп. военно-мед. ак.) Половая зрѣлость, ея теченіе, отклоненія и болѣзни. СПБ. 1886 г. стр. 10—62.

безъ законченнаго развитія, то онъ скорѣе можетъ ее нравственно искалѣчить, изуродовать, приноровивъ къ своему характеру, своеволію и привычкамъ, можетъ избаловать и превратить въ игрушку, но ни въ какомъ случаѣ не воспитать.

Но если бы онъ даже и воспиталъ ее, т. е. приноровилъ къ своимъ взглядамъ, привычкамъ, наклонностямъ, то въ случаѣ его преждевременной смерти молодая вдова легко можетъ выйти замужъ вторично, слѣдовательно вторично будетъ подвергаться обработкѣ на новый ладъ. Это ужъ выходитъ нѣчто въ родѣ уподобленія женщины глинѣ, изъ которой каждый можетъ вылѣпить форму по своему усмотрѣнію. Но вѣдь и самый податливый составъ глины со временемъ измѣняется, глина высыхаетъ и въ концѣ концовъ становится хрупкой и негодной для обработки. Понятно само собой, что изъ подобнаго матеріала — податливаго, но не удерживающаго прочно данную ему первоначально форму, можно создать подходящую забаву для мужчины, но нельзя вылѣпить строгія формы, достойныя назначенія жены и матери.

Какъ уже раньше было сказано, жена съ перваго шага своей совмѣстной жизни должна быть для мужа тѣмъ самостоятельнымъ солнечнымъ лучемъ, который возобновляетъ его энергію, его производительныя силы. Какъ мать она съ перваго дня новорожденнаго младенца должна быть въ состояніи не только воспитывать своего ребенка для націи, но и воспитать изъ себя и мужа-мать и отца для ребенка, ибо даже самый развитой мужчина слишкомъ эгоистиченъ по своей натурѣ и часто забываетъ, что оба они въ присутствіи ребенка должны быть ни чѣмъ инымъ, какъ воспитателями его. Это въ состояніи выполнить только такая женщина, которая вступила въ бракъ со зрѣлымъ развитіемъ, получивъ серіозное и вполнѣ законченное образованіе.

Житейская мелочность и женское образованіе. Нерѣдко завѣдующіе нашими казенными и городскими женскими гимназіями и преподаватели ихъ поддѣлываются, въ ущербъ законченности и цѣлесообразности преподаванія, подъ вкусы и требованія публики (т. е. родителей учащихся и праздно философствующихъ диллетантовъ) подъ предлогомъ яко бы слѣдованія духу времени, а въ сущности, по большей части, изъ желанія конкурировать въ славѣ, въ общественномъ мнѣніи невѣждъ съ частными гимназіями. Послѣднія, между тѣмъ, часто не пренебрегаютъ никакими ухищреніями, поблажками, приман-

*

ками, которыя дѣлаютъ изъ школы уже не источникъ просвѣщенія и правильнаго воспитанія женщины молодого поколѣнія, а модный базаръ мишуры просвѣщенія. Въ погонѣ за успѣхомъ руководители такихъ частныхъ учебныхъ заведеній уступаютъ родителямъ, требующимъ за свои деньги подходящаго по ихъ разумѣнію образованія дочери, которое, такимъ образомъ, превращается въ модный костюмъ, соотвѣтствующій духу времени—модѣ. Правда, у насъ подобное заигрываніе съ общественнымъ мнѣніемъ въ видѣ поблажекъ въ преподаваніи проявляется въ менѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ это мнѣ приходилось видѣть въ Германіи даже въ школахъ съ такимъ блестящимъ составомъ преподавателей, какъ, напр., въ дрезденской городской Höhere Töchterschule, но все-таки встрѣчается, особенно въ провинціальныхъ гимназіяхъ.

Эта разница въ пользу нашихъ правительственныхъ и городскихъ женскихъ гимназій въ сравненіи съ германскими обусловливается тѣмъ, что и въ частныхъ женскихъ гимназіяхъ въ большинствѣ случаевъ образовательное дѣло поставлено и ведется у насъ несравненно серіознѣе и строже придерживаясь извѣстной правительственной программы, чѣмъ въ Германіи. Это, въ свою очередь, зависитъ отъ болѣе строгаго надзора нашего министерства народнаго просвѣщенія надъ частными школами, чѣмъ въ Германіи, гдѣ и по настоящее время существуютъ и терпимы правительствомъ частныя «Höhere Töchterschulen», составляющія положительно позорное пятно этой націи въ XIX-омъ столѣтіи, но сумѣвшія сдѣлаться модными, и доходящія иногда до нахальства именоваться «Lyceum für höhere Fortbildung» съ лекціями профессоровъ; (въ Германіи даже учителя гимназій получаютъ официальное право на званіе профессора, но часто и званіе это является даже чисто произвольнымъ). Кромѣ того, болѣе строгая постановка нашихъ частныхъ гимназій обусловливается и болѣе серіознымъ, сознательнымъ отношеніемъ русской матери къ будущности, а слѣдовадовательно и къ образованію своей дочери, чѣмъ это мы видимъ у нѣмки. Говоря о громадномъ большинствѣ, нѣмка сама, въ силу вѣкового невѣжества и рутинности настолько отстала отъ дѣйствительной жизни и ея требованій даже въ ближайшемъ будущемъ, что до сихъ поръ не въ состояніи усвоить мысль о необходимости серіознаго и законченнаго развитія дочери. Въ школѣ она видитъ лишь заведеніе, которое въ своей программѣ въ возможно менѣе продолжитель-

ный срокъ соединяло бы возможно болѣе пріятнаго съ полезнымъ, причемъ первое предпочитаетъ второму.

И дѣйствительно, въ Германіи огромное большинство (говоря, конечно, объ интеллигентномъ классѣ, гдѣ дочери не приходится идти на заработокъ уже съ 16-ти лѣтъ) заботится только о томъ, чтобы молодость дѣвушки прошла весело и чтобы нашелся мужъ «so lange sie noch jung ist». Послѣдствіемъ этого является преждевременное увяданіе (лѣтъ въ 30) и нравственная обрюзглость, что, конечно, не удивительно, если принять во вниманіе всю ту тину невѣжества и суевѣрія, въ которую погружена нѣмка съ молодыхъ лѣтъ и благодаря которой она не въ состояніи въ самой себѣ найти полноту жизни. Пока молодость не прошла, она веселится и внѣшними развлеченіями заполняетъ свою душевную пустоту. Но съ увяданіемъ физическимъ теряетъ интересъ то пестрое общество, тѣ развлеченія, которыми она забавлялась въ молодые годы, и она ищетъ пополненія своей жизни въ кружкѣ сверстницъ — *Kaffeeschwestern* (что равносильно нашимъ кумушкамъ). Такой рѣзкій переходъ во внѣшней жизни вызываетъ стремленіе фигурировать если не лично, то хоть положеніемъ мужа, рисоваться молодой разодѣтой дочерью и озлобляетъ противъ всѣхъ, кто моложе или въ какомъ-нибудь отношеніи выше ея, результатомъ чего является страсть къ сплетнямъ и злословію.

Къ счастью мы не дошли еще до такого измельчанія, какое встрѣчаемъ сплошь и рядомъ въ женскомъ обществѣ у нѣмцевъ; но и насъ ничто не гарантируетъ отъ этого, если мы будемъ поверхностно относиться къ умственному развитію женщины и въ своихъ школахъ станемъ пренебрегать строгой программой систематичнаго и законченнаго образованія дѣвушки.

Однако слишкомъ много вѣроятія, что частныя школы, особенно высшія въ родѣ упомянутыхъ дополнительныхъ курсовъ, (если бы таковые осуществились), матеріальный успѣхъ которыхъ зависитъ отъ большей или меньшей благосклонности къ нимъ публики, будутъ приноравливать преподаваніе къ желаніямъ учащихся и самихъ родителей, которые часто сами не вѣдаютъ, что творятъ въ дѣлѣ развитія дѣвушки; будутъ облегчать программу тамъ, гдѣ это всего пагубнѣе должно отозваться на женщинѣ по вступленіи ея въ дѣйствительную жизнь.

Поэтому наиболѣе вѣрнаго успѣха въ обезпеченіи прочнаго существованія націи и государства достигнетъ не то правительство, кото-

рое въ состоянiи занять первое мѣсто своимъ военнымъ могуществомъ, а то, которое, на ряду съ военной силой, сумѣетъ дать и поддержать строгую систему школъ, могущихъ дать женщинѣ (разумѣется соотвѣтственно ея соцiальному положенiю) основательное умственное развитiе. Только послѣднее способно выработать изъ нея достойную мать и гражданку, чѣмъ въ свою очередь, обусловливается и успѣхъ интеллектуальнаго развитiя мужчины, слѣдовательно умственная и экономическая сила народа, на которой зиждется внутреннее и внѣшнее могущество государства.

Мать и войско. Государство, берущее сотни молодыхъ людей въ военную службу для поддержанiя своей политической мощи, дѣлаетъ это для народа же, для защиты его отъ внѣшняго врага, для обезпеченiя процвѣтанiя внутренней жизни. Если изъ народнаго заработка идутъ сотни миллiоновъ рублей на содержанiе войска, ограждающаго страну отъ врага, представляющаго собою видимую, ощущаемую силу, противъ которой, въ случаѣ крайности, въ видахъ самозащиты можетъ ополчиться вся нацiя, то во-сколько же болѣе должно быть затрачиваемо государствомъ заботъ, трудовъ и средствъ для охраненiя народа отъ той язвы, которая невидимо становится злѣйшимъ его врагомъ, подтачивая семью, а слѣдовательно и основу государства и нацiи, лишая ее всякой религiи, нравственныхъ началъ и главнаго импульса, экономической производительности. Если государство еще не настолько обѣднѣло, что въ состоянiи затрачивать громадныя суммы на содержанiе войскъ при современныхъ требованiяхъ военнаго дѣла, то оно и подавно найдетъ сумму, потребную для непосредственнаго поднятiя его дѣйствительной мощи (военная сила становится чисто фиктивной, если ядро нацiи разлагается), отъ которой зависитъ духовная и матерiальная производительность нацiи; сумму, потребную для укрѣпленiя ея семейныхъ и государственныхъ основъ, потребную для основательнаго и законченнаго образованiя женщины.

Женское образованiе въ государственномъ бюджетѣ. Смотря на мужское и женское образованiе съ точки зрѣнiя народнаго хозяйства и обезпеченiя нацiи дальнѣйшаго существованiя, нельзя не видѣть въ женщинѣ основного капитала нацiи, которымъ обусловливается прочность затраты на развитiе оборотнаго капитала (мужчины) не только въ настоящемъ, но и для послѣдующихъ поколѣнiй; мужчина же является лишь оборотнымъ капиталомъ нацiи, дѣйствующимъ въ теченiе

одного поколѣнія. Величина этого оборотнаго капитала обусловливается его производительностью, зависящей не только отъ личнаго запаса знаній и силъ мужчины, но и въ значительной степени отъ того, насколько этотъ запасъ можетъ быть использованъ благодаря правильному соотношенію между оборотнымъ и основнымъ капиталомъ, т. е. интеллектуальныхъ силъ мужчины и женщины. Это единственно вѣрная точка зрѣнія на данный вопросъ.

Если мы заглянемъ въ государственный бюджетъ Пруссіи, то увидимъ, что тамъ по бюджету народнаго образованія по смѣтѣ на 1885 г. (за исключеніемъ народныхъ и приходскихъ училищъ, въ которыхъ обучаются дѣти низшихъ классовъ, и оба пола получаютъ одинаковое образованіе), изъ 23.323,422 марокъ израсходовано:

На образованіе мужчинъ (слѣд. на оборотный капиталъ націи)	22.713,422 мр.
или	$97^3/_4$ %
На образованіе женщинъ (слѣд. на основной капиталъ націи) лишь. . . .	610,000 мр.
или	$2^1/_4$ %

Такимъ образомъ, въ Пруссіи на развитіе оборотнаго капитала націи (мужчины), дѣятельность котораго ограничивается лишь однимъ поколѣніемъ, затрачивается $97^3/_4$ % изъ всего расхода по этой статьѣ, что составляетъ сумму въ 43 раза бо́льшую, чѣмъ та, которую затрачиваютъ на развитіе основного капитала (женщины). Это можетъ имѣть роковое значеніе не только для настоящаго, но и для будущихъ поколѣній націи.

Несообразность соотношенія расходуемыхъ изъ государственнаго бюджета на этотъ предметъ суммъ представится еще болѣе ясно, если мы этотъ примѣръ перенесемъ на какое-либо коммерческое предпріятіе при такомъ же отношеніи затратъ на основной и на оборотный капиталъ. Для примѣра возьмемъ прядильный заводъ; здѣсь для насъ имѣютъ значеніе лишь два фактора: фабричное зданіе, какъ основной капиталъ, и машины, какъ видимая производительная сила, равняющаяся мужской производительной силѣ націи. Представимъ себѣ дальше, что за вычетомъ слѣдуемыхъ расходовъ на администрацію, стражу, % съ основного и оборотнаго капитала, изъ остатка предприниматель затрачиваетъ $97^3/_4$ % на пріобрѣтеніе болѣе производительныхъ машинъ и лишь

$2^1/_4$ % на ремонтъ и поддержку зданія. Очевидно, что послѣднее постепенно должно ветшать и въ моментъ наивысшаго развитія производительности машинъ, на пріобрѣтеніе которыхъ затрачивалось по $97^3/_4$ % ежегодно, зданіе подкосится и рухнетъ, прекративъ, быть можетъ, на всегда дѣятельность завода и разоривъ предпринимателя. Само собою понятно, что такъ хозяйничать можетъ лишь временный арендаторъ, безразлично, будетъ ли эта аренда находиться въ рукахъ компаніи на артельныхъ началахъ или въ рукахъ дирекціи акціонерной компаніи, но отнюдь не самъ владѣлецъ (нація). Если при такомъ несоразмѣрномъ распредѣленіи затратъ на увеличеніе оборотнаго капитала въ ущербъ основному не можетъ прочно существовать ни одно коммерческое предпріятіе, то, при настоящихъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ, при подобномъ распредѣленіи затратъ на мужское и женское образованіе не можетъ быть и рѣчи о прочномъ существованіи націи и государства.

По бюджету народнаго образованія въ Россіи по смѣтѣ на 1890 г. министерство народнаго просвѣщенія расходовало на содержаніе школъ всего 20.531,434 руб. За вычетомъ изъ этой суммы расходовъ на уѣздныя и городскія училища 1.668,569 руб., на приходскія и начальныя училища 369,926 руб. и на содержаніе народныхъ училищъ 1.795,377 руб. (въ этихъ училищахъ мальчики и дѣвочки получаютъ одинаковое образованіе) остается 16.704,962 руб., изъ которыхъ на мужское образованіе (т. е. на развитіе оборотнаго капитала націи) израсходовано 16.398,616 руб. или 98,21%, на женское образованіе (или на увеличеніе основного капитала націи) лишь 306,346 руб. или 1,79%. Если къ приведеннымъ затратамъ министерства народнаго просвѣщенія на мужское образованіе мы прибавимъ еще суммы, затрачиваемыя на тотъ же предметъ вѣдомствомъ Св. Синода, министерствами: военнымъ, морскимъ, финансовъ, госуд. имуществъ, внутр. дѣлъ, путей сообщенія, юстиціи и вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, а къ суммѣ, расходуемой министерствомъ народнаго просвѣщеніи на женское образованіе добавимъ сумму, расходуемую на этотъ предметъ вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, то изъ общей суммы=34.501,833 руб. на долю мужского образованія приходится 33.732,967 рублей или 98,06%, на женское образованіе всего лишь 768,866 рублей или 1,94%.

